Общероссийская общественная организация
« Российские ученые социалистической ориентации »

Ассоциация исследователей
российского общества
(АИРО–XXI)

Общероссийская общественная организация
« Российские ученые социалистической ориентации »

Тематические сборники исторической секции РУСО

Октябрьская революция – известная и неизвестная. – М. 2008.

Военная интервенция и Гражданская война в России (1918 – 1920). – М. 2009.

Великая Отечественная война (1941 – 1945). – М. 2010.

Осторожно, история. – М. 2011.

Власть и общество в истории России. – М.: АИРО-XXI. 2012.

90 лет СССР. – М.: АИРО-XXI. 2012.

Война и мир в новой и новейшей истории России. (К 100-летию начала Первой мировой войны). – М.: АИРО-XXI. 2014.

Национальный вопрос в истории России. – М.: АИРО-XXI. 2015.

Великой Победе – 70 лет. – М.: АИРО-XXI. 2015.

Идеология и политика в истории России. – М.: АИРО-XXI. 2016.

Октябрьской революции – 100 лет. – М.: АИРО-XXI. 2017.

Общероссийская общественная организация
« Российские ученые социалистической ориентации »

Октябрьской революции – 100 лет

МОСКВА
2017

Общероссийская общественная организация
« Российские ученые социалистической ориентации »

Обложка *Кирилл Струков*

Октябрьской революции – 100 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2017. – 304 с.

Сборник статей составлен на основе докладов конференции РУСО, состоявшейся 3 июня 2017 г. В нем рассматривается внутренняя обстановка в России накануне и во время 1917 г., чреватая революционными потрясениями, и объективная неизбежность кардинальной смены социально – экономической системы и политического устройства страны. Значительное внимание в сборнике уделяется роли армии и флота в событиях 1917 г. В нем также раскрывается роль крестьянских масс в событиях того времени, работа среди них большевиков и эсеров. Показывается деятельность в 1917 г. российских консерваторов, а также анархистов. Отмечается роль в Октябрьской революции польских революционеров. Ряд материалов сборника раскрывает международное значение Октябрьской революции, а также отечественную и зарубежную историографию этой революции. В сборнике можно также почерпнуть сведения о начальном этапе становления советской государственности, его наградной системы, защите государственной информации, роли революции в организации музейного дела в СССР, значении газеты «Правда» в 1917 г. Подробно рассматриваются мифы об Октябрьской революции и попытки ее демонизировать как средство разрушения страны.

Сборник предназначен прежде всего для историков – исследователей, философов, культурологов, преподавателей вузов, учителей школ, а также всех тех, кто интересуется историей нашего Отечества и, прежде всего, историей Великой Октябрьской социалистической революции.

ISBN 978-5-091022-331-2

© Общероссийская общественная организация «Российские ученые социалистической ориентации», 2017.
© «АИРО–XXI», 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Гросул В. Я. Россия накануне 1917 года ……. 6
Рыбалкин В. П. Русская армия накануне Февраля 1917 г. …… 23
Базанов С. Н. Армия в 1917 году ……. 36
Попович В. А. Флот в борьбе за Советскую власть …… 45
Медведев А. В. Эсеры, большевики и крестьяне в 1917 году ….. 64
Корнеев В. В., *Козлов Я. В.* Финансовое положение газеты «Правда» в период двоевластия (март – май 1917 г.) …… 77
Емельянов Ю. В. Мифы об Октябрьской революции …… 92
*Кострикова Е. Г.*Общенациональный кризис 1917 г. в России (по материалам русской прессы) …… 115
Грехов А. В. Современная зарубежная историография о закономерности Октября …… 132
Дробан А. Т. Международное значение Великого Октября …….. 143
Мякушев С. Д. Первые награды Советской власти …… 152
Малютин Г. А. Поляки в Октябрьской революции …… 169
Шахматов В. В. Революция 1917 года и правомонархическое движение в России …… 176
Рублев Д. И. Анархисты в Октябрьской революции …… 191
Наумова Г. А. Октябрьская революция и музейное дело в СССР … 203
Лактионова Н. Я. Демонизация Октября как технология разрушения страны …… 210
Исхаков С. М. Октябрь 1917 г. и А. Цаликов …… 217
Куренков Г. А. Организация советской системы защиты информации (1917 – 1920 гг.) …… 232
Курицын С. В. Братания на Русском фронте в послеоктябрьский период (25 октября 1917 – январь 1918 г.) …….. 241
Змиевской Г. Н. Правда о белом терроре …… 250
Серазетдинов Б. У. Октябрьская революция: историография проблемы в перестроечный период (1985 – 1991 гг.) …… 267
Хмуркин Г. Г. К вопросу о репрессиях по отношению к духовенству Православной Российской Церкви в первые послереволюционные годы (1917 – 1926) …… 280
Куренышев А. А. Революционная деревня глазами писателя И. Ф. Наживина (1879 – 1940 гг.) …… 292

В. Я. Гросул

РОССИЯ НАКАНУНЕ 1917 ГОДА

У российских революций 1917 г. был значительный предшествующий период, в процессе которого вызревали их предпосылки и усматриваются их истоки. Он нашел отражение как в экономической и социальной сферах, так и в политической и в культурно-психологической областях. В этой нашей работе мы остановимся на событиях, которые непосредственно предшествовали 17-му году и которые в литературе уже давно характеризовались как общенациональный политический кризис осени 1916 г.[1], довольно хорошо изученный в отечественной литературе[2]. Собственно первый звонок прозвучал еще в 1915 г. Действительно, уже тогда в результате военных поражений Россия лишилась 15 экономически развитых западных губерний, в которых проживало 23 млн. человек, то есть 13% населения империи[3]. Это более половины населения тогдашней Франции и превышало население средней европейской страны. И дело не только в потере этих губерний, дело также в том, что их богатствами стала пользоваться противная сторона. Германия и Австро-Венгрия в этом плане только усилились, тогда как Россия заметно ослабела. Только в Варшавском округе, занятом неприятелем, насчитывалось 4189 предприятий с 353, 4 тыс. рабочих[4].

Летом 1916 г. в результате наступления Юго-Западного фонта, известного также как Брусиловский прорыв, русской армии удалось добиться заметных успехов. В обществе стал заметен оптимизм, но продолжалось это недолго. Западному и Северному фронту не удалось добиться успеха и вскоре настроения в обществе становились все более мрачными. По данным видного военного эксперта, в будущем эмигранта, генерала

---

[1] *Сидоров А. Л.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции.М., 1970, с.68.

[2] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.

[3] Цит. по: *Рейман М.* в сотрудничестве с *Литерой Б.*, *Свобода К.* и *Коленовской Д.* Рождение державы. История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М., 2015, с.61.

[4] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение, с. 336.

Н. Н. Головина, потери 1916 г. составляли более 2 млн. убитых и раненых и 344 тыс. пленных. Он даже один из разделов своей книги по Первой мировой войне назвал «Надлом духа в стране»[5]. «Надлом духа» был одной из характерных черт разразившегося масштабного кризиса. Об этом надломе сохранилось значительное количество материалов, самого различного характера. Они хорошо прослеживаются уже со второй половины 1916 г. и особенно с начала октября 1916 г.

Уже 15(28) августа 1916 г. один из лидеров октябристов – А. И. Гучков, позиции которого во время Первой мировой войны заметно укрепились, поскольку он с 1915 г. возглавил Центральный военно-промышленный комитет, направил примечательное письмо генералу В. М. Алексееву, начальнику штаба Ставки. Там он прямо писал: « Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню». И далее он обрушивается на председателя правительства Штюрмера, у которого репутация если не готового предателя, то готового предать и на некоторых членов правительства, отвечавших за развитие промышленности, транспорта, сельского хозяйства и продовольствия. Гучков предсказывал, что « при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать». Он также не видел радужных перспектив и после окончания войны, во всем обвиняя тогдашнюю власть[6]. И это письмо было написано еще летом 1916 г., когда вся страна узнала о блестящих результатах брусиловского прорыва. С осени грустные настроения охватывают значительные общественные круги.

В октябре того же года подобного рода тревожные письма стали характерными. Так, 4 октября депутат IV-ой Государственной думы В. В. Лашкевич писал из Петрограда: «Положение грознее грозного. Сейчас у нас нет хлеба, нет так называемых видимых запасов его… Сердце щемит. Общее положение грозит катастрофой в недалеком будущем»[7]. На следующий день, 5 октября князь Г. Н. Трубецкой, опытный дипломат, сообщал из Москвы в Кисловодск бывшему министру иностранных дел С. Д. Сазонову: «Одно несомненно – это общее недовольство, которое настолько велико, что стирает границы партий и дошло до острого напряжения…Все это, а главное – обостряющаяся продовольственная неурядица сгущает грозовые тучи. Избави Боже нас от потрясений»[8].

---

[5] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Жуковский – Москва, 2001, с.328, 330.

[6] Цит. по : *Головин Н. Н.* Военные усилия России, с. 331–332.

[7] Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014, с.475.

[8] Там же, с. 475–476.

Жандармский генерал А. Спиридович подчеркивал: « В начале 1917 года, в силу целого ряда предшествовавших обстоятельств различных категорий, разнообразного характера и разного значения… настроение всех слоев населения обеих столиц России было до крайности нервозно-взвинченное и беспокойное»[9]. Спиридович, таким образом, пишет о предшествовавших обстоятельствах различного характера. В современной литературе неоднократно отмечалось, что «в царской России рухнула вначале не армия, а тыл»[10]. Уже в 1914 г. война дезорганизовала товарооборот, нарушила работу железных дорог, сократила импорт в Россию промышленного сырья и машин, сотни тысяч рабочих ушли в армию[11]. Как подчеркивал А. Л. Сидоров, начиная с конца 1916 г. хозяйственные трудности настолько обострились, что промышленность оказалась не только не в состоянии справиться с обеспечением потребностей гражданского населения, но не снабжала и фронта»[12]. В этом же году недостаток металла стал подрывать военную промышленность. Что касается текстильной промышленности, то ее участие в поставках казне поднялось с 25% продукции в первый год войны до 85 % в начале 1917 г.[13] Текстильная промышленность, таким образом, также в основном работала на армию, создавая трудности для гражданского населения. Кризис затронул шерстяную и кожевенную отрасли.

Хорошо известна статистика о закрывшихся и открывшихся предприятий с 1913 по 1917 гг. Если в 1913 г. прекратили свою деятельность 21 предприятие, в 1914 – 356, а в 1915 – 573, то в 1916 г. таких предприятий было 298. Что касается вновь открытых предприятий, то в 1913 г. таковых было 31, в 1914 – 215, в 1915 – 187, а в 1916 – 276[14]. Вообще современные исследователи считают, что в конце 1916 г. экономика страны достигла предела мобилизации производственных мощностей и накапливание кризисных явлений в российской экономике во многом стало причиной политического кризиса в России[15]. Эти проблемы просматриваются в разных областях экономики, в том числе и на транспорте, прежде всего железнодорожном. Еще накануне войны были отмечены недостатки русских железных дорог. С точки зрения интересов

---

[9] *Спиридович А.* Большевизм: от зарождения до прихода к власти. М., 2005, с.287–288.

[10] Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. Отв. ред. Ю. А. Петров, М.. 2014, с. 260.

[11] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение, с. 337.

[12] Там же, с. 352.

[13] Там ж, с. 397.

[14] *Кюнг П. А.* Трансформация экономики Российской империи в период Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны 1914 – 1918. Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М., 2014, с.407.

[15] Там же, с. 415.

армии они заключались в недостаточной пропускной способности, что заметно тормозило массовую мобилизацию. Вообще железнодорожный транспорт перед войной не справлялся с ростом перевозок. С началом войны и проведением мобилизации произошло резкое сокращение перевозок коммерческих грузов, сразу повлиявшее на всю хозяйственную жизнь страны. Следствием стал рост дороговизны и развитие спекуляции.

Проблемы на железнодорожном транспорте усилились во второй половине 1914 г., то есть сразу после начала войны и затем ситуация ухудшилась в январе-феврале 1915 г. Стал ощущаться недостаток вагонов и паровозов. Массовая эвакуация привела к острому кризису осенью и зимой 1915 г. на дорогах тыла. Несмотря на строительство новых путей, поставки новых паровозов и вагонов ситуация на железнодорожном транспорте продолжала оставаться сложной. В 1916 г. резко снизилось поступление вагонов и паровозов, свидетельствуя, по словам А. Л. Сидорова «об ухудшении общей экономической конъюнктуры в стране»[16]. Если на 31 декабря 1915 г. имелось 20,7 тыс. паровозов всех видов и ок. 576 тыс. вагонов, то на 31 декабря 1916 было соответственно 16,8 тыс. паровозов и немногим более 463 тыс. вагонов, следовательно и количество паровозов и вагонов за год сократилось на 20%[17]. На транспорте начиналась самая настоящая разруха, отражая общее положение всего хозяйства страны. Все более ощущалась нехватка паровозов, вагонов, рельсов, все больше сокращалось количество железнодорожных станций закрытых для приема грузов, что привело к заметному понижению производительности железных дорог. Особенно со второй половины 1916 г. отмечается помесячное сокращение перевозок, появление недогруза угля и дров, ухудшение ремонта состава, путей, все большем скоплении на железнодорожных станциях залежей грузов. Подробно разобрав ситуацию на железнодорожном транспорте, А. Л. Сидоров пришел к следующему выводу: « Кризис железных дорог в царской России являлся не только дискредитацией методов управления государственной машины помещичьего правительства, но и предвестником общего краха капиталистического хозяйства»[18]. Проблемы железных дорог вызвали и серьезный топливный кризис. С осени 1916 г. усиливается недогруз топлива. В августе этого года он составлял 27%, в сентябре повысился до 32%, а в октябре достиг 37,4%. Особенно топливный кризис обострился в Москве и Петрограде. Недостаточной была заготовка дров, истощились запасы угля и нефти, при том, что потребности в них колоссально возросли[19].

---

[16] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение, с. 604.
[17] Там же, с. 607–608.
[18] Там же, с. 634.
[19] Там же, с. 559.

Особый разговор о ситуации в сельском хозяйстве страны – главном занятии большинства его населения. Постоянные мобилизации прежде всего резко сократили численность трудоспособного населения деревни. По 50 губерниям и областям страны призванные в армию составили 47,4% всего трудоспособного мужского населения в сельской местности[20]. С каждым годом войны число семейств без работников все более и более возрастало. Несмотря на широкое использование в сельском хозяйстве труда военнопленных, численность которых к осени 1916 г. превысила 1 млн. 100 тыс. человек, восполнить недостаток рабочих рук никак не удавалось. Резко сократилось также поступление сельскохозяйственной техники, значительная часть которой ввозилась из-за рубежа. В самой же России ее производство во время войны сократилось в два раза по сравнению с 1913 г. Нехватало даже простых кос, значительная часть которых до войны ввозилась из Австро-Венгрии.

Деградация сельского хозяйства во время войны просматривается по всем основным показателям. Это и сокращение рабочего скота, и значительное уменьшение вносимых удобрений, и значительное сокращение посевных площадей, и падение урожайности, и, конечно, катастрофические падение экспорта хлебов. В 1914 – 1916 гг. экспорт зерна в среднем составлял 26 млн. пудов, тогда как до войны он равнялся 665 млн. пудов[21], почти в 26 раз больше. В крестьянских хозяйствах посевная площадь под зерновыми и бобовыми культурами сократилась с 1914 по 1916 гг. с 77,30 млн. десятин до 62, 28 млн., что составляло сокращение на 11,7%, в то время как у помещиков посевы сократились в это время с 8,41 до 6,63 млн. десятин, то есть на 22,3%[22]. По данным А. М. Анфимова, автора специальной книги о положении российской деревни во время Первой мировой войны, валовой сбор зерна в 1916 г. сократился по сравнению с 1913 г. на 27,2%, тогда как товарность хлебов уменьшилась на 32,6%[23]. Недостаток продовольствия, возрастание цен на продукты питания были характерны для всего периода войны. Ситуация в этом плане ухудшалась с каждым годом. Только в 1915 г. цена на хлеб подскочила в четыре раза[24]. А в городе Саратове за период с 1915 по 1917 гг. цены по ряду товаров увеличились в 2 – 22 раза[25].

В 1916 г. продовольственные волнения принимают общероссийский характер, охватив буквально всю страну. Во время продовольственного кризиса 1916 г. в правительственных кругах даже появились планы на-

---

[20] Россия в мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах). М., 1925, с. 21.
[21] История России XX–XXI века. Под ред. акад. РАН Л. В. Милова. М., 2006, с.204.
[22] *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962, с. 280.
[23] Там же, с. 296.
[24] Россия в Первой мировой войне, с. 304.
[25] Там же. С. 511.

значения продовольственного диктатора, который бы руководил всеми вопросами продовольствия армии и тыла[26]. Действительно, осенью 1916 г. заготовка хлеба заметно ухудшилась. В конце этого года ситуация в этом отношении еще более обострилась и вывести страну из этого кризиса уже не удастся. По мнению специалистов, поскольку экспорт хлебов во время войны существенно сократился[27] запасов продовольствия в России все-таки было достаточно, но расстройство транспортной системы затрудняло доставку уже заготовленного хлеба в районы потребления. Введение же принудительных поставок привело к массовому сокрытию крестьянами своих хлебных запасов. Они стремились реализовывать их по свободным ценам[28]. Но параллельно шел процесс деградации внутреннего рынка.

Одним из элементов этого кризиса стала работа мельниц. Обследование мукомольной промышленности в декабре 1916. г. привело к заключению о довольно печальном положении русского мукомолья. Реальный перемол за этот месяц сократился до 43% обычного месячного перемола по пшенице и 22% – по ржи. По сравнению с ноябрем перемол сократился на 16,4%[29]. В этих условиях возникла идея продразверстки, в результате чего каждая губерния получила соответствующие цифры поставок хлеба. Причем касалось это не только губерний имевших излишки хлеба, но и таких губерний, которые нуждались в их поставках. Заготовками зерна занимались специальные уполномоченные, но результаты этой разверстки были более чем скромными. Голод охватил не только города, но и армию. Петроград в ноябре 1916 г. вместо 3050 тыс. пудов хлебных продуктов получил всего 465 тыс. пудов, или 15%, а в декабре вместо 3740 тыс. пудов – только 524 тыс., то есть 14%[30]. Не лучше обстояло дело и в Москве.

Неурядицы охватили и другие стороны экономической жизни страны. Прежде всего они затронули фондовый рынок. Паника охватила биржи уже в июле 1914 г. Сразу же возникло расстройство кредита в Петербурге и Москве и внезапно и весьма значительно вздорожала иностранная валюта[31]. 19 июля было решено приостановить работу Пе-

---

[26] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение, с. 481.

[27] *Туган-Барановский М. И.* Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество 1914 – 1918. Том 3. Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению. Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2014, с. 324.

[28] *Шацилло М. К.* Внутренняя торговля и снабжение населения в период Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны 1914 – 1918, с. 477.

[29] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение, с. 495.

[30] Там же, с. 496.

[31] *Лизунов П. В.* Биржи России и Европы в годы Первой мировой войны //Россия в годы Первой мировой войны 1914 – 1918, с. 478.

тербургской биржи. За ней приостанавливают работу и другие биржи страны, также как закрылись биржи в зарубежных странах. Но со второй половины сентября в Петрограде начала работать неофициальная фондовая биржа. В 1915 г. ситуация на биржах несколько улучшилась, а затем и несколько стабилизировалась. Вообще, многие предприятия получили заметную прибыль и могли дать неплохие дивиденды, а на денежном рынке появился избыток свободных средств, по данным специалистов, довольно значительных[32]. В 1916 г. Министерство финансов даже пришло к заключению о возможности открыть фондовую биржу, поскольку фондовый рынок достаточно окреп. Действительно, торжественное открытие Петроградской фондовой биржи состоялось 24 января 1917 г.[33] И это при том, что из обращения прежде всего исчезли золотые монеты, затем серебряные, а потом и медные деньги. Произошла их замена бумажными деньгами и в народном хозяйстве возник дефицит денежной наличности[34]. Для укрепления финансового положения страны прибегли к новым налогам, как косвенным, например, на сахар, табак, спички, керосин, так и прямым, а также к внутренним займам. Было решено отказаться от продажи водки, что имело больше негативных последствий нежели положительных. С увеличением денежной массы постоянно падал курс рубля. В 1915 г. его официальный курс снизился до 80 коп., а к концу 1916 г. до 60 коп. Реальная же покупательная способность рубля к 1917 г. упала вчетверо, до 27 коп. к довоенному уровню[35].

Современные исследователи подчеркивают, что экономический фактор нельзя считать достаточным для объяснения причин, почему именно Россия первой из стран Европы вошла в революцию уже во время войны. Но они же рассматривают экономический фактор как весьма важный в нарастании социального конфликта в России, как до Февральской революции, так и особенно при Временном правительстве. Они отмечают ухудшение питания, конфликт между городом и деревней, рост цен, падение реальной заработной платы[36]. Вместе с тем, большие военные заказы, сильнейший рост цен предоставляли возможность крупным капиталистам получать огромные прибыли. Как отмечал А. Л. Сидоров, прибыли большинства отраслей промышленности резко поднялись по сравнению с довоенным временем. Усилилось накопление капиталов[37]. Заметно усилились банки, что позволяет исследователям говорить о их

---

[32] Там же, с. 482.

[33] Там же, с. 485.

[34] *Сидоров А. Л.* Денежное обращение России в 1914 – марте 1917 г. // Россия в годы Первой мировой войны 1914 – 1918, с. 499 – 500.

[35] Там же, с. 502.

[36] Россия в годы Первой мировой войны, с. 264.

[37] *Соколов А. С.* Экономическое положение, с. 407.

всевластии[38]. И это все происходило на фоне массового обнищания большинства населения страны, что не могло не усилить социальную напряженность. Как отмечают современные исследователи, «произошло переключение буржуазии с общегосударственных интересов на узкокласовые и эгоистические, что привело к падению доверия к ней как со стороны властных структур, так и населения»[39]. Не случайно один из идеологов русского дворянства, видный психиатр П. И. Ковалевский во время этой войны оставил следующее свидетельство: « Прежние помещики, имея рабов, своею кровью защищали отечество, нынешние капиталисты не желают жертвовать своею кровию. Они не прочь на боевом поле видеть дворян и крестьян, но не для защиты нации, а для защиты своих капиталов»[40]. Но и крупные финансисты предчувствовали серьезные изменения в стране. В конце 1916 г. один из самых влиятельных среди них – А. И. Путилов в беседе с послом Франции в России М. Палеологом предсказывал разрушительную революцию[41]. Подобные же мысли характерны и для другого представителя российского капитала – М. П. Рябушинского, подчеркивавшего: « Мы переживаем трагическое время, и декабрь 1916 года в истории России навсегда оставит память противоположности интересов родины и правительства. Темно будущее[42]».

В литературе хорошо изучены настроения рабочей массы России эпохи Первой мировой войны. Убедительно показаны их изменения от проявления веры в победу России до катастрофической потери доверия к государственной власти[43]. Уже в 1915 г. «народное потребление» сократилось на 25%,а в 1916 г. на 43%. Цены по продукты питания по сравнению с довоенным уровнем в этом году поднялись в стране в среднем в 3–4 раза. Причем особенно подорожали одежда и обувь. Стоимость жизни рабочей семьи в связи с дороговизной к февралю 1917 г. выросла в 4 раза по сравнению с довоенным временем. В промышленности, вопреки законодательству, рабочий день составлял 12 часов, нередко доходя до 14 – 16 часов. Перегрузка на производстве влекла за собой рост травматизма и заболеваний. В Петрограде заболеваемость рабочих возросла с 0,5 % в 1915 г. до 10% в 1917 г.[44] В 1916 г. заработок рабочих

---

[38] Россия в годы Первой мировой войны, с. 392.

[39] *Трошина Т. И.* Утраченный шанс: национальная буржуазия в условиях Первой мировой войны (на материалах Европейского Севера России) // Россия в годы Первой мировой войны, с. 427.

[40] *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. Б.м. и г., с. 11.

[41] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991, с. 177–178.

[42] Россия в годы Первой мировой войны, с. 396.

[43] *Пушкарева И. М.* Рабочие России в годы Первой мировой войны: историческая реальность и проблемы ее изучения //Россия в годы Первой мировой войны, с. 432.

[44] Там же. С. 433.

был в среднем в три раза меньше, чем у служащих на предприятиях и в 15 раз меньше, чем у директоров и управляющих[45].

Ухудшение материального положения рабочих повлекло за собой значительное усиление рабочего движения. Если во второй половине 1914 г. в стране отмечено лишь 170 стачек, то в 1915 г. их количество возросло до 1928, то есть увеличилось более чем в 10 раз, а в 1916 г. число стачек выросло до 2417, в которых участвовало более 1 млн. 558 тыс. участников[46]. Стачечники выступали за повышение заработной платы, протестовали против дороговизны и продовольственных трудностей. Все более увеличивалось количество стачек с откровенно политическими требованиями, обращенными к властям. В военные месяцы 1914 г. в таких стачках участвовало только 12 тыс. человек, в 1915 уже более 165 тыс., а в 1916 более 273 тыс. человек[47]. И это при всем том, что уже в начале войны был издан указ, ужесточавший наказания за стачки. В литературе показана общая картина забастовочного движения в основных воюющих странах Европы. В соответствии с ней к концу 1916 г. количество стачек в России было в 2,2 раза больше, чем в Англии, в 11,4 раза – чем в Германии и в 70 раз – чем во Франции[48].

Одной из новых форм народного движения стали массовые выступления на почве дороговизны, ставшие характерными именно для военного времени. Весной 1916 г. в Петроградской городской думе прозвучали следующие тревожные слова: «Мы накануне голодного дня, за которым последует голодный бунт»[49]. Выступления на почве дефицита и дороговизны предметов первой необходимости происходили не только в форме стачек и демонстраций, но и в форме столкновений населения с торговцами, хозяевами магазинов и складов. В таких выступлениях, которые часто назывались «голодными бунтами» обычно активную роль играли женщины, поэтому их нередко называли «бабьими бунтами».

Ухудшавшееся положение с продовольствием населения стало заметно ощущаться уже в 1915 г., что вылилось в массовые выступления населения. Например, 17 августа в Петрограде в течение дня в различных районах города, прежде всего рабочих, толпами людей были разбиты стекла в 103 магазинах и лавках, в некоторых из которых были почти полностью разграблены товары. Такие выступления отмечены не

---

[45] Россия в годы Первой мировой войны : экономическое положение, социальные процессы, политический кризи. Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014, с. 250–251.

[46] *Кирьянов Ю. И.* Социально – политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февр. 1917 гг.). М., 2005, с. 19.

[47] *Пушкарева И. М.* Указ.соч., с. 435.

[48] Там же, с. 437

[49] *Кирьянов Ю. И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993, № 3, с. 3.

только в столицах, но и во многих других городах и поселках буквально по всей стране. 1916 г. по официальным данным дал увеличение подобного рода выступлений в 13 раз, с 23 до 288. Эти выступления заметно встревожили жандармские власти. Не случайно 25 января 1917 г. в агентурном донесении из Петрограда сообщалось: «…Подобного рода стихийные выступления голодных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех – анархической революции…»[50]. Эти слова были сказаны за месяц до Февральской революции. Вообще, без учета все возраставшего рабочего движения в самых различных его формах трудно понять весь масштаб общенационального кризиса 1916 г., а затем и существо Февральской революции 1917 г[51].

Несмотря на то, что с 1913 по 1917 гг. численность рабочих в стране сократилась с 18,2 млн. человек до 15,2 млн., то есть более чем на три миллиона, рабочие оставались мощной достаточно организованной оппозиционной силой, роль которой в протестных действиях 1916 г. заметно возросла. Сокращение общей численности рабочих произошло прежде всего за счет сельскохозяйственных рабочих (с 6,5 до 4,5 млн. человек) и чернорабочих (с 3,3 до 2,1 млн. человек). В свою очередь численность рабочих крупной промышленности за это время возросла с 3,1 до почти 3,5 млн. человек, а транспортных рабочих с 824 до 839 человек[52]. Следовательно, количество квалифицированных рабочих за годы войны даже выросло. Рабочая среда во время войны чем дальше, тем больше поддавалась агитации членов революционных партий, особенно большевиков, постоянно занимавших антивоенные позиции и продвигавших идею рабочей революции в России. С осени 1916 г. забастовки в Петрограде приобрели отчетливо выраженный политический характер. 17–20 октября прошла забастовка на ряде крупных заводов города, в которой участвовало более 75 тыс. человек. А через десять дней, 26–29 октября организуется новая политическая забастовка протеста против суда над балтийскими матросами-большевиками, в которой приняли участие более 79 тыс. человек[53].

Но не агитация была главной в усилении движения протеста, а реальное социально-экономическое положение. В одном из документов Центрального военно-промышленного комитета от 28 июля 1916 г. отмечалось: «Настроения рабочих весьма далеки от разрушительных тен-

---

[50] Там же, с. 16.

[51] Из современных работ о рабочем движении 1916 г. см.подробнее: *Кирьянов Ю. И.* Социально-политический протест рабочих в годы Первой мировой войны. М., 2005; *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

[52] Рабочий класс России (1907 – февраль 1917 г.). М., 1982, с. 246.

[53] Кризис самодержавия в России 1895 – 1917. Лг., 1984, с. 610.

денций, что убедительно показала война, однако у них отмечается снижение патриотического духа, озлобление»[54]. Но через три месяца, в октябре 1916 г. из недр того же комитета вышла записка членов его Рабочей группы, где, среди прочего, писалось: « Как бы те или иные течения в рабочей среде ни относились к войне, полнейшая неизвестность относительно ее целей, опасения, что война ведется во имя завоевательных задач, не встречающих никакого отклика в рабочей среде, – все это вместе рождает естественную тревогу, что страшные жертвы народа идут на неправое дело, что народ подвергается истощению не во имя самозащиты, а во имя интересов, чуждых и враждебных народу»[55].

Недовольство все более охватывало и деревню. Полицейские власти сообщали, что крестьяне «все ждут не дождутся, когда же, наконец, окончится эта проклятая война». В донесении Петроградского губернского жандармского управления за октябрь 1916 г. сообщалось: « В деревнях наблюдается революционное брожение вроде того, которое имело место в 1906 – 1917 гг.»[56]

Оппозиционные настроения, естественно, не могли не затронуть армию, причем как тыловые части, так и действующую армию, располагавшуюся на фронте. К 1917 г. армия столкнулась с серьезными проблемами пополнения живой силой. Это казалось удивительным, поскольку среди воюющих держав Россия занимала первое место по численности населения. Более того, за всю войну было мобилизовано 8,7% ее населения, тогда как во Франции – 17, в Германии – 20,7, в Австро-Венгрии – 17,1%. Но в России, где 83% населения проживало в сельской местности, были большие семьи, где процент взрослых мужчин был меньшим, чем в указанных воюющих странах[57]. Это усилило недовольство и в тылу, и в самой армии.

В декабре 1916 г. отказались выехать на фронт и оказали вооруженное сопротивление солдаты 12-го Кавказского стрелкового полка, располагавшегося в Аккермане, а 21–23 февраля 1917 г. восстание вспыхнуло на распределительном пункте бендерского гарнизона. Восстания солдат вспыхнули на распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге. Дело дошло до того, что время декабрьских боев 1916 г. на Рижском плацдарме отказались наступать солдаты 2-го Сибирского корпуса. Целого корпуса! К концу 1916 г. число дезертиров в армии достигло 1,5 млн. человек[58].

---

[54] *Поршнева О. С.* Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 г.) // Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918, с.139.

[55] Там же, с. 139.

[56] Кризис самодержавия, с. 610 – 611.

[57] *Катков Г.* Февральская революция.М., 2006, с.68.

[58] *Пушкарева И. М.* Февральская буржуазно – демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982, с. 91.

Дело доходило даже до массовой сдачи в плен[59]. По наблюдениям военной цензуры к октябрю 1916 г. «произошел какой-то перелом в настроениях армии в худшую сторону»[60]. Антивоенные настроения все больше охватывали солдат петроградского гарнизона. По сведениям охранки, гарнизон столицы «не верит в успех русского оружия и находит, что продолжение войны бесполезно». А когда вспыхнула октябрьская стачка в Петрограде, то солдаты 181 запасного полка поддержали рабочих во время столкновения с полицией на Выборгской стороне[61].

Вообще, смыкание армии и протестующего народа становилось все более частым. О сочувствии солдат населению во время «продовольственных выступлений» 1916 г., вылившихся в неповиновение распоряжениям высших офицеров, говорится в документах о событиях в Канавине и Гордеевке Нижегородской губернии 1 июня этого года, на станции Тихорецкой Кубанской области (июнь), в Семипалатинске – 19 ноября и в других местах. Нехватка продовольствия стала быстро расширять круг противников войны, приверженцами которой в народе все чаще стали называть купцов и торговцев, наживавшихся на постоянном вздутии цен[62]. 3 ноября 1916 г. начальник Московского жандармского управления в связи с нехваткой хлеба в текстильном селе Озерках Коломенского уезда доносил: «Сразу и очень резко послышалось недовольство войной»[63].

Недовольство войной и, чем дальше, тем больше, недовольство всем и вся, становилось все более привычным. По свидетельству охранки, « петроградский обыватель с восторгом приветствует всякое проявление оппозиции – будет ли она направлена на городское самоуправление или на кондукторшу трамвая, на министров, на правительство или на немцев – все равно»[64]. Общественные настроения становились все более и более оппозиционными. По свидетельству генерала Н. Н. Головина « все представители русской интеллигенции были отброшены к концу 1916 г. Правительством в лагерь оппозиции. И в результате вместо того, чтобы слышать из уст представителей своих более образованных классов слова бодрости и разъяснения, народные массы слышали только критику, осуждение и предсказания неминуемой катастрофы»[65].

29 октября 1916 г. будущий руководитель Временного правительства, а тогда главноуполномоченный Всероссийского Земского Союза, князь Г. Е. Львов направил письмо председателю Государственной думы

---

[59] Россия в годы Первой мировой войны, с. 408.
[60] Кризис самодержавия, с. 610.
[61] Там же.
[62] *Кирьянов Ю. И*, Массовые выступления, с. 14–15.
[63] Там же, с. 15.
[64] Кризис самодержавия в России, с. 611.
[65] *Головин Н. Н*. Военные усилия России, с. 331.

М. В. Родзянко. В нем он прежде всего сообщил о состоявшейся 26 октября в Москве встрече председателей губернских земских управ, посвященной вопросам продовольственного дела, но во время которой было подвергнуто обсуждению « общее тревожное политическое положение страны». И далее Львов изложил итоги их « единодушного мнения». Эти итоги носили откровенный антиправительственный характер до такой степени, что прямо говорилось о том, что «правительственная политика дала свои роковые плоды». Правительству бросался упрек за нежелание пойти на совместную работу с Государственной Думой. Констатировалось последовательно острое расстройство в области транспорта, производства необходимых для населения предметов в том числе даже продовольствия. Прямо писалось: «Разъединенные, противоречивые, лишенные определенного плана и мысли действия и распоряжения правительственной власти неуклонно увеличивают общую дезорганизацию всех сторон государственной жизни». Более того, там подчеркивалось, что все распоряжения высшей власти как бы направлены к особой цели еще больше запутать тяжелое положение страны и ведут к преступной растрате ее людских и материальных сил. Львов счел необходимым сообщить председателю Думы о «мучительных и страшных подозрениях и зловещих слухах о предательстве и измене, о тайных силах, работающих в пользу Германии». Несколько далее он прямо писал о том, что «вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел». В письме также сообщалось о слухах по поводу нежелания правительства продолжать дальнейшую борьбу, прекратить войну и заключить сепаратный мир. Львов довел до сведения Родзянко мнение председателей губернских земских управ продолжать войну до конечной победы вместе с союзниками заверял председателя Думы в их поддержке в деле создания правительства, способного объединить все живые народные силы и привести родину к победе[66].

Всего лишь через два дня после написания этого письма, 1 ноября 1916 г. последовало нашумевшее выступление лидера кадетов П. Н. Милюкова на V-ой сессии Государственной думы с его известными словами «глупость или измена», и прямо заявившего: «Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе»[67], прозвучавшими как разорвавшаяся бомба. Интересно, что уже во время этого выступления, один из лидеров Союза русского народа Н. Е. Марков спросил оратора: «А ваша речь – глупость или измена?»[68]. Но дело было не только в речи

[66] *Шевырин В. М.* Власть и общественные организации в России (1914 – 1917). М., 2003, с. 127; ГАРФ, ф. 892 (А. А. Гирса), оп. 1, д.67, 1–3.д

[67] *Милюков П. Н.* Выступление в Государственной думе 1 ноября 1916 г. // Первая мировая война в оценке современников, с.440–447.

[68] *Милюков П. Н.* Указ. соч., с. 446; *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.).М., 2003, с. 233.

Милюкова. Она, как можно заметить, по своему содержанию очень близка к вышеупомянутому письму Г. Е. Львова и была лишь составной частью тех решительных действий, к которым решили прибегнуть кадеты в октябре 1916 г.[69] Своей речью Милюков задал тон для последующих думских выступлений ведущих лидеров либеральной оппозиции: С. И. Шидловского, И. Н. Ефремова, В. А. Маклакова.

В ноябрьские дни 1916 г. лозунг создания «ответственного министерства» стал общим лозунгом всей либеральной оппозиции. Как пишут в литературе, конфликт между исполнительной и представительной ветвями власти достиг точки кипения[70]. Но особенность момента заключалась также и в том, что правительство не оправдало ожиданий и консервативного лагеря, своей основной опоры, оказавшегося хоть и в умеренной, но все-таки оппозиции[71]. Правые должны были выработать свои предложения в связи с насущными проблемами страны. Они не могли не поддержать борьбы против роста цен, мер по предотвращению голода. Даже по рабочему вопросу правые выступили за повышение заработной платы в связи со все усиливавшейся инфляцией. Были у правых свои установки и по национальному и по другим вопросам, по которым не всегда были совпадения с правительственной линией. Но консерваторы, нередко правильно понимая реальную ситуацию в стране, не смогли предложить эффективных мер по выводу страны из системного кризиса и спасения самодержавия от краха[72].

Тем временем Прогрессивный блок, созданный в недрах Государственной думы в 1915 г. либеральными фракциями, все более усиливался, став господствующим в Думе. Его антиправительственная направленность все более усиливалась[73]. Но в ноябре 1916 г. произошло еще одно важное событие. В открытую оппозицию перешел и Государственный совет. Собственно Госсовет был создан в качестве верхней палаты так называемого российского парламента для того чтобы гасить инициативы Государственной думы и так продолжалось все годы его существования в этом качестве. В ноябре 1916 г. Дума и Госсовет, где большинство также составили сторонники Прогресивного блока, сомкнулись в свой антиправительственной критике. Впервые обе палаты выступили

---

[69] *Гайда Ф. А.* Указ.соч., с. 228.

[70] *Шелохаев В. В.* Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты // Россия в годы Первой мировой войны 1914 – 1918, с.170.

[71] *Иванов А. А., Репников А. В.* Русские консерваторы: взгляд на проблемные точки Российской империи в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.) // Россия в годы Первой мировой войны 1914 – 1918, с.158.

[72] Там же, с.153 – 159.

[73] *Демин В. А.* Прогрессивный блок // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века Энциклопедия. М., 2010, с. 767–770.

единодушно по вопросу большой государственной важности. Современники расценили это как событие первостепенного политического значения[74]. Изоляция императорской власти становилась все более ощутимой и не могла не отразиться на общие настроения в стране.

Как писал генерал Н. Н. Головин, «выражение всеобщего недовольства, окончательное падение авторитета власти, предчувствие, даже уверенность в надвигающейся страшной катастрофе можно прочесть решительно во всех мемуарах, относящихся к этому времени. Во всех слоях общества и народа ползли слухи один мрачнее другого. Почти открыто говорили о необходимости династического переворота»[75]. Один из лидеров кадетов В. А. Маклаков 27 декабря писал о падении престижа династии и, среди прочего, отмечал: « Но бесспорно то, что сейчас в умах и душах русского народа происходит самая ужасная революция, какая когда-либо имела место в истории. Это не революция, это катастрофа, рушится целое вековое миросозерцание, вера народа в Царя, в правду»[76]. Мрачные пророчества звучали и со стороны духовенства[77].

Это все настроения конца 1916 г. Подобные настроения сразу зафиксировали и за рубежом, прежде всего в странах союзной Антанты. 15 ноября 1916 г., великий князь Михаил Михайлович, проживавший в Лондоне с 1891 г. направил письмо Николаю II следующего содержания: «Я только что возвратился из Букингемского дворца. Жоржи [английский король Георг] очень огорчен политическим положением в России. Агенты Интеллидженс Сервис, обычно очень хорошо осведомленные, предсказывают в ближайшем будущем в России революцию. Я искренне надеюсь, Никки, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно»[78].

Итак, английская разведка предсказывала революцию уже в середине ноября 1916 г. Она обладала достаточно достоверными сведениями и не только она. Как писал видный дипломат, октябрист А. А. Гирс «за ходом нашего домашнего конфликта с напряженным вниманием следят правительства как вражеских, так и союзных нам держав. Отношение к нему первых, как и средства воздействия к которым они могут прибегать до чрезвычайности просты: видя у нас смуту они могут открыто ликовать и прибегать ко всем доступным им способам для того, чтобы вызвать в России революционное движение»[79]. Гирс был сторонником продолжения войны до победного конца и строгого соблюдения обязан-

---

[74] *Бородин А. П.* Государственный совет России (1906 – 1917). Киров, 1999, с.160.
[75] *Головин Н. Н.* Военные усилия России, с. 332.
[76] Россия в годы Первой мировой войны, с. 699.
[77] Там же, с. 498.
[78] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 2008, с. 193.
[79] ГАРФ, ф.892, оп. 1, д. 94, л. 2. См.также: *Гайда Ф. А.* Указ.соч., с. 289.

ностей перед Англией и Францией. Он констатировал наличие затягивающегося конфликта страны с правящей властью и хорошо видел, что на карту была поставлена дальнейшая судьба России. Выход из переживаемого кризиса он видел в том, чтобы Государственная дума добилась прежде всего в создании объединенного правительства, к которому она бы могла относиться с полным доверием[80].

Наличие кризиса и приближение революции тогда же, осенью 1916 г. видели и члены императорской фамилии. 11 ноября великий князь Георгий Михайлович после посещения ставки генерала Брусилова, направил письмо НиколаюII, где, среди прочего, писал: « «…если в течение ближайших двух недель не будет создано новое правительство, ответственное в своих действиях перед Государственной думой, мы все погибнем…»[81]. До такой степени тревожно оценивал ситуацию один из великих князей. Как отмечается в литературе, « тревога за собственное будущее заставляла и членов императорской фамилии пытаться воздействовать на царя, чтобы уменьшить влияние на него Александры Федоровны и Распутина»[82]. Ряд членов императорской фамилии попытался активно вмешаться в тогдашние события. Великий князь Дмитрий Павлович, как и Ф. Ф. Юсупов, женатый на дочери великого князя Александра Михайловича, вместе с В. М. Пуришкевичем участвовали в организации 17 декабря 1916 г. убийства Г. Распутина. А великий князь Николай Михайлович, генерал и историк, в литературе рассматривается как лидер великокняжеской фронды. Не случайно 1 января 1917 г. он был выслан из Петрограда[83]. Сложные были отношения императора с великим князем Николаем Николаевичем, бывшим верховным главнокомандующим русской армией. В литературе есть упоминания о том, что он поддерживал отношения с теми, кто работал против Николая II[84]. Обострение отношений внутри самой императорской фамилии стало отражением усиливавшегося политического кризиса в стране и все большей изоляции, в которой оказался император. По свидетельству жандармского генерала А. Спиридовича, «в начале 1917 года… настроение всех слоев населения обеих столиц России было до крайности нервозно-взвинченное и беспокойное…Заметно было недоброжелательство к Верховной Власти и не скрывалось враждебно-пренебрежительное отношение к правительству»[85].

---

[80] Там же, л. 3 об.
[81] Великий князь Александр Михайлович. Указ.соч., с. 193.
[82] Кризис самодержавия в России, с. 616.
[83] Там же, с. 625, 640.
[84] *Кузнецов (игумен Серафим)*. Православный царь-мученик. М., 1997, с. 494.
[85] *Спиридович А*. Указ.соч., с. 288.

Среди многочисленных слухов, распространявшихся в то время был и такой, смысл которого сводился к тому, что если мы не уберем Николая, то в случае победы в войне, он еще больше укрепится на троне[86], чего допустить было нельзя. Одним из факторов усилившейся активности оппозиционеров была поддержка со стороны лидеров Антанты. Не подлежит сомнению, участие английской разведки в убийстве Распутина, придерживавшегося прогерманской ориентации. Опасались союзники подписания Россией сепаратного мира с Германией. Об этом, например, писали даже швейцарские газеты на что в ноябре 1916 г. обратил внимание В. И. Ленин[87]. Современное состояние источников позволяет говорить об определенных закулисных связях между Германией и Россией на всем протяжении войны. Но они не позволяют делать убедительного вывода о намерении руководства России подписать сепаратный мир с Германией[88]. Тем не менее слухи о подобных планах все более усиливались. Они, например, расширились после назначения 20 декабря 1916 г. министром внутренних дел А. Д. Протопопова, обвиненного в присоединении к «прогерманской партии» императрицы и якобы готового добиваться сепаратного мира[89]. Действительно, слух о том, что императрица возглавляет клику, собирающуюся заключить сепаратный договор с Четверным союзом результатом чего будет разгром союзников России[90] был достаточно основательным и сыграл свою роль.

Все более усиливавшийся кризис 1916 г. повлиял на деятельность политических партий, в том числе и большевиков, ушедших с началом войны в глубокое подполье. Руководство партии находилось в эмиграции, а многие видные ее члены оказались в тюрьмах и ссылке. В конце 1916 г. оживляет свою деятельность Русское бюро партии во главе с А. Г. Шляпниковым, вернувшимся в Петроград и возглавившим работу большевиков внутри самой России. В Петрограде из известных большевиков в это время работают П. А. Залуцкий, В. М. Молотов, М. И. Калинин, В. Н. Залежский, Н. А. Угланов, В. Я. Чубарь и др. Общенациональный политический кризис вскоре перерос в революцию, во вторую русскую революцию, приближение которой основательно ощущалось в канун 17 года.

---

86 *Кузнецов (игумен Серафим)*. Указ соч., с. 206–207.
87 *Ленин В. И.* Полн.собр.соч. Т. 30. М., 1962, с. 184–192.
88 Россия в годы Первой мировой войны, с. 707–708.
89 *Катков Г.* Указ.соч., с 93.
90 *Улам А.* Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004, с. 290.

В. П. Рыбалкин

РУССКАЯ АРМИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА

Как известно, армия активно участвовала в событиях Февраля 1917 года, приведших к падению монархии в России. Ныне же официальные СМИ утверждают, что к началу 1917 года Россия стояла де на пороге победы в шедшей тогда войне и была готова даже чуть ли не взять Берлин. Давайте посмотрим на состояние Русской армии тех дней глазами видных политических и военных деятелей тогдашней России.

Начнём с активно муссируемого ныне утверждения, что принятие царём в августе 1915 года на себя поста Верховного Главнокомандующего привело к крупным победам Русской армии. Подобное утверждает и выставка, посвящённая истории России тех лет, экспонировавшаяся в здании Манежа и ныне находящаяся в 57 павильоне ВДНХ. Вот что свидетельствует по этому поводу министр торговли и промышленности Шаховской В. Н.: это известие «глубоко потрясло всех министров... Все как один считали это решение гибельным и для династии и для России»[1]. Несколько дней спустя в Царском Селе на заседании Совета Министров «всеми министрами высказаны мнения о крайне опасных последствиях его решения. Все, кроме главы правительства И. Л. Горемыкина, просили царя не приводить в исполнение его намерения» занять пост Верховного Главнокомандующего.» На это Николай лишь ответил: «Я остаюсь при своём решении!» На следующий день министры собрались вновь (уже без царя) и подтвердили своё мнение, после чего написали царю письмо с просьбой не занимать уже названный пост[2]. В середине сентября Николай вызвал всех министров в Ставку в Могилёв и сообщил им, что ознакомился с их письмом, остался им не доволен и своего решения не изменил. Не помогли и уговоры военного министра генерала от инфантерии А. А. Поливанова. Единственно чего он добился:

---

[1] Шаховской В.Н.Так проходит мирская слава. Париж, 1952, с. 125.
[2] Там же, сс. 126, 127, 128–129.

отсрочки царя выехать в войска. Начальник штаба Ставки генерал от инфантерии М. В. Алексеев назвал смену Верховного главнокомандующего «безусловно вредной»[3].

Председатель 4-й Государственной Думы М. В. Родзянко также просил царя не возлагать на себя функции Верховного Главнокомандующего[4]. Великий князь Александр Михайлович – адмирал, шеф императорского военно – воздушного флота, двоюродный дядя царя – так характеризует полководческие способности царя: «Докладывая Государю об успехах нашей авиации и наших возможностях бороться с налётами немцев, я замечал, что он только и думает о том, когда же я наконец оставлю его в покое.»[5] Вот вам и умелый военачальник, в чём нас ныне усиленно убеждают! Служивший в те дни в Ставке штабс-капитан М. К. Лемке 7 января 1916 года записал в своём дневнике: «Алексеев заметно начинает разочаровываться в царе как Верховном Главнокомандующем»[6].

А вот ещё заслуживающие внимания мнения о царе как полководце. М. Д. Бонч-Бруевич – тогда генерал-майор, начальник штаба Северного фронта – приводит такой, относящийся к середине февраля 1916 года факт. Генерал участвовал в совещании, рассматривавшем план операции фронта. В том совещании участвовал и царь. Последний сидел при этом со скучающим видом и даже не открыл прений по обсуждавшимся вопросам. Бонч-Бруевич добавляет, что точно также царь вёл себя и на всех других подобных совещаниях. Из всего выше сказанного и из других личных наблюдений генерал сделал вывод: «Царь явно не годился для... роли верховного вождя русских армий, и это понимали даже те, кто... считал себя до конца преданным монархии»[7]. Командовавший Юго-Западным фронтом генерал от инфантерии А. А. Брусилов вспоминал, что в середине декабря 1916 года на Военном Совете в Ставке царь был рассеян, постоянно зевал и не участвовал в обсуждении. На следующий день Совет был продолжен. Не дождавшись его завершения, царь уехал в Царское Село. Подобный факт сообщает и подполковник А. И. Верховский (будущий последний военный министр Временного правительства). В 1916 году он докладывал царю о тяжёлом положении Русской армии на Румынском фронте. Но при этом царь старался перевести разговор на другую тему, а когда Верховский попытался вернуться к теме своего доклада, царь сделал вид, что ничего не понял, на чём разговор и закончился[8].

---

[3] Там же с. 131. *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг., т.1, М.1924, сс. 211–212.

[4] *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению. М, 2000, с.44.

[5] Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М, 1991, с.217.

[6] *Лемке М. К.* 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920, с.348.

[7] *Бонч-Бруевич В. Д.* Вся власть Советам. М, 1957, сс. 112–113..

[8] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М, 2001, с. 199. *Верховский А. И.* На трудном перевале. М, 1959, сс. 141–142.

А вот какой показательный факт сообщает начальник канцелярии Министерства Императорского Двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов. 14 марта 1916 года он беседовал с царём. При этом последний сказал Мосолову: мне говорят, что армия за меня. На это Мосолов ответил: «Я видел войска вне присутствия Вашего Величества, и это именно заставило меня сказать Вам, ... те слова, за которые Вы изволили разгневаться», т. е., что армия не за Вас и есть опасность династии[9]. Вот так Верховный знал истинное положение армии, так им интересовался и так реагировал на сообщавшуюся ему правдивую об этом информацию!

Председатель Петроградского комитета Союза городов В. А. Оболенский также указывал, что смена Верховного Главнокомандующего «ставила под угрозу общественную помощь армии» и добавлял: « С переездом государя в Ставку на армию распространялось влияние императрицы и подозрительных людей её окружавших»[10].

В заключении предоставим слово и отъявленным монархистам тех дней. Печально известный В. М. Пуришкевич прямо говорит: «Я... наблюдал день ото дня упадок авторитета и обаяния царского имени в воинских частях… не только в офицерской, но и в толще солдатской среды»[11]. «Соратник» Пуришкевича по убийству Распутина, Ф. Ф. Юсупов, с негодованием констатирует, что принятие царём на себя функций Верховного Главнокомандующего» общество встретило,...в общем, враждебно», так как «ни для кого не было секретом, что сделалось всё под давлением, ..Распутина... Не спросясь «старца» (Распутина – В. Р.), не принималось ни одно военное решение». По мнению Юсупова к концу 1916 года «дела на фронте шли всё хуже»[12]. Последнее замечание особенно интересно в свете нынешних утверждений, что к началу 1917 года Россия стояла на пороге своей близкой и неизбежной победы в войне, чему де помешали лишь Февральская революция и свержение монархии.

Теперь поговорим о состоянии вооружения и боеприпасов и обеспечении ими Русской армии рассматриваемого периода. Начальник Главного артиллерийского управления генерал-лейтенант А. А. Маниковский свидетельствует, что боевого снабжения, заготовленного в мирное время, хватило лишь на первые четыре месяца войны. Он указывал на полную дезорганизацию и беспорядок в боевом снабжении и что в 1916 году «резко обозначилось неизбежное падение производства, грозящее ката-

---

[9] *Мосолов А. А.*При дворе последнего императора. М, 2016, сс.210–21.

[10] *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1931, с.497.

[11] Пуришкевич В.М. Дневник члена Государственной Думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига, 1924, с.6.

[12] *Юсупов Ф. Ф.* Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М. 2015. сс. 168, 169.

строфой»[13]. С ним соглашается член Особого совещания по Обороне Б. А. Энгельгардт, указавший, что уже во второй половине 1915 года фронт испытывал нехватку оружия и боеприпасов. При этом Энгельгардт уточняет, что недостаток снарядов стал ощущаться уже вскоре после начала войны[14]. Начальник Управления полевого инспектора артиллерии при Верховном Главнокомандующем и председатель комиссии по организации тяжёлой артиллерии особого назначения генерал-майор Г. З. Барсуков отмечал нехватку зениток: их было меньше даже того минимального числа, считавшегося необходимым. Барсуков добавляет, что не хватало и артиллерии в целом[15]. На «печальное состояние нашего вооружения «указывает и министр иностранных дел С. Д. Сазонов[16]. Председатель 4-й Государственной Думы М. В. Родзянко также говорит о нехватке вооружения и видит причину недостатков снабжения армии артиллерией в интригах великого князя Сергея Михайловича-генерала от артиллерии, генерал – инспектора артиллерии при Верховном Главнокомандующем[17]. В связи с этим Родзянко приводит весьма показательный и поразительный факт, свидетелем которого он стал весной 1915 года в Галиции. Родзянко свидетельствует, что атаки врага приходилось отбивать камнями[18]. В целом он делает следующий вывод: «Армия сражалась тогда почти голыми руками»[19] На нехватку оружия и боеприпасов указывает и командовавший с 17 марта 1916 года Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии А. А. Брусилов[20]. Сам царь в письме жене от 17 июня 1916 года признавал нехватку снарядов[21]. Подобная запись появляется 30 июня того же года и в его дневнике[22]. Имея в виду середину 1916 года, Родзянко отмечает: «Запасные батальоны... были плохо обставлены в материальном отношении... и даже оружии»[23]. Маниковский, оценивая снабжение армии боеприпасами, 18 октября того же года констатировал: «Всё идёт хуже и притом в такой

---

[13] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М, 1937, сс. 620, 621, 626.

[14] *Энгельгардт Б. А.* Мемуары. // Балтийский архив, т. 8. Рига, 2004. сс 16, 17.

[15] *Барсуков З. Е.* Русская артиллерия в мировую войну 1914–1918 гг., т. 1. М, 1938, сс. 225–226.

[16] *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М, 1991, с. 378.

[17] *Родзянко М. В.* Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М, 2002, с. 117.

[18] Там же, с. 248.

[19] Там же, с. 273.

[20] *Брусилов А. А.* Указ. соч., с. 197.

[21] Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917, т. 4. М-Л, 1926, с. 321.

[22] Дневник императора Николая II, т. 2, ч. 2. М, 2013, с. 239.

[23] *Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская революция.// Архив русской революции, т.6. Берлин, 1922, сс.40–41.

степени хуже, что просто жутко становится за будущее»[24]. 8 января 1917 года он ещё более категоричен:»Всё складывается катастрофично... Заводы (боеприпасов – В. Р.) не получают металла, руды, угля, нефти»[25]. И в заключение разговора по этому вопросу приведу свидетельства посла Англии в России Дж. Бьюкенена. В беседе с Николаем в январе (н. с.) 1917 года посол напомнил ему о нехватке у Русской армии на фронте оружия и боеприпасов[26]. 18 февраля (н. с.) того же года Бьюкенен сообщил МИДу Англии, что многие военные заводы в России закрыты из-за нехватки сырья и топлива[27].

А вот как обстояло в Русской армии в те дни дело с обмундированием, питанием, медицинским обеспечением. Выше уже приводились слова Родзянко, затрагивавшие эту проблему, а теперь поговорим об этом пообстоятельнее. Так, Брусилов признаёт, что вверенные ему войска Юго-Западного фронта испытывали нехватку одежды, обуви, снаряжения, продовольствия[28]. Брусилов сообщает, что по итогам Военного Совета в Ставке в декабре 1916 года стало ясно, что в дальнейшем снабжение армии продовольствием должно значительно ухудшиться[29]. 24 июня 1916 года Родзянко в докладе царю сообщал о плохом состоянии медицины на фронте. В связи с этим следует привести интересное свидетельство Родзянко, во второй половине июля 1916 побывавшего на фронте в районе Луцка. Он рассказывает, что раненые лежали где попало, даже прямо на земле. При этом рядом с лазаретом под открытым небом были сложены шашки. Из-за этого многие раненые пострадали в результате налетов авиации противника[30].

Брусилов сообщает, что зимой 1916–1917 года многие солдаты доезжали до фронта разутыми и раздетыми. Хлеба в день солдат стал получать не 3, как это было ранее, а 2 фунта, мяса не фунт, а 0,75 фунта.[31] Член Инженерного Совета Министерства путей сообщения Ю. В. Ломоносов сообщает, что в начале 1917 года Румынский фронт получил 60% необходимого ему продовольствия, а его отдельные части даже 20%.Это вынуждало солдат есть дохлых лошадей. Ломоносов также сообщает, что из-за плохого состояния железных дорог Румынского фронта «пришлось приостановить движение санитарных поездов и отправлять раненых в товарных вагонах» и что из-за всего этого «смерт-

---

[24] *Маниковский А. А.* Указ. соч., с.672.
[25] Там же, сс.675–676.
[26] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М, 1991, с. 194.
[27] Там же, с. 203.
[28] *Брусилов А. А.* Указ. соч., с.197.
[29] Там же, с.194.
[30] *Родзянко М. В.* Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М, 2002.с.176.
[31] *Брусилов А. А.* Указ. соч., с.201.

ность была ужасна... Многие при 20-градусных морозах просто замерзали в не отопленных вагонах»[32]. С ним соглашается лидер партии кадетов и её фракции в Государственной Думе П. Н. Милюков. Он указывал, что в армии «отсутствовали самые необходимые медикаменты, раненых сваливали прямо на полу товарных вагонов и без медицинского присмотра, из-за чего они сотнями умирали в поездах; плохо было с, ..подвозом продовольствия на фронт»[33]. Вернувшийся с Румынского фронта в начале ноября 1916 года Пуришкевич говорит, что увиденное им там состояние армии не удовлетворяло «самым минимальным запросам продовольственного, военного, санитарного и перевязочного характера наших армий, которые нуждались, живя в полуодетом, полуобутом и полуголодном состоянии»[34].

Теперь о моральном состоянии армии конца 1916 – начала 1917 года, якобы побеждавшей в те месяцы. В. Н. Шаховской признавал, что ещё в 1915–1916 годах «в войсках уже было недовольство Правительством, которое, в их глазах являлось единственным виновником всех неудач и всех недостатков снабжения»[35]. Командир 28-го армейского корпуса (располагался тогда в районе Западной Двины) генерал от инфантерии В. А. Слюсаренко свидетельствует, что в конце 1916 года» у всех была одна дума: «Долой войну, домой!»[36] Заместитель министра внутренних дел генерал от инфантерии П. Г. Курлов так характеризовал состояние армии конца 1916 года: «Особенно распространялись среди... воинов мысли о ненужности войны»[37] В начале 1917 года Департамент полиции направил на юг России для выявления настроения армии жандармского полковника. По возвращении последний констатировал: «Армия подготовлена к мысли о дворцовом перевороте»[38]. А. А. Брусилов отмечает, что зимой 1916–1917 года все прибывавшие на Юго-Западный фронт говорили о необходимости ответственного перед Государственной Думой правительства и заключает: «Можно сказать, что к февралю 1917 года вся армия... была подготовлена к революции».(!)[39]

Небезызвестный А. Ф. Керенский указывает: «Процесс окончательного развала наших вооружённых сил пришёлся на осень 1916 года. К январю следующего года сложилась (в армии – В. Р.) в высшей степени критическая ситуация... Армия неотвратимо утрачивала боеспособ-

---

[32] *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм – Берлин, 1921, с.15.

[33] *Милюков П. Н.*Воспоминания, т. 2. М, 1991, сс. 169–171.

[34] *Пуришкевич В. М.* Указ. соч., с. 53.

[35] *Шаховской В. Н.*Указ. соч., с. 78.

[36] *Слюсаренко В. А.* На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции. Воспоминания. 1914–1921. М, 2016, с.201.

[37] *Курлов П. Г.* Гибель Императорской семьи. Берлин, 1923, с. 165.

[38] Там же, с. 216.

[39] *Брусилов А. А.* Указ. соч., с.204.

ность»[40]. Как бы заранее предвидя последующие заявления, будто это революция погубила Русскую армию, он констатирует: «Утверждающие будто бы русскую армию сгубила революция,… совершенно искажают факты»[41]. Керенский добавляет, что к середине 1917 года против бастовавших рабочих можно было привлечь «только самые надёжные части резервных гвардейских батальонов»[42]. Поэтому министр внутренних дел А. В. Протопопов даже убедил царя с этой целью отозвать с фронта несколько надёжных гвардейских полков. Показательно и то, что последние вопреки этому приказу царя(!) отказались покинуть фронт. Верховский А. А. сообщает о вопиющем факте, имевшем место во второй половине 1916 года. Одному из полков прислали Георгиевские знамёна, и командир дивизии призвал окрапить их кровью врага. На это ему ответили: пора кончать войну, да поскорей. Иначе пойдём воевать не с немцами, а с Петроградом. Сообщивший ему об этом Бубнов добавил: «Ясно, что вопрос вышел из чисто военных рамок и стал первостепенным политическим вопросом. Император несёт личную ответственность за то, что делается кругом. Он ведёт страну к революции»[43]. Монархист В. В. Шульгин вспоминал, что в начале января 1917 года депутат 4-й Государственной Думы А. А. Шингарёв сообщил ему: «В войсках недовольство… Петроградский гарнизон ненадёжен»[44].

Важны и следующие свидетельства Родзянко. В феврале 1917 года в столицу прибыл и беседовал с ним командир Уссурийской конной дивизии (Румынский фронт) генерал-майор А. М. Крымов. При этом последний заявил: «Армия, … может просто покинуть окопы и поле сражения» уже нынешней зимой М. В. Родзянко, заключая рассказ об этой беседе, делает вывод, что «почва для окончательного разложения Армии имелась налицо ещё задолго до переворота»[45]. Кстати, в ходе этой беседы Крымов специально предупредил: «В Армии, в солдатском составе растёт недовольство к офицерству вообще и начальству в частности, и, таким образом, Армия постепенно разлагается и дисциплине грозит полный упадок»[46].

Генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант А. С. Лукомский указывал, что ещё к концу лета 1916 года ухудшился моральный климат прибывавшего на фронт пополнения,

---

40 *Керенский А. Ф.* Русская революция.1917.М, 2005, сс. 90–91.

41 Там же, с.91.

42 *Керенский А. Ф.* Трагедия династии Романовых. М, 2005, с.74.

43 *Верховский А. И.* Указ. соч., с.140.

44 *Шульгин В. В.* Последний очевидец. М., 2002, с.419.

45 *Родзянко М. В.* Крушение империя и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М, 2002, с.277.

46 *Родзянко М. В.* Государственная Дума и февральская революция.// Архив русской революции, т. 6.Берлин, 1922, с.43.

а к осени того же года в некоторых бывших на фронте корпусах были открыты случаи пропаганды против командного состава и были случаи невыполнения боевых приказов[47]. Ценны признания и исполнявшего должность начальника штаба Северного фронта генерала от инфантерии Ю. Н. Данилова. Он отмечает, что в 1916 году солдаты воевать не хотели: «земля» и «мир» – вот две затаённые мечты, прожигавшие, подобно калёному железу, всё существо солдата-крестьянина...Мир и притом мир немедленный»[48].

Показательно, что накануне революции М. В. Алексеев прямо сказал царю: «В войсках растёт оппозиция»[49]. А Великий князь Александр Михайлович так оценивал состояние столичного гарнизона к февралю 1917 года: «Гарнизон столицы, …конечно, был слишком ненадёжной опорой в случае серьёзных беспорядков»[50].

Одним из ярких проявлений разложения якобы победоносной к февралю 1917 года Русской армии было массовое дезертирство. Например, Б. А. Энгельрардт, член «Прогрессивного блока», признаёт, что ещё во второй половине 1915 года «рос протест, очень болезненно отражавшийся на состоянии вооружённых сил, росло дезертирство»[51]. А. А. Брусилов сообщает, что прибывшее на фронт зимой 1916–1917 года пополнение было уже распропагандировано[52]. М. В. Родзянко также признавал, что в середине 1916 года дезертирство ещё по дороге на фронт достигало 25%. Он замечает: «Брожение в армии началось на почве недовольства высшим командным составом». Доходило до анекдота: часто в прибывающих на фронт эшелонах были лишь командиры, так как само пополнение разбегалось, так и не доехав до фронта[53]. А вот свидетельство печально известного в дальнейшем, а тогда полковника П. Н. Врангеля – командира одного из корпусов Юго-Западного фронта. Имея в виду конец 1916 года, Врангель сообщает: «Пополнения несли с собой совсем иной (т. е. не боевой – В. Р.) дух... Они неохотно шли на войну и жаждали мира. В последних боях сплошь и рядом наблюдались случаи «самострелов», пальцевые ранения с целью отправки в тыл стали особенно часты»[54].

---

[47] *Лукомский А. С.* Очерки моей жизни. Воспоминания. М, 2012, с.306.

[48] *Данилов Ю. Н.* Указ. соч., с.188.

[49] *Блок А.* Последние дни императорской власти. Пг, 1921 с.42.

[50] Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М, 1991, с. 224.

[51] *Энгельгардт Б. А.* Указ. соч., с.17.

[52] *Брусилов А. А.* Указ. соч., с.201.

[53] *Родзянко М. В.* Государственная Дума и февральская революция.//Архив русской революции, т. 6. Берлин 1922 сс.40–41, 43.

[54] *Врангель П. Н.* Воспоминания. М, 2006, с.10.

Ю. Н. Данилов, имея в виду положение в армии ещё в 1916 году, признавал: «Разразилось дезертирство с фронта и по пути на фронт... Дезертирство в столь значительных размерах, что бывали случаи исчезновения всего перевозившегося состава; к месту назначения прибывали только начальствующие лица разбежавшегося эшелона»[55]. Вспомним, что подобное массовое явление признавал и М. В. Родзянко. В декабре 1916 года на совещании главнокомандующих фронтами Русской армии командовавший фронтами Северного фронта генерал от инфантерии Н. В. Рузский сообщил, что войска его фронта распропагандированы. Это подтвердил и А. А. Брусилов: прибывшее на его Юго-Западный фронт из Рижского района пополнение небоеспособно и отказывается идти в атаку. Командовавший действовавшим на том же направлении полком полковник И. И. Вацетис также свидетельствует: «Можно сказать с уверенностью, что в 1916 году русская армия уже не хотела сражаться. Это было видно во время наступательных действий на Рижском фронте». Верховский 31 декабря 1916 года записал в дневнике: «Армия потеряла терпение. На фронте она ещё держится, но в тыловых гарнизонах… идёт брожение. Главная тема – нежелание солдат идти на фронт… В Петрограде все говорят, что петроградский гарнизон ненадёжен, что он сделает революцию»[56]. Даже председатель Петроградского Союза городов В. А. Оболенский был вынужден отметить, рассказывая о событиях тех дней: «Со всех сторон приходили сведения о нараставших в армии… революционных настроениях»[57].

А. Ф. Керенский так обрисовал положение в армии в январе 1917 года: в ней «не прекращались... бунты... началось непрерывное дезертирство из армии... В январе 1917 года насчитывалось миллион двести тысяч дезертиров и их число постоянно росло. В армии шла самовольная демобилизация. Высшее командование было бессильно остановить разбегавшихся по домам солдат... Целые роты отказывались сражаться... Солдаты то и дело покидали траншеи, братались с немцами... В тылу отсутствие дисциплины чувствовалось ещё сильнее»[58]. Неужели эта красноречивая характеристика Русской армии кануна Февраля вкупе с приведёнными выше не заставит задуматься: как может побеждать армии, если в ней повсеместно творится такое?!

А вот что представлял собой командный состав Русской армии к Февралю 1917 года. Бывший всю войну начальником морского управления Ставки капитан 1 ранга А. Д. Бубнов заключает, что её «личный

---

[55] *Данилов Ю. Н.* Указ., соч., с. 188.

[56] Там же, с.189. *Вацетис И. И.* Моя жизнь и мои воспоминания // «Даугава», 1980, №5, с 94. *Верховский А. И.* Россия на голгофе.Пг, 1918, с.64.

[57] *Оболенский В. А.* Указ. соч., с.497.

[58] *Керенский А. Ф.* Русская революция. 1917.М, 2005, сс.92, 96–97.

состав в целом не был способен и не смог обрести в себе достаточно воли и мужества»[59]. Посланный в начале 1917 года Департаментом полиции на юг России для выявления настроения в армии жандармский полковник в докладе отмечал: разговоры о необходимости дворцового переворота «открыто велись в офицерских собраниях и не встречали необходимого противодействия со стороны высшего командного состава»[60]. Посетивший во второй половине июля 1916 года фронт в районе Луцка М. В. Родзянко пришёл к выводу, что «офицерам, как и солдатам, было очевидно, что при таких условиях победа немыслима»[61]. А. С. Лукомский вспоминает, что осенью 1916 года «очень многие, даже Георгиевские кавалеры, старались устроиться где-нибудь в тылу на более спокойных местах, а не оставаться на зиму в окопах»[62]. П. Н. Врангель также отмечал, что в конце 1916 года прибывающие на фронт офицеры «быстро падали духом, тяготились войной и совершенно неспособны были поднять и поддерживать дух своих солдат»63. А. А. Брусилов указывал, что зимой 1916–1917 года офицеры «были настроены по отношению к правительству в высшей степени враждебно. Везде, не стесняясь, говорили, что… совершенно необходимо установить ответственное (перед Государственной Думой – В. Р.) министерство.» Теперь вновь обратимся к мемуарам А. И. Верховсского. В 1916 году упоминавшийся капитан 1 ранга Бубнов сообщил ему, что к Алексееву незадолго до июля того же года приезжали члены Государственной Думы и под величайшим секретом поставили перед ним вопрос: не следует ли для сплочения России заменить царя на кого-либо из более сговорчивых великих князей и добиться таким путём предоставления Думе права выдвигать ответственное перед ней правительство и влиять на назначение на руководящие посты генералов более годных к управлению армией и флотом. Алексеев ответил на это решительным отказом, мотивируя это угрозой крушения армии. Верховский рассказывает, что на рубеже 1916–1917 годов Б. А. Энгельгардт говорил (это его мнение было поддержано на встрече крупных сановников) о тяжёлом положении в армии, необходимости поднять в Думе и Особом совещании по обороне вопрос о чистке командного состава. Энгельгардт при этом считал, что ситуация подходит к необходимости свержения царя. Верховский также сообщает, что в результате своей беседы в январе 1917 года с текстильным

---

59 *Бубнов А. Д.* В Царской Ставке. М, 2008, с.120.

60 *Курлов П. Г.* Указ. соч., с. 217.

61 *Родзянко М. В.* Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М 2002 с. 177.

62 *Лукомский А. С.* Указ. соч., с.306.

63 *Врангель П. Н.* Указ. соч., с.9.

магнатом А. И. Коноваловым они пришли к выводу, что русский генералитет бездарен[64].

Интересны свидетельства тогдашнего военного атташе Англии в России генерал-майора А. Нокса. 3 января 1917 года (н. с.) он записал в своём дневнике, что русские «офицеры начали открыто обсуждать царскую семью даже в беседе с иностранцами в такой манере, в какой это было бы невозможно ещё несколько недель назад». Как известно, 25 января (н.с.) того же года в день открытия заседаний Государственной Думы из Новгорода в столицу вызван гвардейский кавалерийский полк. Узнав об этом, «многие офицеры (этого полка – В. Р.) подавали рапорты с просьбой лучше отправить их на фронт, чем подвергать риску действовать в Петрограде в защиту правительства»[65]. В середине января 1917 года и. о. начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант генерал от кавалерии В. И. Гурко получил приказ царя пополнить столичный гарнизон. В первую очередь при этом было приказано прислать гвардейские части. Но Гурко прислал лишь Гвардейский флотский экипаж[66]. А главный начальник столичного военного округа генерал-лейтенант С. С. Хабалов заявил, что для всех вызванных нет мест в казармах города. Накануне Февраля 1917 года министр внутренних дел А. Д. Протопопов признал, что части столичного (и не только столичного) гарнизона были настроены революционно. Он докладывал царю: революционно настроен высший и низший командный состав, и даже офицеры Генерального штаба полевели[67].

Убийственную характеристику военному министру России тех дней генералу от инфантерии М. А. Беляеву даёт уже упоминавшийся А. Нокс. Он отмечает у Беляева «узость мышления» и что «его тупость делает всё безнадёжным»[68].

Как видим из всего выше сказанного, командный состав армии был настроен весьма критически в отношении царизма, не был способен и не горел желанием защищать его ни от внутреннего, ни от внешнего врага.

Где же видел выход командный состав Русской армии? Для начала обратимся к мемуарам Дж. Бьюкенена. Уже в начале февраля (н. с.) 1916 года в беседе с царём он прямо заявил последнему, что возвращающиеся с фронта офицеры и даже генералы «заявляют, что пора убрать с дороги всех тех, кто виноват в страданиях армии»[69]. П. Н. Врангель вспоминал,

---

64 *Брусилов А. А.* Указ. соч., с. 201. *Верховский А. А.* На трудном перевале, сс.118, 147, 158–159.

65 *А. Нокс*. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917.М, 2014, с. 461.

66 *Ольденбург С. С*. Царствование императора Николая II. Спб, 1991, с.624.

67 *Блок А*. Указ. соч., с.42.

68 *Нокс А*. Указ. соч., с.468.

69 *Бьюкенен Дж*. Указ. соч., с.166.

что в конце 1916 года командир конной дивизии, в которой он служил, – Крымов А. М. – «доказывал мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идём к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, немедленно устранили бы Государя «дворцовым переворотом»[70]. Дворцовый комендант генерал-майор В. Н. Воейков отмечает, что в конце 1916 года агитация за заговор против царя имела результатом «развращение командного элемента армии, в то время преимущественно состоявшего из офицеров генерального штаба»[71].

Приехавший в начале января 1917 года с Румынского фронта в столицу генерал-майор Крымов А. М. на встрече с членами Государственного Совета и Особого совещания по обороне заявил, что по его мнению положение в армии катастрофическое и заключил: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет… Времени терять нельзя!»[72] Как бы продолжая высказывать эту свою позицию, вернувшись из столицы в штаб фронта, Крылов 11 февраля того же года в Кишинёве в разговоре с Врангелем говорил, «негодуя на ставку и правительство, осуждая безумную и преступную политику, приводя целый ряд новых, один другого возмутительнее, примеров произвола, злоупотреблений и бездарности власти»[73].

Не удивительно, что беседуя с царём 12 января (н.с.) 1917 года, Дж. Бьюкенен предупредил Николая, «что в случае революции царь может рассчитывать лишь на небольшую часть армии»[74]. Ф. Ф. Юсупов утверждает, что против царя «в заговоре были все вплоть до генералов»[75]. Великий князь Александр Михайлович, рассказывая о самом кануне революции, говорит, что с фронта ожидалось прибытие в столицу гвардейских кавалерийских полков. Однако, по его мнению, изменники в Ставке отменили этот приказ царя (! – В.Р.) под влиянием лидеров Государственной Думы[76]. Весьма показателен и рассказ о его беседе в феврале 1917 года со своим родным братом Великим князем Георгием Михайловичем. Последний в те дни был генерал-адъютантом, состоял при Ставке Верховного Главнокомандующего, В его обязанности входили постоянные поездки по фронтам с последующим составлением

---

[70] *Врангель П. Н.*Указ. соч., с.12.

[71] Воейков В.Н. С царем и без царя. М. 1991, с. 210.

[72] *Родзянко М. В*, Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М, 2002, с.208.

[73] *Врангель П. Н.* Указ. соч., с.23.

[74] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч., с.196.

[75] Юсупов Ф.Ф. Указ. соч., с. 168.

[76] Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М.1991, с.224.

донесений об общем положении. Из выше упомянутой беседы Александр Михайлович сделал такой вывод: «Его (Георгия Михайловича – В. Р.) наблюдения подтвердили мои самые худшие опасения. Армия и заговорщики были готовы, чтобы разрушить Империю»[77].

Из всего выше сказанного следует, что командный состав армии не только не радел за Николая и его режим, но и планировал их свержение. Поэтому, конечно же, прав В. А. Оболенский, признававший, что в конце 1916 года «в возможность побед на фронте никто не верил»[78].

Стояла ли русская армия на пороге побед к началу 1917 года? Вот как отвечают на этот вопрос современники тех событий. Морской министр и председатель Адмиралтейств-совета адмирал И. К. Григорович констатирует: «1916 год кончился не блестящими успехами, всюду неудачи». Верховский 31 декабря 1916 года записал в дневнике, что за два с половиной года русская армия не добилась успехов, и окончательной победы над Германией. Завершить разговор на заявленную тему хотелось бы приводимым ниже высказыванием командира действовавшего в конце 1916 года в Белоруссии 28-го армейского корпуса генерал-майора Залесского П. И. Он также заочно решительно опровергает навязываемое ныне мнение о том, что накануне Февраля 1917 года Русская армия стояла на пороге своих решающих побед и тех, кто восхищается царём как выдающимся полководцем: «Такое утверждение ни на чём не основано, ибо…к концу 1916 и началу 1917 года…не было никаких ясных и твёрдых оснований для оптимизма… Неспособность русских властей дать надлежащую силу русскому фронту становилась вне сомнений»[79].

---

[77] Там же, с.225.

[78] *Оболенский В. А.* Указ. соч., с.503.

[79] *Григорович И. К.* Воспоминания бывшего морского министра. Кронштадт. 2005.с. 117. *Верховский А. А.* Россия на голгофе, с.63. *Залесский П. И.* Возмездие. Берлин, 1925, сс.204–205.

С. Н. Базанов

АРМИЯ В 1917 ГОДУ

Прошло 100 лет со времени переломных революционных событий 1917 г. – свержения самодержавия и установления власти Советов. Огромную роль в них сыграли рабочие и крестьяне в солдатских шинелях, мобилизованные в годы Первой мировой войны. Изучение участия в этих процессах русской армии, которая, по выражению В. И. Ленина, «вобрала в себя весь цвет народных сил»[1], началось в 1920-х годах и продолжается по настоящее время. Анализу соответствующего комплекса научной литературы посвящено немало обстоятельных работ, в том числе монографий, поэтому нет необходимости подробно останавливаться на ее разборе. Отметим только, что революционное движение в армии в целом рассматривается в разделах крупных трудов по истории революций 1917 г., ряде книг, кроме того, несколько десятков исследований опубликовано по отдельным проблемам этого явления.

Необходимо отметить, что практически вся имеющаяся литература по послеоктябрьскому периоду страдает таким серьезным недостатком, как весьма поверхностный показ событий на фронте в целом, не говоря уже об истории борьбы за власть в действующей армии, приведшей к ее развалу. Отчасти это вызвано значительно меньшим по сравнению с дооктябрьским периодом количеством документальных источников, сохранившихся в фондах государственных архивов. Дело в том, что в период германского наступления в феврале 1918 г. многие штабы полков, дивизий, корпусов и даже армий на Северном и Западном фронтах были захвачены противником (в плен попал даже штаб Западного фронта). А на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах значительная масса документов вместе с огромным военным имуществом действующей армии стали добычей вооруженных формирований украинской Центральной рады и правительства Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии) – Закавказского комиссариата.

Надо сказать, что в известной степени эти пробелы восполняются таким важным источником, как периодическая печать 1917–1918 гг. –

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 8.

многие десятки газет, выходивших в тот период как в центре, так и в действующей армии и прифронтовых районах. В них освещались (по-разному, в зависимости от партийной принадлежности) послеоктябрьские события на фронте, публиковались письма солдат и офицеров, резолюции фронтовых, армейских, корпусных и прочих съездов, митингов, собраний, наказы солдат различным властным структурам, постановления солдатских комитетов, приказы большевистских ревкомов и советских комиссаров и многое другое.

Следует признать, что при анализе революционных процессов в армии в 1917 г. исследователи рассматривали их по одной схеме, а события унифицировали, уделяя внимание прежде всего вопросам, связанным с проведением Октябрьской революции. Все работы заканчивались главным образом безапелляционным утверждением о том, что советская власть окончательно установлена на том или ином фронте либо в армии такого-то числа такого-то месяца. Как правило, для подобного заключения хватало резолюции, в поддержку (или о признании) новой власти, вынесенной съездом солдатских депутатов изучаемого объекта. Тем не менее действующая армия, насчитывавшая в 1917 г. около 7 млн. человек, что составляло 80% состава вооруженных сил государства, в основном лояльная к советской власти, в течение менее чем четырех месяцев была ею демобилизована и в марте 1918 г. прекратила существование.

Попытаемся дать общую картину процессов, происходивших на протяжении 1917 г. в русских вооруженных силах, в частности демократизации от Февраля к Октябрю, приведшей к необратимым последствиям. Особенно значим послеоктябрьский период, так как именно в конце октября – ноябре разгорелась острая борьба за власть между большевиками и их политическими противниками на всех пяти фронтах, каждый из которых обладал своей спецификой. Важно раскрыть и отношение солдатских масс к этому противостоянию, их участие в претворении в жизнь первых советских декретов, влияние последних на исход борьбы за армию, закончившейся ее ликвидацией.

Отметим: развал русской армии начался задолго до Февральской революции и явился объективным необратимым результатом краха самодержавия. Уже начальные месяцы Первой мировой войны показали неспособность царизма руководить государством и управлять армией в военной обстановке.

Массовая мобилизация самой трудоспособной части населения страны привела к большим качественным экономическим и политическим сдвигам как в народном хозяйстве, так и во всем комплексе классовых и межнациональных взаимоотношений. Именно в годы первого глобального вооруженного конфликта XX в. армия как никогда была

тесно связана с российским обществом. Поэтому отрицательное отношение значительной части населения к ведению царским правительством войны (особенно после поражений на полях сражений 1915 г.), снижению жизненного уровня, массовых мобилизаций на фронт и т. д. не обошло и действующую армию. К тому же затяжной характер войны, недостаточное материальное и продовольственное снабжение, всевозможные тяготы и лишения фронтовой жизни и другие негативные факторы явились причиной падения воинской дисциплины и, как следствие, начала разложения армии.

Февральская революция вызвала радикальные перемены в различных областях жизни российского общества, в том числе и в армии. Пришедшее к власти Временное правительство с подачи Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов начало осуществлять свою военную политику с заигрывания с солдатской массой, помня, что именно армия внесла решающий вклад в дело победы Февральской революции. Ярким примером такой политики стал знаменитый Приказ № 1 Петроградского совета, узаконивший стихийно возникшие в Февральские дни солдатские комитеты[2]. Именно он положил начало двоевластию в вооруженных силах и, как показали последующие события, ускорил их развал. В течение марта-апреля все тыловые гарнизоны и действующая армия были покрыты густой сетью солдатских комитетов, главной целью которых был контроль над командным составом. Число солдатских комитетов различных степеней приближалось к 50 тысячам, в них состояло до 300 тыс. членов[3].

Крупной ошибкой Временного правительства стало и узаконение солдатских митингов, так как выступавшие на них представители левых партий и групп не только активно агитировали солдат против войны, но и открыто призывали их к неповиновению своим же солдатским комитетам, проводившим проправительственную политику. Поскольку с точки зрения революции бунтовать было вполне законно, то солдаты и бунтовали, причем без антивоенной и антиправительственной пропаганды, а лишь согласно своей «революционной совести», как тогда говорили. Особенно крупные антивоенные солдатские выступления произошли в период Июньского наступления, когда целые полки отказывались идти в бой, что в конечном счете привело к провалу всей операции[4].

---

[2] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.

[3] *Голуб П. А.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918. М., 1967. С. 34.

[4] Подробнее об этом см., например: *Базанов С. Н.* Антивоенные выступления на фронте в марте-октябре 1917 г. Причины и последствия // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 262–267.

Не сумело Временное правительство в полной мере использовать и вспышку революционного патриотизма, охватившего весной-летом 1917 г. часть российского общества, в том числе военнослужащих. Созданные наспех добровольческие воинские формирования – ударные батальоны – были тут же брошены на самые опасные участки в период Июньского наступления, где были в основном уничтожены противником. Замены же их личного состава уже не было[5].

После ликвидации корниловского выступления деятельность большевиков в действующей армии значительно активизировалась, что проявилось в резкой большевизации солдатских комитетов. Стихийные антивоенные митинги, отказы солдат выполнять боевые приказы, массовые братания (как и весной 1917 г.) уже становились нормой[6]. И волна этих акций неуклонно нарастала по мере приближения к Октябрю, к которому большевики тщательно готовились, создавая явочным порядком как в стране, так и в действующей армии свои боевые органы по взятию власти – военно-революционные комитеты.

Начавшаяся сразу после Октября борьба за власть в действующей армии между местными большевистскими организациями, большевизированными солдатскими комитетами, с одной стороны, и местными партийными организациями их политических противников, эсеро-меньшевистскими солдатскими комитетами, комиссарами Временного правительства и командованием, с другой, ускорила ее окончательный развал. Обе противоборствующие стороны создавали свои оперативные органы взятия власти: большевики – военно-революционные комитеты и институт советских комиссаров, а их политические противники – комитеты спасения родины и революции, комитеты общественной безопасности, эсеро-меньшевистские военно-революционные комитеты (как это было на Румынском фронте) и др.[7]

Наибольшее число военно-революционных комитетов появилось на самых важных для победы Октября фронтах – Северном и Западном, чему, среди прочего, способствовало и то обстоятельство, что благодаря близости к Петрограду и Москве эти фронты еще в дооктябрьский период были наиболее подвержены воздействию большевистской пропаганды. Однако в первые послеоктябрьские дни большевики действовали

---

[5] Подробнее об этом см., например: *Базанов С. Н.* Из истории создания ударных батальонов в русской армии в 1917 г. // Война и мир в новой и новейшей истории России (К 100-летию начала Первой мировой войны). Сборник статей. М., 2014. С. 128–139.

[6] Подробнее об этом см., например: *Базанов С. Н.* Феномен братания на русском фронте // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей. Калининград, 2013. С. 154–162.

[7] Подробнее об этом см., например: *Базанов С. Н.* Великая война: как погибала русская армия. М., 2014. С. 70–324.

крайне осторожно, избегая риска возникновения гражданской войны на столь близком к столицам участке. Их главные усилия были нацелены на недопущение вмешательства войск Северного фронта в петроградские события, а Западного – в московские. Когда же такая опасность миновала, большевики этих фронтов через ревкомы и советских комиссаров, назначенных во все армии, корпуса, дивизии и полки, буквально в течение ноября установили полный контроль над командованием, переизбрали солдатские комитеты, в которых раньше преобладали эсеры и меньшевики, и ликвидировали институт комиссаров Временного правительства.

Политические же противники большевиков, тоже имевшие свои очаги сопротивления – в лице командования, эсеро-меньшевистских солдатских комитетов, комиссаров Временного правительства, а также сравнительно немногочисленных комитетов спасения революции, тем не менее не смогли противостоять хорошей организованности, оперативности и готовности к борьбе местных большевиков (в частности, на Северном фронте начавших создавать военно-революционные комитеты еще накануне Октября).

По иным сценариям развивались события на отдаленных от столиц Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах. Большевистское влияние на солдатские массы здесь в целом было невелико. В тылу этих фронтов также не было крупных большевистских организаций, которые могли бы стать источниками такого влияния. Информация о политических событиях, поступавшая из Петрограда и Москвы, тщательно фильтровалась командованием и эсеро-меньшевистскими солдатскими комитетами. Кроме того, внушительной «третьей силой» на Юго-Западном и Румынском фронтах была украинская Центральная рада, а на Кавказском фронте – правительство Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия), т. е. Закавказский комиссариат.

На этих фронтах эсерами, меньшевиками и представителями местных национальных партий велась массированная и небезуспешная контрбольшевистская пропаганда, хотя ее воздействие на солдатские массы не было глубоким, а политические симпатии солдат отличались терпимостью. Несмотря на это в сложившейся ситуации эсеро-меньшевистское руководство солдатских комитетов и командование дальних фронтов смогло перехватить политическую инициативу у большевиков.

Так, на Юго-Западном и Кавказском фронтах раньше, чем большевистские ревкомы, были созданы комитеты спасения революции (фронтовой и во всех армиях Юго-Западного фронта) и Закавказский комитет общественной безопасности, распространивший свою власть на все части и соединения Кавказского фронта. На Румынском же фронте в первые

послеоктябрьские дни были образованы фронтовой и армейские эсеро-меньшевистские военно-революционные комитеты – по сути, те же комитеты спасения революции или комитеты общественной безопасности.

Однако большевики отдаленных от столиц фронтов по примеру Северного и Западного также начали создавать свои ревкомы и явочным порядком назначать в части и соединения своих комиссаров. Наиболее успешно сеть большевистских ревкомов росла в низовых звеньях – ротах и полках. Предпринимались большевиками и попытки переизбрания солдатских комитетов. Впрочем, нельзя не отметить, что время большевиками здесь в общем было упущено. К тому же командование этих фронтов имело сильную поддержку в лице вооруженных формирований Центральной рады и Закавказского комиссариата, а солдатские массы, как и на других фронтах, всячески уклонялись от оказания военной помощи как большевикам, так и их политическим противникам.

В значительной степени благодаря такому нейтралитету многие военачальники на Румынском и Кавказском фронте смогли сохранить свои посты до окончательной демобилизации действующей армии. И вполне естественно, что в сложившейся ситуации главнокомандующие армиями Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов отказались признать нового Верховного главнокомандующего большевика Н. В. Крыленко, даже несмотря на взятие им Ставки в Могилеве. Все это неопровержимо свидетельствовало о том, что на трех фронтах (из пяти), причем на самых многочисленных, над командованием и солдатскими комитетами большевистский контроль в лице военно-революционных комитетов и советских комиссаров установлен не был.

Следует подчеркнуть, что непосредственно в борьбе за власть в действующей армии участвовал сравнительно небольшой процент военнослужащих обоих противоборствующих лагерей. Это в основном члены большевистских ревкомов, большевизированных солдатских комитетов, советские комиссары, с одной стороны, и представители командования, комиссары Временного правительства, члены эсеро-меньшевистских солдатских комитетов, с другой. Включились в противоборство также некоторые солдаты и офицеры, вовлеченные как большевиками, так и их политическими противниками в небольшие вооруженные отряды и группы, предназначенные для захвата и взятия под контроль тех или иных объектов, для арестов и др.

Основная же масса солдат, как показал ход послеоктябрьских событий на фронте, в целом занимала выжидательную позицию и даже, благодаря первым советским декретам о мире и о земле, проявляла весьма благожелательный для большевиков нейтралитет. Впрочем, было заметно явное желание солдат всячески избежать гражданской войны в

самой действующей армии, что наиболее отчетливо проявилось в их решительном отказе оказать вооруженную помощь как сторонникам Временного правительства, так и большевикам.

В ноябре 1917 г. на фронте состоялись выборы в Учредительное собрание. На Северном и Западном фронтах, самых распропагандированных большевиками еще в дооктябрьский период, за них голосовало 56 и 67% соответственно, на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах – 31, 15 и 18% соответственно[8]. Всего же за большевиков в действующей армии отдали голоса 38,8 % избирателей, т. е. больше, чем по стране в целом (24,6%). Отметим, что сам факт достаточно активного участия в выборах (в среднем 72%)[9] указывал на значение, которое солдаты-фронтовики придавали Учредительному собранию. Причем практически полностью солдаты проголосовали за социалистические партии. Новую же советскую власть они понимали как демократическую и общесоциалистическую.

Если от участия в борьбе за власть в действующей армии между большевиками и их политическими противниками солдаты в своей массе уклонялись, занимая в основном выжидательную позицию, то в претворении в жизнь первых советских декретов – о мире, о земле, о демократизации и демобилизации – приняли весьма активное участие. Особенно ярко активность фронтовиков проявилась в реализации декрета о мире: значительное их число вошло в различные мирные делегации, сформированные солдатскими комитетами для заключения локальных перемирий («солдатских миров»), еще больше участвовало в организованных братаниях[10].

Однако заключение перемирий с противником проходило в острой борьбе большевиков с командным составом, так как последний, в частности на Северном и Западном фронтах, саботировал все подобные мероприятия новой власти. Это противостояние, как известно, закончилось смещением с постов и арестом командования фронтов и подписанием перемирия большевистскими ревкомами. В сложившихся условиях командованию Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов ничего другого не оставалось, как вслед за Северным и Западным фронтами самим заключить такие перемирия.

Декрет о земле породил огромную волну аграрных беспорядков в прифронтовой полосе, в которых активными участниками, а зачастую и организаторами погромов были солдаты-фронтовики[11].

---

[8] *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 241.

[9] Там же. С. 243–245.

[10] Подробнее об этом см., например: *Базанов С. Н.* Великая война: как погибала русская армия. С. 222–254.

[11] Подробнее об этом см., например: *Базанов С. Н.* Там же. С. 254–263.

Декреты о демократизации и демобилизации претворялись в жизнь под руководством большевизированных солдатских и военно-революционных комитетов (в основном на Северном, Западном и отчасти Юго-Западном фронтах), хотя солдаты часто вносили выгодные им коррективы и предложения. Между тем претворение в жизнь этих декретов наносило сильнейший удар по дисциплине и обороноспособности действующей армии, а самочинная демобилизация, спровоцированная декретом о мире и первым декретом о демобилизации («О постепенном сокращении численности армии»), явилась началом уже необратимого процесса развала армии[12].

Значительный урон нанесла действующей армии и послеоктябрьская демократизация, целью которой был слом сопротивления преобладающей части генералитета и офицерского корпуса политике сепаратного мира и приобщение армии к политическим целям новой власти[13]. Это в конечном итоге привело к параличу и так уже надломленного аппарата управления на фронтах. Взятие Ставки вооруженными отрядами Н. В. Крыленко, отстранение от должности лиц командного состава и замена их представителями солдатской массы, единственным критерием для выбора которых являлась политическая благонадежность к новой власти, привели к полному параличу управления войсками.

По мере участия в претворении в жизнь первых декретов советской власти солдатские массы все меньше поддавались какому бы то ни было воздействию, переставая подчиняться и большевистским ревкомам, и солдатским комитетам, и советским комиссарам, и даже выбранным ими же из своей среды командирам. Новая власть не нашла и ощутимой военной опоры в солдатских массах действующей армии, что подтверждает тот факт, что к весне 1918 г. в Красную армию записалось только около 70 тыс. добровольцев-фронтовиков – приблизительно 1% действующей армии (как известно, осенью 1917 г. в ней находилось около 7 млн человек)[14].

Словом, пока большевики и их политические противники вели ожесточенную борьбу за власть в действующей армии, солдаты громили помещичьи имения и зажиточные хозяйства в прифронтовых районах, занимались меновой торговлей с противником, самодемобилизовывались, да и просто дезертировали, и ряды армии катастрофически таяли, а те, кто еще оставался на фронте, представляли собой недисциплини-

---

[12] Подробнее об этом см., например: *Базанов С. Н.* Демобилизация действующей армии в ноябре 1917 г. – марте 1918 г. и ее последствия // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918–1920 годы). М., 2009. С. 35–54.

[13] Подробнее об этом см., например: *Базанов С. Н.* Великая война: как погибала русская армия. С. 263–300.

[14] *Голуб П. А.* Указ. соч. С. 292.

рованную, малоуправляемую вооруженную толпу. Начавшееся 18 февраля 1918 г. немецкое наступление показало, что русской армии больше нет. Разрозненные ее остатки фактически бежали перед наступавшими малочисленными германскими отрядами, которые легко заняли ряд прифронтовых городов и вышли на широкий оперативный простор.

Из бесконечно усталой, надломленной военными неудачами и антивоенной агитацией русской армии исходили волны безудержной ярости и ожесточенности, она заражала своим распадом еще здоровые ткани общественного организма. Отбросив прежние иллюзии относительно революционности армии, Ленин в феврале 1918 г. сделал единственно возможный в сложившейся обстановке вывод о том, что всякие попытки сохранить ее не только бесполезны, но и опасны, «ибо крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений – вероятно, даже не через месяцы, а через недели – свергнет социалистическое рабочее правительство»[15].

Таким образом, борьба большевиков и их политических противников за власть в армии не принесла победу никому. Последние части и соединения были окончательно расформированы, а солдаты демобилизованы в конце марта – апреле 1918 г. Такой результат вполне закономерен: если политические бури лихорадят общество, то же самое происходит и с военнослужащими, так как страна и армия – единый организм.

---

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 250.

В. А. Попович

ФЛОТ В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

В феврале 1917 г. народ с участием солдат и матросов свергли царское самодержавие, но и Временное правительство не устраивало большинство граждан России. Газета при ЦК РСДРП «Солдатская Правда» писала: «Товарищи! Молча терпеть дальше такие порядки нельзя! Молчать после всего этого преступно!»[1]. Флот принял активное участие в Февральской революции. Знамя борьбы подняли моряки в Кронштадте, Гельсингфорсе, Ревеле, Або и других морских базах. Матросов учебно-минного отряда поддержали воины кронштадтского пехотного полка, 1-го Балтийского флотского экипажа, рабочие порохового завода. Они захватили телеграф, почту, банк, порт, казармы. Генерал-губернатор Кронштадта вице-адмирал Р. Н. Вирен и 50 монархистов были расстреляны.

Вместо вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтфлотом избрали начальника минной обороны вице-адмирала А. С. Максимова. Выступления прошли в Гельсингфорсе, Одессе, Севастополе, Баку, Владивостоке. Подготовка к восстанию велась на фабриках, заводах, кораблях, в армейских частях, создан Центральный комитет Балтфлота (Центробалт). Его председателем избран матрос-большевик П. Дыбенко. Состоявшийся 26 июля 1917 г. VI съезд РСДРП (б) взял курс на вооруженное восстание. Большую роль играла газета «Пролетарское дело», где опубликованы статьи В. И. Ленина «Три кризиса», «Политическое положение», «Благодарность князю Львову» и другие разоблачающие Временное правительство.

С 25 сентября по 5 октября 1917 г. в Гельсингфорсе проходил II съезд представителей Балтфлота, который постановил ввести на кораблях институт комиссаров. Съездом принят устав Центробалта, избрано 14 делегатов на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

---

[1] Газета «Правда», 1917. март.

Среди делегатов были моряки: П. Е. Дыбенко, Н. А. Ховрин, А. Г. Железняков. Популярность идей большевиков стремительно росла и к лету в парторганизации флота было около 14 тыс. членов. Так, на линейном корабле «Республика» было 520 большевиков, на «Петропавловске» – 160, «Гангуте» – 150. 11 июля Керенский предписал комфлоту закрыть газеты «Волна», «Утро правды», «Луч» и «Голос правды», арестованы большевики В. А. Антонов-Овсеенко и М. Г. Рошаль, введена смертная казнь.

10 октября ЦК партии большевиков принял резолюцию о подготовке вооруженного восстания. Для оперативного руководства избрана тройка: П. Е. Дыбенко, Ф. С. Аверичкин и Н. Ф. Измайлов с неограниченными полномочиями. Восстание в Петрограде началось 24 октября. ЦК и ВРК разослал всем комиссарам, полковым и судовым комитетам «Предписание №1» о приведении революционных частей в боевую готовность. Через радиостанцию крейсера «Аврора» передано всем матросам, солдатам и рабочим выступить на защиту революции по условной телеграмме «Высылай устав», что означало о немедленном направлении кораблей и революционных матросов. По призыву Военно-революционного комитета из Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля в Петроград прибыло более 20 тысяч вооруженных матросов и 22 боевых корабля, которые участвовали во взятии важнейших опорных пунктов Временного правительства: вокзалов, мостов, телеграфной и телефонной станций, Зимнего дворца.

В письме «Советы постороннего» В. И. Ленин изложил основные требования вооруженного восстания, он писал: «…одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил… Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову… Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войск, – такова задача, требующая искусства и тройной смелости»[2]. Ленин большие надежды возлагал на флот. В 1991 г. рекомендации вождя проигнорированы, власть оказались в руках предателей.

В 21 час 45 мин. крейсер «Аврора» под командованием комиссара А. В. Белышева произвел исторический выстрел из 6-дюймового орудия и революционные отряды пошли на штурм Зимнего. Отряд авроровцев возглавлял А. С. Неволин, который штурмовал Зимний со стороны Александровского сада, а отряд секретаря судового комитета К. И. Душенова – от Адмиралтейской набережной. Дворец матросы взяли штурмом. Вре-

[2] *Блонский Л.В., Титкова Т. В.* Флот России. М., 2008. С. 410.

менное правительство в Зимнем отказалось капитулировать и было арестовано, Керенский бежал. Охрану дворца поручили морякам. В разгар штурма в Смольном открылся II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд сформировал первое в истории пролетарское правительство во главе с В. И. Лениным. 25 октября с радиостанции «Авроры» радиотелеграфист Алонцев передал подписанное В. И. Лениным воззвание Военно-революционного комитета «К гражданам России!», оповестившее человечество, что государственная власть в России перешла народу. Декретом за подписью В. И. Ленина флот подчинили Верховной морской коллеги.

26 октября 1917 г. создан Военно-морской революционный комитет (ВМРК), а через два дня Верховная морская коллегия[3]. В ноябре 1917 г. состоялся I Всероссийский съезд военных моряков под председательством балтийца А. В. Баранова. На съезде выступил В. И. Ленин он в частности сказал: «Во флоте, мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, ибо в этом отношении флот показал себя, как передовой отряд»[4]. Съезд создал Верховную морскую коллегию в составе народного комиссара и двух специалистов. Первым наркомом по морским делам избран матрос П. Е. Дыбенко. Руководство флотами перешло в подчинение ЦК (на БФ – Центробалта, на ЧФ – Центрофлота, на Севере – Целедфлота).

Победа революции вызвала ненависть внутренних и внешних врагов, началась иностранная военная интервенция. Для защиты революции были созданы вооруженные отряды моряков. Так, на Балтфлоте в 1917–1918 гг. создано – 16, а в 1919 г. – 35 отрядов общей численностью около 46 тыс. чел. 6 декабря 1917 г. издан приказ Верховной Морской Коллегии по флоту и морскому ведомству «О введении коллегиального управления флотом» № 86 – управление флотами переходило в ведение центральных комитетов флотов.

23 января (5 февраля) 1918 г. декретом Совнаркома (СНК) за подписью В. И. Ленина флот национализирован. Сохранение судов возлагалось на судовые команды и союзы судовых рабочих каждого бассейна или моря. В нем говорилось: «Объявить общенациональной неделимой собственностью Советской республики судоходные предприятия, принадлежащие акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам и единоначальным крупным предпринимателям и владеющим морскими и речными судами всех типов, служащими для перевозки грузов и пассажиров, со всем движимым и недвижимым имуществом, активом и

---

[3] *Гричанюк Н. М., Дмитриев В. И., Корниенко А. И.* и др. ДК Балтийский флот. М. 1990., с. 88.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. т. 35, с. 114.

пассивом этих предприятий…»[5]. Национализации не подлежали суда для мелкого промысла, лоцманских обществ и товариществ.

15 января 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет об образовании Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а 29 января (11 февраля) 1918 г. декрет о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Сформированы Волжско-Ильменская, Северо-Волжская и Онежская флотилии. Корабли переоборудованные из буксиров, шаланд, речных и озерных танкеров сражались на Волге, Онеге, Днепре, Амуре, Каспии, Азове. Важным этапом для укрепления армии и флота является 22 апреля 1918 г. – день издания декрета ВЦИК «О порядке замещения должностей в Рабоче-крестьянской Красной Армии» – выборы командного состава были заменены.

Нарушив условия Брестского мира немцы оккупировали Финляндию, Прибалтику, Украину, Белоруссию, вторглись в приделы Дона, заняли Крым, Грузию, положение резко ухудшилось, началась иностранная военная интервенция – англичан, американцев, французов, итальянцев, японцев и других государств. Интервенты захватили обширные территории, убивали невинных граждан, насиловали женщин, грабили, вывозили материальные ценности. Немцы зверствовали на Украине и Кавказе, американцы, англичане и французы на Севере – Мурманске и Архангельске, японцы на Дальнем Востоке. Страна лишилась побережья Балтийского, Черного и Азовского морей, Северной части Европейской России, Дальнего Востока и других регионов. Советская власть контролировала только порты – Петрограда, Кронштадта и Астрахани. К 1921 г. в боевом составе РККФ (по сравнению с 1917 г.) было 5,5% линейных кораблей, 10% эскадренных миноносцев, 5,8% подлодок, 2,7% минных и сетевых заградителей, 7,2 % посыльных и сторожевых судов. Общее водоизмещение РККФ составляло около 16,2% от водоизмещения царского флота[6]. Из-за тяжелого финансового положения численность флота сократили с 86 580 до 36 929 чел.

В 1921 г. X съезд РКП (б) принято постановление о реорганизации армии и флота. Велась дискуссия между «старой» и «молодой» школами по вопросам строительства и использования Военно-морских сил. Представители «старой» школы поддерживались теории «владения морем», создания линейного флота (линкоры, крейсеры, миноносцы), а представители «молодой» школы исходили из реальной материальной возможности и оборонной доктрины строить самолеты, подлодки, быстроходные катера. Против флота выступали Л. Троцкий и М. Тухачевский считая его обузой и большой тратой средств. М. В. Фрунзе говорил:

---

[5] Красный архив, 1932, т.53, с.72.

[6] *Манаков М. С.* Главком. М. 2008.с.38.

«Мы не представляем себе возможности твердого обеспечения границ советской земли без наличия достаточно сильного морского флота»[7].

а). Балтийцы в борьбе за Советскую власть

К лету 1918 г. численность матросов в армии достигла около 20 тыс. чел. После отказа Л. Троцкого, возглавлявшего делегацию подписать мирный договор на условиях Германии, началось наступление немцев по всему фронту (от Балтики до Черного моря). Над Советской республикой нависла смертельная опасность. 21 февраля В. И. Ленин написал воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», призвал трудящихся к борьбе с захватчиками. Упорные бои развернулись под Псковом, Ревелем и Нарвой, где отличились моряки Балтфлота.

В районе Нарвы сражался отряд моряков под командованием П. Е. Дыбенко, под Псковом отряд моряков возглавлял Ф. С. Аверчиков. В память о подвиге революционных солдат и матросов 23 февраля установлен как День Красной Армии и Красного Флота. В связи с наступлением немцев 22 февраля корабли и суда, находившиеся в Ревеле переведены в Гельсингфорс, а 12 марта в Кронштадт. На Котлин и Петроград было переведено 236 кораблей и судов, сыгравших важную роль в обороне города.

Балтфлот насчитывал: 4 линейных корабля-дредноута, 9 крейсеров, 3 старых линкора, 45 миноносцев, 17 эскадренных миноносцев, 26 подлодок, 5 канонерских лодок, 23 минных и сетевых заградителя, 110 сторожевых кораблей и катеров, 89 тральщиков, 16 ледоколов и более 100 вспомогательных судов. В конце января 1918 г. декретом Совнаркома морское министерство переименовали в Народный комиссариат по морским делам (НКМД). Весной 1918 г. империалисты США, Англии, Франции, Германии и Японии начали военную интервенцию против Советской России, активизировались белогвардейцы. В этих условиях особое значение приобрел Восточный фронт, создана Волжская военная флотилия. Активным организатором ее создания был Н. Г. Маркин. Балтийцы отправили на Волгу дивизион миноносцев в составе: «Прочный», «Поражающий», «Прыткий» и «Ретивый» отряд возглавил Б. А. Карпинский.

2 декабря 1918 г. Реввоенсовет республики утвердил Ревсовет БФ, в составе начальника Морских сил и двух членов Реввоенсовета. В феврале 1919 г. создается политические отделы БФ и Кронштадтской ВМБ, потом политотделы Онежской флотилии и Шлисельбургской базы. Стремясь задушить революцию на Петроград наступали белофинны и белоэстонская армия. Флот интервентов и белогвардейцев насчитывал 12 крейсеров, 29 эскадренных миноносцев, 12 подлодок, несколько минных

[7] *Алексеев В. Н., Горшков С. Г., Касатонов В. А.* и др. О кораблях, о командирах, капитанах и матросах, не свернувших с курса, о верности присяге. М. 1970. с. 130.

заградителей, тральщиков, торпедных катеров и авиации. С английским флотом взаимодействовал 21 корабль Эстонии и Финляндии. Наступление противника началось после поражений Колчака в восточных регионах. Против агрессора революционный флот выставил более 20 кораблей, 6 подлодок и 12 самолетов с задачей не допустить высадки десанта и обстрелять вражеские корабли. Эскадренными миноносцами «Азард» и «Гавриил» была потоплена новейшая английская лодка «L-55», а 10 июня обстреляны надводные корабли англичан. В ночь на 13 июня контрреволюционеры во главе с комендантом форта Красная Горка подняли мятеж подготовленный английской разведкой. Арестовали всех коммунистов, а председателя Кронштадтского Совета М. М. Мартынова и уполномоченного Комитета обороны Петрограда М. К. Артемова расстреляли. К мятежникам присоединились форты Серая Лошадь и Обручев, что ухудшило оборону города. По восставшим нанесли мощный удар корабли «Петропавловск», «Андрей Первозванный», «Олег», «Гавриил», а моряки взяли штурмом форты. 11 июля 1919 г. Петроградский Совет наградил Балтфлот почетным революционным Красным Знаменем.

17 июня 1919 г. к стоявшему на якоре у Толбухина маяка крейсеру «Олег» подошел британский торпедный катер и выпустил торпеду, потопил крейсер. С 17 на 18 августа 1919 г. британские торпедные катера вновь атаковали корабли Балтфлота в Кронштадтской гавани потопив крейсер «Память Азова» и повредили линкор «Андрей Первозванный». Против англичан действовали ПЛ. 31 августа подлодка «Пантера» потопила новейший английский миноносец «Виттория», открыв боевой счет советских подводников. 3 декабря 1919 г. реввоенсовет Балтфлота наградил 18 чел. ПЛ именными часами, а командира А. Н. Бахтина орденом Красного Знамени. К осени империалисты Антанты и белогвардейцы организовали новый поход против Советской России. Главный удар наносили армии Деникина в направлении Донбасс – Харьков – Москва, и армия Юденича на Петроград. 16 сентября белые захватили Красное Село, Гатчину и подошли к Пулковским высотам. С моря белогвардейцам помогали английские и эстонские корабли. Над Петроградом нависла смертельная опасность. Ленин обратился к солдатам, матросам и рабочим защитить город. Флот послал на фронт более 10 отрядов численностью свыше 7 тыс. чел., создали три отряда для партизанской борьбы в тылу врага.

В борьбе с войсками Юденича проявили мужество бойцы во главе с Г. Г. Мадиным и И. Д. Снитко. Вражеские части были разбиты и бежали в Эстонию. В последующем остатки войск Юденича по требованию Советского правительства интернированы эстонцами. Разгром армии Деникина на юге и поражение белогвардейцев под Петроградом имели огромное

значение. На Балтике англичане потеряли – линейный крейсер, 2 эскадренных миноносца, подлодку, 2 тральщика, шесть катеров, транспорт, два моторных катера, 10 кораблей получили повреждения. В 1920 г. моряки-балтийцы принимали активное участие в борьбе против панской Польши.

б). Черноморцы в борьбе с врагами революции

С началом Февральской революции большевики ЧФ вышли из подполья и начали активную борьбу в Севастополе и других военно-морских базах. 1 июня 1917 г. избран Севастопольский комитет РСДРП(б), в который вошли С. Г. Сапронов (председатель), И. К. Ржанников (секретарь), И. Л. Слюсюков, А. И. Калич и др. На Черном море (к концу 1917 г.) было: 9 линкоров, 3 крейсера, 23 эсминца, 8 миноносцев, 17 подлодок, 8 минных и 5 сетевых заградителей, 39 тральщиков, 22 посыльных судна, 32 сторожевых катера-истребителя, 34 вооруженных транспорта, 8 гидрографических судов, 113 транспортов, госпитальное судно, 5 ледоколов, 2 спасательных судна, плавбазы, гидроавиация, транспорт, портовые суда. Воздушная дивизия имела 112 самолетов, а береговая оборона – 158 орудий[8].

В начале марта 1917 г. на флот поступила телеграмма от Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов № 1 «О выборе Комитетов и новом распорядке в воинских частях». В приказе говорилось о правах солдат и матросов, но, ни слова об их обязанностях. Разрешалось не выполнять приказы и не подчиняться офицерам. Матросам предлагали выбирать командиров по своему усмотрению. Начались аресты и расстрелы. В мае 1917 г. на линкоре «Воля» и крейсере «Память Меркурия» учреждена Севастопольская Украинская Рада – националисты пытались поднять украинские флаги. В Киеве появилась морская генеральная рада, которая стремилась подчинить Черноморский флот. Брожение в умах черноморцев и. уклонение от выполнения обязанностей приобрело массовый характер, командиры утратили власть, деморализованные офицеры в большинстве заняли позицию выжидания. 6 июня 1917 г. делегатское собрание Севастопольского гарнизона вынесло решение об отстранении Колчака и начштаба флота Смирнова от занимаемых должностей. Оба они бежали в вагоне военно-морского атташе США Гленнона.

Черноморцы положительно восприняли весть о победе вооруженного восстания в Петрограде. На кораблях и в частях прошли митинги, а в городе состоялась массовая демонстрация под лозунгом: «Да здравствует Социалистическая революция!». Решающее значение в сплочении моряков имел I Обще-черноморский флотский съезд, проходивший 6–19 ноября

[8] *Комоедов В. П., Татаринов А. А., Степанов А. Ю.* и др. Штаб Российского ЧФ (1831–2001 гг.). С. 2002. с. 32.

в Севастополе. Несмотря на то, что на съезде большевики были в меньшенстве (22 делегата из – 88 с решающим голосом), делегаты одобрил решения II Всероссийского съезда Советов, признали ЦИК Советов «единственным источником власти». Принято решение направить флотилию и отряд моряков на Дон для борьбы с Калединым, поднявшим мятеж против Советской власти. 9 ноября 1917 г. в Киев выехал матросский отряд численностью 700 чел., а 12 ноября из Севастополя в Ростов вышла флотилия под командованием матроса В. Е. Драчука.

2 декабря город Ростов заняли белогвардейцы учинив кровавую расправу над сторонниками Советов. На помощь отправлен отряд черноморцев – 2500 чел. под командованием А. Мокроусова, А. Толстова и С. Степанова. В пути получено указание народного комиссара по борьбе с контрреволюцией В. А. Антонова-Овсеенко двигаться к Белгороду, для перехвата шеститысячного отряда генерала Корнилова, следовавшего на соединение с войсками Каледина. Моряки разгромили основные силы противника, и преследовали его на протяжении 100 верст. Возвращаясь в Севастополь моряки помогли рабочим Александровска (Запорожье) разгромить банды Центральной рады и восстановить в городе Советскую власть. 16 декабря на заседании представителей кораблей и береговых частей избран Военно-революционный комитет – 20 чел. под председательством большевика Ю. П. Гавена. Власть в Севастополе перешла в руки большевиков. В декабре начала выходить газета «Известия Севастопольского Военно-революционного комитета», прошли выборы Совета, председателем избран Н. А. Пожаров, секретарем П. З. Марченко. Однако контрреволюция Крыма не смирилась и перешла в наступление. Ими создан объединенный крымский штаб, который возглавил Сейдамет и полковник царской армии Макухин. В их распоряжении находился крымский конный полк, татарский полк и около 1500 офицеров. Разоружив революционные части, белогвардейцы развернули бои в Ялте, Феодосии, Евпатории и других городах. Помощь защитникам городов оказывали корабельные моряки. 16 января 1918г. Советская власть установлена на Крымском полуострове, но враг сопротивлялся. Отряд моряков под командованием матроса Н. Ф. Кассесинова высадился в районе Таганрога. 24 февраля 1918 г. красногвардейцы освободили Ростов и Новочеркасск, подавили мятеж.

В Одессе войска Рады были разбиты, город освобожден. В адрес СНК и В. И. Ленина отправлена телеграмма об установлении в Одессе Советской власти. С участием моряков в январе 1918 г. установлена Советская власть в Николаеве. 15 января вспыхнуло вооруженное восстание в Киеве. На помощь киевлянам и рабочим завода «Арсенал» прибыли красногвардейские отряды из Харькова, отряд и бронепоезд черноморцев.

26 января 1918 г. в городе установлена Советская власть. 18 февраля 1918 г. войска кайзеровской Германии и Австро-Венгрии перешли в наступление. Черное море оказалось во власти германо-турецкого флота. Учитывая, что большое количество кораблей и судов лежало на дне Черного и Азовского морей, возникла потребность в их подъеме и восстановлении, но процесс был приостановлен в связи с иностранной военной интервенцией и гражданской войны. Председатель СНК В. И. Ленин подписал ряд декретов в т. ч.: «О национализации водолазного имущества»; «О работах по подъему затонувших судов на Черном и Азовском морях» и другие.

Оккупанты захватили огромные территории в Украине, заняли Крым, Грузию, другие регионы. 29 апреля 1918 г. из Севастополя в Новороссийск эвакуировали 14 эсминцев, 16 миноносцев, вспомогательный крейсер, дивизион быстроходных катеров и другие плавучие средства. При выходе из бухты корабли и суда были обстреляны немцами. Эсминец «Гневный» подбит и выбросился на берег, а эсминец «Заветный» затоплен своей командой, часть кораблей и судов оставили в т. ч.: 3 эсминца типа «Новак», 9 малых миноносцев-угольщиков, 14 подлодок. В Цемесской бухте Новороссийска скопилось много кораблей и судов (10 эскадренных миноносцев, 10 сторожевых катеров, до 30 пароходов). Чтобы исключить их захват немцами по распоряжению Председателя Совнаркома В. И. Ленина и Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова приказали их «немедленно уничтожить …»[9].

18 июня 1918 г. в 14 часов 45 минут началось затопление флота – самый трудный момент для экипажей кораблей. Члены экипажей обнажив головы, прощались со своими кораблями. Миноносцем «Керчь» были затоплены: эсминец «Пронзительный», «Калиакрия», «Гаджибей», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Стремительный», «Федониси», «Сметливый», «Свободная Россия». Последним затопили «Керчь». Часть кораблей по приказу и. о. командующего ЧФ капитана 1 ранга А. И. Тихменева отказались выполнить распоряжение и взяли курс на Севастополь. Среди них: линкор «Воля», эсминцы «Пылкий», «Поспешный», «Дерзкий», «Беспокойный», «Живой», «Жаркий» и гидроавиатранспорт «Троян». После ухода из Крыма интервентов, порты и корабли захватили белогвардейцы. К разграблению флота был причастен и адмирал А. Колчак, которым на закупку военного снаряжения передано: англичанам – 2883 пуда золота, французам – 1225, японцам – 2672 пуда[10].

В конце 1918 г. в Новороссийске белогвардейцы начали формировать Добровольческий военно-морской флот. К лету в его состав входили:

[9] *Блонский Л. В., Титкова Т. В.* Флот России. М., 2008. с.415.

[10] Главный душитель Сибири. «Советская России». 2009.,, №18. 29 октября.

один крейсер, четыре эсминца, два миноносца, три подводные лодки, две канонерские лодки, минный заградитель, девять катеров-истребителей и 20 вспомогательных судов. В последующем флот усилили шестью эсминцами прибывшими из Измира. После разгрома П. В. Врангеля (в ноябре 1920 г.) корабли ушли сначала в Константинополь, а в последующем в Бизерту.

В средине марта 1919 г. решением Реввоенсовета республики для борьбы с белогвардейцами, националистами и польскими интервентами создана Днепровская флотилия под командованием матроса А. Полупанова.

В боях в Северной Таврии активно действовали корабли под командованием Б. Хорошхина и моряки Азовской флотилии. Большую роль в разгроме 10-тысяного десанта врангелевцев генерала Улаглая (у станицы Приморско-Ахтарская, в районах Анапы и Тамани) сыграла морская экспедиционная дивизия, сформированная летом 1920 г. в составе четырех полков (днепровский, каспийский, черноморский и волжский). Начальником дивизии был П. И. Смирнов. Морская дивизия совместно с частями 9-й Кубанской армии разбила войска Улаглая. Летом 1920 г. реввоенсовет Юго-Западного фронта направил группу моряков во главе с А. В. Мокроусовым для руководства партизанскими отрядами Крыма. В ночь на 8 ноября 1920 г. войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе начали наступление в Крыму. Бойцы 15-й и 52-й стрелковых дивизий по пояс в студеной воде с оружием форсировали Севаш и взяли литовский полуостров. В боях отличились дивизии под командованием В. К. Блюхера и И. К. Грязнова. В сражении за Крым и Перекоп участвовали Усть-Днепровская и Азовская флотилии, высадив десант нанесший удар с тыла. 15 ноября революционные части заняли Севастополь, а 16 – Керчь, разбив последнего ставленника Антанты. В средине ноября 1920 г. белогвардейские Морские силы Юга России ушли из Крыма в Стамбул эвакуировав остатки врангелевцев.

Уходя из Севастополя интервенты взорвали машины и повредили механизмы пяти линкоров, трех эсминцев, а крейсер, линкор «Воля», шесть эсминцев и три подлодки угнали в Измир. В составе Добровольческой армии были: ледокол «Полезный», подлодка «Тюлень», канлодка «К-15». К лету 1920 г. белогвардейцы имели свыше 120 кораблей и судов, в том числе: линейный корабль, крейсер, 3 вспомогательных крейсера, 8 эсминцев, 9 канонерских лодок и другие. 21 ноября 1920 г. Черноморский флот преобразован в Русскую эскадру под командованием вице-адмирала Кедрова, которая ушла во французскую Бизерту (Тунис). В середине ноября 1920 г. корабли белогвардейцев с войсками и беженцами в составе дредноута, броненосца, 4 крейсеров, 10 эсминцев, 4 подлодок, 12

тральщиков, 119 транспортов и вспомогательных судов ушли из портов Крыма в Турцию. На кораблях и судах вывезли: 145 693 чел., из которых 116 758 военные и 28 935 гражданских лиц. Остатки врангелевских войск выгрузились на Галлиполийском полуострове и острове Лемнос, часть прибыла в Сербию, Болгарию и Румынию. В последующем эскадра совершила переход в Бизерту (Тунис), где просуществовала до 29 октября 1924 г. При ее расформировании французам досталось: 45 тыс. винтовок, 350 пулеметов 12 миллионов ружейных патронов, 330 снарядов и 60 тысяч ручных гранат[11].

С окончанием боевых действий расформированы Днепровская (декабрь 1920 г.), Азовская (апрель 1921 г.) флотилии и их корабли и суда влились в состав флота. В декабре 1920 г. сформировано управление Морских сил Черного моря (начальник Э. С. Панцержанский). В 1921–1922 гг. на Черное море прибыло 427 коммунистов, что значительно укрепило ядро партии в борьбе за возрождение флота. В марте 1921 г. в Москве подписан советско-турецкий договор «О дружбе и братстве», а в декабре на кораблях флота в Турцию прибыла миссия во главе с М. В. Фрунзе.

в). Каспийцы в борьбе за власть народа

В средине октября 1918 г. командующий морскими силами С. Е. Сакс издал приказ об организации Астрахано-Каспийской военной флотилии. На военном положении объявлены все плавучие средства астраханского районного управления водного транспорта. К декабрю 1918 г. в составе флотилии насчитывалось: 10 миноносцев, 4 подлодки, минный заградитель, 9 вооруженных пароходов, 12 катеров и ряд вспомогательных судов в т. ч. – «Коммунист», «Латыш», «Володарский», ледокол «Каспий», миноносцы «Финн», «Эмир бухарский». Для ведения боевых действий против интервентов и белогвардейцев, переброске сил и средств по водным коммуникациям создана Волжская военная флотилия. Речники сражались на воде и суше, участвовали в высадке десанта. При освобождении города Вольска корабли оказывали помощь войскам Красной Армии препятствуя обстрелу города со стороны реки. Против флотилии действовало пять судов неприятеля. Преследуя белогвардейцев флотилия с десантом пошла вверх по Каме. Краснофлотцы заняли Чистополь и другие населенные пункты.

В начале октября 1918 г. в ходе сражения с белогвардейцами погибла лодка «Ваня Коммунист» и 30 чел. В бою погиб помощник командующего Волжской флотилией Н. Г. Маркин. К месту ее гибели лодки прибыли корабли «Ретивый», «Добрый», «Товарищ» и плавучая база «Атаман Разин». В бою поврежден пароход «Авангард Революции», корабли

[11] *Гречанюк Н., Попов П.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957, с. 34.

«Товарищ» и «Добрый», а противник потерял канонерскую лодку и боевой корабль «Милютин». К началу 1919 г. в состав флотилии входило более 40 кораблей и судов, воздушный дивизион – 12 гидросамолетов, аэростат с плавучей базой и десантный отряд численностью более 800 чел. Моряки Астрахано-Каспийской флотилии сражались в районе Верхней и Нижней Волги, Казани, Камышина, Царицына, Астрахани, Красного и Черного Яра[12].

На Каспии флот интервентов насчитывал 18 боевых кораблей. В Петровске и в районе Гурьева находилась мощная группировка колчаковских войск. Перед флотилией стояла задача не допустить белогвардейский флот к советскому побережью, удержав за собой устье Волги. Для её выполнения флотилия выделила специальный морской отряд, в который вошли вооруженные пароходы: «Альтфатер», «Прилив», «Красноармеец», «Воля». Они освободили Гурьев, форт Александровский, Эзель. В ходе боя в Тюб-Карагандинском с английскими и белогвардейскими кораблями погибли: плавучая батарея №2, суда «Ревель», «Туман» и «Гельма». При налете английской авиации затонул эскадренный миноносец «Москвитин». В бою у форта Александровский, где находилась мощная радиостанция белых войск, потеряла ход и управление подводная лодка «Минога» – намотав на винт стальной трос. Поступила команда взорвать лодку, спасти ее согласился военмор В. Я. Исаев. Он без снаряжения более десяти раз спускался в холодную воду, лодку спасли.

Мужественно сражались моряки и речники Волжской, Днепровской, Донской, Беломорской, Астрахано-Каспийской, Северо-Двинской, Западно-Двинской, Чудской, Азовской и Онежской флотилий. Так, в 1920 г. у Лоева (Белоруссия) совершила прорыв через сильно укрепленный район белополяков Днепровская флотилия – это была одна из дерзких по замыслу, успешных операций. Для содействия войскам Туркестанского фронта в разгроме банд белогвардейцев и басмачей в феврале 1920 г. создана Амударьинская военная флотилия. С апреля по декабрь 1920 г. она входила в состав Аральской военной флотилии как отдельный отряд кораблей. По окончанию военных действий в ноябре 1921 г. ее расформировали.

В начале апреля 1920 г. для освобождения острова Чечень командование Волжско-Каспийской флотилии направило десант – пароход «Константин Кауфман», вспомогательные крейсера «Каспий» и «Пролетарий». В ходе операции разразился сильный шторм. На «Каспии» от удара волн разошлись листы обшивки корпуса, стала поступать вода, спущенные шлюпки разбивало о борт. Корабль лег на борт и перевернулся, – спасли 13 чел., а 54 утонули. Среди погибших – командир отряда В. А. Арский, комиссар И. П. Раквич, штурман О. А. Бейтлер. Несмотря на трагедию,

[12] Морской сборник. № 5. 2008. с.21.

о. Чечень освободили, в Энзели захвачено 10 крейсеров, 7 транспортов, 6 гидросамолетов[13].

г). Тихоокеанцы и амурцы в борьбе за Власть Советов.

Дальний Восток – исконно русская земля. Здесь проживают гордые, свободолюбивые патриоты земли русской. Как писал В. И. Ленин «Владивосток далеко – но ведь это город-то нашенский». Дальневосточники любят свой край, свою землю. Они всегда защищали ее от врагов – японских и американских империалистов. 1-я мировая война тяжелым бременем легла на плечи народа включая дальневосточников. На Дальнем Востоке большевики под руководством К. Суханова вели активную пропаганду среди населения. С победой Февральской революции на Дальнем Востоке начали создавать Советы рабочих и солдатских депутатов. Во Владивостокский Совет вошли матросы Сибирской военной флотилии. Избранный ЦК флотилии работал на правах комиссии городского совета. В дальневосточных городах и населенных пунктах большевики развернули борьбу за переход власти в руки Советов. Осенью 1918 г. во Владивостоке белогвардейцы сформировали Сибирскую военную флотилию, которая к маю 1921 г. насчитывала 25 судов, состояла из 3 дивизионов.

В Сибири и на Дальнем Востоке поднялись банды генералов Хорвата, Плешкова, атаманов Семенова, Гамова, Калмыкова, Орлова и других. Начиная с января 1918 г. на Владивостокском рейде появлялись американские крейсера «Бруклин» и «Сакраменто», японские крейсера «Асахи» и «Ивами», английский крейсер «Суффолк» и др. Моряки сражались с белогвардейцами на Градековском фронте, после чего разбитые банды Семенова, Калмыкова и Орлова бежали в Манчжурию. Ущерб, причиненный водному транспорту Амура составил 78,9 млн. руб. золотом. Из 549 судов в 1918 г. в составе русского торгового флота на Дальнем Востоке, к 1919 г. осталось 382, а к 1921 г. – 301 судно[14]. Японцы оккупировали огромную территорию Сибири и Дальнего Востока, где совершали неслыханные зверства. Уходя из Хабаровска осенью 1920 г. японцы затопили в Осиповском затоне канонерскую лодку «Корел» угнали с Амура и Владивостока десятки кораблей и судов в т. ч.: семь миноносцев, монитор «Шквал», ледоколы «Байкал», «Илья Муромец», канонерские лодки «Бурят», «Монгол», морской буксир «Свирь», пароход «Сильный» и др.

31 января 1920 г. восставшие рабочие, моряки Сибирской флотилии и солдаты Владивостокского гарнизона свергли генерала Розанова, создано коалиционное правительство куда вошли большевики П. М. Никифоров, С. Г. Лазо, В. М. Сибирцев. Учитывая отсутствие необходимых

[13] *Маковский А. А., Радченко Б. М.* Каспийская Краснознаменная. М., 1982. с. 60–64.
[14] *Шишкин С. Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957. с. 47.

сил ЦК ВКП(б) и СНК РСФСР в феврале 1920 г. принял решение о создании на Дальнем Востоке буферного государства – Дальневосточной Республики (ДВР). 5 апреля 1920 г. японцы напали на революционные войска Приморья, арестовали членов революционного военного совета Лазо, Сибирцева и Луцкого, передав их белогвардейцам атамана Бочкарева которые учинили над ними звериную расправу – сожгли в топке паровоза. Несмотря на зверства японцев и белогвардейцев власть в крае оставалась в руках Приморской областной земской управы руководимой большевиками. С мая 1920 г. началось возрождение Амурской флотилии под командованием В. Я. Канюка. Во Владивостоке на корабли и суда Сибирской флотилии комиссарами назначены А. Яковлев, Д. Коновалов, С. Орловский. Однако 26 мая 1921 г. остатки каппелевских и семеновских войск вместе с японцами совершили контрреволюционный переворот. Власть в городе перешла в руки буржуазно-монархического правительства, торговцев братьев Меркуловых. Во главе Сибирской флотилии стал контр-адмирал Старк. Этот махровый реакционер исключил из списков комиссаров и ввел в штат флотилии священников. Старк и братья Меркуловы стали торговать кораблями и судами продав японцам семь эсминцев и четыре парохода.

В ноябре 1921 г. белогвардейцы объявили «поход на Москву». Им удалось захватить Хабаровск и дойти до станции Ин. Важную роль в борьбе с контрреволюцией командование Народно-революционной армии под командованием В. К. Блюхера отводило морякам. 9 января утверждена должность командующего Народно-революционным флотом республики. Под Волочаевкой отличился сводный отряд моряков под командованием Н. И. Воруева. Моряки участвовали в освобождении Спасска, Уссурийска, Угольной. В сентябре канонерские лодки «Красное Знамя» и «Беднота» с десантом на борту очистили от белогвардейцев и интервентов Нижний Амур. 25 октября 1922 г. части Народно-революционной армии под командованием И. П. Уборевича вошли во Владивосток. В соответствии с Декретом ВЦИК от 15 ноября 1922 г. Дальневосточный край стал составной частью РСФСР[15].

История белогвардейского флота на территории России завершилась на Тихом океане. Из собранных во Владивостоке кораблей Сибирской эскадры под командованием контр-адмирала М. А. Бернса (командующий морскими силами при Приамурском губернаторе генерале Розанове), создан отряд особого назначения в составе крейсера «Орел», посыльного судна «Якут» и ледокола «Байкал». Двадцать пять кораблей русского флота сосредоточились в бухте Посьет. Вдоль Тихоокеанского

[15] *Захаров С. Е., Бевз С. С., Сабанеев В. Д.* и др. Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981. с. 85–86.

побережья собрали десяток боевых плавучих средств. На кораблях «Байкал», «Свирь», «Батарея», «Диомид», «Илья Муромец», «Парис», «Фарватер», «Страж», «Лейтенант Дыдымов», «Охотск» и «Манчжур» разместили остатки войск генералов Глебова, Лебедева и других. В начале декабря 1922 г. в сильный шторм затонул флагманский корабль «Лейтенант Дыдымов» и катер «Ретвизанчик», выскочил на мель «Усердный». Корабли и беженцы оказались в Корее, Шанхае, Маниле и других странах. В январе 1923 г. флотилия прибыла на Филиппины, где расформирована, корабли и суда потоплены[16].

д). Моряки Севера в борьбе с врагами революции

В февральские дни 1917 г. власть в Мурманске и Архангельске захватила буржуазия. На кораблях и в частях флотилии Северного Ледовитого океана прочные позиции занимали офицеры. Поначалу на кораблях не было революционной сплоченности, до февраля 1917 г. отсутствовали большевистские организации. На Севере не было крупных кораблей кроме крейсера «Чесма» и «Варяг», – вскоре ушел на ремонт в Англию. Крейсер «Аскольд» прибыл в Мурманск в июне 1917 г. В марте на флотилии создан Центральный матросский комитет и Центральный комитет офицеров. Эти организации объединились в Центральный комитет флотилии (Целедфлот), а в Мурманске создан ЦК Мурманского укрепленного района (Центромур).

Группу революционно настроенных моряков возглавлял большевик В. Ф. Полухин. Матросы избрали его в Центромур и Мурманский Совет, а затем в Целедфлот. Полухин организовал кружок, где изучали работы В. И. Ленина, читали газету «Правда». К началу Октябрьской революции значительная часть моряков шла за большевиками. Важную роль сыграл I Всероссийский съезд военного флота (в ноябре 1917 г.), на котором присутствовало 28 делегатов – североморцев от кораблей и частей флотилии. Выступая на съезде В. Полухин сказал: «Мы представители Дальнего Севера, имеем наказ: «Вся власть Советам. Хотя мы и оторваны от всех морей, но идем, товарищи вместе с вами»[17]. Контрреволюция не сдавалась и на Север потянулось наиболее реакционное офицерство, росла активность иностранных представителей и агентуры. Деятельность иностранцев облегчалась из-за того, что в Мурманске, Архангельске и Иоканьге продолжали базироваться английские корабли, находилось консульство, а в Вологде обосновались посольства, где вынашивали планы вооруженной интервенции. Так, первое столкновение с контрреволюцией произошло в Архангельске, где находились большие запасы зерна и муки, для отправки за границу. Революционные матросы и ра-

[16] *Гончаренко О. Г.* Закат и гибель Белого флота. М. 2006. С. 330.
[17] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Северный флот. М. 1983. с. 37–38.

бочие организовали отправку продовольствия в Петроград. Эту работу возглавил представитель Наркомпрода, заместитель председателя губисполкома П. Ф. Виноградов. В январе 1918 г. состоялся II съезд флотилии, избравший новый состав центрального комитета – Руководство стало большевистским под председательством К. И. Пронского.

6 марта 1918 г. в Мурманске с английского корабля «Глори» высадился отряд морской пехоты численностью 170 чел. На следующий день на рейде появился английский крейсер «Кокрен», 18 марта – французский «Адмирал Об», а 27 мая – американский крейсер «Олимпия» – началась иностранная военная интервенция на Севере страны. Интервенты чинили расправу над революционно настроенными матросами и рабочими разоружив крейсер «Аскольд», ввели военно-полевые суды. 12 июля, разогнав Центромур заняли северную часть Мурманской железной дороги до станции Сорока, Онегу и другие пункты. Оккупация сопровождалась арестами и расстрелами.

21 июля белогвардейцы организовали в Шанкурске мятеж на подавление которого большевики отправили отряд моряков под командованием П. Ф. Виноградова. 25 июля из Вологды в Архангельск переехал иностранный дипломатический корпус, они саботировали распоряжения новой власти. 1 августа эскадра интервентов из 17 вымпелов появились у острова Мудьюг, на подступах к Архангельску. На кораблях находились несколько тысяч американских, английских и французских солдат и офицеров. Иностранные корабли начали обстрел береговых батарей и высадили десант численностью 150 чел. Одновременно контрреволюция подняла в Архангельске мятеж. На помощь морякам из Соломбалы на буксире «Обь» прибыл отряд во главе с помощником комиссара флотилии К. И. Пронским, но силы были не равны и 2 августа 1918 г. интервенты и белогвардейцы захватили Архангельск.

Сформированное белогвардейцами правительство объявило себя верховным правлением Северного края. В тюрьмы Мурманска, Архангельска, Печенги, Иоканьги были заточены свыше 50 тыс. чел. (из 400 тыс. населения края). Каратели грабили, убивали, вешали. Через архангельскую губернскую тюрьму прошло 39 тыс. чел., из них 8 тыс. расстреляны, 1020 умерли от голода, холода и эпидемии. Интервенты вывезли 2686 тыс. пудов различных грузов, на сумму свыше 950 млн. руб. золотом. На Севере интервенты имели 56 тыс. солдат и офицеров. Англичане усилили свою флотилию на Северной Двине, оборудовали аэродром в Березнике на 40 самолетов. Белогвардейские войска возглавлял генерал Марушевский, а затем генерал Миллер, их флотилия имела канлодку и 12 катеров.

Учитывая сложившееся положение на Северный флот отправлен 1-й морской береговой отряд Наркомата по морским делам, 2-й экспедици-

онный отряд балтийских моряков (600 чел.), три гидросамолета и создана Северо-Двинская речная флотилия, во главе с К. И. Пронским. 4 сентября 1919 г. началось наступление частей 6-й Красной армии. В ночь на 27 сентября последний английский корабль покинул Архангельск. В начале 1920 г. флотилия выделила отряд из 736 моряков и был сформирован бронепоезд «Красный моряк». 20 октября войска 6-й армии вступили в Архангельск. Матросы оперативно освободили заключенных, разгромили остатки белогвардейских войск, помешав им угнать: линкор «Чесма», 2 посыльных судна, 6 тральщиков, ледокол «Святогор». 25 февраля 1-я дивизия Красной Армии освободила Красную гору, 9 марта Кандалакшу, 13 марта красногвардейские части вступили в Мурманск. В разгроме врага важную роль сыграли речники и озерные военные флотилии – Северо-Двинская речная и Онежская озерная флотилии.

Гражданская война и военная интервенция принесли большой ущерб. Россия потеряла около 800 военных кораблей и судов, интервентами захвачено 326 морских судов. Большие потери понес речной флот – потоплено 863 паровых, самоходных и 12 500 несамоходных речных судов и барж[18]. После революции военный и гражданский флот находились в полной разрухе. Молодая советская республика осталась без кораблей, средств спасения, ремонтной базы, и обученного личного состава. М. В. Фрунзе писал: «…Мы лишились…огромного большинства опытных и знающих командиров, игравших в жизни и работе флота еще большую роль, чем в других родах оружия, потеряли целый ряд морских баз и, наконец, потеряли основное ядро рядового краснофлотского состава. В сумме все это означало, что флота у нас нет»[19].

16 октября 1922 г. V Всероссийский съезд РКСМ принял резолюцию о шефстве комсомола над ВМФ. К годовщине шефства комсомол направил на корабли 3 тыс. чел. и около 300 комсомольцев в Военно-Морские училища. Руководство страны во главе с И. В. Сталиным приняло программу возрождения флота и успешно ее выполнило. К началу войны с фашистами советский флот насчитывал три линкора, семь легких крейсеров, 66 эскадренных миноносцев и лидеров, 22 сторожевых корабля, 80 тральщиков, 269 торпедных катеров, 212 подводных лодок, 665 других кораблей и судов, 2529 самолетов разных типов. Под командованием адмирала Н. Г. Кузнецова моряки достойно встретил врага, надежно прикрывали фланги с моря, обеспечивали бесперебойную работу водных коммуникаций, наносили удары по военному и торговому флоту, путям судоходства фашистских кораблей и судов. За годы ВОВ моряки потопили около 1300 транспортов водоизмещением 3 миллиона

---

[18] *Маковский А. А., Радченко Б. М.* Каспийская Краснознаменная. М., 1982. с. 96.
[19] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Северный флот. М. 1983. с. 46–56.

тонн и более 1200 боевых кораблей и вспомогательных судов врага. Авиация флота уничтожила около 5000 вражеских самолетов, флот высадил более 100 морских десантов, численностью около 330 тыс. чел. За мужество и героизм проявленные в боях за нашу Советскую Родину 350 тысяч моряков и морских пехотинцев награждены орденами и медалями, 580 стали Героями Советского Союза, а семеро – дважды. Звание гвардейских удостоено 18 надводных кораблей и 16 подлодок. Орденом Красного Знамени награждено 63 боевых корабля. Среди награжденных в войне с японцами 30 тыс. моряков-тихоокеанцев, 51 присвоено звание Героя Советского Союза, 170 тысяч награждены медалью «За победу над Японией»[20]. В войну флотоводческий талант проявили советские адмиралы: Н. Г. Кузнецов, С. Г. Горшков, В. Ф. Трибуц, А. Г. Головко. После войны создан мощный океанский, ракетно-ядерный флот.

В конце 80-х годы ВМФ СССР имел десятки эскадр и дивизий, 83 стратегических атомных ракетных подводных ракетоносца; 113 многоцелевых атомных подводных лодок и 254 дизель-электрических; в боевом строю находилось 160 надводных кораблей океанской и дальней морской зоны в т. ч. 4 авианесущих корабля, 96 крейсеров, эсминцев и ракетных фрегатов; 174 сторожевых и малых противолодочных корабля, 623 катера и тральщика, 107 десантных кораблей и катеров. Всего флот насчитывал 1380 боевых кораблей, 1142 боевых самолета и более 450 тыс. личного состава. Флот СССР по многим параметрам превосходил флот США. Ельцинисты распродали, утилизировали и уничтожили корабли флота. Если в Цусимском сражении потери Российского флота составили 26 кораблей и судов, то после развала страны потери только надводных кораблей составляют десятки «Цусим».

Сегодня флот России в стадии восстановления. Он уступает американцам и отстает от численности кораблей стран НАТО. В составе флота России – 142 тыс. чел. АПЛ с баллистическими ракетами – 16 ед.; АПЛ с крылатыми ракетами большой дальности – 21 ед; атомные ПЛ – 12 ед.; дизельные ПЛ – 22 ед.; авианосец – 1 ед.; крейсеры – УРО – 7 ед.; эсминцы УРО – 12 ед.; корветы – 74 ед.; десантные – 24 ед. и др. Из 246 кораблей 1/3 находятся в ремонте, то есть не в боевом строю. Средний возраст кораблей российского ВМФ превышает 25 лет. ВМС США имеют в своем составе – 331 682 чел. и 124 тыс. резерва. В списочном составе – 260 боевых кораблей, из которых: 14 АПЛ с баллистическими ракетами; 51 АПЛ различного назначения; 11 авианосцев; 22 крейсеры УРО; 62 эсминца УРО; 30 фрегатов УРО и другие. По боевым возможностям флот России в 1,5 раза уступает

---

[20] *Захаров С. Е., Бевз С. С., Сабанеев В. Д.* и др. Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981. с. 235.

американскому[21]. По мнению генерала В. Ткаченко мы отстаем от НАТО на 10–20 лет[22].

За годы «реформ» разрушена судоремонтная база, что лишило возможность проводить плановые ремонты и обслуживание кораблей. Без качественного ремонта и обслуживания – корабль груда металлолома. Учитывая, что 2/3 протяженности наших границ по морю, а значимость мирового океана возрастает (в российских водах значительные запасы биологических ресурсов), а в прибрежных регионах проживает более половины населения страны, роль флота в обеспечении безопасности важна как никогда. Утвержденная на период до 2050 г. корабельно-строительная программа позволяет предъявить актуальные требования к проектированию новых кораблей и АПЛ.

В 1991 г. ельцинисты грубо поправ Конституцию СССР и РСФСР, референдум от 17 марта 1991 г. захватили власть. Моряки в 1991 и 1993 гг. пытались сопротивляться но партийная элита в т. ч. армии и флота оказалась предательской, а рядовой состав обманут фразами – армия вне политики. Многие авторитетные адмиралы были оклеветаны и сняты с должностей. В Постановлении ГД РФ от 15 марта 1996 г. №157 – II сказано: «Подтвердить для РФ-России юридическую силу результатов референдума СССР по вопросу о сохранении Союза СССР, состоявшегося на территории РСФСР 17 марта 1991 г.». И далее – «Подтвердить, что Соглашение о создании СНГ … не имело и не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР». За свободу, счастье трудового народа надо бороться не жалея сил, а если потребуется и жизни. Вспомним слова выдающегося борца за счастье народа, президента Венесуэлы Уго Чавес Фрианса, который говорил: «Не будем покладать рук и не дадим покоя душам, пока не спасли человечество». В современной обстановке это не менее актуально, чем в годы Гражданкой и Великой Отечественной войн.

---

[21] *Хмельнов И. Н., Чухраев Э. М.* ВМФ России: прошлое, настоящее и будущее. М., 2016. с. 561–564.

[22] Материалы НПК «Великий Октябрь и вооруженная защита отечества». М. 2017 г. с. 46.

А. В. Медведев

ЭСЕРЫ, БОЛЬШЕВИКИ И КРЕСТЬЯНЕ В 1917 ГОДУ

Российское крестьянство, составлявшее три четверти населения страны, находилось к 1917 г. в сложном состоянии. Развитие капиталистических отношений разлагало крестьян на различные социальные группы. По подсчету В. И. Ленина, в начале XX века 65% крестьян составляла беднота, 20% – середняки, 15% – кулаки [1, т. 7, 151]. Кулаки представляли собой сельскую буржуазию, бедные крестьяне, неспособные прокормить свои семьи за счет своего хозяйства, искали заработок на стороне, превращались в пролетариев и полупролетариев.

Большую роль в организации хозяйства и жизни крестьян играла крестьянская поземельная община, которая была сохранена по крестьянской реформе 1861 г. О ней шли споры народников и марксистов, с начала XX в. – эсеров и социал-демократов. Эсеры утверждали, что общинные порядки есть основа социализма, считали крестьянина, воспитанного общиной, прирожденным социалистом, верили в «революционность и социалистичность русского крестьянина» [2, 302]. Они видели крестьянство как однородную массу, признавая существование только небольшого слоя кулаков.

В. И. Ленин в начале своей политической и научной деятельности рассматривал общину как пережиток прошлого, сдерживающую свободную мобилизацию земли [1, т. 2,. 413], поддерживающую «традиции косности, забитости, одичалости» [1, т, 6, 395]. Но Ленин не призывал к ликвидации общины, он считал, что ее надо очистить от негативных явлений, от господства кулаков. В 1902 г. он писал, что «общину как демократическую организацию управления, как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать от всякого посягательства бюрократов…» [1, т. 6, 344]. В годы Первой русской революции Ленин увидел революционную роль общины как «аппарата для воздействия на помещичьи усадьбы» [1, т. 16, 398].

В то же время Ленин подчеркивал, что при капитализме крестьянин превращается в мелкого буржуа, труженика и собственника одновременно.

«9/10 трудового крестьянства = мелкобуржуазный элемент» [1, т. 12, 410], –отмечал он. Неоднократно Ленин указывал на политические колебания крестьянина, который, как труженик, склоняется к пролетариату, как собственник, – к буржуазии.

Была некоторая правда и у эсеров. Община не была основой социализма, но ее традиции могли способствовать движению к социализму. Она прививала крестьянам стремление к справедливости, к уравнительности, к взаимопомощи, к демократическим порядкам внутренней жизни, налагала отпечаток на сознание крестьян, не делая их «социалистами». У крестьян было явно некапиталистическое отношение к вопросу о собственности на землю.

Л. Т. Сенчакова изучила 664 наказа и приговора крестьянских сходов и собраний Центральной России 1905–1917 гг., посылавшихся в Государственную думу, публиковавшихся в газетах. Выяснилось, что общим для всех наказов было требование передачи земли тем, кто ее обрабатывает для уравнительного землепользования. Не было ни одного требования передачи земли в частную собственность крестьян [3, 58–67].

Крестьян мучило малоземелье. Им дали минимум земли по крестьянской реформе, а население деревни росло и при большой смертности крестьянских детей (Выживало из десяти четверо). В 1877 г. меньше 8 десятин земли было у 28,6% крестьянских дворов, то в 1905 г. – у 50% [4, 28]. На таких участках прокормить семью было невозможно.

Дополнительные бедствия приносили частые засухи и неурожаи. За 1851–1900 гг. было 40 неурожайных лет в тех или иных частях России. Особенно ужасными были неурожаи 1891–1892, 1901–1903, 1911 гг., когда от голода умерло соответственно 2 млн., 3 млн. и 2 млн. крестьян [5]. С 1801–1810 по 1901–1911 гг. душевое потребление хлеба уменьшилось в России с 390 до 268–289 кг., оно было ниже физиологической нормы в 289 кг. [6, 73].

Вот почему крестьяне стремились отнять землю у помещиков в свое распоряжение. Голод начала XX века привел к тому, что многотерпеливое крестьянство восстало в ряде южных регионов, с 1902 г. развернулось крестьянское движение. Зарубежные и отечественные историки-аграрники, совместно изучавшие аграрно-крестьянский вопрос в России, пришли в 1996 г. к выводу, что с 1901 по 1921 гг. в России происходила крестьянская революция, закончившаяся после того, как крестьяне получили в свое распоряжение помещичью землю и добились приемлемой для себя нэповской политики [7, 151–152].

В годы первой русской революции крестьяне шли громить и грабить помещичьи имения по решению сельских сходов. Помещики забили тревогу: община не прививает крестьянам «священное чувство частной

собственности». По их настоянию началась столыпинская аграрная реформа. Из общин вышло около четверти крестьян. Выходили самые бедные, неспособные вести хозяйство, которым выгодно было продать землю, и богатые, которым было тесно в рамках общины. Большинство крестьян противилось реформе, т. к. понимало, что на мелких участках, ставших их собственностью, они не выдержат конкуренции и разорятся. А в общине они все же производили определенное количество продовольствия для своих семей. Осуществление реформы чрезвычайно обострило отношения в деревне. И прав С. Г. Кара-Мурза, назвавший Столыпина «отцом русской революции», написавший книгу под таким названием [8].

Положение крестьян ухудшила Первая мировая война. В армию было мобилизовано 15,5 млн. человек, в большинстве крестьян. Правительство принудительно закупало и лошадей. Все это сильно подорвало производительные силы в деревне, сократило производство продовольствия. В стране начался голод в промышленных центрах и на селе в нечерноземных губерний. Царское правительство ввело в сентябре 1916 г. продразверстку, но хлеб взять в запланированном размере не сумело ввиду саботажа помещиков и богатых крестьян. Продовольственный кризис стал одной их причин Февральской революции.

Партия социалистов-революционеров (ПСР) имела оригинальную программу, соединявшую народническую идеологию с реформистским марксизмом и анархо-синдикализмом, предполагавшую особый путь России. Это была неонародническая мелкобуржуазная партия, которая заявляла, что она представляет «трудовой народ», включающий в себя крестьян, рабочих и интеллигентов. Но эсеров можно назвать крестьянской партией из-за наличия у них программы социализации земли. Она включала требование ликвидации частной собственности на землю без выкупа, переход всей земли в общенародное достояние и в распоряжение местных органов самоуправления и крестьянских общин для уравнительного землепользования. Эта программа выражала чаяния общинного крестьянства. Эсеры развернули пропаганду своей аграрной программы в годы первой русской революции в деревне при помощи сельских интеллигентов, участвовали в организации крестьянского движения, поэтому обрели у крестьян определенный авторитет.

Работу социал-демократов в деревне сдерживало требование первой программы партии, написанной Г. В. Плехановым, только возвращения отрезков. В 1905 г. В. И. Ленин стал настаивать на поддержке требований крестьян вплоть до конфискации помещичьих земель. В 1906 г. IV съезд РСДРП, на котором было преобладание меньшевиков, в новую редакцию аграрной программы партии включил это предложение Ленина,

но конфискованные помещичьи земли должны были передаваться местным муниципалитетам для сдачи муниципальной земли в аренду крестьянам. Программу муниципализации земли крестьяне не принимали. Ленин написал потом немало работ, обосновывающих необходимость национализации всей земли, в том числе объемный труд «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» [1, т. 16, 193–413]. Но его предложение было реализовано отделившейся от меньшевиков партией большевиков только в 1917 г.

Партия эсеров, пережившая тяжелый кризис в межреволюционный период вследствие неадекватной ситуации в стране своей ультрареволюционной политики, стала резко увеличивать свою численность в 1917 г. В это время стало модным слыть социалистом, и в ПСР повали интеллигенты, студенты, молодые офицеры. Но более всего партия выросла за счет крестьян, солдат и рабочих крестьянского происхождения. Сами эсеры утверждали, что их партия насчитывает около 1 миллиона членов. Так и было, если считать всех формально записавшихся в партию. Крестьян привлекала программа социализации земли, после ее разъяснения эсеровскими агитаторами крестьяне записывались в ПСР целыми сходами, а солдаты – митингами.

На некоторых заводах эсеры имели крупные организации – на Обуховском заводе Петрограда, на трубочном заводе в Самаре, на Сормовском заводе в Балахнинском уезде Нижегородской губернии. В Сормове в 1905–1907 гг. социал-лемократы имели более сильное влияние, чем эсеры. Но в годы мировой войны на завод пришло большое пополнение из деревни. И в 1917 г. к концу лета 7 тысяч сормовских рабочих записалось в ПСР (из 19.389 всех рабочих). Сормовские рабочие-эсеры объединялись в землячества, и, выезжая в родные селения, вели там агитацию и создавали ячейки эсеров [9, 130–131].

Нижегородский писатель Н. И. Кочин подростком наблюдал, как была создана эсеровская организация в его родном селе Гремячая Поляна Нижегородского уезда, и рассказал об этом в повести «Юность». Летом крестьяне начали вырубать помещичий лес, заготовляя его на дрова и на постройки. В начале осени приехал карательный отряд. Офицер собрал сход и спросил: «Нет ли на селе эсеров?» В ответ услышал: «Все мы люцинеры… Летом к нам оратель приезжал и сходку собирал, и иконы ругал, и землю обещал, и всех нас записал. Насчет икон с ним в согласие не пришли, а землю взять были рады… Вот за это обещание в партию к нему всем селом записались» [10, 68–69]. Писатель приукрасил картину, но, по сообщению эсеровской газеты «Народ», в Гремячей Поляне в мае действительно появилась эсеровская организация из 30 человек [9, 134].

Эсеры были единственной партией, сумевшей создать более или менее развернутую в европейской части России сеть сельских организаций. Но это были рыхлые организации, их члены не знали программы ПСР, не умели вести политическую работу. Старые идейные эсеры называли иронически новое пополнение партии «мартовскими эсерами». Такие организации в большинстве развалились осенью 1917 г. Так что успех партии определяется не только ее численностью, но и ее боевитостью, последовательностью в реализации ее программы.

В программе ПСР говорилось, что партия будет ее отстаивать как в Учредительном собрании, «так и стремится проводить непосредственно в революционный период» [11, 365]. Но в 1917 г. эсеры не выполняли эту установку, откладывая реализацию своей программных требований, в том числе социализации земли, до созыва Учредительного собрания, в котором они не без основания надеялись получить большинство. Такая политика определила, при их первоначальной большой популярности в деревне, расхождение с крестьянами. Эсеры не понимали, что законодательное собрание закрепляет те перемены, которые осуществлены массами в ходе революции.

Крестьяне в большинстве своем восторженно принимали аграрную программу ПСР, выражавшую коренные устремления общинного крестьянства. Однако эсеров подвела их политика соглашения с буржуазией и кадетами. В партии эсеров всегда было правое крыло, тянувшее партию к союзу с либералами. Представители этого крыла и определяли политику партии в 1917 г. Ее пропагандисты на все лады доказывали, что рабочие и крестьяне не сумеют управлять Россией, опыт управления имеет буржуазия, поэтому ее власть надо поддерживать, оказывая на Временное правительство давление для осуществления демократических реформ. Аграрную реформу надо основательно готовить, твердили эсеры, так что ждите, мужики, Учредительное собрание, созыв которого откладывался правительством под разными предлогами. Эсеры поддерживали Временное правительство, их подвела политика соглашения с буржуазией.

Эсеры создали подавляющее большинство Советов крестьянских депутатов. На губернских съездах этих Советов проводили решения, которые ограничивали помещичье землевладение. Например, принималось решение о снижении арендной платы за помещичью землю или, со ссылкой на закон Временного правительства об охране посевов, – о засеве пустующих земель. Крестьяне в ряде случаев запрещали батракам работать на помещика, а потом засевали пустующие земли для себя.

Бедственное положение крестьян и их вековая ненависть к помещикам способствовали развитию крестьянского движения. Уже в марте

1917 г. произошло 423 крестьянских выступлений, далее движение нарастало и за март-июль произошло 9431 выступлений [12, 374–378]. Действия крестьян были направлены преимущественно против помещиков и небольшая их часть – против кулаков, особенно вышедших из общин по столыпинской реформе. В последней, обобщающей монографии по истории крестьянского движения 1917 года А. Д. Малявского указаны 44 формы крестьянского движения – от мер по ограничения прав собственников по распоряжению землей до захватов земли, лесов, лугов, имущества, продовольствия помещиков, от мирных форм до террористических, направленных против помещиков и управляющих имениями. Кстати, кровавых жертв почти не было, помещики или изгонялись или сами покидали имения [12, 64–67].

Большевиков вышло из подполья в марте 24 тысячи, в октябре их было уже 350 тысяч. 60% РСДРП(б) составляли рабочие, остальные солдаты и матросы, немного было низшей интеллигенции. Сил на работу в деревне у большевиков не хватало, в декабре 1917 г. на всю Россию в партии было 203 сельских ячейки с 4122 членами [13, 244–245]. Но большевиков отличали сплоченность, принципиальность, боевитость и наступательная тактика. Наконец, они имели гениального вождя – В. И. Ленина.

Ленин, как известно, в Апрельских тезисах провозгласил курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую мирным путем. Меры по решению аграрного вопроса можно рассматривать как «шаги» в сторону социализма: конфискация помещичьих и других частновладельческих земель, национализация всей земли. Эти положения совпадали с эсеровскими – ликвидации частной собственности на землю без выкупа, переход земли в общенародное достояние. Ленин призвал крестьян действовать самочинно, захватывать помещичью землю под руководством крестьянских комитетов и Советов. Вопрос о форме крестьянского землепользования он оставил пока открытым. Из части имений предлагал создавать хозяйства на общественный счет. Ленин рекомендовал создавать отдельные организации деревенской бедноты и Советы батрацких депутатов [1, т. 31, 119–121, 416–422, 425–428] (последних в 1917 г. появилось немного – А. М.). Предложения Ленина по агарному вопросу были утверждена VII (Апрельской) конференцией РСДРП(б) в конце апреля.

Эти идеи доносились до крестьян через рабочих и солдат, приехавших в деревню в отпуск, через специально посланных агитаторов. Призыв самочинно решать земельный вопрос, конечно, отвечал стремлению крестьян, и, как искра, брошенная в порох, нередко взрывал крестьян в отдельных селениях, подталкивая их к соответствующим действиям.

В этом отношении показательно обсуждение земельного вопроса на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, работавшего 4–28 мая 1917 г. в Петрограде. Съезд был созван эсерами с помощью кооператоров и на их деньги. На съезд прибыло 1353 делегата от крестьян и от солдат. Среди указавших партийность делегатов было 537 эсеров, 103 меньшевика, 6 трудовиков, 4 народных социалиста. Большевиков было 20, к ним примыкала группа сочувствующих – 14 депутатов, руководил ими М.В. Фрунзе (под псевдонимом «Михайлов»), прибывший как делегат от солдат Западного фронта. Руководили съездом эсеры, которые легко провели резолюции о доверии Временному правительству, о поддержке готовящегося наступления русской армии.

При обсуждении земельного вопроса выступали эсеровские ораторы, расхваливая программу социализации земли и встречая аплодисменты. Но по земельному вопросу руководители съезда предложили проект резолюции, предлагавший ждать созыва Учредительного собрания для его решения. Но делегаты уперлись и отказывались голосовать за резолюцию. Их укрепило выступление В.И. Ленина на съезде 22 мая. Большую часть выступления Ленин уделил необходимости немедленного организованного захвата земли крестьянами. Он отвергал, например, аргументы эсеров, что солдаты побегут с фронта для участия в разделе земли, указывая, что солдаты, наоборот, будут стойко защищать государство, которое передаст крестьянам помещичью землю. Крестьяне не ухудшат обработку земли, как утверждали эсеры, т. к. они будут обрабатывать ее для себя. А Учредительное собрание утвердит окончательно переход земли крестьянам [1, т. 32, 168–172].

Эсеры убеждали делегатов на съезде, в его кулуарах, но напрасно. Наконец, был найден компромисс. В резолюции говорилось, что «все земли, а где по местным условиям необходимо искусственное орошение, то и воды, со всеми ирригационными сооружениями, без исключения, должны перейти в ведение земельных комитетов с предоставлением им права определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укосов лугов и т. п.» [14, 154–156]. Низовые же земельные комитеты были крестьянскими по составу.

Делегаты разъехались со съезда и приступили к реализации этого решения. А вожди эсеров стали доказывать, что резолюцию должно еще утвердить Временное правительство, на что оно не пошло. Назначенный вскоре министром внутренних дел правый эсер Н. Д. Авксентьев отдал приказ об аресте членов крестьянских комитетов, возглавивших захваты крестьянами помещичьих земель. Всего было арестовано 2 тысячи крестьянских комитетов [12, 245]. Воистину, эсеры рубили сук, на котором сидели…

Крестьяне вели борьбу и против хуторян и отрубников. Столыпинская реформа была враждебно встречена эсерами, т. к. она разрушала общину. В. М. Чернов, лидер эсеров, когда стал министром земледелия Временного правительства, добился указа от 28 июня о роспуске землеустроительных комиссий, что означало окончание реформы. Но о судьбе уже устроенных хуторов и отрубов в указе ничего не говорилось. Между тем крестьяне требовали возвращения отрубников и хуторян в общины, в других случаях громили их усадьбы, совершали поджоги, вредили им разными способами. Эта «вторая социальная война» в деревне составляла, по разным подсчета, за март-октябрь от 6,3 до 20% [12, 206, 324].

В августе в большинстве губерний был спад крестьянского движения ввиду уборки урожая. В то же время развернулась такая форма движения, как борьба за выращенный помещиками урожай при его уборке. Батраки и беднота добивались оплаты за уборку в помещичьих и кулацких имениях натурой, в большинстве губерний за одну треть выращенного зерна. Нередко владельцам оставляли одну треть. В некоторых волостях Тамбовской губернии и повсеместно в Казанской губернии (в последней сильно было влияние левых эсеров) крестьяне захватили весь выращенный в помещичьих имениях хлеб в свое распоряжение [12, 295–303].

В сентябре вспыхнуло крестьянское восстание. Оно началось в деревне Сычевка Козловского уезда Тамбовской губернии, распространилось вскоре по этой губернии, а затем по всем губерниям, в которых было помещичье землевладение. Теперь в нем преобладали крайние формы – грабеж имений, захваты помещичьей земли, а нередко и поджоги и полное уничтожение имений. В Нижегородской губернии в Лукояновском уезде крестьяне снесли, например, с лица земли две трети имений. Ни одна партия, в том числе анархисты, не призывали уничтожать имения, наоборот, советовали использовать их под школы, клубы и т. д. Но проявлялась огромная ненависть крестьян к помещикам, крестьяне стремились уничтожить сами корни своих врагов, чтобы некуда им было возвращаться.

Движение имело стихийный характер. Позднее, уже после утверждения Советской власти, большевикам и левым эсерам пришлось большими усилиями преодолевать крестьянскую анархию. Таким образом, **первыми начали революцию крестьяне.** И В. И. Ленин, когда убеждал своих соратников начать подготовку восстания в Петрограде, писал, что большевики будут изменниками по отношению к крестьянам, если не поддержат их восстание своим восстанием в городе [1, т. 34, 280].

Что касается роли большевиков в крестьянском восстании, то она была не прямой, а опосредованной. После событий 3–4 июля развернулась травля большевиков как «немецких шпионов», которые на немецкие деньги уничтожают Россию и т. д. В этой лживой кампании участвовали и правые эсеры, а левые эсеры большевиков защищали от этой клеветы. В представлении крестьян кое-где сложилось самое извращенное представление о большевиках, что они де защищают «большаков», богатых людей, или что они «черти» [15, 35]. Более реальное представление о большевиках, Ленине крестьяне получили, узнав о появлении Советского правительства, его первых декретах, но через большой порой период времени. Как вспоминал крестьянин В. Г. Лысов (Николаевский уезд Самарской губернии), «все еще мы назывались социалистами-революционерами, а на деле выпятили программу партии большевиков» [15, 224].

В ПСР на выполнении собственной аграрной программы, не дожидаясь Учредительного собрания, настаивали левые эсеры, которые к осени имели свой центр – «организационное бюро», перехватили в свои руки некоторые эсеровские газеты. Они приняли идею Советской власти, участвовали в Октябрьском вооруженном восстании и в установлении Советской власти на местах. Внутри ПСР выросло недовольство ее соглашательской политикой, и с осени партия стала стремительно сокращаться.

Популярность В. И. Ленина, большевиков в деревне создал принятый на Втором съезде Советов рабочих и солдатских депутатов **Декрет о земле**.

Он имеет свою предысторию. 19 августа в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» эсеры опубликовали 242 крестьянских наказа. Сами эсеры не придавали им большого значения, сводку наказов составила рядовая сотрудница газеты, некая «госпожа Ф.». Ленин откликнулся на публикацию наказов статьей «Их дневника публициста. *Крестьяне и рабочие*», признал, что наказы составлены в духе эсеровской социализации земли (хотя некоторые наказы выходили за рамки эсеровской программы – требования запрещение наемного труда в сельском хозяйстве, предложение сохранить культурные имения, племенные и семеноводческие, с передачей их государству или общинам). Ленин указал, что эсеры не смогут провести наказы в жизнь в силу своей соглашательской политики. Предложил партии принять наказы и реализовать их в ходе пролетарской революции, поскольку это требования крестьянских масс, крестьянской бедноты.

Но Владимир Ильич проявил диалектический подход к требованиям крестьян, которые охарактеризовал как «шаги к социализму» [1, т. 34,

111], которые нельзя осуществить при капитализме. Иное положение они будут иметь при власти рабочих и беднейших крестьян. Когда крестьяне убедятся, что уравнительное землепользование не уничтожает бедность и эксплуатацию одних крестьян другими, они изберут новые, социалистические формы хозяйства. Ленин заключил: «Старые формулы наполнились новым содержанием» [1. т. 34. С. 114].

В. И. Ленин, не изменив ни одного слова, включил аграрную часть наказов в Декрет о земле. Так была реализована вековая мечта крестьян о справедливом устройстве земельных отношений. Декрет привязал крестьян прочно к Советской власти, которую крестьяне защитили в годы Гражданской войны, несмотря на свое недовольство «военным коммунизмом» и продразверсткой.

Правые эсеры возмущались: «Большевики украли нашу программу». А Ленин им отвечал: «Хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы» [1, т. 40, 14].

Постепенной потере влияния ПСР на массы способствовала ее позиция в вопросе о войне и мире. Эсеры много сделали для развития революционного оборончества после победы Февральской революции. Их газеты твердили: «Царская Россия вела империалистическую войну. Теперь Россия стала свободной демократической страной. Она за демократический мир без аннексий и контрибуций. Но немцы прут, они хотят победить Россию и восстановить монархию. Россию надо оборонять».

Идея революционного оборончества вначале была принята массами, отразилась в тысячах резолюций митингов, собраний, сельских сходов. Приведем один пример. Крестьяне Рекаловской волости Слободского уезда Вятской губернии писали в Петроградский Совет 26 апреля: «Надоела нам она (война – А. М.). Жалко нам наших братьев, отцов, сыновей, кроки их жалко, а немца победить надо, потому что он на нашу свободу посягнуть хочет. Умрем, но не отдадим ему свободы…» [15, 643]. Солдаты скрепя сердцем голосовали за оборонческие резолюции, но настроение у них было иное, чем в тылу. Генерал Драгомиров, командующий Западным фронтом, на совещании командующих фронтами 1 мая говорил: «Общее настроение армии – мир во что бы то ни стало» [16, 24].

В. И. Ленин в Апрельских тезисах и других выступлениях разъяснял, что кончить войну миром без аннексий и контрибуций можно только в случае свержения власти буржуазии в воюющих странах. Это надо разъяснять и солдатам противника при братании [1, т. 31, с. 113–114, 459–461]. Большевики объясняли народу, что российская буржуазия не отказывается от захватнических целей, а война со стороны России

остается империалистической. Они призывали солдат не оставлять фронт, но готовиться со временем к свержению Временного правительства.

Революционное оборончество было подорвано во время Апрельского кризиса, когда тысячи рабочих и солдат в Петрограде вышли на улицы с протестом против ноты министра иностранных дел П. Н. Милюкова союзникам о верности России союзническим обязательствам. В результате Милюков и военный министр А. И. Гучков ушли в отставку, а 5 мая в составе правительства вошли 6 социалистов, в том числе эсер В. М. Чернов стал министром земледелия.

Министры-социалисты включились в пропаганду необходимости наступления русской армии, на котором настаивали союзники. В. М. Чернов доказывал, например, на III съезде ПСР, что и оборонительная тактика не исключает наступления [17, 194]. Несмотря на протесты солдат, рабочих, части крестьян, русская армия перешла 18 июня в наступление, закончившееся провалом и дополнительной гибелью 183 тысяч военнослужащих [16, 73–90].

Провал наступления вызвал июльский кризис, а после началось стремительное исчезновение революционного оборончества, завершившееся после разгрома корниловского мятежа. Этому способствовало и Временное правительство, неспособное снабдить армию всем необходимым, даже продовольствием. Осенью поставки продовольствия на Западном фронте составили треть нормы, на других фронтах – половину. Резолюции трудящихся в духе революционного оборончества исчезают уже в июле-августе.

В армии развивается массовое дезертирство. Солдаты бегут с фронта, из тыловых гарнизонов. Военный министр последнего состава Временного правительства А. И. Верховский докладывал Предпарламенту 20 октября, что из армии дезертировало 2 млн. человек, и нет никакой возможности их вернуть обратно. Министр настаивал на немедленном заключении мира [18, 220–228]. Бедствия военного времени усилил антивоенные настроения и рабочих, и крестьян. Жажда немедленного мира становится всеобщей. Ее учли большевики, приняв на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Декрет о мире.

Отметим, что в ПСР проявляло себя левое крыло. Левые эсеры наставали на осуществлении собственной программы, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, в вопросе о войне и мире они доходили вплоть до требования заключения сепаратного мира с Германией. Они обособились осенью внутри ПСР и совместно с большевиками участвовали в Октябрьском вооруженном восстании и в борьбе за становление Советской власти на местах.

Партия эсеров потерпела поражение и потеряла власть из-за своего соглашательство с буржуазией. ПСР разошлась с крестьянскими мас-

сами, не решив земельный вопрос, не настояв на проведении других реформ. Однако и после отхода крестьян от эсеров на селе оставались отдельные эсеры или их небольшие организации. Правые эсеры победили на выборах в Учредительное собрание 12 ноября 1917 г., пользуясь тем, что крестьяне еще не узнали о декретах советской власти. Но крестьяне остались равнодушными к роспуску Учредительного собрания, т. к. землю им дала Советская власть и большевики.

Приведем такой интересный факт. В марте 1919 г. вспыхнуло крупное восстание крестьян, недовольных продразверсткой, на стыке Самарской и Симбирской губерний («чапанная война»). Неграмотные политически крестьяне выдвинули лозунги «Да здравствует Ленин, долой Троцкого», «Да здравствуют большевики, долой коммунистов». Они понимали ситуацию так: Ленин и большевики дали крестьянам землю, а Троцкий и коммунисты посылают отряды отнимать хлеб…

Далее правые эсеры прошли через циклы политических зигзагов: в 1918 г. с помощью чехословаков и интервентов свергли Советы в ряде регионов, создали эсеровские правительства, ликвидированные в ходе белогвардейских переворотов осенью того же года. Потом правые эсеры пошли на компромисс с большевиками, были легализованы ВЦИКом в феврале 1919 г., но часть их продолжала борьбу с советским государством.

Левые эсеры разошлись с большевиками по вопросам о Брестском мире и о продовольственной диктатуре, хотели «выправить» советскую политику, разорвать Брестский мир, развязать партизанскую войну с немецкими войсками, революционизировать их и перекинуть пожар мировой революции в Европу. В результате они были вытеснены из Советов большевиками, и тоже выступали организаторами ряда антисоветских мятежей.

В то время, когда шла ожесточенная борьба между красными и белыми, партии, болтающиеся посередине, получали удары и слева, и справа, таяли, теряли поддержку масс. А крестьяне в большинстве своем в конечном счете поддержали Советскую власть, связав с ней свое будущее.

Литература

1. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений.

2. Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 1. М., РОССПЭН, 1996. – 686 с.

3. *Сенчакова Л. Т.* Крестьянские наказы и приговоры 1905–1907 годов // Судьбы российского крестьянства. М.: Алгоритм, 1996. С. 58–67.

4. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Кн. 1. М.: Алгоритм, 2001. – 596 с.

5. *Постол М.* Недоедим, но вывезем // Советская Россия. 2001. 22 ноября.

6. *Нефедов С. А.* К дискуссии об уровне потребления в дореволюционной и предреволюционной России // Российская история. 2011. №. 1. С. 73–86.

7. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1996. №4. С. 151–152.

8. *Кара-Мурза С.* Столыпин – отец русской революции. М.: Алгоритм, 2002. – 256 с.

9. *Медведев А. В., Слепченкова А. А.* Партия эсеров в Нижегородском крае (1895–1923). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. – 256 с.

10. *Кочин Н. И.* Юность. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. – 471 с.

11. Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. Б. м.: ЦК ПС-Р, 1906. – 368 с.

12. *Малявский А. Д.* Крестьянское движение в России в 1917 г. Март-октябрь. М.: Наука, 1981. – 400 с.

13. История коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1. М.: Изд-во политической литературы, 1967. – 608 с.

14. Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньский кризис. Сборник док. и мат. М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 662 с.

15. Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Сборник док. и мат. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 935 с.

16. *Жилин А. П.* Последнее наступление (июнь 1917 г.). М.: Наука, 1983. – 103 с.

17. Третий съезд партии социалистов-революционеров. Пг.; Изд-во ЦК ПСР, 1917. – 209 с.

18. Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. 1–24 октября 1917 г. Сборник док. и мат. М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 579 с.

В. В. Корнеев, Я. В. Козлов

Финансовое положение газеты «Правда» в период двоевластия (март – май 1917 г.)

В канун 100-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции в печати, электронных СМИ не прекращаются инсинуации вокруг т. н. «германского следа» в русской революции, в том числе относительно финансирования главного печатного органа РСДРП(б) газеты «Правда». Вместо объективного научного анализа при помощи разнообразных приёмов информационной войны в общественное сознание внедряется идея об инородности русской революции, создаётся примитивная, эмоционально окрашенная картина «вражеских» действий партии большевиков.

С началом возобновления издания «Правды»[1] в иностранной и российской печати появились публикации, в которых большевики обвинялись в использовании для выпуска своей газеты денег «из немецкого источника», или же сообщалось о том, что средства собираются «таинственными путями»[2]. После ликвидации двоевластия и разгрома типографии «Правды» нападки на большевиков ещё более усилились. В ответ 30 июля в газете «Рабочий и солдат»[3] была опубликована информация о финансах «Правды», из которой следовало, что газета издавалась за счёт исключительно внутренних источников[4].

---

[1] 1-й номер газеты вышел 5 марта 1917 г. Все даты приводятся в статье по старому стилю. По старому и новому стилю приводится датировка иностранных источников.

[2] См.: Les mene es allemandes a Petrograd // Le Petit Parisien. 1917. 2 april; Новое время. 1917. 27 апреля.

[3] Ежедневная газета РСДРП(б), которая издавалась с 23 июля по 9 августа 1917 г., вместо закрытой Временным правительством газеты «Правда».

[4] Продолжение доклада Центрального Комитета РСДРП //Рабочий и солдат. 1917. 30 июля. Полный текст доклада см.: Протоколы VI съезда РСДРП(б). 26 июля – 3 августа. М., 1919. С. 38–39.

С тех пор научная полемика по данному вопросу неизбежно несла в себе печать идеологии. В советской историографии тему об источниках финансирования главной большевистской газеты не оставляли без внимания, рассматривая её главным образом через призму организаторской, идеологической деятельности РСДРП(б)[5]. Наиболее обстоятельный разбор вопроса финансирования издания «Правды» сделал в ряде своих работ И. С. Сазонов[6].

В годы перестройки в прессе стали появляться публикации, реанимировавшие точку зрения политических оппонентов РСДРП(б)[7]. Основным проводником тезиса о германском источнике субсидирования газеты стал советский эмигрант, историк Ю. Фельштинский[8]. В качестве доказательства он ссылается на пространную телеграмму статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Р. Кюльмана германскому кайзеру от 20 ноября (3 декабря) 1917 г., в которой говорится: «Лишь средства, непрерывно поступавшие большевикам с нашей стороны по разным каналам и под меняющимися ярлыками, позволили «Правде», их главному органу, предпринять энергичные действия и сильно расширить по началу узкую базу их партии»[9]. В этой телеграмме, без какой-либо конкретики и указания фактов, Кюльман пытается задним числом приписать заслугу становления «Правды» германской стороне. В тоже время, отечественные историки, изучая российские архивы, не обнаружили свидетельств субсидирования газеты со стороны Германии. А. М. Совокин писал, что «газета не только окупала расходы по ее изданию и рассылке, но даже приносила прибыль, и дефицита от издания не было»[10].

---

[5] См.: *Астрахан Х. М., Сазонов И. С.* Создание массовой большевистской печати в 1917 году //Вопросы истории. 1957. №1. С. 87–89; *Будников В. П.* В. И. Ленин и газета «Правда» в 1917 //Вопросы истории. 1960. №4. С.163; Андронов С.А. Боевое оружие партии. Газета «Правда» в 1912–1917 годах. Л., 1962. С. 292, 295, 329–331.

[6] См.: *Сазонов И. С.* Преследования большевистской газеты »Правда» в 1917 г. //О советской и зарубежной печати. Л., 1964; Он же: Из каких источников финансировалась газета «Правда» в 1917 году? //Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. 8. КПСС в борьбе за социализм и коммунизм. Л., 1968; Он же: Большевистское слово. Идейно-политическая работа большевиков Петрограда в 1917 году. Л., 1978.

[7] См.: *Фельштинский Ю. Г.* Деньги для диктатуры пролетариата //Родина. 1990. №11. С. 43.

[8] См.: *Фельштинский Ю. Г.* Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 33; Николаевский Б.И. Тайные страницы истории /Ред.–сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1995. С. 234; *Фельштинский Ю. Г.* Как добывались деньги для революции //Вопросы истории. 1998. № 9. С. 50; Он же: Вожди в законе. Изд. 2-е, доп. М., 2008. С. 53; Он же: Германия и революция в России. 1915–1918. Сб. документов. М., 2013. С. 9.

[9] См.: *Julius Epstein*. Lenins deutsche Millionen //Die Zeit. 1957. 27 junl. Авторы статьи благодарят казанского краеведа Льва Моисеевича Жаржевского за аутентичный перевод текста телеграммы с немецкого на русский язык.

[10] См.: *Совокин А. М.* Миф о «немецких миллионах» //Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 74–75.

Позже выводы А. М. Совокина подтвердили Г. И. Злоказов, С. С. Попова и А. А. Антонов-Овсеенко[11].

Особую позицию занимают современные российские историки Г. Л. Соболев и А. В. Шубин. Соболев, соглашаясь с тем, что «Правда» выпускалась на добровольные пожертвования со стороны рабочих, указывает на 20 тыс. рублей, которые, якобы, были заняты большевиками у союза трактирщиков в марте 1917 г.[12] Однако он ошибается, ранее, на основе архивных документов, было установлено, что профсоюз работников трактирного промысла предоставил заем не в марте, а 12 августа 1917 г.[13] Шубин же полагает, что «…у большевиков были спонсоры за пределами рабочего класса, но размеры их помощи составили всего несколько десятков тысяч рублей, что не играло существенной роли в успехах Ленина и его партии»[14].

В целом, по данной проблеме существует значительная исследовательская литература. Авторы настоящей статьи решили сосредоточить своё внимание на анализе финансового положения газеты, её бюджета, доходной и расходной части в период двоевластия (март – май 1917 г.). В данное время «Правда» стала массовой легальной газетой, укрепилась её материальная база путём приобретения типографии, что, понятно, требовало значительных средств.

Источниковой базой исследования послужили документы Государственного архива РФ (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), мемуарная литература. Большую помощь авторам оказали материалы, которые были сравнительно недавно опубликованы сотрудниками Государственного архива РФ.[15]

---

[11] См.: *Злоказов Г. И.* Материалы Особой следственной комиссии Временного правительства об июльских событиях 1917 года //Отечественная история. 1999. № 5. С. 85; *Попова С. С.* Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 222–223, 225–227, 229–230; Она же: Допрос в контрразведке //Правда. № 105 (29735). 23–26 сентября. 2011. С. 6; *Антонов-Овсеенко А. А.* Большевики. 1917. М., 2014. С. 258–259; Он же: Германские деньги в большевистской печати: миф и реальность. Тверь. 2013. С. 73; Он же: Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: дис. … д-ра филол. наук. Тверь, 2013. С. 233.

[12] См.: *Соболев Г. Л.* Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 97; Он же. Тайный союзник Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009. С. 221.

[13] См.: *Аникеев В. В.* Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году. М., 1969. С. 243; *Сазонов И. С.* Большевистское слово. С. 215.

[14] См.: *Шубин А. В.* Ленин и деньги: бухгалтерия Октябрьской революции // 22 апреля 2016 г. Сайт Российского военно-исторического общества [электронный ресурс] – Электронные тестовые данные. – Режим доступа: http://histrf.ru/lyuboznatelnim/history-delusions/article-history-delusions/lienin-i-dienghi-bukhghaltieriia-oktiabrskoi-rievoliutsii

[15] См.: Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль-октябрь 1917 г. Сб. документов в 2 кн. /Под ред. О. К. Иванцовой. М., 2012.

Как было возобновлено издание «Правды»? Здесь следует в первую очередь остановиться на исторической обстановке, предшествующей выпуску большевистской газеты. Как известно, с 23 февраля революция в Петрограде развивалась по нарастающей. 25 февраля началась всеобщая забастовка, в которой участвовали также печатники столицы. Как вспоминал Д. Заславский, в Петрограде в этот день вышли только «Правительственный вестник» и «Русское знамя», хотя во всех других городах страны газеты выходили без перерыва[16]. Воспользовавшись моментом, большевики вместе с меньшевиками и анархистами 27 февраля заняли типографию реакционной газеты «Русская воля» и стали печатать свои прокламации и листовки[17].

В этой ситуации комитет журналистов Государственной думы (Львов, Гессен, Пиленко) инициировал перед Исполкомом Совета Рабочих Депутатов издание бюллетеня, получивший наименование «Известия Журналистов». Они выходили регулярно несколько дней пока не возобновилось печатание газет. Тогда же было принято решение Исполкома Совета Рабочих Депутатов о запрещении выпуска в свет без особого разрешения всех газет, кроме «Известий Совета Рабочих Депутатов», первый номер которых вышел 28 февраля. В итоге, первую неделю в Петрограде выходили только бюллетень Думы и «Известия Совета»[18].

Революционная эйфория, лозунги свободы, братства и равенства, охватившие широкие народные массы, способствовали резкой активизации политической активности столичного рабочего класса, требовавших издания своей, пролетарской газеты[19]. Идея свободы слова для всех политических партий не оспаривалось в первые дни и лидерами эсеро-меньшевистского Исполкома, ибо затянувшаяся забастовка печатников подрывала их политические позиции. Вот почему Исполком Совета рабочих депутатов предоставил большевикам возможность возобновить издание собственного печатного органа.

4 марта 1917 г. на заседании Бюро ЦК было окончательное решение об издании газеты «Правда» как органа ЦК и ПК РСДРП(б)[20], после чего большевики получили мандат Исполкома Совета на занятие части

---

[16] См.: История СССР (XIX – начало XX в.): Учебник /Под ред. И. А. Федосова. М.: Высш. Школа, 1981. С. 377; Заславский Д. Печать в Февральские дни //Журналист. 1927. №2. С. 11.

[17] См.: *Спирин Л. М.* Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. С. 68.

[18] См.: История СССР (XIX – начало XX в.): Учебник /Под ред. И.А. Федосова. С. 379; *Заславский Д.* Печать в Февральские дни. С. 11–12.

[19] *С. Закс-Гладнев* писал, что в Петрограде в эти дни широко распространился слух о том, что печатники возобновят свою работу только тогда, когда будет получено разрешение на выпуск «Правды». См.: *Закс-Гладнев С.* Возобновление «Правды» //Журналист. 1927. № 2. С. 16.

[20] См.: Заседание Бюро ЦК 4 марта 1917 г. //Правда. 1917. № 4. 9 марта.

помещений газеты министерства внутренних дел «Сельский вестник». Трудно точно определить кто, когда подписал и выдал большевикам данный мандат. Один из редакторов «Правды» К. Еремеев вспоминал, что мандат (ордер) был получен 4 марта с помощью Ю. М. Стеклова. Н. Суханов писал, что типография была занята «кажется по моем ордеру»[21]. Оба они, и Ю. М. Стеклов, и Н. Н. Суханов входили в состав образованной 3 марта 1917 г. комиссии Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по заведованию издательско-типографским делом[22]. Любопытные сведения сообщила авторам статьи сотрудник «Музея печати», филиала Государственного музея истории Санкт-Петербурга Т. П. Котлярова. Из них следует, что ордер, выданный большевикам, был подписан временным заведующим бюро печати при Государственной Думе Бельским[23]. В любом случае, занятие газеты «Сельский вестник» редакцией «Правды» произошло на законных основаниях. При этом исполком Петросовета выдал мандат (ордер) на предоставление типографии «Сельского вестника» также и для меньшевистской «Рабочей газеты»[24].

Газета «Сельский вестник» с 1910 г. располагалась в Петербурге, в шестиэтажном доходном доме М. П. Гау по ул. Набережная реки Мойка, 32. В этом доме газета арендовала несколько квартир на первом, втором и третьем этажах, а также находившуюся в дворовом трехэтажном флигеле типографию[25]. Редакция «Правды» в марте 1917 г. получила три из шести комнат квартиры № 4 редакции «Сельского вестника» на втором этаже дома[26]. На первом этаже для ***конторы*** «***Правды***» было выделено часть помещений книжного склада[27]. Меньшевистская «Ра-

---

[21] См.: *Еремеев К.* Воскресенье «Правды» (из воспоминаний 1917 г.) //Правда. 1927. № 63. 18 марта; *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Книга четвертая. Берлин. Петербург. Москва. 1922. С. 439.

[22] См.: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. 27 февраля – 31 марта 1917 года. Л., 1991. С. 82.

[23] *Котлярова Т. П.* [Об обстоятельствах захвата типографии и редакции издателями газеты «Правда»] главного редактора и директора-распорядителя «Сельского вестника» В. Д. Лошакова. Рукопись.

[24] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1826, оп. 1, д. 12 а, л. 212–213 об.; Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 260–261; Докладная записка В.Д. Лошакова от 10 апреля 1917 г. (сведения Т. П. Котляровой).

[25] См.: *Демидова В. И.* Маленькие истории дома на Мойке //Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 11. Музей, школа, семья. СПб., 2005. С. 92–93.

[26] См.: *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* Ленин в Петербурге – Петрограде. Места жизни и деятельности в городе и окрестностях 1890 – 1920 гг. Изд. 2-е, доп. Л., 1980. С.292; *Глезеров С.* Газету не сдадут. Интервью с заведующей «Музея печати» В. И. Демидовой //Санкт-Петербургские ведомости. 2012. № 4. 13 января.

[27] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С.259; Докладная записка главного редактора и директора-распорядителя «Сельского вестника» В. Д. Лошакова от 10 (23) апреля 1917 г. (сведения Т. П. Котляровой).

бочая газета» заняла две из шести комнат квартиры № 6 на третьем этаже, где ранее располагались бухгалтерия, касса и отдел подписки «Сельского вестника»[28].

Какими средствами располагали большевики для издания своей газеты? Как указывали И. Т. Смилга и К. М. Шведчиков, для выпуска газеты организаторы имели наличными 100 рублей[29]. Эти данные подтверждаются документально, в кассовом отчете газеты «Правда» в приходной части обозначена сумма в 100 руб.[30] Однако в составленном Е. Д. Стасовой финансовом отчете ЦК РСДРП(б) с 15 января по 7 марта 1917 г. в статье расходов указана сумма в 2000 руб. для газеты «Правда»[31]. Позже стало известно, что к 1 февраля 1917 г. в Бюро ЦК поступило пожертвование от А. М. Горького в размере 3000 руб.[32] Данная сумма, как написал А. Г. Шляпников в своих воспоминаниях, и была положена в фонд «Правды»[33].

Редакция «Сельского вестника» обладала значительным запасом бумаги (около 16 000 пудов)[34] и штатом наборщиков в типографии, что облегчило издание «Правды». Кроме того, к изданию газеты были привлечены профессионалы, знакомые с ведением коммерческой деятельности в этой сфере. В частности, К. С. Еремеев имел опыт работы в «Звезде» и «Правде», А. М. Гертик являлся заведующим хозяйством «Правды» в 1912–1914 гг. В этот раз для руководства хозяйственной частью пригласили К. М. Шведчикова[35], который в 1911–1914 гг. являлся издателем ежемесячного большевистского журнала «Просвещение». В целом, выходу «Правды» в свет вначале сопутствовали некоторые политические, материально-технические и субъективные обстоятельства.

5 марта 1917 г. вышел первый номер газеты «Правда» тиражом 200 000 экз., который был в основном распространён бесплатно[36]. Да-

---

[28] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1826, оп. 1, д. 12 а, л. 212–213 об.; Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 260–261; Докладная записка В. Д. Лошакова от 10 апреля 1917 г. (сведения Т. П. Котляровой).

[29] См.: Протоколы VI съезда РСДРП(б). 26 июля – 3 августа. М., 1919. С. 39.

[30] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 313.

[31] См.: *Аникеев В. В.* Документы Великого Октября. М., 1977. С. 198.

[32] РГАСПИ, ф. 17, оп. 1а, д. 132, л. 2; Аникеев В.В. Указ. соч. С. 197–198.

[33] См.: *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. 2 (март). М.: Л., 1925. С. 116.

[34] См.: *Закс-Гладнев С.* Возобновление «Правды». С. 18. Автор воспоминаний далее указывает, что данный казённый запас бумаги пришлось делить в типографии с меньшевистской «Рабочей газетой». За бумагу приходилось платить, но с отсрочкой за первые две-три недели. См.: *Допова С. С.* Между двумя переворотами. С. 225.

[35] См.: *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. 1 (январь, февраль и три дня марта). М.; Пг., 1923. С. 228.

[36] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 475; Протоколы VI съезда РСДРП(б). 26 июля – 3 августа. С. 39. С. Закс-Гладнев вспоминал, что 1-й номер газеты члены коллектива «Правды» сами раздавали прохожим, причём тем гражданам, кто справлялся о цене газеты

лее издание газеты осуществлялась на коммерческой основе. В нашем распоряжении оказались канцелярские книги редакции, газетные отчёты, результаты экспертизы, проведённой Временным правительством в рамках следственного дела против большевистской партии, которые позволяют оценить финансовые возможности «Правды».

Бухгалтерия газеты показывает, что основной доход газета «Правда» получала от подписчиков[37], от продажи провинциальным и городским контрагентам, а также от розничной продажи. Особым источником финансирования газеты являлся т. н. «Железный фонд», который формировался за счёт пожертвований читателей. На страницах газеты в рубрике «В Железный фонд “Правды”» уже с №2 печатались сводки и сообщения о сборах, отчислениях, пожертвованиях от рабочих, служащих, солдат и др. Основные поступления шли от трудящихся Петрограда, но затем газета стала распространяться и в провинции[38]. По нашим подсчетам, осуществленным на основе данных опубликованных в газете «Правда», общая сумма поступивших финансовых средств в «Железный фонд» за март-апрель составила 31 247 руб. 2 коп[39]. Сразу отметим, что в газетных отчётах в результате различных ошибок приведена меньшая сумма[40], однако наши расчёты близки к выводам, сформулированными экспертами, принимавшими участие в следствии по делу 3–4 июля 1917 г.[41]

Помимо сборов, проводимых в «Железный фонд», большевики начали сбор средств для приобретения «Правдой» собственной типографии. Администрация «Сельского вестника», где печаталась «Правда», всячески

предоставлялось право уплатить за неё по своему усмотрению. Таким образом было выручено от продажи первого номера около 500 руб. См.: *Закс-Гладнев С.* Возобновление «Правды». С. 19.

[37] К. Шведчиков сообщал, что у газеты к 1 апреля было около 8000, к концу апреля – около 13 000, к концу мая – около 18 000 и к концу июня – около 21 000 подписчиков. См.: Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 474.

[38] См., например: *Сазонтов Г. А.* «Правда» в Симбирске (1912–1914 гг, 1917 г.) //Учёные записки. Ульяновский педагогический институт им. И.Н. Ульянова. Ульяновск, 1963. Т. 18. Вып. 3. С. 47–52.

[39] См.: Правда. 1917. № 2. 7 марта; № 3. 8 марта; № 4. 9 марта; № 5. 10 марта; № 6. 11 марта; № 7. 12 марта; № 8. 14 марта; № 9. 15 марта; № 10. 16 марта; № 11. 17 марта; № 12. 18 марта; № 13. 19 марта; № 15. 22 марта; № 16. 23 марта; № 18. 26 марта; № 19. 28 марта; № 20. 29 марта; № 21. 30 марта; № 22. 31 марта; № 23. 1 апреля; № 24. 5 апреля; № 26. 7 апреля; № 28. 9 апреля; № 32. 14 апреля; № 34. 16 апреля; № 35. 18 апреля; № 38. 22 апреля; № 49. 5 мая; № 55. 12 мая.

[40] В газетном отчете указано, что всего, по 2 мая включительно, в фонд газеты поступило 26 687 руб. 13 коп. См.: Правда. 1917. №55. 12 мая.

[41] Эксперт С. С. Тонконогий насчитал 31 002 руб. 16 коп., поступивших в «Железный» фонд, эксперт Н. И. Королев – 36 678 руб. 74 коп. Разницу сумм, отражённых в газетных отчётах и бухгалтерии редакции, эксперты объясняли опечатками, ошибками калькуляции и др. См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 331, 336–337.

препятствовала выходу большевистской газеты. Кроме того, типография «Сельского вестника» была приспособлена только для издания газеты малого формата, что не устраивало большевиков. Попытки наладить выпуск газеты в частных издательствах не увенчалась успехом. Поэтому было принято решение о приобретении собственной типографии[42]. 13 апреля 1917 г. в газете «Правда» под заголовком «Товарищи, соберите в 5 дней 75 тысяч рублей» было опубликовано воззвание от ЦК и ПК РСДРП(б), редакции «Правды», издательства «Прибой»[43]. С этого дня повсеместно начались сборы на заводах, фабриках, в воинских частях. Причём, кроме денежных средств, граждане при сборах в «Железный фонд» и на покупку типографии жертвовали личные бронзовые и серебряные медали, георгиевские кресты44, а также золотые кольца, серьги, брошки, запонки, серебряные булавки[45].

Газета постоянно информировала своих читателей о ходе сборов. Так, 23 апреля 1917 г. газета «Правда» сообщила, что «за несколько дней вы собрали 75 334 руб. 45 коп.»[46]. Как было указано выше, «Правда» просила собрать сумму в размере 75 тысяч рублей за 5 дней, но сборы заняли 11 дней[47]. Далее «Правда» уведомляла своих читателей, что типографию, которую предполагалось приобрести за 150 000 руб., отказались продавать, поэтому 22 апреля1917 г. была куплена другая типография, стоимостью 235 тыс. рублей, а вместе с ротационной машиной, приобретенной в Гельсингфорсе – около 250 000 руб.[48] На её покупку удалось мобилизовать 180 000 руб., но ко дню уплаты 15 мая 1917 г. не хватало 70 000 руб. и редакция опять обращалась к читателям газеты с просьбой собрать недостающую сумму[49]. И вновь в ходе проводимых сборов стали поступать пожертвования, размер которых за период с 24 апреля по 14 мая 1917 г. составил 42 753 руб. 23 коп. и 3101 фин. марка 50 пенни[50]. По нашим подсчетам, согласно данным

[42] Более подробно об этом см.: *Шведчиков К. М.* Минувшие дни //Правда. 1922. № 98. 5 мая; *Сазонов И. С.* Большевистское слово. С. 129–130.

[43] См.: Правда. 1917. №31. 13 апреля.

[44] См.: Правда. 1917. № 21. 30 марта; № 23. 1 апреля; № 26. 7 апреля; № 32. 14 апреля; № 35. 18 апреля; № 39. 23 апреля; № 41. 26 апреля; № 48. 4 мая; № 50. 6 мая; № 51. 7 мая; № 52. 9 мая.

[45] См.: Правда. 1917. № 41. 26 апреля; № 44. 30 апреля; № 54. 11 мая.

[46] См.: Правда. 1917. №39. 23 апреля. По нашим подсчетам, за период с 13 по 22 апреля поступило 68 649 руб. 35 коп. Разница между 75 334 руб. 45 коп. и 68 649 руб. 35 коп. составляет 6685 руб. 10 коп. Надо учесть, что в газете не были опубликованы данные о поступлениях пожертвований за 18 апреля и 23 апреля 1917 г., т. е. именно в эти дни, как раз и могла быть собрана сумма в размере 6685 руб. 10 коп.

[47] За период с 13 апреля по 23 апреля 1917 г. включительно.

[48] См.: Правда. 1917. № 39. 23 апреля.

[49] Там же.

[50] См.: № 44. 29 апреля (12 мая); № 45. 30 апреля (13 мая); № 46. 2 (15) мая; № 47 3(16) мая; № 48. 4(17) мая; № 50. 6(19) мая; № 51. 7 (20) мая; № 52. 9 (22) мая; № 53. 10 (23) мая; № 54.

рубрики «На типографию газеты «Правда»«, опубликованных в номерах газеты за апрель-июнь 1917 г., сумма средств поступивших за апрель составила 78 601 руб. 29 коп.[51], а за май (по 29 мая включительно) – 55 532 руб. 35 коп. и 3101 фин. марка 50 пенни[52].

Помимо канцелярских книг «Правды», имеются и другие документы, отражающие поступления и передачу денежных средств в главную большевистскую газету. Таковой, например, является приходно-расходная книга кассы РСДРП(б), хранящаяся в фондах РГАСПИ. В ней фиксировались денежные средства поступающие в кассу РСДРП(б), в т. ч. и на газету «Правда». В частности, за март месяц отразились такие данные: 9, 10, 11 марта в фонд газеты поступило 71 руб. 70 коп., за подписку в целом получено 378 руб. 25 коп., от продажи в розницу – 68 руб. 51 коп., в «Железный фонд» – 112 руб. 77 коп., иные поступления –816 руб. 56 коп. Итого: 1 447 руб. 79 коп.[53] Подобные же записи имеются и за другие месяцы. Причём в последующие месяцы сумма пожертвований возрастала. Например, 6 апреля от завода Розенкранца поступило единовременно 1 838 руб. 39 коп[54].

В фондах РГАСПИ имеются также квитанции (чеки), на поступившие в газету средства. Так, согласно квитанции от 17 марта в «Железный фонд» поступило 9 руб. 65 коп. полученных от продажи газеты в Государственной Думе[55]. 28 марта по квитанциям №76 и №77 получено пожертвование в «Железный фонд» от бондарной мастерской т-ва бр. Нобель (159 руб.) и рабочих чугунно-литейного механического завода Роберта Крук (40 руб.)[56]. Данные документы показывают, что газета пользовалась популярностью у рабочих, солдат, а редакция стремилась к строгой отчётности. Разумеется, было бы наивным думать, что по сохранившимся в небольшом количестве квитанциям можно составить представление о всей сумме пожертвований в фонд «Правды».

Поступавшие в «Правду» финансовые средства хранились на счетах в банках. Допрос 16 сентября 1917 г. редактора и издателя «Правды»

11(24) мая; № 56. 13 (26) мая; № 57. 14 (27) мая; № 59. 17 (30) мая; № 61. 19 мая (1 июня); № 62. 20 мая (2 июня); № 66. 26 мая (8 июня); № 69. 31 мая (13 июня); № 70. 1 (14) июня; № 72. 3 (16) июня. Также учтены 970 руб. 96 коп. за 24 апреля из рубрики «Отчет сумм на партийную типографию газеты «Правда» через ПК РСДРП». См.: Правда. 1917. №45. 30 апреля (13 мая).

[51] По данным газетного отчета – 82 947 руб. 35. 5 коп. См.: Правда. 1917. №52. 9 мая.

[52] 3101 финских марок 50 пенни при курсе обмена 1 рубль= 2 марки 4 пенни, в пересчете на рубль составляет 1520 руб 34 коп. Коэффициент обменного курса был рассчитан авторами согласно данным из рубрики «В Железный фонд «Правды» (См.: Правда. №26. 7 апреля 1917 г.).

[53] РГАСПИ, ф.17, оп.1а, д.136, л.1об–23об.

[54] Там же, л. 29 об.

[55] РГАСПИ, ф. 17, оп. 1а, д. 137, л. 1.

[56] Там же, л. 3 4.

М. К. Муранова показал, что первоначально деньги, принадлежащие газете, поступали на его личный счёт в Волжско-Камском коммерческом банке. По доверенности деньги на это счёт вносил и получал К. М. Шведчиков[57]. С середины апреля 1917 г. финансовые средства газеты «Правда» хранились на счете товарищества «Рабочая печать» в Московском народном банке, которое создавалось специально, с целью приобретения типографии. 15 апреля 1917 г. был подписан договор об учреждении в Петрограде полного товарищества «Рабочая печать», которое возникло путем объединения в финансовом и коммерческом отношении газеты «Правда» и издательства «Прибой»[58]. Основной капитал при образовании данного товарищества был заявлен в размере 200 000 руб[59].

Согласно выписке на текущем счёте М. К. Муранова к 1 апреля находилось 56 725 руб.[60] На счет товарищества «Рабочая печать» в Московском народном банке в апреле поступило 130 350 руб.[61] В качестве задатка за приобретенную типографию «Труд» 24 апреля со счета были сняты 2500 и 35 000 руб.[62]

В мае 1917 г. на счет товарищества «Рабочая печать» в Московском народном банке поступило 242 545 руб.[63] С этого счета в мае 1917 г. снимались финансовые средства в таких размерах: 8 мая – 2000 руб.; 15

---

[57] Цит. по: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 245.

[58] РГАСПИ, ф.17, оп.1а, д.86, л. 167. «*Прибой*» – издательство созданное в ноябре 1912 г. в Санкт-Петербурге, руководившееся в своей деятельности директивами ЦК РСДРП. Выпускало издания по вопросам социального страхования рабочих, по рабочему вопросу и партийную литературу. Цензура и судебные гонения заставили издательство прекратить осенью 1914 г. свою деятельность. Активнейшими работниками издательства были Б. Г. Данский (К. А. Комаровский), Т. Гневич (З. Т. Фаберкевич), И. Гладнев (С. М. Закс) и К. А. Гайлис. Вновь «Прибой» возник в марте 1917 г. и вел свою работу до 1918 г., пока не влился в издательство «Коммунист». См.: Большевистские издательства /Большая Советская Энциклопедия. Т. 7. М., 1927. Стб. 59–60; *Аникеев В. В*. Издательство «Прибой» в 1917 году //Советские архивы. 1967. №3. С. 38.

[59] ГАРФ, ф. Р-130, оп. 1, д. 102, л. 4. См. также: *Шведчиков К. М.* «Правда» в 1917 году //Правда. 1937. № 122. 5 мая.

[60] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 244.

[61] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 157.

[62] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 156 об.; Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 314.

[63] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 157. Следует заметить, что в кассовом отчете конторы газеты «Правда» за май по статье прихода в Московском народном банке указана сумма в размере 224 832 руб. См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 315. Нехватка 17 713 руб. объясняется тем, что на счету товарищества «Рабочая печать» в Волжско-Камском коммерческом банке находились финансовые средства, как поступающие от конторы газеты «Правда», так и от издательства «Прибой». В связи с этим, надо полагать, что сумма в размере 17 713 руб. поступила именно от издательства «Прибой».

мая – 100 000 руб., 85 000 руб., 6000 руб.[64]; 16 мая – 1000 руб.; 17 мая – 12 830 руб.; 27 мая– 7250 руб.; 29 мая – 2751 руб., 8000 руб.[65]. Итого за май –224 831 руб.

Основными расходами газеты «Правда» являлись оплата за набор и печатание газеты в типографии «Сельского вестника», а также приобретение бумаги для печатания газеты.

Расходы газеты «Правда» за набор и напечатание составили: за март – 23 943 руб. 45 коп.; за апрель – 15 583 руб. 35 коп.; за май –20 480 руб. 50 коп.[66]. Отметим, что оплата производилась газетой «Правдой» с некоторой отсрочкой. В марте 1917 г. оплата была проведена двумя платежами по 5051 руб. 88 коп. и 2829 руб. 33 коп.[67], что в общей сумме составляет 7881 руб. 21 коп. В апреле 1917 г. оплата была осуществлена четырьмя платежами: 4864 руб. 77 коп.[68], 3232 руб. 15 коп., 4392 руб. 25 коп., 3573 руб. 7 коп.[69], что в общей сумме составляет 16 062 руб. 24 коп. Таким образом, в марте и апреле «Правда» рассчиталась за услуги набора и напечатания газеты, которые были предоставлены в марте. В мае 1917 г. «Правда» произвела оплату за набор и напечатание газеты за апрель и частично за май. Расчет за услуги предоставленные в апреле была осуществлен четырьмя платежами: 4056 руб. 60 коп., 1054 руб. 30 коп., 4317 руб. 20 коп., 6155 руб. 25 коп.[70] Частичный расчет за май был осуществлен одним платежом в размере 6181 руб.[71] Всего в мае по предоставленным счетам по оплате набора и напечатания «Правда» осуществила расчет в размере 21 764 руб. 35 коп.

Расходы на бумагу для печати газеты «Правда» были следующие: за март – 17 532 руб. 48 коп., за апрель – 22 347 руб. 86 коп.[72]. Всего за март-апрель – 39 880 руб. 34 коп. Известно, что закуплено бумаги в марте на сумму 18 733 руб. 95 коп., а в апреле на сумму 19 036 руб. 83 коп.[73] Всего за март-апрель –37 770 руб. 78 коп. Разница между 39 880 руб. 34 коп. и 37 770 руб. 78 коп. составляет 2109 руб. 56 коп. Это говорит о том, что редакции «Правды» пришлось нести дополнительные расходы

---

[64] Сумма 185 000 рублей предназначалась для оплаты за типографию, 6000 рублей для приобретения автомобиля (*Прим. авт.*).

[65] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 156 об.

[66] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 143–152 об.

[67] Там же, л. 144–145.

[68] Отметим, что нами была исправлена неверно указанная в документе сумма платежа в размере 4874 руб. 77 коп. См.: ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 145.

[69] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 145–147.

[70] Там же, л. 147–148.

[71] Там же.

[72] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 317–319.

[73] Там же. С. 317.

в размере 2109 руб. 56 коп. на приобретение бумаги ввиду недостаточности для нужд газеты поступившего объема бумаги на сумму 37 770 руб. 78 коп.[74] В мае поступило бумаги на сумму 29 436 руб. 17 коп.[75]

В кассовом отчете газеты «Правда» за период с 5 марта по 1 мая 1917 г. указано, что расходы за бумагу и печатание составили 60 499 руб. 45 коп.[76] На основании приведенных выше данных, а именно сумм в размере 7881 руб. 21 коп., 16 062 руб. 24 коп., 37 770 руб. 78 коп., мы в расходах за бумагу и печатание получаем немного большую сумму в размере 61 714 руб. 23 коп.

Как же складывался бюджет газеты? Доход выразился в следующих поступивших суммах за период март-апрель: от подписки – 53 894 руб. 49 коп.; от провинциальных контрагентов – 35 000 руб.; от городских контрагентов – 36 511 руб. 73 коп.; от розничной продажи – 25 000 руб.[77] Итого получено дохода на сумму 150 406 руб. 22 коп. Кроме этого, сбор пожертвований в «Железный фонд» дал 31 247 руб. 2 коп; сбор пожертвований на типографию –78 601 руб. 29 коп. Итого, пожертвований получено – 109 848 руб. 31 коп.

Расход за период март-апрель выразился в следующих суммах: за набор и печатание – 23 943 руб. 45 коп.[78]; за бумагу – 37 770 руб. 78 коп.[79]; общие расходы – 6595 руб. 11 коп.[80]; жалование служащих и сотрудников – 12 546 руб. 75 коп.[81]; экспедиционные расходы – 5257 руб.[82]; почтовая оплата – 2436 руб. 62 коп.[83]; задаток за приобретенную типографию 37 500 руб.[84]; нотариальные расходы по организации това-

---

[74] Приобретено бумаги в марте 2095 пудов 36 фунтов, в апреле 1655 пудов 28 фунтов. Всего за март-апрель 3750 пудов 64 фунтов (См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 320). На издание номеров газеты «Правда» израсходовано в марте 2051 пудов 14 фунтов, в апреле 1826 пудов 98 фунтов. Всего за март-апрель 3878 пудов 12 фунтов (См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 317–319). Мы видим, что на 127 пудов 48 фунтов больше израсходовано бумаги, чем было закуплено.

[75] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 320. Приобретено бумаги в мае 2451 пудов 6 фунтов (См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 320). На издание номеров газеты «Правда» израсходовано в мае 2208 пудов 44 фунтов (См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 319–320). Мы полагаем, что большое количество бумаги было приобретено в мае из расчета того, чтобы погасить «Сельскому вестнику» использованные для издания газеты «Правда» 127 пудов 48 фунтов.

[76] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 314.

[77] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 119.

[78] Там же, л. 144–147.

[79] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 317.

[80] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 121 об.

[81] Там же.

[82] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 314.

[83] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 121.

[84] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 314.

рищества «Рабочая печать» – 1325 руб.[85]. Итого расходов на сумму – 127 374 руб. 71 коп.

Предварительно отметим, что прибыль (без учета сборов в «Железный фонд» и на типографию[86]) за март-апрель составила 23 031 руб. 51 коп.

Доход за май выразился в следующих поступивших суммах: от подписки – 34 117 руб. 81 коп.; от провинциальных контрагентов – 23 149 руб. 45 коп.; от городских контрагентов – 24 673 руб. 23 коп.; от розничной продажи – 21 733 руб. 45 коп.[87]. К этому следует прибавить средства Н. И. Черемовского[88], который одолжил 16 мая сроком до 10 августа[89] 15 530 руб.[90], а также 33 781 руб. полученных 17 мая от рабочих завода «Новый Лесснер» на литературу для солдат[91]. Итого, получено дохода на сумму 152 984 руб. 94 коп. Сбор пожертвований на типографию с 1 по 29 мая – 57 052 руб. 69 коп.[92]. Кроме того, отметим, что полученная в марте-апреле 1917 г. в результате сборов пожертвований (в «Железный фонд» и на типографию) сумма в размере 109 848 руб. 31 коп. была вместе с другими средствами использована 15 мая 1917 г. при окончательном расчете за типографию. Поэтому с учетом 109 848 руб. 31 коп., всего за май получено средств в размере 319 885 руб. 94 коп.

Расход за май выразился в следующих суммах: за набор и напечатание – 21 764 руб. 35 коп.[93]; за бумагу – 29 436 руб. 17 коп.[94]; общие расходы – 13 691 руб. 86 коп.[95]; жалование служащих и сотрудников –

[85] Там же.

[86] Сумма 109 848 руб. 31 коп. полученная за март-апрель в результате пожертвований в «Железный фонд» и на типографию в полном размере была использована 15 мая 1917 г. при окончательном расчете за типографию. По нашим расчетам, не за счет 109 848 руб. 31 коп., а за счет дохода, полученного в марте-апреле, был выплачен задаток за типографию в размере 37 500 руб.

[87] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 119.

[88] *Черемовский Н. И.* (1882–1919) – социал-демократ, большевик. В 1906 г. избран секретарем Ярославского комитета РСДРП. Участвовал в издании большевистской «Правды». После октября 1917 г. работал в Петроградском продовольственном комитете. См.: Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883–1937. Ярославль, 1985. С. 45.

[89] В документе цифра 10 указана неразборчиво. А. М. Гертик на допросе в контрразведке 8 июля 1917 г. указывал, что деньги одолжены по 1 августа 1917 г. См.: *Попова С. С.* Между двумя переворотами. С. 226.

[90] Н. И. Черемовский одолжил 20 000 руб., но уже 19 мая 1917 г. ему было возвращено 4470 руб. См.: ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 119 об.

[91] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 20 об.; Правда. 1917. №60. 18 мая.

[92] Эта сумма получилась путём сложения 55 532 руб. 35 коп. и 3101 финских марок 50 пенни, всего – 57 052 руб. 69 коп. (*Прим. авт.*).

[93] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 147–148.

[94] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 320.

[95] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 121 об.

15 564 руб. 33 коп.[96]; экспедиционные расходы – 5400 руб.[97]; почтовая оплата – 8115 руб. 34 коп.[98]; покупка автомобиля – 6000 руб.[99]; окончательный расчет за приобретенную типографию – 187 500 руб.; аренда помещения – 3500 руб.[100]. Итого расходов на сумму – 290 972 руб. 5 коп.

Таким образом прибыль газеты «Правда» за май 1917 г. составила 28 913 руб. 89 коп.

Особо подчеркнём, что для окончательного расчета за типографию 15 мая 1917 г. были использованы финансовые средства, полученные от сборов за период с 5 марта по 14 мая, а именно: 31 247 руб. 2 коп. (сбор в «Железный фонд»); 78 601 руб. 29 коп (сбор на типографию с 10 апреля по 29 апреля) и 34 321 руб. 63 коп. (сбор на типографию с 1 по 14 мая). Общая полученная за данный период сумма сборов пожертвований составляет 144 169 руб. 94 коп. Кроме того, нужно учитывать, что также при расчете была использована прибыль, полученная за март-апрель 1917 г. в размере 23 031 руб. 51 коп. Итого: 167 201 руб. 45 коп. Первоначальная цена типографии была установлена в размере 235 000 руб., но позже уступили 10 000 руб.[101] Учитывая, что в апреле 1917 г. был сделан задаток в размере 37 500 руб., то при окончательном расчете за типографию должна была быть уплачена сумма в размере 187 500 руб.

Полученных пожертвований за март – 14 мая и прибыли за март–апрель (всего 167 201 руб. 45 коп.) недостаточно для полного расчета за типографию 15 мая 1917 г. из-за нехватки 20 298 руб. 55 коп. Однако на 15 мая 1917 г. в распоряжении «Правды» находились 24 673 руб. 23 коп., полученных от городских контрагентов[102], а также другие средства (от подписки, от провинциальных контрагентов, от розничной продажи), которыми, на наш взгляд, и мог быть покрыт недостаток средств.

---

[96] Там же.

[97] Точная сумма экспедиционных расходов (перевозка газеты на почту, вокзал, накладные, бечевки и т. п.) в мае нам неизвестна, но согласно показаниям К.М. Шведчикова от 9 августа 1917 г. они составляли «в последнее время около 150–200 руб. в день». Цит. по: Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 474. Учитывая, что газета «Правда» была ежедневной газетой, которая не выходила только по понедельникам, а на май 1917 г. выпадало 4 понедельника, умножаем 27 дней на 200 руб. и получаем в итоге 5400 руб.

[98] ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, д. 17, л. 121.

[99] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 315.

[100] См.: Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 796.

[101] В ходе сделки директор-распорядитель А. С. Мандель уступил 10 тыс. руб., так как в типографии оказалось меньше шрифта, чем предполагалось. См.: Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 796.

[102] Согласно показаниям 12 августа 1917 г. счетовода конторы газеты «Правда» Н. А. Энгеля, известно, что платежи от городских контрагентов производились два раза в месяц: 1 и 15 числа. См.: Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 580.

Отдельно стоит остановиться на рассмотрении вопроса покупки для новой типографии ротационной машины. Заведовал типографией «Труд» А. М. Гертик, который на допросе в контрразведке 8 июля 1917 г. заявил, что ротационная печатная машина была приобретена в Гельсингфорсе за 10 000 марок с рассрочкой на два года[103]. На допросе 21 августа 1917 г. Гертик подтвердил сказанное 8 июля и добавил, что ротационная машина старая и на данный момент за нее ещё не расплатились, а «…за установку машины, покупку шрифта и другие расходы по устройству типографии было израсходовано около 10–15 тыс.»[104] Ротационная машина монтировалась и отлаживалась, но до событий 3–5 июля 1917 г. ни один номер газеты «Правда» здесь не был напечатан[105]. 6 июля 1917 г. были разгромлены контора, наборная и машинное отделение типографии «Труд»[106]. В результате погрома типографии большевикам был нанесён материальный ущерб в размере не менее 150 тыс. руб.[107]

Таким образом, проведённый анализ финансового положения газеты «Правда» показал, что данное издание в первые месяцы своего существования не было убыточно, и даже получало некоторую прибыль. Канцелярские книги «Правды» не отражают присутствие каких-либо посторонних средств, за исключением доходов газеты от её реализации, пожертвований читателей, сторонников и сочувствующих РСДРП(б). Эти бухгалтерские отчёты совпадают с представленной в «Правде» информацией о финансовом положении газеты, подкреплённой указаниями на конкретные источники её субсидирования со стороны физических и юридических лиц, что даёт основание отвергнуть версию об иностранных источниках финансирования данного издания.

---

[103] Цит. по: *Попова С. С*. Между двумя переворотами. С. 226.

[104] Цит. по: *Попова С. С*. Допрос в контрразведке //Правда. 2011. № 105 (29735). 23–26 сентября. С. 6; Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 797. Служащий типографии «Труд» Г. А. Гутнер в своих показаниях 8 августа 1917 г. отмечал, что Н. И. Черемовский «израсходовал около 15 000 руб., в этот расход вошла перевозка ротационной машины из Финляндии, покупка бумаги и т. п.». Цит. по: Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 471.

[105] Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 475, 796.

[106] См.: *Шумяцкий Б*. Разгром типографии «Труд» // Рабочий и солдат. 1917. №3. 23 июля.

[107] См.: Протоколы VI съезда РСДРП(б). 26 июля – 3 августа. М., 1919. С. 39.

Ю. В. Емельянов

МИФЫ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Столетие Великой Октябрьской социалистической революции позволяет по достоинству оценить величайшее событие XX века, которое стало переломным в человеческой истории. В юбилейный год можно глубже проанализировать причины революционных событий в России, потрясших, по выражению Джона Рида, весь мир, и одновременно разоблачить фальшь искаженных представлений об Октябрьской революции, которые стали рождаться еще 100 лет назад и упорно внедряются уже четверть века в общественное сознание населения России и других бывших союзных республик после крушения СССР и социалистического строя. Искажение исторической правды совершается умолчанием о подлинных фактах столетней давности и распространением мифов о прошлом.

Лживость мифов о процветании царской России

Внешние и внутренние силы, восстановившие буржуазный строй в нашей стране, стремятся доказать, что никаких причин для революции в царской России не существовало. Они упорно распространяют мифы об успешном развитии дореволюционной России. При этом они умалчивают о том, что, несмотря на быстрое развитие промышленности в стране после отмены крепостного права, по характеру производства и демографическому составу Россия оставалась аграрной страной. Доля сельских жителей среди населения страны составляла 82%. Несмотря на ликвидацию крепостного права в России сохранялось господство помещичьего землевладения. По данным переписи к 1897 году на долю 30 тысяч дворянских семей России приходилось 70 миллионов десятин земли, в то время как 10,5 миллионов крестьянских семей (около 50 миллионов человек) обладали 75 млн. десятин. Поэтому многие крестьяне были вынуждены арендовать землю у помещиков. В качестве платы за арендуемую землю они обрабатывали помещичью пашню. Такая

система «отработок», которая фактически представляла форму барщины, была распространена в 17 из 43 губерний Европейской России.

Крестьяне были вынуждены ежегодно расплачиваться за обретенную ими землю после освобождения. Если бы выплаты за землю, полученную после реформы 1861 году, продолжались в таком же темпе, что и до 1917 года, то крестьяне России расплатились бы за полученные ими наделы после ликвидации крепостной зависимости лишь в 1956 году.

После освобождения крестьян от крепостной зависимости, условия их жизни существенно не улучшились. Хотя рост урожайности возрос (с 29 пудов с десятины в 1861 – 1870 годах до 39 пудов в 1891 – 1900 годах), а общее поголовье скота в стране увеличилось, но в расчете на душу населения количество сельскохозяйственной продукции неуклонно сокращалось.

Производительность земледелия оставалась крайне низкой. Поголовье скота увеличилось, но в расчете на душу населения сократилось.

Ссылки на то, что дореволюционная Россия вывозила зерно, игнорирует то обстоятельство, что во время неурожаев, миллионы жителей страны страдали от голода, который повторялся приблизительно раз в 3–4 года. В своей повести «Деревня», написанной уже в начале XX века, Иван Бунин устами своего героя Тихона Ильича размышлял: «Господи Боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей, – ест же этот хлеб досыта сто человек во всем городе».

Вспоминая свое крестьянское детство, генерал армии И. В. Тюленев писал: «Лишения и невзгоды, голод и холод постоянно стучались в дверь... Семья у нас, Тюленевых, была большая: шесть человек своих ребят да четверо оставшихся от дяди после его смерти. Отцу с матерью надо было трудиться не покладая рук, чтобы прокормить такую ораву... Земли было мало. Крохотный надел не мог досыта прокормить столько ртов».

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который был моложе И. В. Тюленева на четыре года и так же, как и он рос в крестьянской семье, вспоминал, что зима 1902 года «для нашей семьи оказалась очень тяжелой. Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей». Летом будущий маршал ловил в речке рыбу и «делился рыбой с соседями за их щи и кашу».

Голодание способствовало распространению болезней, что усугублялось низким уровнем развития здравоохранения в деревне. Герой по-

вести Бунина рассуждал: «А ярмарка? Нищих, дурачков, слепых и калек, – да всё таких, что смотреть страшно и тошно, – прямо полк целый!» Низкий уровень гигиены лишь увеличивал число хронических инвалидов и умерших во время периодически повторявшихся эпидемий. Описывая в той же повести ужасающую антисанитарию деревенской жизни, Бунин писал, что зимой в деревне неизбежно начинались «повальные болезни: оспа, горячка, скарлатина».

Реформа Столыпина, которую ныне превозносят в школьных учебниках и материалах СМИ не сумела преодолеть отсталости российской деревни. К 1917 г. Россия занимала одно из последних мест в Европе по урожайности. Страна не производила тракторов, комбайнов и многих других сельскохозяйственных машин. Уровень производства минеральных удобрений составлял лишь 3% от американского и 0,7% от объема этой продукции в Германии, Франции и Великобритании вместе взятых. Хотя хозяйства дворян и зажиточных крестьян употребляли все более активно импортные земледельческие машины, у середняков и бедняков основными орудиями труда оставались соха и деревянная борона.

Хотя с 1863 по 1913 год сельское население выросло почти в 2 раза, посевные площади хлеба и картофеля увеличились лишь на 12,5%. По данным 1912 г. 60% крестьянства составляла беднота (безлошадные или однолошадные дворы). Свидетельством провала столыпинской реформы стал голод 1911 года, от которого пострадало около 30 миллионов крестьян.

В поисках избавления от тяжелой крестьянской участи многие люди уходили в города, пополняя ряды растущего рабочего класса. К концу XIX века в России насчитывалось около 10 миллионов наемных рабочих, которых старались максимально эксплуатировать хозяева фабрик и заводов. В середине 80-х годов XIX века лишь на 10% фабрик продолжительность рабочего дня была меньше 12 часов. На 44% фабрик она составляла 13 и 13,5 часов, а на 5,4% фабрик – 15 часов и более. Женщины и дети работали столько же, сколько мужчины. В 1900 году рабочий день составлял в России в среднем 11,2 часа, однако циркулярами министерства финансов разрешались сверхурочные работы и поэтому средний рабочий день зачастую достигал в 14 или 15 часов.

Петиция, с которой рабочие российской столицы, пришли на Дворцовую площадь 9 января 1905 года, содержала просьбы установить 8-часовой рабочий день, остановить непосильную эксплуатацию, ввести бесплатное образование для детей школьного возраста и осуществить многие другие социальные и политические реформы. Расправа в день, получивший название «Кровавое воскресенье», и объявление Николаем

II мятежниками участников демонстрации во время встречи с теми рабочими, кто уцелел во время жестокой бойни, означали, что правительство не собирается ничего делать для удовлетворения народных нужд.

Через девять лет после Кровавого воскресенья в 1914 г. рабочий день в среднем составлял без учета сверхурочных работ 9,5 – 10 часов. На практике же он достигал 13 – 15 часов, а то и больше. Просьбы питерских рабочих об установлении «нормальной заработной платы» были проигнорированы. Реальная заработная плата рабочих с 1904 г. по 1914 г. снизилась на 8%. В погоне за прибылями хозяева пренебрегали нормами безопасности труда. В фабрично-заводской промышленности России в 1913 г. число несчастных случаев на производстве увеличилось почти в 2 раза по сравнению с 1905 годом.

Было проигнорированы требования питерских рабочих о всеобщем бесплатном школьном образовании. Хотя уровень образования возрастал, но крайне медленно. Если бы рост грамотности продолжался теми же темпами и впредь, то в Петербурге неграмотных бы не стало лишь в 1943 г., в Харькове – в 1944 г. в Москве – в 1984 г. Еще хуже обстояло дело в малых городах и сельской местности. Так, в 1910 – 1913 гг. в Тверской губернии уровень грамотности сельского населения составлял 34,1, в Тульской – 28,5%, в Харьковской – 25,1, в Вологодской – 22%, в Калужской – 21,8%, в Самарской – 19.6%, в Симбирской – 15,6%. в Пензенской – 14,8%. При этом ликвидация неграмотности в Европейской части страны происходила столь медленными темпами могла бы затянуться до конца XX века, если не дольше.

При этом грамотность среди женщин была, как минимум, в два раза ниже, чем среди мужчин. Так, в Московской губернии грамотных среди мужчин было 58,6%, а среди женщин – 25,9%. В Тверской – грамотными было 51% мужчин и 18,5% женщин. Но в некоторых губерниях разрыв был еще больше. Так, в Тульской губернии грамотными были 46,3% мужчин, но лишь 11% женщин владели грамотой. В Вологодской губернии грамотными были 39,3% мужчин и 6,3% женщин. В

Пензенской губернии грамотными были 25,9% мужчин, и лишь 3,8% женщин.

Велик был разрыв по уровню грамотности между европейской Россией и ее периферией. На Кавказе грамотных было 12,4%, в Сибири – 12,3%, в Средней Азии – 5,3%. Следует также учесть разницу в грамотности между русским населением национальных окраин и их коренным населением. Если среди русских в Средней Азии уровень грамотности составлял 37%, то среди коренного населения грамотных было 2,6%. Лишь 0,7% женщин из коренного населения Средней Азии были тогда

грамотными. Факты о крайней отставании России в образовании и подавляющей неграмотности ныне нагло отрицаются в настоящее время.

Несмотря на продолжавшийся рост ее промышленности, Россия, превышавшая по численности населения каждую из четырех ведущих индустриальных стран мира (США, Германия, Великобритания, Франция), заметно отставала от них по уровню производства важнейших отраслей промышленного производства. Производство чугуна и стали в России в 1913 г. составляло лишь 15–18% от того уровня, который производился в тот год в США, а также в трех европейских странах вместе взятых (Германия, Франция и Великобритания). Россия производила лишь 24% электроэнергии по сравнению с указанными тремя европейскими странами, и 8% по сравнению с США. Россия производила лишь 20% цемента по сравнению с Германией, Францией, Великобританией, и 13% – по сравнению с США. В стране отсутствовали химическая промышленность и многие виды машиностроения. В 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве составляла около 4%. Все эти факты в настоящее время в учебных пособиях и материалах СМИ игнорируют или же утверждается, что отставание России быстро преодолевалось.

Умалчивается о том, что отсталость России проявилась в ходе русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Признав свое поражение, Россия по мирному договору уступила Японии Южный Сахалин и арендные права на Квантунский полуостров вместе с Порт-Артуром и Дальним. Однако ныне шарлатаны, никогда не занимавшиеся историей, и лица, получившие в советское время звания академиков, публикуют сочинения, в которых утверждается, будто Россия победила в этой войне и уступила земли лишь по доброте душевной.

Антисоветчики винят большевиков в поражениях России в Первой мировой войне, хотя в течение первых лет военных действия большая часть членов большевистской партии сидела в тюрьмах, находилась в ссылке, на каторге, в эмиграции. На самом деле главной причиной поражений русской армии стала отсталость страны. Разгром армии Самсонова в Восточной Пруссии осенью 1914 г. убедительно доказал, что армия России не была подготовлена к тяжелому испытанию, прежде всего из-за ее плохой вооруженности.

Об отчаянном положении с вооружением свидетельствовали телеграммы, которые направлял начальник штаба главнокомандующего великого князя Николая Николаевича генерал Янушкевич военному министру генералу В. А. Сухомлинову. В телеграмме от 2 ноября 1914 года Янушкевич писал: «С уменьшением числа снарядов и числа патронов стали выбывать из строя на 50–60% больше», то есть гибель солдат возросла более, чем в 1,5 раза. «Дело с подбором винтовок удалось все-таки на-

ладить: до 50% обеспечено». Это означало, что одна винтовка приходилась на двух солдат. «Нельзя ли сверх всего увеличить число гранат?» Янушкевич писал, что хотя бы само «появление снарядов на фронте, даже не взрывающихся, может поднять дух войска». 6 декабря 1914 года Янушкевич писал Сухомлинову: «Ведь волосы дыбом становятся при мысли, что по недостатку патронов и винтовок придется покориться Вильгельму».

Не хватало не только оружия. Янушкевич писал: «Много людей без сапог отмораживают ноги, без полушубков или телогреек начинают сильно простужаться. В результате там, где перебиты офицеры, начались массовые сдачи в плен, иногда по инициативе прапорщиков. Чего нам дохнуть голодными и холодными, без сапог, артиллерия молчит, а нас бьют, как куропаток. У немцев лучше. Казаков, отбивших атакой 500 пленных, последние изругали: кто вас, ироды, просил: опять голодать и мерзнуть не желаем».

Британский военный советник при 3-й русской армии телеграфировал в Лондон в июне 1915 г.: «Эта армия превратилась теперь в безвредную толпу. Нам сильно недостает снарядов». Другой британский советник сообщал: «Все попытки наступления в последнее время были простым убийством, так как мы нападаем без достаточных приготовлений, имея перед собой врага, обладавшего большим количеством полевой и тяжелой артиллерии. Надо полагать, что потери, в обычном смысле этого слова, составляют около 1 500 тысяч».

Бывший премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд-Джордж воспоминал в своих мемуарах: «Великое отступление 1915 г., когда русские армии были в беспорядке и с небывалыми потерями оттеснены из Польши и Прибалтики до самой Риги, объяснялось исключительно недостатком у русских артиллерии, винтовок и снарядов... По храбрости и выносливости русский солдат не имел себе равного среди союзников и врагов. Но военное снаряжение русской армии по части пушек, винтовок, пулеметов, снарядов и транспортных средств – было хуже, чем у всех, и по этой причине русских били более малочисленные противники, часто уступавшие русским по боевым качествам; так убивали русских миллионами, в то время как у них не было никакой возможности защиты или мести».

Генерал А. А. Брусилов вспоминал: «Неудачи наши на фронте в 1915 году ясно показали, что правительство не может справиться всецело со взятой им на себя задачей... Оказалось, что патронов и снарядов у нас нет, винтовок не хватает, тяжелой артиллерии почти нет, авиация в младенческом состоянии и во всех областях техники у нас нехватка, Начали мы также жаловаться на недостаток одежды, обуви и снаряжения, и, наконец, пища, к которой солдатская масса очень чувст-

вительна, стала также страдать. Приходилось, вследствие нашей слабой подготовки во всех отношениях, возмещать в боях нашу техническую отсталость в орудиях борьбы излишней кровью, которой мы обильно поливали поля сражения. Такое положение дела, естественно, вызывало ропот неудовольствия и негодования в рядах войск и возмущение начальством... Стойкость армии стала понижаться, и массовые сдачи в плен стали обыденным явлением».

Война истощила силы России. Давая показания чрезвычайной комиссии Временного правительства в 1917 году, бывший министр внутренних дел А. Д. Протопопов так охарактеризовал положение страны в конце 1916 года: «Финансы расстроены, товарооборот нарушен, производительность страны дала громадную убыль... пути сообщения – в полном расстройстве... Наборы в армию обезлюдели деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы, пополнялось это пленными и наемным трудом персов и китайцев... Деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Армия устала, недостатки всего понизили ее дух, а это не ведет к победе».

Хищения продуктов и обмундирования, направляемых на фронт, обогащали спекулянтов. Правительство же демонстрировало свою неспособность остановить воровство. Один из бывших солдат царской армии вспоминал, как однажды зимой в их часть приехал Николай II. Поприветствовав солдат, царь обратился к ним с вопросом: «На что жалуетесь, ребята?» В ответ один из солдат выкрикнул: «Провианта мало дают!» Тогда Николай приказал всем солдатам, стоявшим в строю, вытянуть руки перед собой. Затем он подошел к снежному сугробу, скатал большой ком снега и передал его одному из солдат. «Передавайте от одного к другому! – приказал он. По мере того, как ком передавался из рук в руки, он уменьшался в размерах. Солдат, стоявший в ряду последним, получил в руки крохотный снежок. «Вот так и с провиантом, – сказал царь. – Мы достаточно его посылаем в армию, но по пути к рукам много прилипает!»

Правящие круги страны были неспособны осуществить глубокие общественные преобразования. Общий кризис в России способствовал обострению борьбы за власть, которая лишь усилилась с начала XX века. Об этом свидетельствовали покушения на высших чиновников страны членами Боевой организации эсеров, которую возглавлял сотрудник полиции Е. Азеф. Жертвой этой борьбы за три года до начала войны стал премьер-министр Столыпин. Через два года после ее начала жертв стали искать в самых высших кругах царской верхушки. Выступление

кадета Милюкова в Государственной думе в ноябре 1916 года, в котором рефреном звучали слова: «Что это глупость или измена?», выражало широко распространенные слухи о том, что царица Александра Федоровна и фаворит царской семьи Распутин являются агентами кайзеровской Германии. Убийство Распутина, совершенное князем Юсуповым, а затем ликование российской аристократии, включая членов императорской семьи, по поводу этого самосуда, свидетельствовало об их правовом и моральном нигилизме. Но иной реакции нельзя было ожидать от власть имущих, которые устроили 9 января 1905 г. расправу над сотнями питерскими рабочими, одобряли петербургского генерал-губернатора Трепова, который в разгар всеобщей октябрьской стачки 1905 г. отдал войскам приказ: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!». Они не возражали против массовых казней и арестов в ходе подавления революции 1905 – 1907 гг. Они соглашались с комментарием министра внутренних дел России по поводу расстрела 4 апреля 1912 г. 270 рабочих Ленских приисков, заявившего: «Так было и так будет впредь».

Однако убийство Распутина не могло спасти царский строй. В начале 1917 г. министр внутренних дел Протопопов придумал лишь план повторения кровавой расправы с питерскими рабочими, спровоцировав их шествие по случаю открытия сессии Государственной думы, а затем расстрела этой манифестации. По свидетельству генерала жандармерии Спиридовича в феврале 1917 г. в высших полицейских кругах замышляли убить подругу царицы Вырубову, а затем и царицу Александру Федоровну. Депутат Государственной думы Шульгин вспоминал, как в конце января 1917 г. на одной из петербургских квартир состоялась тайная встреча с участием видных руководителей различных политических партий, многие из которых затем вошли в состав Временного правительства. Участники совещания «хотели говорить о перевороте сверху, чтобы не было переворота снизу». Планы, которые готовили в верхах царской России в последние дни его существования, их неспособность что-либо придумать для решения актуальных проблем страны свидетельствовали об их моральной и интеллектуальной деградации. Эти широко известные свидетельства игнорируются власть имущими в современной России.

Мифы о срыве большевиками движения России «по пути демократии»

Ныне в учебниках распространяется миф о том, что после Февральской революцией открывалась возможность «стабилизации общества на демократической основе», но она была сорвана большевиками. При

этом игнорируются факты о том, что отчаянное состояние экономики страны, которое в значительной степени способствовало Февральской революции, лишь усугубилось за 8 месяцев пребывания у власти буржуазного Временного правительства. Умалчивается о том, что Временное правительство ничего не делало для осуществления давно назревшей аграрной реформы. Не был установлен 8-часовой рабочий день и другие меры по обеспечению труда рабочих и его достойной оплаты. Временное правительство продолжало нести непосильное бремя Мировой войны. Единственная реалистическая альтернатива решения главных проблем, стоявших перед Россией, была изложена Лениным после его возвращения из эмиграции в так называемых «Апрельских тезисах». Однако в современных школьных учебниках об этом программном документе большевиков ничего не говорится. Умалчивают и о нападках, которым были подвергнуты «Апрельские тезисы» Ленина всеми буржуазными и мелкобуржуазными партиями.

Зато до сих пор широко тиражируется фальшивка о сотрудничестве Ленина и большевистской партии с кайзеровской Германией. В своей книге «Владимир Ленин. На грани возможного» В. Логинов подчеркивает, что «подготовка дела о «шпионстве» Ленина началась *до* возвращения Владимира Ильича в Россию. Еще в конце марта к начальнику контрразведки Петроградского военного округа Борису Владимировичу Никитину явился офицер филиала 2-го бюро французской разведки капитан Пьер Теодор Лоран и вручил ему «список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин».

Для дискредитации Ленина использовались данные допроса прапорщика 16-го Сибирского полка Д. С. Ермоленко, завербованного в одном из австрийских концлагерей для военнопленных для ведения шпионской работы в России. На допросах он показал, что в лагере шпионил за своими товарищами, а теперь получил задание вести пропаганду сепаратного мира среди русских солдат. После затяжных допросов Ермоленко стал повторять полицейскую версию о том, что подрывную работу в пользу Германии ведет в России вождь большевиков Ленин.

Поскольку выбитые из Ермоленко показания не выглядели убедительными, 21 июня 1917 г. французская разведка передала российской полиции телеграммы, которыми обменивались различные люди. Значительная часть из них направлялась из Стокгольма большевиком Фюрстенбергом (Ганецким), который работал тогда в торговой фирме, в Петроград главе торгового предприятия мадам Суменсон и в обратном направлении. Переписка между Фюрстенбергом (Ганецким) и Суменсон касалась поставок лекарств, предметов дамского туалета, каранда-

шей и прочего. Однако, поскольку французы сумели раздобыть также телеграммы, которыми большевик Фюрстенберг-Ганецкий обменивался с Лениным, то была сочинена версия о том, что «карандаши», «лекарства» и прочее – это лишь хитроумный код, который прикрывает финансирование большевистской партии средствами из Германии.

Абсурдность обвинений в адрес Ленина была еще раз подтверждена в книге американского историка С. Ляндерса «К пересмотру проблемы немецкого золота», опубликованной в 1995 году. В то время как следственная комиссия Временного правительства уверяла, будто указанные выше телеграфные депеши изобличали Ленина в получении денег из иностранных источников, содержание всех 66 телеграмм показали, что в них речь шла о чисто коммерческих сделках, в ходе которых «все денежные переводы всегда шли из Петрограда в Стокгольм, но никогда эти средства не шли в противоположном направлении».

Кроме того, Ляндерс писал, что никаким тайным кодом Ганецкий-Фюрстенберг и Суменсон не пользовались в своей переписке. Он убедительно доказал, что, упомянутая в телеграммах «мука», означала муку для детского питания «Нестле». «Карандаши» означали обыкновенные карандаши.

Однако вздорное полицейское сочинение легло в основу обвинений, предъявленных Ленину в июле 1917 г. Временным правительством. Скрываясь в Разливе от ищеек Временного правительства, Ленин написал ряд статей, в которых убедительно доказал лживость обвинений о тайном сотрудничестве большевиков с кайзеровской Германии: «Где власть и где контрреволюция?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Злословие и факты», «Новое дело Дрейфуса?», «Дрейфусиада», «В опровержение темных слухов» и другие.

Ленин возмущался: «Припутывают имя какой-то Суменсон, с которой мы не только никогда дел не имели, но с которой никогда и не виделись. Впутывают коммерческие дела Ганецкого и Козловского, не приведя ни одного факта, в чем же именно, где, когда, как, коммерция была прикрытием шпионства. А мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но и вообще ни копейки денег ни от одного из названных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получали».

Казалось бы, все аргументы клеветников были разбиты еще 100 лет назад, но они до сих пор не унимаются, повторяя их. Ссылаются также на материалы, получившие название «бумаги Сиссона». Их историю раскрыл еще в 1932 г. британский разведчик Дж. Хилл в своей книге «Моя шпионская жизнь». Находясь в 1918 г. в Петрограде, он стал свидетелем приобретения своим коллегой бумаг, которые якобы изоблича-

ли Ленина и других советских руководителей в сотрудничестве с германской разведкой. За письма, якобы отправленные примерно в одни и те же дни из самых разных городов мира, было заплачено 15 тысяч тогдашних фунтов стерлингов, или 150 тысяч золотых рублей.

Решив внимательно изучить письма, Хилл, по его словам, «взял увеличительное стекло и обнаружил, что во всех документах русская буква «е» немного не дописана. Я сразу заявил, что это фальшивка». Сын британского посла Роберт Брюс Локкарт в своей книге «Ас шпионов» утверждал, что английский шпион С. Рейли также указал на то, что «все письма из разных концов России однотипны до крайности, словно их писал один и тот же человек».

Все же англичане решили обратиться к экспертам. По словам Хилла, «квалифицированный эксперт доказал, что почти все бумаги отпечатаны на одной и той же машинке. Это было весьма важно, поскольку документы считались поступившими из разных мест, отстоящих друг от друга на сотни миль». Затем, по словам Хилла, британские разведчики «нашли парня, который фабриковал эти документы, и он на допросе признался в их подделке».

Англичане были расстроены, что они потратили много денег зря. Убедившись в том, что эти письма сфабрикованы, С. Рейли предложил своему начальнику Бойсу продать «документы» американцам, что «тот и сделал, выручив у господина Э. Сиссона, главы миссии США в Петрограде, солидную сумму денег». Это же подтверждал и Дж. Хилл: «Мы продали эти документы американцам за 25 тысяч фунтов стерлингов (250 тысяч золотых рублей». Таким образом, на перепродаже фальшивки англичане нажили 10 тысяч фунтов стерлингов или 100 тысяч золотых рублей.

Американцы приняли фальшивку за чистую монету. В конце октября 1918 года Расследовательное бюро США (которое потом превратилось в Федеральное Бюро Расследований, или ФБР) использовало «бумаги Эдгара Сиссона» для издания брошюры «Германо-большевистский заговор». По словам Хилла, эти липовые документы «американцы распространяли в колчаковской и деникинской армиях».

Однако, ознакомившись с опубликованными американцами «бумагами Сиссона», многие авторитетные люди признали в них грубую фальшивку. В своих воспоминаниях президент Чехословакии Т. Масарик писал: «Не знаю, сколько затратили на них американцы, англичане и французы, но для сведущего человека сразу было видно, что наши друзья купили подделку – все документы, которые должны были присылаться из разных государств, были отпечатаны на одной пишущей машинке».

Также прореагировал на появление американских брошюр с «бумагами Сиссона» и бывший британский посол в России Брюс Локкарт. В своих воспоминаниях он писал: «Это были якобы подлинные, но на самом деле поддельные документы, которые я уже видел раньше... Некоторое время они циркулировали в кругах, связанных с союзническими миссиями в Петрограде. Одна серия «оригиналов» была приобретена американским агентом. Через несколько месяцев обнаружилось, что эти письма, якобы пришедшие из разных мест, такие как Спа, Берлин и Стокгольм, были отпечатаны на одной и той же машинке».

Через какое-то время в мире потеряли интерес к этой фальшивке. Расследованием «бумаг Сиссона» занялся лишь в середине 50-х гг. известный дипломат, историк и советолог Джордж Кеннан. После тщательного анализа он признал факт фальсификации и огласил имя их создателя. Им оказался некий Фердинанд Антоний Оссендовский. В 1982 году Общество американских архивистов официально признало ошибку своих экспертов в 1918 году.

Однако через 20 лет после этого признания в 2002 году вышел в свет двухтомник Акима Арутюнова «Ленин», в котором целая глава была посвящена «бумагам Сиссона». Игнорируя выводы многочисленных экспертов, А. Арутюнов объявил фальшивые материалы подлинными. При этом Арутюнов скрыл то, что бросалось в глаза всем, кто внимательно читал документы: они были отпечатаны на одной и той же машинке, хотя были якобы посланы из разных городов мира почти одновременно.

Упорно держась за фальшивку о том, что большевики выполняли волю кайзеровского правительства, ныне упорно распространяется миф, с помощью которого пытаются объяснить, почему революция произошла 25 октября (7 ноября) 1917 г. При этом ссылаются на воспоминания Керенского, в которых он писал: «Я твердо уверен, что восстание 24 – 25 октября не случайно совпало по времени с серьезным кризисом в австро-германских отношениях… К 15 ноября предполагалось заключить сепаратный мир России с Турцией и Болгарией. Вдруг совершенно неожиданно мы получили секретное послание от министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернина. В письме, которое пришло к нам через Швецию, говорилось, что Австро-Венгрия втайне от Германии готова подписать с нами мир. Предполагалось, что представители Вены прибудут на конференцию о целях войны, которая должна была открыться в Париже 3 ноября». (Речь шла о конференции ведущих стран Антанты). Далее Керенский писал: «А посему задача Людендорфа сводилась к тому, чтобы помешать Австрии выйти из войны».

Явно преувеличивая роль Временного правительства в международных делах, Керенский писал: «Крайне важно было вырвать власть из рук Временного правительства, до того, как распадется австро-германо-турецко-болгарская коалиция, другими словами, до того, как Временное правительство получит возможность заключить совместно с союзниками почетный мир… Для того, чтобы помешать Австрии подписать сепаратный мирный договор, немцам нужен был переворот в Петрограде. Для Ленина немедленный мир с Германией сразу после захвата власти был единственным средством установления диктатуры». Керенский утверждал, что «интересы Ленина и германского генерального штаба… совпадали».

Натяжки в предположениях Керенского позволяли ему умолчать о внутреннем положении России. Экономические трудности, социальные и политические волнения, которые усилились в ходе Мировой войны в Австрии, Турции и Болгарии и толкали их к заключению мира, в еще большей степени были характерны для России, изнемогавшей после 3 лет военных действий. Приближение России к краю хозяйственной и социальной катастрофы стало главной причиной того, что революция стала неизбежной и о подготовке революционного выступления Ленин заговорил задолго до попыток Турции, Болгарии и Австрии подписать сепаратный мирный договор.

Общий кризис в России к сентябрю-октябрю 1917 года продолжал стремительно углубляться. За 1917 год объем промышленного производства России сократился на 36,4%. Примерно в такой же пропорции сократилось металлургическое производство; многие домны работали с недогрузкой, а до половины мартеновских печей бездействовало. К концу 1917 г. уровень добычи угля в Донбассе оказался ниже довоенного 1913 года, а общероссийская добыча угля снизилась до уровня 1911 г. Сократилось производство легкой промышленности, и в стране ощущался недостаток тканей, одежды, обуви.

Оценивая деятельность Временного правительства после того, как оно стало коалиционным, Ленин в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной 10 – 14 сентября 1917 года, писал: «Прошло четыре месяца после 6-го мая, четыре длинных месяца, когда Россия уложила сотни тысяч солдат на нелепое, империалистское, «наступление», когда разруха и катастрофа приближалась семимильными шагами, когда летнее время давало исключительную возможность сделать многое и по части судоходного транспорта, и по части земледелия, и по части разведок в горном деле и пр. и т. д., – и через четыре месяца меньшевики и эсеры вынуждены официально признать «полную бездеятельность» образованных при правительстве учреждений контроля!!»

Ленин писал: «России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба... Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо».

Уже с начала сентября Ленин ставит вопрос о необходимости готовиться к вооруженному восстанию. Рост влияния большевиков в Советах позволяли им создавать по всей стране отряды красной гвардии. Однако теперь фальсификаторы упорно доказывают, что решающую роль в победе Октябрьского восстания сыграл некий «финский полк», вооруженный немцами и действовавший по указаниям Ленина. Утверждается, будто накануне 25 октября этот полк вошел в Петроград и установил власть большевиков в Петрограде. А затем этот полк таинственным образом исчез с улиц Петрограда. Объяснение победы большевиков действиями «невидимого полка» не выдерживает критики. Сторонники этой версии должны тогда доказать, что подобные «финские полки-невидимки» захватили в конце октября, а затем в ноябре сотни городов России, а затем таинственным образом бесследно удалились из них.

На самом деле в революционном восстании приняли участие воинские части Петроградского гарнизона и кронштадтские матросы, уже давно поддерживавшие большевиков. Выступили и члены Красной гвардии, которые к тому времени были сформированы в Петрограде и были готовы к вооруженному выступлению.

Непризнание Октябрьской революции

В учебниках, по которым школьники изучают историю, теперь говорится, что события в октябре 1917 года – это лишь часть «Великой российской революции», начало которой «положил переворот 23 февраля – 3 марта». Октябрьскую же революцию авторы учебников называли «октябрьским переворотом». В учебниках утверждалось, что хотя «свой захват власти большевики поспешили объявить социалистической революцией», на самом деле ничего из построения социализма у них не получилось.

Широко распространяется ложь известного клеветника В. Резуна, который уверял, будто до 1927 г. советские руководители, говоря о событиях в октябре 1917 г., называли их «переворотом», а не «революцией». На самом деле 25 октября (7 ноября) 1917 г. В. И. Ленин в своем выступлении на экстренном заседании Петроградского Совета заявил: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая

полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в конечном итоге привести к победе социализма».

Упорное навязывание современными СМИ понятия «переворот» вместо «революция» искажает широко масштабный революционный характер перемен, начавшихся 25 октября (7 ноября) 1917 г. Сразу же после этого дня съезд Советов, а затем и Совнарком приняли ряд законодательных актов, закрепивших завоевания Октябрьской революции.

В ходе заседания Ленин выступил на съезде с докладом по вопросу о земле. Ленин предложил включить в декрет о земле «Крестьянский наказ о земле», составленный на основе 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов. Согласно этому «Наказу» право собственности на землю отменялось навсегда и вся земля переходила в пользование трудящихся; ее нельзя было ни покупать, ни продавать. Земельные участки (поместья) с высококультурными хозяйствами превращались в показательные хозяйства и переходили «в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их». Наказ также устанавливал «уравнительное землепользование», то есть земля должна была распределяться между трудящимися, смотря по местным условиям, «по трудовой или потребительской норме».

Другие решения Советского правительства отражали программные положения социалистических партий всего мира, направленные на решение социально-экономических проблем трудящихся и общедемократические преобразования. 29 октября (11 ноября) 1917 года правительство Ленина установило в стране 8-часовой рабочий день. Требование установить восьмичасовой рабочий день в течение нескольких десятилетий было главным в международном рабочем движении. Смиренно попросив об этом 9 января 1905 г., питерские рабочие были расстреляны на Дворцовой площади. Одновременно впервые в мире труд подростков до 18 лет был ограничен 6 часами.

Впервые в мировой истории рабочие получали право контроля над производством. 14 ноября ВЦИК утвердил проект СНК о рабочем контроле, в соответствии с которым «во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных и прочих предприятиях, с числом рабочих и служащих (вместе) не менее 5 лиц, или с оборотом не менее 10 000 рублей в год», устанавливался «*рабочий контроль за производством, хранением и куплей-продажей всех продуктов и сырых материалов*».

В первые же дни Советской власти были приняты законодательные акты, отменявшие все формы социальной дискриминации. 11(24) ноября был принят декрет об отмене сословий, чинов и установлении единого гражданства. 18 (31) декабря был принят декрет о равноправии женщин

в гражданском браке. 20 января (2 февраля) 1918 года декретом церковь была отделена от государства. Этот декрет отвечал общепринятым представлениям о демократических преобразованиях в обществе.

2 (15) ноября 1917 года Советским правительством была принята Декларация прав народов России, которая отменяла все национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. Она признавала право на свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп. Декларация предоставляла народам России право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

С начала Октябрьской революции Советское правительство развернуло наступление на крупную частную собственность. С ноября 1917 года по март 1918 год было национализировано 836 промышленных предприятий в 31 губернии. В месяцы 1918 года были национализированы ведущие железные дороги и торговый флот страны. С 14 декабря 1917 года началась национализация банков. Банковское дело было объявлено государственной монополией. В декабре 1917 – январе 1918 года стали создаваться Советы народного хозяйства в крупных промышленных городах страны. 2 декабря был учрежден Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ). Эти действия свидетельствовали о намерении большевистского правительства не только добиться решения давно насущных проблем трудящихся, но и начать строительство нового невиданного до сих пор в истории человечества – социалистического общества.

С первых дней своего существования Советская республика, которую клеветники постоянно обвиняют в бесчеловечности, предприняла действия, направленные на защиту людей от болезней и бесплатное предоставление всем медицинских услуг. Уже 9 (22) ноября 1917 г. Совнарком принял декрет о помощи пострадавшим от несчастных случаев на предприятиях. (Не лишне напомнить, что даже в современном мире ежегодно 270 миллионов тружеников страдают от несчастных случаев или производственных заболеваний. При этом до 2 миллионов гибнут по этим причинам.)

14 (27) ноября 1917 г. был принят декрет СНК о бесплатной передаче больничным кассам всех лечебных учреждений. Так было положено начало созданию системы бесплатного здравоохранения, не имевшей прецедентов в мире.

На состоявшемся в июне 1918 г. Всероссийском съезде медико-санитарных отделов Советов было принято постановление «Об организации борьбы с эпидемиями в условиях Советской республики», в котором было решено создать народный комиссариат по здравоохранению. Такой народный комиссариат был создан 11 июля 1918 г.

Тогда в центре усилий нового наркомата стала борьба с эпидемиями инфекционных заболеваний. С 1918 по 1922 г. Совнарком опубликовал более 100 декретов, направленных на борьбу с эпидемиями. Механизмы, созданные для борьбы с инфекционными заболеваниями, оказались действенными. Болезни, которые убивали миллионы советских людей в годы Гражданской войны, были ликвидированы. Но затем эти же механизмы, находившиеся на службе системы советского здравоохранения, помогли уничтожить другие инфекционные заболевания. Советская страна стала одной из первых стран мира, избавившейся от оспы, холеры и малярии. От двух последних заболеваний до сих пор страдают ежегодно в мире десятки миллионов людей, а миллионы из них гибнут.

Успехи советских врачей и гигиенистов в борьбе с эпидемиями инфекционных заболеваний позволили им расширить усилия в борьбе за здоровье советских людей. По инициативе руководителя Московского здравоохранения В. А. Обуха в 1921 г. была выдвинута программа под лозунгом «От борьбы с эпидемиями к оздоровлению труда». Концовка лозунга в программе трактовалась значительно шире, чем создание здоровых условий на рабочем месте.

Помимо мер по улучшению условий труда программа Обуха предусматривала совершенствование и оздоровление жилья, рациональное распределение труда и отдыха, улучшение питания. В программе были разработаны положения о диспансеризации, которые легли затем в основу деятельности советских поликлиник. В программе намечалось создание новых видов лечебно-профилактических учреждений, специализированных диспансеров (туберкулезных, психо-невропатических, наркологических, венерологических), ночных и дневных санаториев, профилакториев. Программа ставила задачи по строительству диетических столовых, введению диспансерного обслуживания рабочих крупных промышленных предприятий, а также матерей и детей. Все эти положения программы Обуха были впоследствии быстро воплощены в жизнь.

Начав с решения чрезвычайных задач спасения людей от инфекционных заболеваний, Советская власть с первых лет своего существования стала создавать систему здравоохранения, которая позволила резко сократить смертность, особенно детскую, увеличить продолжительность жизни и укрепить здоровье миллионов людей.

Другим примером неуклонного движения по пути решения важной социальной проблемы стали усилия Советской власти по подъему культурного уровня населения. 9 ноября 1917 г. решением Совнаркома была учреждена Государственная комиссия по просвещению, которая через год опубликовало положение «О трудовой школе РСФСР», на

основе которого в России стало вводиться бесплатное начальное и среднее образование. Только с конца 1917 по конец 1919 года было принято 192 декрета и постановлений Совнаркома о деятельности учреждений просвещения.

Неумение читать было мощным препятствием на пути революционных преобразований после октября 1917 года. Поэтому впервые в мире была поставлена задача дополнить строительство школ и других образовательных учреждений мерами по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. На четвертый день после Октябрьской революции нарком просвещения А. В. Луначарский заявил: «Взрослые тоже захотят спастись из унизительного состояния человека, не умеющего читать и писать. Школа для взрослых должна занять широкое место на общем плане народного образования».

Подписанный 26 декабря 1919 года В. И. Лениным декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» впоследствии стал считаться манифестом развернувшейся в стране небывалой культурной революции. Декрета СНК провозглашал: «Все население в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию». Декрет предписывал местным органам власти привлекать к обучению неграмотных в порядке трудовой повинности все грамотное население страны, не призванное в войска с оплатой их труда по нормам работников просвещения. Обучающимся же рабочий день сокращался на два часа на все время обучения с сохранением зарплаты. Тех же, кто уклонялся «от установленным настоящим декретом повинностей и препятствующие неграмотным посещать школы» должны были привлекаться «к уголовной ответственности».

Посетив Россию во второй половине 1920 г., Герберт Уэллс писал: «Я пришел к убеждению, что в условиях колоссальных трудностей в Советской России непрерывно идет работа по народному просвещению и что, несмотря на тяжесть положения в стране, количество школ в городах и качество преподавания неизмеримо выросли со времен царского времени».

Рост числа грамотных людей потребовал увеличения печатания книг, журналов, газет. По словам А. В. Луначарского, в первые же дни после Октября В. И. Ленин дал ему указание: «Поскорее надо сделать книгу доступной массе... Нашу книгу надо постараться бросить в возможно большом количестве и во все концы России». Уже в декабре 1917 г. был принят декрет ЦИК о государственном издательстве.

По всей стране создавались читальни и библиотеки. Их книжные фонды быстро росли. По сравнению с 1913 годом к 1922 году число

библиотек в России выросло с 12 600 тысяч до 16 600 тысяч. При этом число книг и журналов в них увеличилось с 8,9 миллионов до 16,6 миллионов. Особенно быстро выросли книжные фонды сельских библиотек – почти в три раза по сравнению с 1913 годом.

Джон Рид писал: «Вся Россия училась читать и действительно читала книги по политике, экономике, истории – читала потому что люди хотели знать... Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно направлялись во все уголки страны тонны литературы». Тогда были сделаны первые шаги на пути превращения Советской страны в самую читающую страну в мире.

Достижения по созданию бесплатных систем здравоохранения и образования, обеспечения доступа широких масс к культуре, показали, что советское государство с первых же дней своего существования направляло усилия на обеспечение здоровья миллионам людей, предоставления им образования и доступа к лучшим произведениям культуры. И это опровергает вымыслы о стремлении советских руководителей лишь калечить людей физически и растить умственно и духовно неразвитых, тупых исполнителей коварных планов покорения планеты. Первые успехи Советской страны в социальной сфере и культурном строительстве свидетельствовали об огромной созидательной силе динамично развивавшегося советского, социалистического строя, отвечавшего жизненным интересам подавляющего населения страны.

Мифы о революции – продукты реставрации

Известно, что попытки свергнуть Советскую власть, предпринятые в ходе Гражданской войны, провалились. Потерпели крах и усилия, предпринимавшиеся эсерами, монархистами, национал-сепаратистами с помощью иностранных спецслужб, изменить советский строй во всей стране или хотя бы в ее частях. Разгромлены были и гитлеровские орды, попытавшиеся уничтожить нашу страну и достижения Октября. Однако через 74 года после Октябрьской революции Советская власть была свергнута.

Контрреволюционные реставрации не редко случались в истории различных стран. Известно, что во время реставрации феодальных порядков во Франции в послереволюционную страну вернулись те, кто «ничего не забыли и ничему научились». Также вели себя и представители верхов, свергнутых во время революции XVII века в Англии. Вернувшиеся феодалы старались восстановить то, что было отвергнуто жизнью и жило лишь в их памяти. Поэтому попытки насадить в этих и

других странах отжившие порядки и обычаи были, в конечном счете, отвергнуты, а режимы реставрации потерпели крах.

Но тогда реставрации происходили не через столь долгий период времени, как это случилось в нашей стране. Поэтому иными стали черты класса, который сверг социалистический строй и восстановил буржуазный. Нынешние владыки страны, а также те, кто пресмыкается перед ними, ничего не помнят о дореволюционных порядках. Но зато они постарались забыть о своем рабоче-крестьянском происхождении, которым гордились в советское время. Не вспоминали и о том, что они, а также их родители, дедушки и бабушки благодаря Советской власти получили полноценное образование, высокую трудовую квалификацию, разнообразные знания и продолжительную здоровую жизнь. Тех же, кто сохранил добрую память о советской истории, они обзывали презрительно «совками».

Одновременно энтузиасты реставрации много фантазировали. Они стали испытывать жгучую ностальгию по «России, которую потеряли», хотя о ней часто понятия не имели. Они возлюбили разбитых белых генералов и палача Сибири адмирала Колчака. Они оплакивали философов, которых выслали из Советской страны, хотя даже не пытались прочесть их сочинения. Они старались вести себя так, будто они не являются правнуками и правнучками неграмотных крестьян и не слишком образованных рабочих, а потомками аристократов. Они создавали впечатление, что их предков воспитывали в лицеях или с помощью бонн и гувернеров. Они готовы были предъявить Ленину и Советской власти претензии на имения, поместья, шикарные виллы, фабрики и заводы, которыми ни они, ни их родители, ни их предки никогда не владели. Некоторые же из кожи лезли вон, чтобы обрести эти материальные блага и, в случае успеха, пытались подражать образу жизни верхов из стран Запада. А те, кто был склонен к патологическому вранью, придумывал себе мнимые родственные связи с высокими родами, утратившими богатство и привилегированное положение после 1917 г.

Забвение реального прошлого и подмена его фантазиями всегда является благодатной почвой для рождения мифов. Чтобы доказать случайность победы Октябрьской революции, антисоветчики уверяли, что своей победой большевики были обязаны лишь беспощадному «красному террору», умалчивая про жестокий «белый террор». Утверждая, что после победы на одной шестой части земной поверхности миллионы людей были брошены в тюрьмы и лагеря системы ГУЛАГ, лгуны отрицали факты. О том, что было на самом деле свидетельствует хотя бы приведенная в книге Владимира Некрасова «Тринадцать “железных” наркомов» архивная справка (ЦГАОР СССР. Ф. 393. оп. 39. Д. 48.

л. 13–14): «К сентябрю 1923 года в 355 местах заключения РСФСР содержалось 79 947 заключенных, из них были осуждены за убийство – 6,3%, за телесные повреждения и насилия над личностью – 2,8%, преступления в области половых отношений – 0,9%, простые кражи – 38%, квалифицированные кражи, грабежи и разбои – 12,3%, прочие имущественные преступления по должности – 3%, преступления по должности – 8%, подделку государственных знаков (денежных и др.) – 0,7%, преступления против налоговых, трудовых, воинских и других повинностей – 2,3%, прочие преступления против порядка управления – 4,3%, государственные преступления – 4,8%, воинские преступления – 7,1%».

Из этой справки следует, что через 9 месяцев после завершения Гражданской войны за совершение преступлений против порядка управления и государственных преступлений в местах заключения находилось около 7275 человек. В том году ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) и НКВД (Наркомат внутренних дел) возглавлял Ф.Э. Дзержинский, который после свержения его памятника беснующимися толпами в августе 1991 году, стал олицетворением кровавого тиранства. Зато никогда не вспоминают о том, что по распоряжениям неустанно прославляемого ныне в СМИ П. А. Столыпина через 2 года после подавления революции 1905 – 1907 гг. в тюрьмах находилось 170 тысяч политических заключенных.

Особую ненависть у создателей мифа вызывает Ленин. Цепляясь за отдельные его замечания (а все работы Ленина, включая его черновые записки, его высказывания, в том числе сделанные в ходе жарких споров, были тщательно записаны), антисоветчики обращают внимание на наиболее резкие его суждения, хотя в большинстве случаев они не имели последствий. Однако они оставляют без внимания ленинские декреты о бесплатной медицинской помощи, ликвидации неграмотности, заботе о беспризорных детях, развитии библиотечного и музейного дела. Постоянно твердя о высылке из России нескольких сотен философов, распространявших антисоветскую пропаганду, клеветники умалчивают о постановлениях Ленина об увеличении печатания книг, в том числе наиболее значительных произведений философии. Возбуждая ненависть к Ленину, различные политические и религиозные деятели выступают с требованием убрать Мавзолей с Красной площади или, по крайней мере, вынести тело Ленина из Мавзолея и закопать его в землю. Пока же во время ежегодных парадов в честь Победы 9 мая Мавзолей Ленина закрывают раскрашенным фанерным щитом.

Хотя мифотворцы уверяют, будто в советское время всю подлинную историю скрывали, в нынешней России умолчание о советском про-

шлом носит систематический характер и обрело уродливые черты. Хотя ежегодно на Красной площади в день 7 ноября организуют инсценировки в честь парада 1941 года, ни в одном телерепортаже не упоминается, по какому поводу тогда был организован парад и кто выступал перед красноармейцами, стоявшими на площади. В этот день не рискуют привести ни единого слова из речи Сталина, которую он произнес 7 ноября 1917 года, хотя бы потому что он выступал с трибуны Мавзолея Ленина и не раз упоминал имя основоположника Советского государства. Фамилии Ленина и Сталина, как и слова «Октябрьская революция», стали запретными.

Мифы разрушают историческое сознание. Лишь в древние времена люди, еще не овладевшие законами научного мышления, объясняли прошлое и настоящее с помощью сказок и легенд. Создатели мифов реставрации не могут без вопиющего нарушения логики объяснить ни победу Советской власти, ни ее поддержки большинством населения страны, ни солидарности с ней миллионов людей из зарубежных стран. Они не могут дать вразумительных объяснений того, почему после победы Октябрьской революции Советская страна стала одной из могущественных держав мира, в которой были решены социальные проблемы, до сих пор нерешенные во многих даже самых богатых державах, почему такой расцвет переживала культура страны.

Искажая Советское прошлое, нельзя понять многое в окружающей нас сейчас жизни, так как несмотря на огромный урон, нанесенный в ходе реставрации капитализма хозяйству страны, ее обороне, ее науке, системе образования, социальным службам, культуре, наша страна до сих пор активно использует многое, созданное в годы Советской власти.

Распространение вульгарных мифов об Октябре, Гражданской войне и других этапов советского прошлого вызывало возмущение у всех, кому была дорога подлинная история страны. Опровергая бредовые сочинения о советском времени, защитники исторической правды старались представить наиболее убедительные аргументы, зачастую привлекая новые факты или осмысляя по-новому уже известные сведения. Такие аргументы, высказанные в ходе многочисленных дискуссий в ходе радиопередач и телешоу, как правило, хорошо воспринимались радиослушателями и телезрителями и получали подавляющую поддержку при голосованиях.

Однако фальсификаторы упорно отстаивают свои нелепые мифы, которые оправдывают их нынешнее высокое положение или, по крайней мере, их фанатичную приверженность к мировоззрению сильных мира сего. Несмотря на то, что подавляющее большинство из людей,

солидаризирующихся с дореволюционным строем, не имеет никакой генетической связи с представителями классов, свергнутых в 1917 – 1922 гг., они преуспели в подражании наиболее отталкивающим чертам поведения высших классов дореволюционной России. Они обрели необыкновенную спесь по отношению к тем, кто «не преуспел», а таких появились десятки миллионов в России после реставрации капитализма. Многие из них стали такими же нечестными и коррумпированными, какими были проворовавшиеся богачи России в последние предреволюционные годы. Они также презирают мораль, закон и человечность, как и верхи царской России в последние годы ее существования. Как и дореволюционные верхи, они склонны к мистике и становятся пленниками диких измышлений. Озабоченные лишь личным благосостоянием и склоками, они проявляют такую же политическую ограниченность и тупость, как дореволюционные верхи.

Не желая знать истории, они не могут извлечь из нее уроки. А они неумолимы: деградация верхов тогда внесла немалый вклад в крушение дореволюционного строя. Точно также обречены те, кто пытается играть роль продолжателей царского режима и белого дела.

Е. Г. Кострикова

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС 1917 г. В РОССИИ
(*по материалам русской прессы*)

Вокруг истории Великого Октября нагромождено много лжи. Тем, кто не хочет признавать закономерность и объективную неизбежность революции 1917 г. в России, выгодно представлять ее как масонский заговор, осуществленный благодаря финансовой поддержке англичан, французов или немцев. Лишь добросовестное изучение исторических источников позволяет разобраться в характере развивавшегося в России революционного процесса, понять истинную природу эпохального события, осветившего собою весь XX век.

Февральская революция, свергнувшая самодержавие, была результатом глубочайшего экономического, социального и политического кризиса, назревавшего в течение десятилетий. Первая мировая война до предела обострила классовые противоречия. В условиях войны революционная ситуация в стране складывалась очень быстро. Кризис охватил все структуры государства, все сферы общественной жизни. Авторитет царя и царской семьи резко упал из-за распутинщины, министерская чехарда дискредитировала правительство. Коррупция, как ржавчина, разъедала государственный механизм. Кризис верхов был столь глубоким, что выход из него путем дворцового переворота был невозможен. У самодержавия практически не осталось сторонников. Авторитетный журнал либерального направления «Вестник Европы» писал: «На стороне правительства нет ни одной законодательной палаты, ни одного сословия, ни одной партии, кроме безнадежно и быстро тающей группы крайне правых, ни одного органа печати, кроме содержимых на казенные средства, ни одной общественной организации, кроме окончательно дискредитированных союзов, именующих себя монархическими, но менее всего служащих истинным интересам монархии»[1].

---

[1] Вестник Европы». 1916. Декабрь.

В. И. Ленин, находясь в эмиграции, пристально следил за развитием событий в России. В последнее время получила широкое распространение политическая спекуляция – утверждение, что вождь пролетариата разуверился в возможности революции. При этом ссылаются на замечание, промелькнувшее в частном письме. Но настоящий вес имеют публичные высказывания Владимира Ильича. 9 (22) января 1917 г., выступая перед молодыми социал-демократами в Швейцарии, он сделал вывод: «Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистической войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы – буржуазия, и их приказчики – правительства, всё больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода»[2]. Ленин лучше всех понимал, что в нашей стране все предпосылки революции созрели в полной мере.

О том, как Россия, шаг за шагом, прошла путь от Февраля к Октябрю, можно судить по материалам русских газет. Представляя весь политический спектр, они дают достаточно полную и объективную картину происходившего в те великие и драматические дни.

Как приближалась катастрофа царизма? Об этом свидетельствует русская пресса начала 1917 г. Тревожные вести поступали из самых разных уголков Российской империи. Власть теряла все нити управления и контроля над ситуацией. Положение ухудшалось с каждым днем. На страну надвигалась угроза голода и хозяйственной разрухи. Самая осведомленная и влиятельная либеральная газета «Русское слово» сообщала о положении, сложившемся к январю 1917 г. в Оренбурге: «В каждом заседании городская Дума обсуждает вопрос о надвигающемся на город голоде, но никак не может найти выхода из критического положения… Характерно, что в городе имеются 5 различных уполномоченных по продовольствию. Деятельность их, однако, кроме вреда, ничего не приносит… Населению грозит голод, какого ещё не бывало в крае, считающемся житницей России». Не менее тревожные известия приходили из другого зернового центра – Владикавказа: «Настойчиво встает перед населением перспектива остаться без хлеба, хотя город лежит в хлеборобном регионе». Казалось бы, необходимо принять экстренные меры, но прошел месяц и ничего не изменилось. Царская бюрократия просто не знала, что ей делать. В конце 1916 г. правительство попыталось бороться со спекуляцией путем принудительного изъятия зерна у крестьян, т. е. ввело продразвёрстку. «Русское слово» сообщало: «Все попытки, предпринятые правительством для регулирования цен, распределения перевозок и т. д. привели к прямо противоположным последствиям,

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 327.

создали нелегальный рынок с нелегальными способами передвижения, распределения и нелегальными ценами, доходящими до чудовищных размеров»[3]. Голод разрастался, и в телеграммах из провинции (Твери, Симбирска, Харькова, Курска, Костромы, Новгорода, Житомира) уже звучали вопли отчаяния и полной безысходности[4].

И, наконец, свершилось то, что многие уже давно предчувствовали и чего ожидали. «Русское слово» писало: «Великие, исторические дни переживает великая Россия в настоящий момент. Чаша долготерпения многострадального русского народа переполнилась…». Журнал «Вестник Европы» провозгласил: «С незабвенного дня 27 февраля 1917 г. начинается новая эпоха российской истории. Старый, прогнивший насквозь государственный строй, поддерживаемый жестокими мерами насилия и беззакония, низвергнут единодушным порывом народа и армии. Власть, угнетавшая и разорявшая страну, пала в бесславной борьбе с собственным народом»[5]. Это – свидетельства либералов. А что же монархисты? Ведущий публицист влиятельной газеты консервативного направления «Новое Время» М. О. Меньшиков выступил со статьей с красноречивым названием «Жалеть ли прошлого?». Убежденный монархист и националист, известный независимостью мнений, которого трудно заподозрить в симпатиях к революции и революционерам, говорит с удивительной откровенностью: «Спрашивается, стоит ли нам жалеть прошлого, если смертельный приговор ему был подписан уже в самом замысле трагедии, которую переживает мир? И не один, а два приговора ибо, в самом деле, не мог же несчастный народ русский простить старой государственной сухомлиновщине (Сухомлинов – военный министр царского правительства – *Е. К.*) того позора, к которому мы были подведены параличом власти? Мне кажется, последний наш император поступил совершенно благоразумно, подписав свое отречение от престола. Обреченность самодержавия гремела в мире, начиная уже с севастопольского погрома (т. е. поражение в Крымской войне 1853–56 гг. – *Е. К.*), подтверждена была с подавляющею убедительностью на полях Маньчжурии (т. е. в русско-японской войне 1904–05 гг. – *Е. К.)* и трубой архангела удостоверена в катастрофе 1915 года… Жалеть ли прошлого, столь опозоренного, расслабленного психически-гнилого, заражавшего свежую жизнь народную только своим смрадом и ядом? Я думаю, жалеть о многовековом омуте, из которого мы только что выскочили, не приходится»[6].

---

[3] Русское слово. 1917. 2/15 янв., 12 /25 февр.
[4] Там же. 17 февр. / 1 марта.
[5] Русское слово. 1917. 2/15 марта; Вестник Европы». 1917. Февраль.
[6] Новое время. 1917. 7/20 марта.

В результате Февральской революции в России сложилась уникальная ситуация – двоевластие. Одновременно возникли два центра политической власти: Временное правительство и Петроградский Совет рабочих депутатов. Двоевластие означало одинаковую возможнсть для проведения как буржуазных реформ, так и более широких демократических преобразований. Газета «Правда» разъясняла трудящимся**:** «Царская монархия разбита, но ещё не добита. Октябристско-кадетское буржуазное правительство, желающее вести «до конца» империалистическую войну, на деле приказчик финансовой фирмы «Англия и Франция», *вынуждено обещать* народу максимум свобод и подачек, совместимых с тем, чтобы это правительство сохранило свою власть над народом и возможность продолжать империалистическую бойню. Совет рабочих депутатов, организация рабочих, зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех *беднейших* масс населения, т. е. 9/10 населения, добивающийся *мира, хлеба, свободы.* Борьба этих трех сил определяет положение, создавшееся теперь и являющееся *переходом* от первого ко второму этапу революции»[7].

Реальную силу Петроградского Совета была вынуждена признать даже кадетская «Речь»: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов играет совершенно исключительную роль среди общественных организаций и хотя уже во многих городах образовались такие же советы, но их значение не идет ни в какое сравнение с тем влиянием, на которое притязает Петроградский Совет»[8]. Однако в полной мере Петроградский Совет своей политической силы не применил, поскольку в его составе преобладали представители мелкобуржуазных партий, лидеры которых заняли соглашательскую позицию, постепенно отдавая инициативу и власть Временному правительству.

Одним из важнейших вопросов, стоявших в повестке дня, был вопрос о мире, без решения которого невозможно было выйти из того глубокого кризиса, в котором оказалась страна. Именно по нему разгорелись политические страсти, и произошел раздел между теми, кто хотел подлинного революционного обновления России и сторонниками «Гучковско-милюковской полумонархии». Большевики последовательно отстаивали программу, выдвинутую партией еще в 1915 г., в основе которой было требование немедленного заключения демократического мира без аннексий и контрибуций и призыв к рабочим воюющих стран свергнуть их правительства и взять власть в свои руки. Большевистские организации развернули массовую антивоенную кампанию. «Новое время» сообщало: «Орган большевиков «Правда» издает брошюру в

[7] Правда. 1917. 9/22 марта**.**
[8] Речь. 1917. 16/29 марта.

количестве 200 тыс. экземпляров под названием: «Кому нужна война». Брошюра эта предназначена для рассылки по всей России в целях агитации в пользу прекращения войны»[9]. Меньшевики активно поддержали курс Временного правительства на продолжение войны.

Народ хотел мира. Деревня обезлюдела и обнищала. Два миллиона лошадей правительство забрало для нужд фронта. Резко упало производство сельскохозяйственной продукции. Крестьяне требовали земли. Рабочие выступали с лозунгом 8-часового рабочего дня. Революция обострила национальный вопрос. Однако Временное правительство ограничилось введением буржуазных политических свобод.

3 (16) апреля. В. И. Ленин вернулся в революционный Петроград после долгой эмиграции. В своих Апрельских тезисах он убедительно показал, что мирный переход от буржуазного этапа развития революции к социалистическому возможен. Выдвинутый им лозунг – «Вся власть Советам!» – указывал путь к такому переходу.

1 мая (18 апреля) «Правда» писала: «Мы свергли царя, мы добились политической свободы. Но господство капитала, угнетение человека человеком, наемное рабство остались. В день Первого мая мы даем обет бороться, не покладая рук, до того момента, когда будет положен конец всему капиталистическому строю – этому строю насилия и эксплуатации. Да здравствует Интернационал! Да здравствует Социализм!».

В день Первомая, когда трудящиеся России отмечали праздник пролетарской солидарности, Временное правительство направило союзным державам ноту, в которой объявляло о готовности вести войну «до победного конца». Маски были сброшены. До этого момента многие ещё верили, что власть поймет общенародное желание мира. Правительство же резко и определённо высказалось за продолжение империалистической бойни. И тогда народ сказал свое веское слово. 20 и 21 апреля (3 и 4 мая) на улицы Петрограда вышло не менее 100 тысяч человек. «Русское слово» с нескрываемым беспокойством писало: «Зловещие события, разворачивающиеся в Петрограде… не могут не вызывать серьезной тревоги за судьбы русской революции и дело демократии»[10].

«Нота Милюкова» спровоцировала политический кризис, в результате которого было сформировано первое коалиционное правительство с участием меньшевиков и эсеров.

С каждым днем обстановка в стране становилась все более напряженной. В обиход прочно вошло слово «разруха». «Вестник Европы» предупреждал: «…разруха достигла таких размеров, дальнейший рост которых угрожал бы самому существованию государства и завоеванной

[9] Новое время. 1917. 17/30 марта.
[10] Русское слово. 1917. 22 апр./5 мая.

народом свободы. … Одновременно с продовольственным кризисом обостряется кризис в области транспорта, в области промышленности. … Тяжелый кризис переживает городское хозяйство, особенно в столицах»[11].

Газеты сообщали о недостатке продовольствия в действующей армии: «Для прокормления наших армий требуется 456 вагонов муки в день. В течение марта ежедневно грузилось по 300 вагонов муки. Недостаток пополнялся из запасов, которые ныне иссякли». «Новое время» предупреждало о грядущем голоде: «Официальные сведения открыто говорят об огромной недогрузке продовольственных припасов, как для армии, так и для городов… Грузят… только по 80 вагонов в день. Причина – отсутствие подвод и хлеба из деревень…»[12].

Присутствие эсеров и меньшевиков не повлияло на аграрную политику Временного правительства. Кроме демагогических обещаний решить проблему после окончания войны, крестьянство ничего не получило. Начались самовольные захваты помещичьих земель. Волнения достигли значительного размаха. Из газеты «Новое время»: «Симбирский губернский комиссар телеграфирует…о продолжающихся в Симбирской губернии и соседних уездах Самарской губернии аграрных эксцессах, выражающихся в арестах, по постановлению сельских комитетов, землевладельцев и управляющих имениями, произвольном захвате земли и произвольном установлении арендных цен…». «Вестник Европы» сообщал: «Известия об эксцессах и насилиях продолжают поступать из разных местностей России. Нужно надеяться, что беспорядкам скоро будет положен конец»[13]. В открытом письме делегатам I Всероссийского съезда крестьянских депутатов В. И. Ленин изложил большевистскую аграрную программу: «Вся земля должна принадлежать народу. Все помещичьи земли должны без выкупа отойти к крестьянам»[14].

Современные почитатели монархии, а вслед за ними представители либеральной буржуазии, уверяют, что Россия была близка к победе, но помешал приход большевиков. Однако свидетельства современников опровергают этот сомнительный «оптимизм». «Русские Ведомости» писали: «К концу третьего года войны признаки истощения стали обозначаться с угрожающей быстротой… Недостаток топлива вынуждает к сокращению и без того слабой работы наших фабрик, а уменьшение производительности фабричного труда… начинает также принимать угрожающие размеры». Били тревогу и лидеры крупного капитала. Конференция промышленников Юга России представила правительству

---

[11] Вестник Европы. 1917. Апрель-июнь.
[12] Речь. 1917. 17 /30 апреля; Новое Время. 1917. 22 апр. /5 мая.
[13] Новое время. 1917. 21 апр. /4 мая; Вестник Европы. 1917. Май-июнь.
[14] Солдатская правда. 1917. 11/24 мая.

записку о состоянии промышленности Донецкого и Криворожского районов, крайне важных для обороны страны: «Положение весьма близко к промышленной анархии… Совершенно очевидно, что мы идем к полному промышленному развалу, остановке предприятий, безработице и отсутствию топлива, металлов и соответствующему отсутствию необходимых предметов потребления...»[15].

Народ бедствовал, рабочие и крестьяне в солдатских шинелях погибали на фронте от пуль и снарядов, а их дети и жены умирали с голоду в тылу.

Ко всем напастям добавился сепаратизм, который взяла на вооружение местная националистически настроенная буржуазия. «Русские ведомости» сообщали о выдвинутом украинскими националистами требовании отделения от России»: «Нельзя не протестовать против той формы решения вопроса, которую предлагают наиболее крайние украинские группы… Ведь всё государство, а не одно местное население вкладывало свой труд и свои деньги, а иногда и свои жизни ради благосостояния этих частей. Ведь Новороссия, населенная теперь преимущественно украинцами, была отвоёвана от турок не одними украинцами, а всеми нами… Вся Россия… несла жертвы.., чтобы открыть себе доступ к Черному морю, а теперь этот доступ был бы вновь отрезан от России, если бы Украина превратилась в независимое государство»[16].

Перед угрозой надвигавшейся общенациональной катастрофы большевики разработали ясную, простую, но действенную программу: установление рабочего контроля над производством и распределением, над монополистическими объединениями и банками, обнародование сумм сверхприбылей, создание рабочей милиции, введение всеобщей трудовой повинности и т. п. Только такими революционными мерами можно было сломить саботаж капиталистов, покончить со спекуляцией, преодолеть голод.

Большевики вели большую разъяснительную работу среди разных слоев населения, в армии и на флоте. И везде их агитация встречала отклик у трудящихся, солдат и матросов. В начале июня в Петрограде собрался I Всероссийский съезд Советов, на котором Ленин произнес свое знаменитое: «Есть такая партия!».

Что касается Временного правительства, то оно, вопреки здравому смыслу и подлинной заботе об интересах народа и государства, в очередной раз пошло на поводу у союзников. 18 июня войска Юго-Западного и Западного фронтов начали наступление, которое за 18 дней превратилось в кошмарную череду поражений, унесших жизни почти 60 тыс. человек.

---

[15] Русские ведомости. 1917. 3(16) июня; Новое Время. 1917. 2/15 июня.
[16] Там же. 1/14 июня

Опасаясь окончательно потерять влияние на массы, буржуазия прибегла к политическим манёврам. 2 июля министры-кадеты подали в отставку, провоцируя политический кризис. Фактически так буржуазия хотела покончить с двоевластием, отделаться от ненавистных ей Советов. Ответом стали стихийные выступления в Петрограде. Понимая, что власти только ждут повода, чтобы расправиться с народом и революцией, Петроградский комитет РСДРП (б) пытался предотвратить трагедию, но остановить возмущенные массы не удалось.

4 июля на улицы столицы вышли полмиллиона человек. И тогда Временное правительство прибегло к вооруженной силе. По демонстрантам был открыт ружейный и пулеметный огонь. Впервые после февраля власти стреляли в народ. Двоевластие закончилось. Начались репрессии против лидеров большевиков, рабочих и солдатских вожаков. Редакция газеты «Правда» была разгромлена. Шла охота на Ленина.

В эти тяжелые, полные опасности дни на первый план выходит фигура И. В. Сталина. Он взваливает на себя груз организационной работы. Вместе с остававшимися на свободе членами ЦК он готовит VI съезд РСДРП (б).

К августу кризис принял трагические очертания. Министр торговли и промышленности Прокопович заявил: «Основной вопрос, интересующий меня, – это упадок фабричной, заводской и горной промышленности. Положение угрожающее, и если будет так продолжаться дальше, то мы придём к полному развалу промышленности». Сообщая об этом, «Речь» опубликовала отчет о заседании Экономического совета при правительстве, из которого следовало, что государственный долг России достиг невероятной цифры – 60.000.000.000 рублей! Страна стояла перед экономическим и финансовым крахом. Но министры-капиталисты не хотели ничего менять. Правительство намеревалось довести рабочий день до 10 часов, «потому что теперь не время для отдыха». В опубликованной в «Речи» «Записке горнопромышленников» говорилось: «Совершенно необходимо, чтобы лозунг классовой борьбы был заменен другим лозунгом: согласование классовых интересов на благо как казны, так и других классов…»[17].

В конце июля – начале августа состоялся VI Съезд РСДРП(б). Ленин, находившийся в подполье, передал съезду свои тезисы «Политическое положение», где четко определил: «Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким

[17] Речь. 1917. 1/14, 5/18 авг.

массовым подъемом против правительства и буржуазии на почве экономической разрухи и затягивании войны»[18].

Выступивший с Отчетным докладом Сталин развил ленинские идеи: «Свержение диктатуры империалистической буржуазии – вот что должно быть теперь очередным лозунгом партии». Это была новая стратегия и тактика борьбы большевистской партии – временный отказ от лозунга «Вся власть Советам». На повестке дня была Социалистическая революция. Только она могла спасти страну. Сталин указывал, что революция «врывается в хозяйственную сферу, ставя вопросы о рабочем контроле в промышленности, о национализации земли и снабжении инвентарём неимущего крестьянина, об организации правильного обмена между городом и деревней, о национализации банков, наконец, о взятии власти пролетариатом и беднейшими слоями крестьян. Революция вплотную подошла к необходимости социалистических преобразований».

Тем временем буржуазия готовилась к последнему удару. Выступая на торгово-промышленном съезде, миллионер П. П. Рябушинский заявил: «К сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло ложных друзей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились»[19].

Одним из самых зловещих признаков грядущей диктатуры стал приказ 13 июля 1917 г. о восстановлении смертной казни на фронте, принятый после отступления русской армии на Юго-западном фронте.

Между тем положение в стране ухудшалось с каждым днем, неуклонно приближаясь к катастрофе. Точным показателем состояния экономики была галопирующая инфляция. По этому поводу «Новое время» напомнило, что два месяца назад экспедиция печатала бумажных денег на 35 млн. руб. ежедневно, а теперь печатает на 55 млн. руб. и денег этих не хватает: «Еще немного столь же удачных финансовых опытов… и банкротство неизбежно»[20].

В условиях разрухи, повальной нищеты и безработицы страну захлестнула волна преступности, коррупция и спекуляция расцвели буйным цветом.

Недостаток продовольствия остро ощущался даже в столицах. Обсуждался вопрос о сокращении выдачи хлеба на карточку до 1,3 фунта в день. «Утро России» сообщало о переносе начала занятий в высших и средних учебных заведениях, о сокращении числа коек в городских лазаретах, об организации бюро для содействия всем желающим выехать из Москвы[21].

---

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 2.

[19] Новое время. 1917. 4/17 авг.

[20] Там же. 3/16 авг. Русское слово. 1917. 2/15 авг.; Речь. 1917. 10/23 авг.; Утро России. 1917. 9/22 авг., 19 авг. /

[21] Там же. 1 сент.

Продовольственная проблема усугублялась полным развалом железнодорожного хозяйства. По данным газеты «Речь», процент неисправных вагонов достиг 25,3%, а на некоторых дорогах доходил до 50%. Кадетская газета подвела итог: «Эсеровские черновские комитеты в деревнях, эсеровские теоретики в городах создадут нам на Руси такой голод и холод, что этой их работы Русь долго не забудет»[22].

Неспособное исправить положение правительство Керенского прибегло к убогим бюрократическим приемам. Возмущенные граждане жаловались, что на подъезде к Петрограду, устроены «заставы», которые отбирают у пассажиров продукты: «если у вас три жареные курицы – вам оставляют одну…». «Речь» извещала: «Для организации и руководства распределением обуви и галош в Петрограде при Центральной продовольственной управе учреждается бюро… Порядок распределения обуви и галош среди населения каждого дома решается общим собранием жильцов. Удостоверения на право получения одной пары обуви с указанием имени, отчества, фамилии и возраста жильца будут выдаваться домовыми уполномоченными»[23]. Конфискация в пользу государства жареных кур и коллегиальное распределение галош! И эти господа хотели управлять Россией!

В поисках виновного в катастрофическом положении страны буржуазия и ее обслуга из числа интеллигенции обрушилась на русский народ, «не оправдавший», как они считали, их ожиданий: «Тот, кого звали народом-богоносцем, кто жил, как мученик, и умирал на полях битв как герой, кто из века в век горел исканием Божьей правды на земле – сбросил с себя покровы и показал отвратительный образ подлого скота и кровожадного, бессмысленного зверя»[24]. Непокорный народ следовало наказать, не стесняясь в средствах. Контрреволюция готовила введение в стране военной диктатуры.

Остановить готовившийся контрреволюционный реванш мог только народ под руководством закаленной в боях, сплоченной, безгранично доверяющей своим вождям партии большевиков. Находясь в подполье, Ленин готовился к решающему штурму. В те тревожные дни он писал: «Все признаки указывают на то, что ход событий продолжает идти самым ускоренным темпом, и страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату»[25].

Испугавшаяся собственного народа «совесть нации» поспешила вручить судьбу страны диктатору. На так называемом «Государственном

---

[22] Речь. 1917. 5/18, 6/19 авг.
[23] Там же. 5/18, 10/23 авг.
[24] Новое время. 1917. 2/15 авг.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 52.

совещании», состоявшемся в середине августа в Москве, состоялись «смотрины» будущих диктаторов. Более всех «глянулся» новый верховный главнокомандующий генерал Лавр Корнилов, которого представили как «первого солдата Временного Правительства».

В то время как в Москве шло помпезное действо, события на фронте приняли драматический оборот. Газеты писали: «Рига сдана и русское оружие покрыто новым позором»[26]. Теперь непосредственная опасность нависла уже над Петроградом.

Россия неуклонно приближалась к катастрофе. Банкротство буржуазного правительства было очевидно: поражение на фронтах, экономический коллапс, разлад всего государственного механизма. Судорожные и бездарные попытки выправить положение лишь усугубляли ситуацию. Речь шла о судьбе государства. Смертельная угроза голода и холода сжималась на горле России. Провинция уже голодала по-настоящему. Обе столицы были на грани голода. В стране царили чудовищный топливный кризис и паралич железных дорог. Без сырья и энергии останавливается промышленность. «Новое время» предрекало: «К печальным событиям на фронте прибавляется новое ужасное бедствие. Мы, несомненно, накануне голодных бунтов. Наши города и вся северная часть России накануне действительного голода». Рупор монархистов «Московские ведомости» в статье «Над бездной» панически восклицал: «Последняя черта! Еще один шаг – даже не шаг, а одно только легкое движение – и мы все, вся Россия низвергнемся в бездну… Кто спасет нас?»[27].

Волнения охватывают армию. Введенные верховным главнокомандующим генералом Корниловым драконовские меры по «наведению дисциплины» вплоть до расстрела вызвали возмущение солдатских масс, но не испугали их. Воинские части на фронте и в тылу всё чаще выступают на стороне народа.

Естественно, что в этих условиях народ стремительно левел, шёл за теми политическими силами, которые боролись против войны, голода, разрухи. И впереди всех – большевики. Всё больше рабочих, солдат и беднейших крестьян осознавали неразрывность своих интересов с партией Ленина. Это были вынуждены признать даже её политические враги. Из газеты московских промышленников «Утро России» от 20 августа (2 сентября): «Над большевиками, еще недавно “униженными и оскорбленными” как будто всходит звезда исторического “успеха”. Армия их сторонников растет в числе, и вино восстания вот-вот снова ударит им в голову. 400 000 рабочих «голосовали» за них своей стач-

[26] Московские ведомости. 1917. 24, 25 авг. / 6, 7 сент.
[27] Новое время. 1917. 24 авг. / 6 сент.; Московские ведомости. 1917. 26 авг. /8 сент.

кой-протестом». Газете П. П. Рябушинского злобно вторило «Новое время: «Большевики работают, чувствуя за собой силу и власть. За них хлопочут, их освобождают, их торжественно водворяют на прежние места в советы и комитеты… Солдаты, безнадежно застрявшие в Петрограде и участвующие в выборах и митингах… дали свои голоса большевикам»[28].

Корниловский мятеж провалился. «Вестник Европы» писал: «"Первый солдат Временного Правительства" внезапно превратился в мятежника, устроителя вооруженного восстания против существующей государственной власти, представляющей собой новую революционную Россию»[29]. Именно рабочий класс, революционные солдаты и матросы, ведомые партией Ленина, не дали погубить революцию, не позволили разразиться гражданской войне. Кадетская «Речь» вынужденно признавала: «… Выступление Корнилова не могло не усилить крайние левые элементы»[30].

Выход кадетов из состава Временного правительства сузил до предела его социальную базу. Последующие шаги Керенского и Директории показали, что эта власть не только не способна предотвратить экономическую катастрофу, но ведет к её углублению.

По всем экономическим и финансовым показателям буйство кризиса осенью 1917 г. не знало предела. Страну захлестнула инфляция. Государственный долг к октябрю превысил сумму в 49 млрд. руб. Ощущалась острая нехватка кредитных билетов. Для ликвидации этого дефицита правительство выпустило массу новых бумажных денег – печально известных «керенок», которые обесценивались с каждым днём. Цены на продукты и товары первой необходимости в течение месяца выросли на 340%. И по-прежнему продолжались провальные военные действия на германском фронте, внося свой чудовищный вклад в общую картину разрухи и гибели страны и государства.

В это время Ленин завершил одну из главных своих работ, «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». В ней он сформулировал программу спасения Родины: рабочий контроль над производством и распределением, национализация банков, слияние их в один государственный банк, национализация крупной промышленности. Он указывал: «Идти вперед в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, нельзя, не идя к социализму…»[31].

Выборы в Петроградскую думу, прошедшие в начале сентября, укрепили позиции большевиков. Но то, что произошло в Москве, вызвало

---

[28] Там же. 25 авг. /7 сент.
[29] Вестник Европы. 1917. Июль-август.
[30] Речь. 1917. 31 авг. /13 сент.
[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192.

настоящий шок. Ещё совсем недавно, в июне на выборах в городскую думу москвичи оказали доверие эсерам, отдав им 55% голосов. Большевики тогда получили лишь 11%. Однако всего лишь за три месяца соотношение сил полностью изменилось. Выборы в районные думы, состоявшиеся 24 сентября, принесли полную победу представителям РСДРП (б) – 51,3%! Эсеры едва набрали 14%. Дружно поддержали пролетарскую партию рабочие окраины и солдаты Московского гарнизона. «Новое время» вынуждено было признать: «Московские выборы в районные думы дали чрезвычайно яркий результат. Победили большевики. Да ещё как победили!.. Трех месяцев было достаточно для того, чтобы произошел полный разрыв между эсеровской группой и её избирателями». Монархические «Московские ведомости» высказались еще более определенно: «Грозным признаком служат выборы в районные думы в Москве. За большевиками сверкают штыки темных распропагандированных солдат. Что может сделать против этого правительство? Сидящие там, в сущности, повисли в воздухе». «Русское слово» мрачно предсказывало: «Районные выборы в Москве приобретают значение, далеко выходящее за пределы специального круга чисто московских и муниципальных интересов. Это – знамение времени»[32]. Высоко оценил значение этого события В. И. Ленин.

По стране катилась волна народного гнева. Измученный войной, голодом, лишениями, которым не видно было конца, русский мужик восстал. В способность правительства хоть что-то исправить уже не верили даже те, чьи ставленники окопались в Зимнем дворце. «Беспрерывно заседает Временное правительство, заслушивает “сообщения с мест“, ужасается и шлёт телеграммы о принятии немедленных мер… Но на другой день получается телеграмма: “Все распоряжения сделаны, но не могут быть осуществлены, ибо сила не подчиняется власти!”», – писала газета «Утро России» в первый день октября.

На фронте одно поражение следовало за другим. Не успели опомниться от потери Риги, как Петроградское телеграфное агентство принесло удручающую весть о высадке германского десанта. По столице поползли тревожные слухи, которые нашли подтверждение на заседании правительства, состоявшемся 5 октября. «Газета-Копейка» сообщала: «Из доклада Керенского выяснилось, что германцы сосредоточивают весь свой флот для нанесения решительного удара нашей обороне с моря. Угроза Ревелю вполне реальна, а в случае падения Ревеля не менее реальной будет угроза самому Петрограду. Налеты цеппелинов – вопрос ближайшего времени. Предотвратить эти налеты невозможно»[33].

---

[32] Новое время. 1917. 30 сент. /13 окт.; Московские ведомости. 1917. 27 сент. /10 окт.; Русское слово. 1917. 29 сент. /12 окт.

[33] Газета-Копейка. 1917. 6/19 окт.

Последние недели существования старой России свидетельствуют об агонии режима, не способного управлять страной. Финансовый крах был неизбежен. Газеты писали: «Казна Российской республики трещит от непосильных расходов… Мы захлёбываемся в миллиардах, но мы нищие…». Перешедшая все грани экономическая катастрофа привела к остановке крупнейших и некогда прибыльных предприятий. «Речь» привела убийственную статистику. С марта по июль 1917 г. были закрыты 569 предприятий, работу потеряли 104 570 человек[34].

Не успела завершиться уборка урожая, а не только города, но и деревня уже были охвачены голодом. Регионы, производившие хлеб, препятствовали его вывозу. Представления о единой России рушились. Набирал силу местный сепаратизм. Из Екатеринодара «Утру России» телеграфировали: «Ввиду отказа Кубани продавать хлеб и отсутствия всяких других продовольственных продуктов, все побережье Черного моря положительно голодает». Особенно тяжелым и трагическим было положение в Нечерноземье: «Голод в Калужской губернии все разрастается. Весь хлеб в деревнях съеден, не осталось даже для посева. Употреблено в пищу все, что можно есть, … население утверждает, что оно начало питаться рубленой соломой, лепешками из растолченных в порошок деревянных «гнилушек» и т. д. Дети умирают массами…». Безысходность толкала голодных и измученных людей на отчаянные поступки. С теми, кто пытался нажиться на народной беде, расправлялись беспощадно. Из Курска сообщали: «В городе начались беспорядки. Купца Ворошина тысячная толпа била головой о мостовую, начальник милиции получил пролом головы, жизнь его в опасности. Войска открыли по толпе стрельбу. Положение крайне тревожное»[35].

По всей России катился вал народных выступлений. Особенно сильными, многочисленными и кровавыми они были в деревне, голодной и разоренной. Министр внутренних дел эсер А. М. Никитин признал: «…За первые десять дней сентября официально зарегистрировано свыше 250 крупных случаев аграрных беспорядков». Сообщившее об этом «Утро России» констатировало: «Анархия постепенно охватывает страну». Слово «анархия» не сходило со страниц газет. «Русские Ведомости» били тревогу: «Погромная волна растет и ширится и все больше захлестывает Россию». «Московские ведомости» предупреждали: «Начинается последний акт всероссийской трагедии. Ясно, что сила перешла в руки крайнего левого элемента нашей революции – так называемых большевиков. Правда, официально они не стоят у власти. … Однако для всякого спокойного наблюдателя, умеющего беспристрастно раз-

[34] Газета-Копейка. 24 сент. /7 окт.; Речь. 1917. 12 /25 окт.
[35] Утро России. 1917. 6, 7/19, 20 окт.

бираться в текущих событиях, ясно, что фактически по всей линии торжествуют большевики…»[36].

Положение на фронте становилось все более тяжелым. Немцы развивали стремительное наступление на море. Петроград оказался перед реальной угрозой неприятельского вторжения. На заседании Временного правительства Керенский внес предложение о переезде правительства из Петрограда в Москву. «Утро России», 8/21 октября сообщало: «… Обществом московских заводчиков и фабрикантов в настоящее время изыскиваются помещения для размещения в них эвакуированных из Петрограда работающих на оборону фабрично-заводских предприятий».

Всё, что происходило в России в октябре 1917 г., иначе как агонией власти не назовешь. Не было в стране ни одной сферы общественной, политической, экономической жизни, где наблюдалось хотя бы подобие порядка и организованности. Всё пришло в разлад, на всём лежала печать разрухи и бессилия. Журнал «Русское богатство», подвел итог деятельности Временного правительства с февраля по октябрь: «Важнейшие отрасли государственного ведения одна за другой приходили в катастрофическое состояние. К катастрофе приближалась продовольственная часть. Катастрофически падала добыча топлива. До катастрофических пределов достигало состояние транспорта. С неделю на неделю приходилось ждать полной остановки движения на многих железных дорогах. До катастрофических высот поднималась волна погромов»[37].

Глубоким трагизмом были проникнуты слова автора передовицы в «Русском Слове»: «Мы переживаем дни, когда даже нечуткое ухо слышит тяжелый шаг истории. Немцы овладели Рижским заливом. Правительство покидает Петроград. В этих потрясающих фактах рушится прошлое, готовится будущее России. Неприятель отбрасывает нас в допетровскую эпоху, в несколько дней и часов мы теряем то, к чему Россия стремилась веками. Такие потери ужасны, как показатель военного бессилия… Бесславно кончается «петроградский период русской революции…» Мы расплачиваемся за грехи не только 7 месяцев революции, но и за века самодержавного гнета… Россия не погибнет, конечно, как бы печально ни кончилась для нас война. Волга будет течь в Каспийское море, русский мужик будет пахать свою убогую ниву, будет тянуться нищая, нудная жизнь. Но ведь не о простом зоологическом существовании, а о существовании, достойном великой страны, поставлен вопрос в эти дни…»[38].

---

[36] Утро России. 1917. 1/14 окт.; Русские ведомости. 1917. 1/14 окт.; Московские ведомости. 1917. 27 сент./10 окт.

[37] Русское богатство. 1917. № 11–12.

[38] Русское слово. 1917. 7/20 окт.

Не менее мрачным был прогноз «Московских ведомостей»: «Сумерки сгущаются, наступает беспросветная зимняя ночь, полная ужасов и опасностей. Как мы переживём её, много ли нас уцелеет к утренней заре… Мы наги, мы нищи, мы жалки перед застигшей нас бедой. Нам нечем защищаться, нам не на что надеяться. Наверху царит полная растерянность и безумие. Власть мечется в агонии, но ей ниоткуда нет поддержки, ни сочувствия, ни даже простого доверия»[39].

Самым тяжелым было положение с продовольствием. «Утро России» писало о том, что продовольственный вопрос вступил в фазис полной анархии: «Крестьяне, рабочие и огромная часть городского населения самовольно захватывают поезда, вагоны, нагружают их купленным по вольной цене хлебом и под своей охраной направляют его в голодные губернии»[40]. По Руси, как в XVII веке в Смутное время, бродили толпы голодных людей. Вслед за голодом хлебным наступал голод топливный. Он ощущался даже в столице. «Газета-Копейка» писала: «По распоряжению городского головы произведено срочное обследование запасов твердого и жидкого топлива на городских складах. Выяснилось, что город находится под угрозой полной остановки самых важных своих предприятий, как водопровод, трамвай, электрические станции и т. д.»[41]. Неиссякаемый поток негативной информации притуплял чувства людей и лишал их надежды. Один из авторов «Московских ведомостей» свидетельствовал: «С удивительным спокойствием перечитываешь самые ужасные известия. Мы перешли грань, за которой уже начинается ледяной холод отчаяния…»[42].

Не только монархисты, но и представители крупной буржуазии констатировали политический провал Временного правительства. «Утро России» писало: «Да, теперь уже несомненно, что группа людей, волею судьбы фактических стоящих во главе России, – так называемая «революционная демократия» и ее «полномочные органы», – одержима тяжелой формой прогрессивного паралича. Немощная и бессильная, убогая и духовно и физически»[43].

Россия стояла на пороге новой революции. Все предыдущие события, вся внутренняя и внешняя политика Временного правительства, вся деятельность буржуазных и мелкобуржуазных партий подвели страну и народ к естественному выбору: либо государственный крах, либо – вся власть Советам.

---

[39] Московские ведомости. 10/23 окт.
[40] Утро России. 11/24 окт.
[41] Газета-Копейка». 6/19 окт.
[42] Московские ведомости. 1917. 7/20 окт.
[43] Утро России». 1917. 11/24 окт.

Ленин возвращается в Петроград, чтобы лично руководить подготовкой к восстанию. До события, которому суждено было открыть новую историческую эпоху, оставались считанные дни.

Февральская революция дала исторический шанс всем политическим силам в России реализовать на практике свои теоретические построения. Но никто, кроме большевиков, не смог дать адекватных ответов на запросы времени. В 1917 году победила марксистская теория, блестяще воплощенная в практику.

А. В. Грехов

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОКТЯБРЯ

Октябрьская социалистическая революция 1917 г. дала мощный толчок зарубежным обществоведам к исследованию российской истории. Если советские историки рассматривали с марксистских позиций Великий Октябрь как закономерный результат острых классовых противоречий антагонистического общества, то западные историки изначально стали культивировать так называемую «тоталитарную» модель Октябрьской революции, направляя все свои усилия на доказательство случайности революции, стечения чрезвычайных обстоятельств, которыми воспользовались большевики, чтобы придти к власти, отсутствия серьезной социальной поддержки, сознательного стремления большевистских лидеров к установлению диктатуры.

В 1960-е годы в западной историографии зародилось, как результат естественной эволюции исторической науки, «ревизионистское» направление, отказавшееся от порожденного политикой антисоветизма и «холодной войны» тенденциозного подхода к истории Октябрьской революции. «Ревизионисты» (А. Рабинович, У. Розенберг, Р. Такер, С. Коэн, Р. Суни, С. Р. Томпкинс и др.) стали рассматривать социалистическую революцию 1917 г. как результат революционной активности масс, вызванной социальной поляризацией предреволюционного российского общества. Подвергая анализу социально-политические и социально-экономические предпосылки революции, они выделяли противоречие между складывающимся в России после 1861 г. более современным способом производства и существовавшими сословно-феодальными отношениями как главную причину революционных событий начала XX в.

Однако «перестройка всех сторон жизни советского общества», завершившаяся крушением СССР, возродила «тоталитарную» модель Октябрьской революции (З. Бжезинский, Дж. Ф. Кеннан, Ф. Фукуяма, Н. Верт, Р. Пайпс, Ш. Фитцпатрик и др.). Данный феномен с позиции

методологического основания исторического познания Л. Хеймсон (США) объяснил откровенно: «Каждое поколение воспринимает и интерпретирует прошлое на базе тех концепций, тех ценностей, того мировоззрения, которые определяют его отношение к окружающему его современному миру»[1].

Насильственное уничтожение Советской власти и советской государственности в 1993 г., казалось бы, утвердило безальтернативный крен в исследовании проблемы: если советская система оказалась нежизненной, то и вопрос о закономерности Октябрьской революции неправомерен.

В этой сложной историографической ситуации честные зарубежные ученые – историки и советологи не отказались от «ревизионистского» направления в изучении Октябрьской революции, основывая свои труды на источниковедческом анализе конкретной исторической обстановки 1917 г. Легитимность Октября отстаивали Э. Карр, А. Рабинович, Д. Байрау, Ст. Коткин, Д. Кёнкер, Б. Бонветч, Дж. Боффа, Ань Цинянь, Хуан Лифу, О. Арин, проживавший в Германии А. Зиновьев и др. Октябрьская революция рассматривалась ими как результат всего предшествующего развития, а не только как разрыв с историческим прошлым. «В самом общем смысле российская революция в целом, как и ее октябрьская фаза, была и объективно обусловлена и своевременна»[2], – с этим утверждением С. Живанова (Югославия) на сегодняшний день могут согласиться многие западные исследователи.

Следствием одновременного существования за рубежом двух научных направлений явилось естественное формирование «конвергентного» взгляда на русскую революцию: при преобладании общей негативной оценки революции ее события анализировались с научных позиций историзма.

В XXI веке большинство зарубежных исследователей признает революцию 1917 г., имея в виду ее Октябрьский размах, центральным событием мировой истории XX в., определившим главные векторы ее развития; ими отмечается глобальная общецивилизационная значимость революции[3]. Германский историк В. Дённингхаус, американский исследователь

---

[1] *Хеймсон Л.* Об истоках революции // Отечественная история. – 1993. – № 6. – С. 3.

[2] *Живанов С.* Преждевременная революция? Зрелость условий для политической революции и не созревшие предпосылки для социальной революции // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М., 1994. – С. 289.

[3] См., напр.: *Cohen, Stephen F.* Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia. W. W. Norton & Company. – New York, London, 2000. – 320 p.; *Rabinowitch Alexander*. The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd. – Indiana: University Press, 2007. – 518 p.; Sebag-Montefiore Simon Jonathan. Young Stalin. – Weidenfeld & Nicolson, 2007. – 496 p.; *Хуан Лифу* (КНР). Почему советские люди «перестали дорожить» советским государством? Централизованная система распределения общественных ресурсов в СССР // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 141–147.

Д. Нортроп, шведские историки Х. Карлбек, Л. Экдаль, Ч. Эстберг подчеркивают прорывное значение социалистической революции[4]. Конечно, ведущие представители так называемой «тоталитарной модели» Октябрьской революции продолжают отстаивать ее абсолютную негативную оценку[5].

В отличие от российских историков, культивирующих теперь понятие «Великая российская революция», большинство советологов активно оперировало понятиями «Февральская революция» (С. Бэдкок, И. Дойчер, Э. Каррер д′Анкосс, П. Кенез, Э. Лор, Р. Пайпс, А. Рабинович, Р. Такер, Адам Б. Улам, Р. Уорт, П. Холквист, Дж. Хоскинг, П. Эврич) и «Октябрьская революция» (В. Дённингхаус, И. Дойчер, Э. Каррер д′Анкосс, П. Кенез, Ю. Кока, Ст. Коэн, М. Малиа, А. Рабинович, С. Себаг-Монтефиоре, Р. Такер, Адам Б. Улам, Р. Уорт, Лю Шучунь, Чжан Гуанмин). Показательно, что германский историк М. Хильдермайер выпущенной в 2013 г. в Мюнхене монографии дал одноименное название «История России. От Средневековья до Октябрьской революции»[6].

А как обстоят дела в зарубежной историографии с концептом «закономерность революции»? Следует констатировать, что в зарубежной историографии отсутствуют категоричные умозаключения об объективной неизбежности социалистической революции. Тем не менее, и прямые, и косвенные утверждения о закономерном течении и исходе русской революции в их трудах присутствуют; ударение исследователями делается при этом, в большей степени, не на объективные предпосылки социально-экономических потрясений, а на субъективный фактор революции (что, впрочем, характерно для всей зарубежной социологии и философии).

Важным моментом для исследователей зарубежья явилась альтернативная развилка революционного 1917 года и выбор между буржуазно-либеральным и социалистическим векторами дальнейшего развития. В аспекте объективности революционного процесса зарубежные историки

---

[4] См.: *Donninghaus V.* Minderheiten in Bedrangnis. Sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora–Nationalitäten 1917–1938. – Oldenbourg Verlag: Munich, 2009. – 693 p.; A State of Nations: Empire and Nation Making in the Age of Lenin and Stalin / *Suny R. G, Martin T.* – Oxford, New York: Oxford University Press. 2001. – 320 p.; *Кан А. С.* Рабочее движение в тени Советского Союза 1917–1991. Стокгольм, 2003 // Новая и новейшая история. – 2004. – № 6. – С. 216–218.

[5] См.: Carrère d'Encausse Hélène. L'Empire d'Eurasie. Une histoire de la Russie de 1552 à nos jours. – Paris: Fayard, 2005. – 506 p.; *Malia Martin.* History's Locomotives. Revolution and the making of the Modern World. – New Haven: Yale University Press, 2006.– 384 p.; *Pipes Richard.* Russia Under the Bolshevik Regime: 1918–1924. – 1994. – 608 p.; *Cinnella E.* La Rivoluzione Russa. – Milano: Corriere della sera, 2005. – XV, 694 p.

[6] *Hildermeier M.* Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. – München: Verlag C.H. Beck o HG, 2013. – 1504 s.

подмечают своеобразие исторической эволюции России, соединившей в себе нарастание индустриального развития, сдерживаемого архаичной политической системой, и сохранение этатистски-общинного менталитета российского народа, подавляющую долю которого составляло патриархально-социалистское крестьянство[7]. Подобное уникальное сочетание, присущее стране социально-флуктуационного типа, объясняет, по их мнению, наличествование в русской революции не только либерального вектора, но и вектора этносоциалистического. Революция 1917 г. поэтому была обречена на невозможность остановиться на Феврале. М. Малиа (США) пришел к заключению, что после восстания декабристов 1825 г. «…революция и социализм в России стали практически синонимами»[8]. Не ведая «русской души», американский профессор, будучи откровенным русофобом, приписывает протестным действиям российского народа, ведомого интеллигенцией, помыслы и стремления, свойственные вообще русскому национальному характеру, менталитету и образу природно-коммунитарной жизни – идеализм, гуманизм, идеологизм[9]. Пожизненный секретарь Академии Франции Э. Каррер д′Анкосс безапелляционно утверждает, что после Февраля «Россия неотвратимо катилась к новой революции…», а после корниловского мятежа буржуазная демократия была обречена[10].

Зарубежные исследователи не только подметили, но и развивали в своих трудах уникальную особенность революционного движения в России: социалистический вектор российской революции был неизбежен в силу не только февральской направленности ее против самодержавной системы, но и неприятия западно-индустриального либерализма. Живущий в США историк О. А. Арин (Алекс Бэттлер) считает, что экстраполяция европейского варианта капитализма на Россию вела бы не только к ослаблению российских позиций в мировой экономике и политике, но даже к потере экономической и политической независимости, к уничтожению российской государственности. Он категоричен, что «…капитализм как тотальная политико-экономическая система не соответствует характеру и умострою русского народа, цивилизация которого

---

[7] См.: *Нарский И. В.* – Рец. на: M. Hildermeier. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München: Verlag C.H. Beck o HG, 2013. 1504 S. // Российская история. – 2015. – № 2. – С. 174.

[8] *Малиа Мартин*. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / Перевод с англ. А. Павлова, Д. Узланера. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – С. 37.

[9] Там же. – С. 32–40.

[10] *Каррер д'Анкосс Э.* Ленин / Пер. с фр. А. Н. Скобелкина. 3-е изд. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – С. 236.

сформирована на иных политических, экономических и культурных основаниях»[11].

Американский исследователь Э. Лор латентно подвергает сомнению приверженность современных российских историков к отказу октябрьскому перевороту в социалистическом характере национально-освободительной революционности, к приданию ему статуса дежурного захвата власти с целью установления большевистской диктатуры без серьезного комплексного анализа сложившегося тогда международного разделения труда. «Вовсе не является аномальным то, – пишет он, – что коммунизм XX столетия имел наибольший эффект не в промышленно развитых, а скорее в отстающих странах, выступая в качестве идеологии антиимпериалистического национального освобождения, т. е. программы мобилизации развивающихся стран против натиска международного капитала и транснациональных корпораций и модели изоляционистского развития экономики»[12]. Своей оценкой Э. Лор, по сути, признает соединение в Октябрьской социалистической революции и буржуазного «доделывания» революционного почина, и освободительной борьбы за национально-экономическую независимость.

Его соотечественник П. Кенез неслучайно выявил турбулентную ситуацию в революционном процессе 1917 г.: сторонники либерального переустройства России, концентрирующиеся вокруг Временного правительства, отстали от хода революционного движения, тонус которому уже задавали народные массы, требующие социальной радикализации реформ. В итоге он зафиксировал провал либерального проекта в революционной России: «Было очевидно, что либеральный и демократический режимы провалились, они не смогли справиться с многочисленными проблемами России»[13]. Отсюда проистекало засвидетельствованное профессором истории Йельского университета Л. Энгельштейн легкое, нетрудное и безболезненное отстранение в октябре 1917 г. от власти либералов и их умеренных союзников среди социалистов[14].

П. Эврич (США) в появлении фабричных комитетов как «неожиданного продукта Февральской революции», ставших вскоре «плотью и

---

[11] *Арин О.А. (Алекс Бэттлер)*. Правда и вымыслы о царской России: Конец XIX – начало XX века. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – С. 108.

[12] *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 203.

[13] *Кенез Питер*. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918 / пер. К. Никифоров. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 18.

[14] *Энгельштейн Л.* Скопцы и Царство Небесное: Скопческий путь к искуплению / Авториз. пер. с английского В. Михайлина, при участии Е. Филипповой и Е. Левинтовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 235.

кровью» русской революции, определил момент социалистического крена революции после Февраля. Комитеты сформировались в каждом промышленном центре Европейской России, имея самые разнообразные названия – фабричные, заводские комитеты, рабочие советы, советы старейшин, что свидетельствовало о стремлении рабочих «иметь право голоса и в управлении производством»[15]. Фабричные комитеты представляли собой первый шаг к производственному самоуправлению самих трудящихся. Лозунг «рабочего контроля», как подмечает американский историк, был подхвачен не только в столице, но и в других промышленных районах, стал стремительно распространяться по всей России, что подчеркивало массовую социалистичность рабочего сознания и поведения. В подтверждение последнего П. Эврич уточняет, что и фабричные комитеты, и лозунг «рабочего контроля» появились спонтанно и стремительно, были детищем самих рабочих, рождены «бурями революции», а не какими-либо радикальными группами, включая и большевиков[16].

С. Бэдкок, А. Верт, И. Дойчер, Э. Каррер д′Анкосс, Ст. Коэн, Д. Ливен, Р. Пайпс, Дж. Сэнборн, Дж. Хоскинг, Л. Энгельштейн в своих трудах отмечают всевозрастающий накат массового характера революционной стихии, что является показателем коммунитарных настроений российского населения, нежелающего останавливаться на февральском этапе революции. Неслучайно, развивая положение о двухэтапности революции 1917 г., группа чешских исследователей М. Реймана подразделяет ее по признаку «характер революции» на общегражданскую (буржуазно-демократическую) и плебейскую (социалистическую)[17].

Сущностные характеристики развития общества в революционные периоды, альтернативность его «развилочного» состояния идентифицирует феномен *собственности*. На архивных материалах Казанской и Нижегородской губерний британская исследовательница С. Бэдкок изучала условия жизни российских обывателей революционной эпохи. Провал «демократической альтернативы» в России она подметила в отторжении, невозможности в 1917 г. «…убедить людей уважать частную собственность…»[18]. Население российской провинции, по ее наблюдениям, не принимало ни полумеры, ни незначительные уступки, как-то:

---

[15] *Эврич Пол*. Русские анархисты. 1905–1917 / Пер. с англ. И. Е. Полоцка. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – С. 148.

[16] Там же. – С. 149.

[17] *Гросул В. Я*. Рец. на: *М. Рейман* при участии *Б. Литеры*, *К. Свободы, Д. Коленовской*. Рождение державы. История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М.: РОССПЭН, 2015. 839 с. // Российская история. – 2016. – № 3. – С. 204.

[18] *Бэдкок С*. Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. – 2007. – № 4. – С. 109.

«…безропотно принять эксцессы, связанные с введением твердых цен на хлеб», эвакуированным в Нижний Новгород солдатам отправляться на фронт. Население было настроено крайне решительно, последовательно и непреклонно, в ментальном ареале российских экономических ценностей, коррелируемых с социальными чаяниями народа. Монетаристская зацикленность правящей элиты, по мнению С. Бэдкок, завела страну в тупик, усугубленный нежеланием народа поддерживать социально-экономический и политический курс Временного правительства, направленный на внедрение в России европейского варианта капитализма. «Политическая элита не желала признавать, что народ попросту не поддерживает ее курс»[19], – подчеркивала С. Бэдкок. Прямолинейную позицию элиты она объясняла нежеланием и неспособностью прислушаться к потребностям народа и хотя бы предпринять попытки на них прореагировать. «Нежелание» и «неспособность» элиты открывали прямой путь России к революции архирадикальной – социалистической. Закономерно, что своеобразным побудителем постфевральского продолжения революции стало бескомпромиссное противостояние антагонистических социальных полюсов в отстаивании собственных интересов по принципу «кто кого!».

Углубление и нарастание общего революционного радикализма шло в единстве с каждодневным ростом напряжения в деревне вокруг вопросов частной собственности на землю[20]. По мнению Р. С. Уортмана (США), даже в «патриотичные» годы Первой мировой войны «большинство крестьян по-прежнему претендовали на помещичьи земли», «от Думы и правительства они ожидали конфискации и перераспределения помещичьих имений, “Черного передела”»[21]. В условиях неопределенности и антисоциальной бездеятельности Временного правительства крестьяне, всегда стремившиеся к уравнительности, начиная с лета 1917 г. стали самовольно захватывать помещичьи земли, угодья, тем самым легализуя будущие большевистские декреты о земле.

Надо признать, что закономерность любой революции проявляется и через активные действия революционных акторов как конкретных субъектов целеполагания и целедостижения. В этом смысле следует принять за исходное утверждение итальянского историка Э. Чинелла, что «большевистская революция», как составная часть единой русской революции, «…была направлена на удовлетворение интересов прежде

---

[19] Там же. – С. 110.

[20] *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 143.

[21] *Уортман Р. С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Пер. с англ. И. А. Пильщикова. – М.: ОГИ, 2004. С. 683.

всего двух слоев населения – беднейшего крестьянства и городского пролетариата…»[22], но с оговоркой, что все крестьянство жаждало земли. Итак, пролетариат и крестьянство – массовые движущие силы Русской революции. Отражено ли это в современной зарубежной историографии?

Надо признать, что данный предмет исследовательского интереса ранее всегда ускользал от зарубежных ученых в силу удаленности их от марксистского постулата «массы – творцы истории» и склонности к политическому анализу проблемы через призму деятельности личностей, правительств, группировок и партий. Однако непосредственное обращение их к российским документальным источникам объективно вывело на исследование «массового» характера революции.

Мощное давление «снизу» отмечают Н. Верт, П. Гэтрелл, Р. Петибридж, М. Рейман, С. Себаг-Монтефиоре, Р. Уэйд, Л. Хеймсон и др. Американский историк Р. Уорт в своих изысканиях делает безальтернативное заключение: «…большевики основали свою власть на твердом фундаменте массовой поддержки»[23]. По данной проблеме он даже не скрывает своего исследовательского удивления по поводу устоявшегося на постреволюционном Западе мнения о случайном стечении обстоятельств установления советского режима. Здесь следует обратить внимание на подмеченную Р. Уортом методологическую слабость тогдашней буржуазной социологии в прогнозах и предсказаниях относительно устойчивости Советской России. (Как тут не вспомнить введенный в 1922 г. в социологическую теорию П. А. Сорокиным схоластичный закон социального иллюзионизма!).

Казалось бы, матросское восстание 1921 г. в Кронштадте («Кронштадтский мятеж») против Советской власти, вспыхнувшее по окончании затянувшейся шестилетней войны в условиях послевоенной разрухи, должно было реализовать все предсказания западных оракулов, но …неминуемого коллапса не произошло. Почему? «Несмотря на озлобленность, русский народ устал от войны и, при всем недовольстве правительством, по-прежнему больше боялся возвращения белых, чем ненавидел коммунистов»[24], – убедительно отвечает на поставленный вопрос американский историк П. Эврич. Точнее не скажешь, поскольку социальные ожидания в переломные исторические моменты заставляют каждого обывателя делать свой личный выбор на основе собственного здравого смысла. Здравый смысл российского населения остановил свой выбор на большевиках…

---

[22] *Хормач И. А.* Этторе Чинелла. Трагедия русской революции (1917–1921) // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 201–202.

[23] *Уорт Роберт.* Антанта и русская революция. 1917–1918 / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – С. 185.

[24] *Эврич Пол.* Восстание в Кронштадте. 1921 год / Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – С. 212.

Следует подчеркнуть, что вопрос о революционной «массовости» рассматривается зарубежными исследователями в ракурсе влияния на массы политических институтов и политических партий.

Практически все исследователи отмечают радикально антинародную политику (активную или бездейственную) Временного правительства, которое не только не ликвидировало анархию в стране, не предупредило кризисные проявления во всех сферах российской жизни, но и теряло контроль над ситуацией, тем самым, отталкивая от себя народные массы.

Британская исследовательница С. Бэдкок, поработав в некоторых областных архивах Российской Федерации, нашла «ключ к пониманию фиаско всего курса Временного правительства»: «Его несоответствие ожиданиям народа становится очевидным, если посмотреть, как крестьяне, рабочие и солдаты реагировали не только на продовольственный кризис, но и на земельный вопрос»[25]. В трудах британского историка Дж. Хоскинга фигурирует термин «народные ожидания», указывающий, что именно они (народные ожидания) привели к власти большевиков[26]. Французский историк Н. Верт тоже указывает на «ожидания», но только уже с противоположной стороны – со стороны Временного правительства, «ожидавшего» созыва Учредительного собрания[27]. В периоды революционных изломов промедление и бездействие политических групп сметает их революционным вихрем, вызываемым массовыми требованиями и надеждами, и этот вихрь, наполняющий паруса революции реально-жизненными помыслами («хлеба, мира, земли»), всегда радикален. Так что социальные ожидания российского народа, по Дж. Хоскингу, опрокинули ожидающее легитимности Временное правительство и его формационную приверженность.

Зарубежные советологи, признающие массовый характер русской революции, правда, освещают его через призму партийного влияния. Они единодушны в том, что либеральные и умеренные социалистические партии оказались бессильны в борьбе за массы. Э. Каррер д`Анкосс лето 1917 г. называет рубежным в смысле отхода российского общества от либеральных партий[28], а П. Кенез, Дж. Хоскинг – и от умеренных социалистических партий[29].

---

[25] *Бэдкок С.* Указ. соч. – С. 110.

[26] *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. 1917–1991 / Пер. с англ. – Смоленск: «Русич», 2000. – С. 30.

[27] *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991 / Пер. с франц. 2-е изд. – М.: ИНФРА-М: Издательство «Весь мир», 2003. – С. 110.

[28] Каррер д'Анкосс Э. Указ. соч. – С. 266.

[29] *Кенез П.* Указ. соч. – С. 14–15; *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С. Н. Самуйлова. – Смоленск: «Русич», 2001. – С. 482–486.

На фоне стихийного революционного размаха возрастала значимость большевистской партии. Зарубежные исследователи (Д. Дж. Рейли, А. Б. Ретиш, А. Б. Улам, Р. Уорт, Дж. Хоскинг, Л. Энгельштейн) солидарны в утверждении, что к осени 1917 г. массы окончательно повернулись в сторону большевиков.

Еще в прошлом веке европейский историк И. Дойчер очень точно подметил традиционализм и «русскость» большевистской партии, которая «выстрадала» марксизм в российской трактовке и в конкретных российских реалиях: «Партия Ленина корнями уходила глубоко в российскую почву, она впитала все, что эта почва могла дать, и революционную силу, и суровость, и потрясшую мир отвагу, и примитивную неразвитость»[30]. Только эта партия была поистине народной – по происхождению, по менталитету, по подвижничеству, по альтруизму, по жертвенности и справедливости! Эти характерные черты большевистской партии – национально-традиционалистские с аспектом российской духовности с трудом воспринимаются и понимаются зарубежными исследователями. Американский историк-«тоталитарист» М. Малиа с укором констатирует, что «…русский социализм, равно как и марксизм, очень многим обязан идеализму»[31]. Ему невдомек, что так оно и есть, что социализму всегда присуща национальная специфика, которая придает теоретическому построению эмпирическое основание. Загадочная русская душа не может существовать без идеализации своего бытия и его проектов, большевизм в данном случае – не исключение, а норма!

Конечно, трактовки и обоснования большевистского «полевения» масс в зарубежной историографии самые разнообразные, вплоть до противоположных. Многие в нарушение общепринятых критериев политических предпочтений людей, констатируя лидерские качества большевиков, делают упор на собственное субъективное понимание ситуации и отторгают объективный характер партийно-политической борьбы в 1917 г.[32]

С другой стороны, ряд исследователей отмечает позитивный характер деятельности большевистской партии, для которой, в отличие от всех других российских партий, было характерно единство программных положений, тактических обещаний с действенным практическим их воплощением (В. Дённингхаус, П. Кенез, П. Эврич). Чешские исто-

---

[30] *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 гг. / Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – С. 201.

[31] *Малиа М.* Указ. соч. – С. 32.

[32] См.: *Верт Н.* Указ. соч. – С. 110; *Каррер д`Анкосс Э.* Указ. соч. – С. 268; *Пайпс Р.* Русская революция: В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. – М., Захаров, 2005. – С. 8, 10.

рики М. Рейман, Б. Литера, К. Свобода, Д. Коленовская, резюмируя итоговую оценку роли и места большевистской партии в период Русской революции, подчеркивают непреходящее восхождение большевиков к вершинам власти и долговременное пребывание там: «Гражданская война закончилась, так и не дав населению России реальной альтернативы большевикам»[33]. Очень ценное замечание в адрес современных российских историков-инноваторов, хронологически доводящих Великую российскую революцию до 1922 г. и выводящих из соответствующего революционного пятилетия лишь «диктаторскую» сущность большевизма.

Американские историки У. Розенберг и П. Холквист секрет народности большевистской партии выявили в том, что политика большевиков «по сути, являлась скорее радикальным продолжением, чем революционным разрывом с прошлым»[34]. Оказавшись перед выбором между западной моделью экономического развития, западным парламентаризмом и традиционно народной формой общинного труда и самоуправления, российский человек выбрал последнее. А это в народном сознании и поведении уже идентифицировалось с большевизмом.

Подводя итог краткому историографическому обзору, можно заключить, что в трудах зарубежных исследователей, как сторонников ревизионистской трактовки российской революции, так и приверженцев тоталитарной ее модели, выявляются объективные исторические факты и процессы, свидетельствующие о неизбежности Октябрьской социалистической революции как этапа Великой российской революции в силу нарастания радикализации населения, как следствии кумулятивного характера естественных, ментальных потребностей российского населения в социалистическом выборе своей исторической судьбы. Показателен вывод А. Рабиновича (США), что «…Октябрьская революция в Петрограде была в меньшей степени военной операцией, а в большей – объективным и постепенным процессом, корни которого крылись в массовой политической культуре…»[35].

---

[33] *Гросул В. Я.* Указ. соч. – С. 205.

[34] Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. *Р. Г. Суни, Т. Мартина*; [пер. с англ. В.И. Матузовой]. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – С. 159.

[35] *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде / Пер. с англ. И. С. Давидян. – М.: АИРО-XXI – Новый хронограф, 2008. – С. 13.

А. Т. Дробан

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Октябрьская революция 1917 года в России разрушила навязываемое эксплуататорами представление о незыблемости эксплуататорского строя. Торжество революции в одной из крупнейших стран мира – 1/6 земной суши – изменило соотношение классовых сил в пользу международного пролетариата.

Россия, страна глубоких и острых противоречий огромного масштаба, породила великую революцию, которую даже её противники вынуждены были признать «бесспорно самым значительным событием» XX столетия[1], мощно повлиявшим на ход всемирной истории. XX век прошел под знаменем Октября.

Возвышение России до этой исторической роли не было, понятно, случайностью. С середины XIX века страна переживала обостряющийся революционный кризис, неоднократные революционные ситуации. Это было вызвано нарастающим разрывом между потребностями прогрессивного развития российского общества и сугубой отсталостью политической системы самодержавного царизма, экономического строя, где элементы передового капитализма были опутаны сильнейшими остатками феодализма. В обществе ширились недовольство и все более сознательный протест. С 70-х гг. начались выступления рабочего класса. За 12 лет – с 1905 по 1917 год – в России поднялись три массовые социальные революции, сначала буржуазно-демократические, а затем и пролетарская, социалистическая.

Пример Октября показал международному рабочему движению возможность победы и утверждения социалистической революции в одной отдельно взятой стране. Был опровергнут устаревший тезис, что такая победа может явиться только в результате более-менее одновременных переворотов во всех или большинстве наиболее развитых стран

---

[1] *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. I. М., 1994, С. 7.

капитализма. Неравномерность развития капиталистических стран, обострившаяся на стадии империализма, устраняла такую перспективу. Революция назревала и происходила там, где для неё складывались благоприятные объективные условия, возникала революционная ситуация.

Победа Октября превратила Россию в очаг социализма. Это стало возможным потому, что к действию объективных условий присоединилось решающее влияние субъективного фактора. Развитие революционного процесса в России выковало, впервые в мире, революционную партию пролетариата, партию нового типа, партию большевиков, руководимую В. И. Лениным.

Социал-демократия в России возникла в конце XIX в. и опиралась на опыт социал-демократических партий Западной Европы. Особая острота классовой борьбы повлияла на историю российских социал-демократов. Уже на II съезде Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в 1903 г. сложились и оформились два течения: революционное – большевики и реформистское – меньшевики.

После расхождений и попыток объединения эти течения в 1912 г. окончательно разошлись по двум различным партиям.

Партия большевиков в своем историческом росте прочно опиралась на революционное учение К. Маркса и Ф. Энгельса; в отличие от социал-демократии Запада своевременно очистила свои ряды от оппортунистов, кланявшихся марксизму на словах, но выхолащивавших его революционную суть на практике. Большевики-ленинцы стали действительными представителями интересов революционного пролетариата, организовали победу пролетарской революции, строительство государства, ведущего Россию к социалистической перспективе. Тем самым большевики претворили в жизнь теоретическое предвидение классиков марксизма о назревающем революционном переходе человечества от капитализма к социализму.

Октябрьская революция под руководством Ленина победила относительно легко, практически бескровно. Это было достижимо потому, того революционные силы имели подавляющий перевес над силами реакции. Ленинская стратегия объединила все революционные потоки российской действительности: социалистическое движение рабочего класса, общедемократический протест против мировой войны и империализма, революционно-демократическую борьбу крестьянства за землю и мир, национально-освободительное движение народов России.

Вождь Октября Ленин выступил как выдающийся теоретик и практик революционного дела. Творческий вклад ленинизма оказался столь значительным, что он явился не только продолжением, но и дальнейшим развитием марксистского учения, превратившегося в единое целое – марксизм-ленинизм.

Ленин исследовал капитализм конца XIX – начала XX в. и констатировал наступление новой стадии его развития, которой он дал, следом за Дж. А. Гобсоном, наименование «империализм». Империализм, согласно учению Ленина, является высшей и последней стадией капиталистической формации, кануном пролетарской революции и перехода общества к социализму. Эти идеи развиты в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»[2], написанной в разгар Первой мировой войны в эмиграции в Швейцарии, весной 1916 года.

Установив, что завершен раздел мира между крупнейшими империалистическими державами, Ленин определяет неизбежность войн за его передел. Совокупность объективных противоречий эпохи империализма, внутренних и внешних, при своем обострении создает предпосылки для революционного их разрешения.

Ленинская теория империализма как стадии капиталистического строя определила особенности революционного процесса этой эпохи.

Развитие монополистического и государственно-монополистического капитализма порождает материальные основы для осуществления и утверждения социалистических преобразований. Из-за неравномерности развития возможна победа социализма первоначально в одной, отдельно взятой капиталистической, или нескольких странах невозможна одновременная победа социализма во всех странах.

Стратегия и тактика борьбы революционного пролетариата должна быть основана на прочном союзе с крестьянскими массами и колониальными народами.

Успешная борьба за мирные отношения между народами, за мир, против империалистических войн возможна не на основе иллюзий пацифизма, а через революционные действия против империализма.

Организатором победоносной борьбы против империализма выступает сознательный авангард революционного класса, политическая партия пролетариата, вооружённая передовой научной теорией. Сплоченные действия революционного авангарда обеспечивает применение в его организации принципа демократического централизма.

Идейная сплоченность и боеспособность партии пролетариата достигается путем принципиальной критики оппортунистических концепций, пытающихся воздействовать на партию извне и изнутри.

Наконец, идейным кредо революционной партии является ее последовательный интернационализм.

Учение Ленина содержало глубокий анализ диалектики общего и особенного в мировом развитии. Наряду с раскрытием общих черт стадии империализма, оно выявляло специфику национальных и социальных

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27.

условий разных стран, определявших возможности и особенности революционного процесса в них. Исследование объективного содержания классовой борьбы в России открывало закономерную возможность победы социалистической революции именно в этой стране. При этом путь революции, реализация ее направленности к социализму должны были стать неизбежно длительными, сложными, противоречивыми. Ведь сознательную борьбу пролетариата за социализм призваны были поддержать массы крестьянства, полупролетарские и мелкобуржуазные, составлявшие значительное большинство населения страны. Их переход на рельсы социализма представлял особую сложность социалистической революции в России. Социализм ни в коем случае не мог представлять собой непосредственную цель пролетарской освободительной революции.

Исторические предпосылки революционного переворота, сложившиеся в России, не позволяли выжидать революционной инициативы какой-то другой страны, рабочего класса какой-нибудь развитой страны капитализма. Российская революция поднимала знамя международной социалистической революции, но первоначально оставалась одинокой, революцией в одной стране. Разумеется, теоретическое предвидение этого относилось лишь к такой стране, чья мощь обеспечивала ее от давления и прямых атак зарубежной контрреволюции. Победоносная революция вызвала великий энтузиазм в трудящихся массах капиталистических стран, сознававших, что в России делается и их дело, а потому выступавших против контрреволюционных и интервенционистских попыток. Октябрьская революция отняла у интервентов их солдат.

Возникновение социалистического государства породило в мире новое явление – сосуществование двух противоположных общественных систем. Это было бесспорное завоевание рабочего класса, всемирно-исторического прогресса. Находящаяся в становлении система социализма ограничила проявление эксплуататорской, насильнической, милитаристской сущности капитализма, способствовала поддержке равноправных, мирных отношений между народами. В этих условиях дальнейшие победоносные революции постепенно отделяли разные страны от системы капитализма, произошло разрушение колониальной системы империализма.

Революция в России назрела и разразилась в условиях Первой мировой войны, когда оружие оказалось в руках миллионов трудящихся. Эта вооруженная сила в решающем большинстве выступила на стороне революции, в решающих пунктах и в решающие моменты.

Участие в мировой войне измотало отсталую Россию. Последовали поражения на фронтах, потери территории. Напряжение войны оказа-

лось невыносимым и для тыла. Возникли и выросли антивоенные настроения, протест и выступления против войны. Подтвердилось предвидение большевиков, их лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Реакция внутренняя и зарубежная, сторонники продолжения войны «до победного конца» столкнулись с победоносным сопротивлением народных масс.

Февральская революция 1917 г. привела к власти буржуазию, воспользовавшуюся поддержкой мелкобуржуазных партий эсеров (социалистов-революционеров) и меньшевиков. Эти политические силы оказались неспособными порвать с интересами империализма, с империалистической войной, прикрывая свои позиции разговорами о «защите отечества». Они уклонялись от вопроса, интересы каких классов господствовали в «отечестве», определяли его политику, характер войны. Последовательная антивоенная линия большевистской партии встречала растущую симпатию и активное содействие масс, вооружённых сил.

Партия большевиков, предвидя неизбежность дальнейшего углубления революции, создала специальные органы для подготовки революционных действий масс. Ленин, большевики идейно разгромили и отбросили колебания сомневающихся в победе элементов. Был рассчитан момент вооруженного восстания против Временного правительства в Петрограде. Оно началось в ночь на 25 октября (7 ноября) 1917 года. Временное правительство было свергнуто. Власть взял в свои руки II Всероссийский съезд Советов. Он создал новое, рабоче-крестьянское правительство – Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным. 26 октября съезд Советов принял декреты о мире и о земле.

Победа революции в России вызвала широчайший отклик во всем мире. Она приобрела огромное международное значение и в том смысле, что она ускорила окончание Первой мировой войны. Господствующие классы империализма стремились не допустить нарастания антивоенной борьбы. С другой стороны, прекращая свару империалистических держав, они рассчитывали направить их силы на подавление революции в России.

Контрреволюционные попытки остановить революционный процесс насильственным путем провалились в обеих столицах – Петрограде и Москве и до самых до окраин. Развернулось триумфальное шествие по стране Советской власти, поддержанной вооруженным народом. Протест против империалистической войны соединился с революционной решимостью свергнуть власть капиталистов и помещиков.

Социалистическая революция в России несла в своей программе не только социальное, но и национальное освобождение. В многонацио-

нальной стране она уничтожила национальное угнетение, предоставив всем народам свободу и равноправие, включая право на национальное самоопределение, вплоть до отделения. Революционные преобразования открыли возможность отсталым народам ликвидировать свою отсталость во всех областях общественной жизни, опираясь на братскую помощь, прежде всего русской нации, наиболее передовой и мощной. Этот опыт решения национального вопроса способствовал подъему национально-освободительного движения на всех континентах земли. Начался и развернулся кризис колониальной системы империализма.

Октябрьская революция победила с ограниченным применением насилия, потому что ленинская партия большевиков своей программой и борьбой слила в единый революционный поток все виды борьбы широких масс против империализма. Только последующие попытки эксплуататоров с помощью иностранного капитала возобновить насилие над народом вызвали победоносный вооруженный отпор народных масс, разгром походов реакции и иностранной интервенции, эффективный революционный террор против террора контрреволюционеров.

Российский Октябрь открыл эпоху пролетарских и национально- освободительных революций. Рабочие и трудящиеся стран, остающихся капиталистическими, с глубокой симпатией активно поддерживали страну социализма. Они видели в ней образец успешных революционных действий. Вместе с тем каждая новая революция требовала точного учета особенностей места и времени. Механическое повторение образца не могло привести к успеху.

Ленин говорил о международном значении русской революции: «...все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия её на все страны». Но «международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции»[3]. Только за некоторыми! Какими? По нашему мнению, следующими:

— Завоевание политической власти.
— Создание новой государственности и новой демократии.
— Уничтожение классового угнетения и эксплуатации человека человеком.
— Выход из империалистической войны, установление мирного сосуществования государств двух противоположных систем, утверждение демократических и гуманных принципов в отношениях между народами и странами.

[3] *Ленин В. И.* Детская болезнь левизны в коммунизме. Поли. собр. соч. Т. 41. С. 3.

— Устранение национального гнета, обеспечение свободы и равноправия народов, национального самоопределения.

— Раскрепощение женщины, равноправие с мужчиной.

— Культурная революция, подъем трудящихся масс на уровень мировой культуры.

— Обеспечение, защита революции и ее завоеваний.

Претворение в жизнь этих основных черт российской революции стало возможным благодаря правильной революционной тактике большевиков. Ленин отмечал: «Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране **для** развития, поддержки, пробуждения революции **во всех странах.** Эта тактика оправдалась громадным успехом, ибо большевизм (вовсе не в силу заслуг русских большевиков, а в силу глубочайшего сочувствия **масс** повсюду тактике, революционной на деле) стал **мировым** большевизмом, дал идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически, от социал-шовинизма и социал-пацифизма»[4].

Большевизм популяризировал во всем мире революционную теорию и революционную практику. Тем самым он на деле помог «развитию пролетарской революции в Европе и в Америке так сильно, как ни одной партии ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать»[5]. Дискредитация оппортунистов всех мастей нарастала, терпели провал клеветнические кампании против Октября. «...Массам пролетариев всех стран с каждым днем становится яснее, что большевизм указал верный путь к спасению от ужасов войны и империализма, что большевизм **годится как образец тактики для всех**»[6].

Международное значение некоторых основных черт и закономерностей революции в России явилось объективным источником их неизбежного повторения в историческом опыте грядущих революций. Специфика национальных условий вызывала видоизменение в осуществлении этих общих, повторяющихся черт, но сохранение их сущности оставалось требованием революционного процесса.

Идейный авторитет Великого Октября в международном рабочем движении базировался прежде всего на том, что мировой пролетариат видел в достижениях рабочего класса России начало перелома во всемирной истории, причем не только успех борьбы в национальном масштабе, но всемирно-исторические завоевания, первое воплощение теоретических идей социализма в сознательную практику пролетарской борьбы. Идеи марксизма- ленинизма были прочной основой революционной

---

[4] *Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 304.
[5] Там же. С. 304–305.
[6] Там же. С. 305.

практики. Рабочий класс, его партия отстаивали свое идейное оружие в непримиримой борьбе с оппортунизмом, отступничеством, ренегатством. Идейная твердость большевиков служила примером братским партиям.

Учение Ленина, практика Октября демонстрировали, вместе с тем, сочетание несокрушимой твердости и творческой гибкости в деятельности российских революционеров. Большевики умело видоизменяли и теоретический подход и практические решения с учетом конкретных объективных условий борьбы. Это обеспечивало гибкость тактики применительно к обстановке и, тем самым, возможность привлечения на сторону революционных решений разнообразных политических и общественных сил. Казалось бы, апеллирующая к крестьянству партия эсеров должна прочно удерживать его под своим влиянием, что неоднократно и подтверждалось. Однако Октябрь, решения Советской власти, прежде всего декрет о земле, обеспечили поддержку крестьянства и одетой в шинели крестьянской армии большевикам и сотрудничавшим с ними левым эсерам.

Всемирный отклик и сочувствие получила национальная программа Октября. Контрреволюционерам не удалось мобилизовать против большевиков ни трудящиеся массы капиталистических стран, ни народы бывшей царской империи. Многонациональное социалистическое государство оказалось прочным объединением, выдерживавшим испытания всех вооруженных и подрывных нападений против Октября.

Творческий гений Ленина, практика большевизма, триумф Октября подняли революционный дух и боеспособность рабочего класса всех стран, вызвали во многих из них революционный подъем. Как и предвидел Ленин, в Германии развернулись выступления за прекращение империалистической войны, возникли Советы. Революционный кризис привел к восстанию, охватившему почти всю страну. В начале ноября 1918 г. кайзеровская империя была сметена. Но германскому рабочему классу не хватало последовательного революционного руководства, успехи революции не были закреплены и развиты.

Революция разрушила и австро-венгерскую империю. На ее развалинах возникли самостоятельные национальные государства – Чехословакия, Югославия, Венгрия, Австрия. В январе 1918 г. поднялась пролетарская революция в Финляндии, независимость которой признала Советская Россия. Однако финская реакция с помощью германских милитаристов подавила эту революцию. На протяжении 1918 г. революционным путем устанавливалась Советская власть в Венгрии, Баварии, Словакии, но и здесь не смогла защитить себя от ударов внутренней и внешней контрреволюции.

Из стран-победительниц в империалистической войне наиболее грозная революционная волна поднялась в Италии. Она приняла форму

движения за создание фабрично-заводских Советов, причем рабочие занимали предприятия, а крестьяне земли крупных помещиков. Итальянские социалисты не оказались на высоте положения, не оценили и не развернули революционный почин масс. Борьба трудящихся потерпела неудачу. Господствующие классы Италии прибегли к услугам фашизма, установив на два десятилетия откровенную террористическую диктатуру.

Вдохновляя весь мир, страна Октября получала в ответ поддержку международного пролетариата. Контрреволюция, интервенты столкнулись с массовым движением «Руки прочь от Советской России!»

Дух Октября, опыт большевизма привели международное рабочее движение к созданию во многих странах коммунистических партий. Они испытывали потребность в органе всемирной пролетарской солидарности, боевого идейного и политического сотрудничества. Был создан III, Коммунистический Интернационал. Мудрое руководство Ленина сплотило братские партии в борьбе за ясные, научно определенные цели, вооружило их эффективными методами совместных действий.

С. Д. Мякушев

ПЕРВЫЕ НАГРАДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Прежде, чем мы обратимся к истории первых советских наград, следует сказать, что сам по себе институт наград уже много веков является непременным атрибутом любого государства и общества постольку, поскольку всякое государство и общество нуждается в поощрении своих членов. Поэтому обойтись без наград государство не может, хотя понятно, что в иерархии социальных институтов они занимают далеко не первое место.

Государственными же наградами мы называем такие формы поощрения, которые устанавливаются высшими властными органами или лицами – в монархиях. Награждение таковыми является прерогативой этих органов или лиц, которые, однако, достаточно часто наделяют правом награждения различные государственные институции.

Победивший пролетариат России и его авангард – партия большевиков, разумеется, строили свое государство не на пустом месте. История этого строительства хорошо изучена и не стоит ее здесь повторять, но все-таки почему же в Советском государстве возникновение и становление государственных наград оказалось отнесено течением истории на достаточно удаленный от революционных событий 1917 года период? Несомненно, что большевикам и их союзникам ничто не мешало использовать имевшийся институт российских государственных наград так же, как они использовали другие институты прежнего государства.

Нам представляется, что здесь сыграли свою роль три фактора. Первый очевиден – крутой революционный перелом в жизни государства не мог не изменить так же круто и сами основы существования института государственных наград. Вторым фактором была неприемлемость для недвусмысленно светского мировоззрения революционеров 1917 года архаичной символики прежних российских наград, покоящейся на сугубо религиозных началах.

Последний же фактор – состояние института российских государственных наград к октябрю 1917 года. Создается впечатление, что за восемь месяцев временные правители России сделали все для того, чтобы не только в глазах большевистских и левоэсеровских политиков, писавших декреты, но и в массовом сознании взявших власть в России рабочих и крестьян российские государственные награды оказались негодным старым хламом.

Ведь падение монархии и приход к власти буржуазии в Феврале 1917 года почти не повлияли на традиционную систему императорских и царских орденов и иных знаков отличия – основу российского института государственных наград[1]. По сути, она осталась нетронутой. Была, конечно, «косметическая» чистка внешнего вида орденских знаков и медалей – с орлов исчезли императорские короны, медали стали носить задом наперед, чтобы не демонстрировать портрет свергнутого императора. Соответственно, никуда не делся из системы государственных учреждений послефевральской России Капитул российских императорских и царских орденов, продолжая благополучно выполнять свои функции под сильно сокращенным названием – просто Капитул орденов.

В самодержавной России, кроме знаков отличия, в качестве поощрения выступали также чины и звания, в том числе придворные[2]. Понятно, что последние свое существование прекратили. Вместе с ними кануло в небытие и такая форма поощрения, как Высочайшее благоволение. А это была, пожалуй, одна из самых почетных наград Империи, удостоиться ее удавалось далеко не всем.

По-серьезнее была реформирована наградная политика. Временное правительство уже 7/20 апреля 1917 г. фактически полностью прекратило награждение орденами и медалями гражданских лиц. Нет, упаси Боже, все было сделано по-демократически, просто ликвидировался Комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах[3]. За отсутствием Комитета не стало и награждений, потому что поводом для основной их массы в Российской империи была вообще-то элементарная выслуга лет. Поэтому раздававшиеся штатским чиновникам высшие ордена со звездами и широкими муаровыми лентами через плечо, и без того нечастые по определению, в Российской Республике просто «заснули». А в августе 1917 года Министерство юстиции вознамерилось было полностью отменить все гражданские чины, ордена (в смысле –

---

[1] Об изменениях, произошедших в орденской системе в 1917 г., см., например: *Кузнецов А. А.* Ордена и медали России. – М., 1985. – С.157, 159, 160.

[2] Система титулов и чинов царской России подробно описана. См.: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. – М., 1991.

[3] Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып.1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. – Пг., 1917. – С.143.

награждения за гражданскую службу) и другие знаки отличия, даже проект постановления отпечатало, но сделать ничего не сделало[4].

В отношении военных наград «реформы» пошли иным путем. Решено было награждать орденом Св. Георгия IV степени нижних чинов в том случае, если они в бою заменили офицера. Офицеров же, напротив, можно было по приговору общего собрания подразделения наградить солдатским Георгиевским крестом IV степени. Такие награды выделялись особым отличительным знаком[5].

По форме это выглядело как отказ от краеугольного камня имперской наградной системы – сословных разграничений, что позволило многим пишущим о российских наградах оценить эту «реформу» как вполне себе демократическую, революционную. Думается, что это не так.

С одной стороны, до Февраля наградить нижнего чина любым орденом было вообще невозможно – это граничило со святотатством. Куда проще было произвести храбреца в первый офицерский чин. На таком-то фоне брусиловская «реформа» не могла не выглядеть образцом демократизма. Но ведь все прочие-то ордена и при таком разгуле демократии по-прежнему продолжали раздаваться только офицерам... Так что от сословного принципа наградной системы Российская Республика вовсе не отказалась.

С другой стороны, выбор ордена Св. Георгия (причем только одной, низшей степени) для награждения солдат и унтер-офицеров, как нетрудно догадаться, в глазах основной массы фронтовых офицеров должен был неминуемо представать каким-то кощунством – им-то самим этот орден доставался редко. За годы германской войны в Действующей Армии было более трехсот тысяч офицеров, многие имели по четыре-пять боевых наград. А вот орденом Св.Георгия IV степени было награждено всего-то 3500 человек – около одного процента[6]. Возможно, это было результатом особо придирчивого подхода Георгиевских дум к оценке геройских заслуг представленных офицеров и вообще следствием высокого статуса этого ордена. Хотя вполне походит и другое объяснение – просто было еще три ордена (Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира), наградить которыми было попроще.

Во всяком случае, широкого распространения нововведение Брусилова не получило. Так как внятного очерка наградной практики между Февралем и Октябрем с анализом количества и состава награждённых различными наградами по сей час нет, судить по отрывочным упоми-

---

[4] *Шепелев Л. Е.* Указ.соч. – С.216.

[5] Приказ об этом подписал 29 июня 1917 г. Верховный Главнокомандующий А. А. Брусилов (см.: *Дуров В. А.* Ордена России. – М., 1996. – С.51)

[6] *Кузнецов А. А.* Указ.соч. – С.59.

наниям о наградной практике в воспоминаниях об этом времени трудно, даже обобщенные выводы сделать нельзя.

Но результат-то налицо: Октябрьская революция безжалостно уничтожила все награды. Их ликвидация не заслужила даже отдельного декрета Совнаркома и оставила впечатление мероприятия по уборке помещения от всего ненужного мусора[7]. Таким же мимоходом исчез и Капитул орденов – распоряжением Наркомата имуществ. Процесс распада завершился…

Ныне многие рассуждают о России, «которую мы потеряли». В таком контексте, конечно, можно рассуждать о возможности сохранения старых государственных наград после Октября. Но мы полагаем, что вероятность этого была ничтожной. Любое отделившее себя от церкви светское государство, тем более рабоче-крестьянское, в принципе не может иметь святых патронов для государственных наград.

Итак, после Октября в Советской России никаких наград и не стало. Однако уже летом 1918 года иностранная военная интервенция и разгоравшаяся Гражданская война заставили о них вспомнить.

За отсутствием привычных знаков отличия изобретались какие-то новые, весьма своеобразные формы. Известно, например, что будущий генерал армии И. Р. Апанасенко был примерно в этот период удостоен красной ленты через плечо с надписью «Борцу за коммунизм И. Р. Апанасенко от бойцов 4-го к. п. и населения с. Тахты»[8]. Мелькали суждения о потребности в наградах, не слишком, правда, частые, и в периодической печати лета 1918 года.

Но следов каких-то разработок вопроса о наградах, обоснований учреждения новых советских наград в документах высших законодательных и исполнительных органов Советской власти в этот период пока не найдено. Поэтому издание 3 августа 1918 года приказа Народного комиссариата по военным делам № 608, гласившего: «Объявляется для сведения всех сражающихся за укрепление завоеваний революции и социалистического строя, что наиболее отличившимся полкам и ротам будут дарованы в качестве боевой награды от Российской Федеративной Советской Республики особые знамена Революции»[9], на первый взгляд выглядит как спонтанный акт.

На самом деле этот шаг был закономерен. Во-первых, Советское государство уже определилось с собственной государственной символикой, хотя избранные символы были преимущественно международные. Красное Знамя, под которым русские пролетарии сражались на баррикадах

---

[7] Декреты Советской власти. Т.1. – М., 1957. С.242–243.

[8] *Лысенко А. Я.* Иосиф Апанасенко. – Ставрополь, 1987. – С.134.

[9] См.: Боевые подвиги частей Красной Армии (1918–1922 гг.). Сб.док. – М., 1957. – С.3.

Пресни в 1905 году и штурмовали Зимний дворец в 1917 году, было знаменем борьбы рабочих во всем мире. Оно стало Государственным флагом РСФСР. «Интернационал», певшийся рабочими социал-демократами по всему свету, стал Государственным гимном Советской Республики. Русской по происхождению была эмблема союза трудящихся – Серп и Молот, ставшая главным элементом Государственного герба РСФСР. Красная Армия и создавалась, и сражалась под красными знаменами. Поэтому награда для нее не могла быть иной.

Во-вторых, летом 1918 года РСФСР уже была воюющим государством, кровопролитные бои с белыми и интервентами уже шли на Севере, Юге и Востоке. Очень скоро Советская Россия окажется в сплошном кольце фронтов. В РСФСР в 1918 году могла быть учреждена только боевая награда.

И, наконец, не мог не быть другим выбор формы первого государственного знака отличия. Знамя вообще есть символ воинского коллектива. Советское же государство одним из главным принципов своей жизни избрало коллективизм – как в бою, так и в труде. Поэтому первой государственной наградой стал знак отличия для целых воинских частей.

В истории советских государственных наград эти «особые знамена Революции» известны как Почетные Революционные Красные Знамена ВЦИК. Впрочем, так они были названы только в специальном постановлении Президиума ВЦИК, принятом более чем через полтора года, 18 марта 1920 г.[10]. А в 1918 году существование первой советской государственной награды было официально закреплено уже 2 сентября 1918 г., когда третье заседание ВЦИК V созыва приняло предложение Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова об установлении знаков отличия для воинских частей[11].

Но на том же заседании члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принципиально одобрили и учреждение персональных знаков отличия. Правда, после весьма бурного обсуждения. Тут же была, само собой разумеется, создана и комиссия по подготовке проекта соответствующего декрета. Он был готов очень быстро и всего лишь через две недели, 16 сентября 1918 года, декретом ВЦИК «О знаках отличия» был учрежден первый советский орден – Красного Знамени[12].

Согласно этому акту право награждения принадлежало первоначально только ВЦИК и его Президиуму, но уже 25 октября 1918 года в

---

[10] Декреты Советской власти. Т.VII. – М., 1974. – С.572.

[11] Пятый созыв ВЦИК: Стенографический отчет. – М., 1919. – С.119.

[12] Декреты Советской власти. Т.III. – М., 1964. – С.348–349. Об истории создания и самого ордена, и его знака подробно см: Стрекалов Н., Сысолятин И. Награды советских республик. – М., 2012.

целях ускорения процесса награждения оно было предоставлено Революционному Военному Совету Республики[13].

Описывать знак ордена Красного Знамени мы не будем, потому что он просуществовал практически в неизменном виде вплоть до 1991 года и всем хорошо знаком. Следует лишь заметить, что символика знака новой государственной награды отражала как основные государственные эмблемы РСФСР, так и тогдашнюю эмблему Красной Армии – Красную Звезду с плугом и молотом[14]. Сверх того на знаке был помещен девиз – всемирный лозунг коммунистов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (декрет ВЦИК о девизе не упоминает, потому что из-за очевидного отсутствия согласованного проекта он не содержал описания рисунка знака ордена).

8 августа 1919 года Президиум ВЦИК впервые наградил так называемым «золотым» оружием – шашкой, к эфесу которой был прикреплен знак ордена Красного Знамени. Точно так же, как и Почетное Революционное Красное Знамя ВЦИК, законодательно новая награда была оформлена гораздо позже, 8 апреля 1920 года, когда был принят специальный декрет ВЦИК[15]. Чувствуется, что готовился он в Реввоенсовете Республики основательно. Начать с того, что награда сама по себе этим декретом и не учреждалась. Второе: в декрете было дано официальное название награды как «Почетного революционного оружия». Декрет также установил, что награда «присуждается за особые боевые отличия, оказанные высшими начальствующими лицами в действующей армии». Наконец, оружие так же официально получило две ипостаси – шашку для сухопутных военачальников и кортик для флотских. Последних, впрочем, ни разу не награждали, поэтому кортиков со знаком ордена Красного Знамени никогда не существовало.

5 января 1921 г. Президиум ВЦИК, наградив уже имевших холодное Почетное оружие Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики С. С. Каменева и командующего 1-й Конной армией С. М. Буденного огнестрельным Почетным революционным оружием (маузерами), де-факто установил еще одну, высшую степень этой награды[16].

---

[13] Декреты Советской власти. Т.III. – С.349.

[14] Современные авторы обычно негодуют по поводу изображения двух молотов на знаке ордена Красного Знамени. С учетом реалий 1918 года все представляется нам вполне логичным: это символы двух разных эмблем. Одна из них – Серп и Молот, – помещена на знак в первозданном виде, вторая – Красная Звезда с плугом и молотом, – композиционно разъята на три составные части, к которым для равновесия добавлен еще и винтовочный штык.

[15] Декреты Советской власти. Т.VIII. – М., 1976. – С.18–19.

[16] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.Р-1235. Оп.38. Д.91. Л.8.

Эти три награды – орден, оружие и знамя, – явились основой государственной наградной системы РСФСР периода Гражданской войны. Специальный государственный орган типа дореволюционного Капитула при этом не создавался. Поскольку все государственные награды были боевыми, ими преимущественно занимались в центральном военном аппарате управления. По букве законодательства делопроизводство по ним вел Всероссийский Главный штаб, реально значительная часть документов о награждениях орденом Красного Знамени оказалась в архивных фондах десятков других органов военного командования и управления. Документы по тем не очень многочисленным награждениям боевыми наградами, которые производились непосредственно Президиумом ВЦИК, во Всероглавштаб не передавались, а оставались в делопроизводстве ВЦИК.

Вырабатывались в военной среде и критерии наградной политики. Так, Административный отдел штаба Западного фронта уже в феврале 1919 года сообщил во все соединения фронта, что «необходим самый тщательный отбор, чтобы случайные лица не получили награду. Орден Красного Знамени может быть присуждаем только за отличие [в] бою, причем не за случайные отличия, а за отличия, связанные вообще с хорошей, добросовестной и мужественной боевой работой.»[17]. Нельзя сказать, что этим взглядам на наградную деятельность следовали все поголовно, но сама редкость награждений орденом Красного Знамени в годы Гражданской войны свидетельствует о том, что они разделялись многими. По крайней мере, через пару месяцев, 29 апреля 1919 года, Реввоенсовету Республики пришлось издать специальный циркуляр, в котором отмечалась «революционная суровость» в вопросах награждения орденом Красного Знамени и предписывалось не оставлять отличившихся в боях без вознаграждения[18].

До революции в условиях войны военное командование разных степеней имело право присуждения орденов, крестов и медалей. Часть таких присуждений утверждалась вышестоящим военным командованием, а для орденов требовалось высочайшее утверждение. Только тогда награждение становилось полностью легитимным. В РСФСР в годы Гражданской войны наградная деятельность была децентрализована точно так же: орден Красного Знамени мог быть присужден приказом на армейском или фронтовом (окружном) уровнях, а то и ниже. При этом требовалось утверждение этого акта высшей инстанцией. Правда, знаки ордена Красного Знамени вручались награжденным сразу же после издания приказа о его присуждении.

[17] РГВА. Ф.104. Оп.5. Д.347. Л.23.

[18] Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф.4. Оп.3. Д.218. Д.2.

Права Реввоенсовета Республики были значительно шире, он не только мог награждать всеми тремя знаками отличия, но и утверждал присуждения ордена Красного Знамени, сделанные нижестоящими Реввоенсоветами. Разумеется, награждения государственными наградами РСФСР, произведенные ВЦИК, в приказах РВСР могли только объявляться.

Известен случай, когда «почетными знаменами Революции» отличившиеся в боях на Украине две стрелковые дивизии – 45-я и 58-я, – были награждены не ВЦИКом и не Реввоенсоветом Республики, а постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны[19]. Одновременно по уже установившейся традиции личный состав всей группы войск был отмечен денежной наградой в размере месячного оклада содержания.

Нельзя не отметить, что некоторая часть награждений орденом Красного Знамени и Почетным Революционным Красным Знаменем ВЦИК осуществлялась по усмотрению отдельных высокопоставленных государственных и военных деятелей. При своих поездках во фронтовую полосу и Председатель ВЦИК М. И. Калинин, и Председатель РВС Республики Л. Д. Троцкий своей властью вручали и ордена, и знамена отличившимся красноармейцам и командирам, а также целым частям, выдавая им одновременно грамоты ВЦИК о награждении. Примеру больших начальников следовали и начальники рангом пониже. В практике работы некоторых реввоенсоветов отмечались раздачи знаков ордена Красного Знамени без оформления их приказом по фронту или армии.

В результате процесс утверждения присуждений ордена Красного Знамени в годы Гражданской войны растянулся аж до середины 30-х годов. Как это не прискорбно, но по сей день точная цифра награждений и орденом Красного Знамени, и Почетным Революционным Красным Знаменем ВЦИК остается неизвестной.

Следует сказать также, что твердых представлений о том, какую терминологию следует применять в декретах, в головах советских законодателей поначалу еще не было. Декрет ВЦИК от 30 апреля 1919 г.[20] начинался словами: «Орден Красного Знамени может быть присуждаем войсковым частям Красной Армии…». Далее устанавливалось, что «право присуждения и утверждения ордена Красного Знамени войсковым частям… принадлежит Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету». Зачем ВЦИК было присуждать орден, если он же им и награждал? Можно подумать, что Л. П. Серебряков с А. С. Енукидзе, подписавшие декрет, предполагали еще какую-то утверждающую инстанцию. Но выше ВЦИК был только Всероссийский съезд Советов, а в практике работы съездов никакого утверждения присуждений ордена Красного

[19] Ленинский сборник. XXXIV. – М.: Госполитиздат, 1942. – С. 221.
[20] Декреты Советской власти. – Т.V. – М., 1971. – С. 132–133.

Знамени войсковым частям (и вообще кому-либо еще) никогда не было. Более того, одновременно, без внесения каких-то дополнений в текст упомянутого декрета, было принято еще одно «Отдельное постановление Президиума ВЦИК о порядке присуждения ордена Красного Знамени войсковым частям», которым было опять таки установлено: «Правом присуждения и утверждения ордена Красного Знамени пользуется кроме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета также и Революционный военный совет Республики»[21].

Никакой видимой связи с дореволюционными наградами вновь возникшая советская наградная система вроде бы не имела. Напротив, развивалась новая, советская наградная традиция. В конце 1920 года, после ликвидации основных белых очагов сопротивления в Европейской России, РСФСР наконец получила возможность мирного строительства. Тут же по образцу и подобию боевого ордена Красного Знамени был учрежден еще один советский орден – Трудового Красного Знамени, о котором пойдет речь ниже.

Поговорим подробнее о традициях. Как известно, они обладают исключительной силой. Советская Россия вроде бы начала строительство своей наградной системы с чистого листа и непосредственной связи между ней и императорскими наградами не было и быть не могло. Но вот опосредованно они были связаны, что подтверждает даже поверхностный анализ.

Сами конкретные формы боевых наград РСФСР полностью соответствовали основным формам Георгиевского комплекса наград Российской империи, в начале XX века включавшего в себя Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия четырех степеней – единственный российский орден, в названии которого было указано, что он «военный», Георгиевское оружие – шашку или кортик с вызолоченным эфесом и знаком ордена Св. Георгия (обе эти награды предназначались, естественно, только офицерам и генералам), а также коллективную награду для воинских частей – Георгиевское знамя. Существовали и иные формы коллективных Георгиевских наград, для сегодняшнего дня, прямо скажем, экзотические, типа серебряных труб для полковых оркестров.

«Под» орденом Св. Георгия существовали награды для нижних чинов – Георгиевский крест четырех степеней, до 1913 года официально именовавшийся Знаком отличия Военного ордена, и Георгиевская медаль тоже четырех степеней, до 1913 года называвшаяся медалью «За храбрость». Эти солдатские и унтер-офицерские награды объединял с орденом как черно-оранжевый цвет лент, так и то, что все Георгиевские награды

[21] Там же. – С. 133.

выдавались исключительно за личное (или коллективное) мужество непосредственно в бою, с видимой опасностью для жизни. А любой другой российский орден, за исключением, пожалуй, только известной «клюквы» – ордена Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость», можно было получить и за военную, и за гражданскую службу[22].

Но ведь советские боевые награды точно так же отмечали «особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». Неизбежным поэтому было сближение в сознании людей представлений о наградах советских, с новой революционной символикой, вроде бы ничем не связанным с прошлым, и наградах старых, хорошо известных и привычных.

Скажем больше. Изначальный выбор **именно таких, а не каких-либо других конкретных форм боевых наград** РСФСР, представляется вполне обусловленным самим фактом многолетнего существования в России точно таких же форм Георгиевских наград. Да, старая форма наполнялась новым содержанием, но глубинный пласт представлений о боевой награде как таковой, как нам кажется, при этом оставался нетронутым. Просто новая реальность отражалась в новых внешних признаках – символике, девизе и даже способе ношения знака ордена Красного Знамени.

Как известно, рядовой и командный состав Красной Армии состоял из бывших солдат, унтер-офицеров, офицеров и генералов старой армии. Их привычные предпочтения неизбежно способствовали распространению таких представлений и без большой натяжки можно предположить, что штатские люди, включая даже профессиональных революционеров, тоже образ боевой награды представляли себе так же.

Так, повсюду, включая вполне официальные документы, Почетное Революционное оружие со знаком ордена Красного Знамени называли так же, как и прежнее Георгиевское – «золотым». Эта привычка настолько укоренилась, что даже в день утверждения Президиумом ВЦИК декрета «О награждении лиц высшего комсостава Рабоче-Крестьянской Красной Армии Почетным Революционным оружием» командарм И. П. Уборевич был награжден... «высшей боевой наградой – почетным золотым оружием»[23].

Четырехстепенность личных Георгиевских наград автоматически переносилась на орден Красного Знамени. Те очень немногие герои, которые были четырежды награждены орденом, считались, судя по всему, «полными» кавалерами ордена, потому что даже в 1930 году

---

[22] Подробнее о Георгиевских наградах и ордене Св.Анны см.указ.соч. В. А. Дурова, А. А. Кузнецова и т. д.

[23] ГА РФ. Ф.Р-1235. Оп.37. Д.5. Л.97.

В. К. Блюхер и С. С. Вострецов, уже имевшие по четыре ордена Красного Знамени, за разгром белокитайцев на КВЖД были отмечены другими, хотя тоже очень почетными наградами: В. К. Блюхер – первым орденом Красной Звезды, а С. С. Вострецов – Почетным революционным оружием со знаком ордена Красного Знамени. Все прочие отличившиеся в боях на КВЖД получили орден Красного Знамени: в третий раз, как К. К. Рокоссовский и другие, в четвертый раз, как А. Я. Лапин. Этот ограничитель из сознания военных людей был стерт, кажется, лишь Великой Отечественной войной.

Более того, в 1919 году попытались было установить четыре степени ордена Красного Знамени взамен введения повторного награждения. Это было инициативой военных, в головах которых, наверное, сама мысль о возможности повторного награждения одинаковым орденом еще не укладывалась[24]. Такие головы встречались на всех уровнях. Какой-то совершенно безвестный писарь военно-политических курсов политотдела 11-й стрелковой Петроградской дивизии даже в феврале 1922 года составлял ведомость о «георгиевских кавалерах красного знамени»[25]. А бывший полковник старой армии и Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики И. И. Вацетис, предлагая в 1919 году ввести для краснознаменцев пенсионные льготы, спокойно сравнивал орден Красного Знамени с орденом Св. Георгия.

Следует жирно подчеркнуть: традиционные представления отражались лишь во внешних и формальных признаках, никак не проявляясь в главном. Как бы ни влиятельна была традиция, но в Советской России был незыблем главнейший принцип, коренным образом отличающий и намертво разделяющий дореволюционную и советскую государственные наградные системы, а именно – равенство награды. Орден Красного Знамени присуждался всем гражданам РСФСР без каких-либо изъятий и ограничений. В результате среди краснознаменцев Гражданской войны есть и командармы, и ездовые, и крестьяне, и бывшие дворяне, и большевики с опытом всех трех революций, и бывшие белые офицеры, сдавшиеся в плен Красной Армии только в 1920 году.

Впрочем, при всей своей силе традиции отнюдь не всегда воплощались в наградной практике РСФСР беспрепятственно. Помимо уже упомянутой попытки ввести четыре степени ордена Красного Знамени, Президиумом ВЦИК был отклонен и подготовленный теми же военными людьми в 1920 году проект подробнейшего статута ордена Красного Знамени, состоявшего из 133 статей с довольно подробным описанием всех мыслимых заслуг награждаемых орденом. Понятно, что члены

[24] Там же. Оп.36. Д.56. Л.1.
[25] РГВА. Ф.1223. Оп.2. Д.538. Л.44.

Президиума ВЦИК (В. А. Аванесов, П. Г. Смидович, М. Ф. Владимирский) без особого труда усмотрели в проекте источник заимствования – Георгиевский статут, обвинив авторов проекта и в казенщине, и в излишней регламентации[26].

На устойчивость традиционных представлений о боевом ордене серьезно влияло, на наш взгляд, еще одно обстоятельство. В годы Гражданской войны ситуация в наградном деле РСФСР по сравнению с предреволюционными годами изменилась качественно. Тогда в военное время действовала разветвленная наградная система личных знаков отличия – орденов, крестов и медалей, отвечавшая социальным реалиям Российской империи. Для русского офицерского корпуса, начиная с прапорщика и заканчивая полным генералом, на фронте были доступны (ну, может быть, отчасти и теоретически) восемнадцать орденов семи наименований, не считая Георгиевского оружия, бриллиантов, а также мечей к знакам орденов, полученным ранее. Бесспорным лидером этого изобилия был орден Св.Георгия. Даже нижние чины могли за храбрость получить целых восемь Георгиевских наград – четыре креста и четыре медали.

А вот орден Красного Знамени был единственной личной государственной наградой РСФСР. Почетным революционным оружием награждали в Гражданскую войну крайне скупо[27]. При этом орден стал вершинным элементом всей наградной системы в Советской России. А главный ее массив складывался из других наград, в подавляющем своем большинстве ценных подарков и оружия. Известно, что некоторые подарки, прежде всего часы и портсигары из драгоценных металлов, выдавались на фронте от имени ВЦИК, хотя в его постановлениях это чаще всего никак и не отражалось. Было широко распространено награждение ценными подарками и знаменами от имени местных советских органов. Очень широко использовалось в скудные годы Гражданской войны награждение одеждой: и дорогими кожаными костюмами, и небезызвестными «красными революционными шароварами».

Следует отметить, что, помимо ценных подарков, для награждения на государственном уровне использовались и обычные деньги – но как коллективная награда. Чаще всего в этом качестве их использовал уже упоминашийся нами высший чрезвычайный орган Республики – Совет

---

[26] ГА РФ. Ф.Р-1235. Оп.95. Д.66. Л.53.

[27] За годы Гражданской войны холодным оружием было награждено всего лишь 20 чел., а огнестрельным и вовсе только двое. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. – М., 1987. – С. 476. Таким образом, Почетное революционное оружие стало исключительно редкой наградой, в отличие от относительно доступного дореволюционного георгиевского аналога.

Рабоче-Крестьянской Обороны (обычно именовавшийся просто Советом Обороны), возглавлявшийся В. И. Лениным. Формулировки постановлений Совета не оставляют никаких сомнений, что деньгами (обычно – одним или двумя окладами) военнослужащие и трудовые коллективы награждались за боевой и трудовой героизм[28].

На таком фоне в силу самой природы знака отличия, а также благодаря прочно укоренившимся представлениям об ордене как высшей форме награды, орден Красного Знамени, оставаясь, безусловно, доступным в принципе каждому, неизбежно должен был стать исключительной наградой.

Что и произошло. Считается, что за всю Гражданскую войну орденом Красного Знамени было награждено, в том числе посмертно, около 15 тысяч человек[29]. Численность же Действующей Красной Армии составляла на 1 ноября 1920 года, когда еще не был разбит Врангель, 2 миллиона 436 тысяч человек[30]. Стало быть, в разгар боев один краснознаменец приходился, скорее всего, не на одну тысячу фронтовиков.

После окончания активных боевых действий Гражданской войны на основной территории РСФСР в наградной политике произошли некоторые изменения. Среди награжденных все чаще встречаются имена чекистов, милиционеров, чоновцев, сражавшиеся бок о бок с красноармейскими частями в боях с разнообразными повстанческими движениями и просто бандами. В 1919–1920 гг. награждений за героизм на «внутреннем» фронте практически не было.

Завершая рассказ о боевых наградах РСФСР, нельзя не отметить, что в истории советских государственных наград орден Красного Знамени РСФСР занимает совершенно особое положение. И не только потому, что он был первым. Оказывается, что орден являлся не только российской наградой.

Во-первых, им уже с 1923 года начал награждать Реввоенсовет Союза ССР. Знаки ордена РСФСР вручались лицам, награждавшимся вплоть до 1933 года. Т. е. провести какую-то разграничительную черту между наградной практикой РСФСР и СССР довольно сложно. Более

---

[28] См., например, постановление от 23 июля 1919 г. о награждении красноармейцев и командного состава частей 4-й армии за двухмесячную оборону Уральска жалованием в размере трех месяцев за каждый месяц осады (Ленинский сборник. XXXIV. – М.: Госполитиздат, 1942. – С. 199–200), а также постановление от 27 февраля 1920 г. о награждении рабочих, служащих и технического персонала за восстановление на 2 месяца раньше срока моста через р. Каму у г. Перми (Там же. – С. 270). Как свидетельствует перечень постановлений Совета Обороны, в 1919–1920 гг. такие денежные награждения были обычным явлением (см.: Ленинские декреты 1917–1922: Библиография. – М.: Известия, 1974).

[29] *Полев Н.* Десятилетие ордена Красного Знамени // Красная Звезда. – 1928. – 16 сент.

[30] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М., 1983. С. 296.

того, известно, что начиная с 1921 года и до 1924 года орденом Красного Знамени РСФСР достаточно активно награждал Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет. Известно также, что боевым орденом РСФСР награждало своих бойцов командование Народно-Революционной Армии Дальне-Восточной Республики. Попадаются в литературе и архивных документах неясные упоминания о награждениях орденом Красного Знамени РСФСР и в иных советских республиках.

Таким образом, в условиях военного союза РСФСР и братских советских (и, как буферная ДВР, не совсем советских) республик орден Красного Знамени РСФСР выступал фактически в качестве общей награды. А затем стал и общесоюзным орденом, причем его знак впоследствии послужил основой для знака союзного ордена Красного Знамени. Знаки ордена Красного Знамени РСФСР без каких-либо условий приравнивались к знакам ордена Союза ССР.

Не успели еще отгреметь бои Гражданской войны, как в Москве в декабре 1920 года собрался VIII Всероссийский съезд Советов. Он наметил основные пути развития Советской России в период мирного строительства. Переход от войны к миру совершался в тяжелейших условиях полной разрухи народного хозяйства и не случайно В. И. Ленин в своем выступлении на съезде назвал восстановление промышленности, сельского хозяйства, транспорта «хозяйственным фронтом»[31].

Стоит ли удивляться, что награда, учрежденная съездом, получила название ордена Трудового Красного Знамени? В тех условиях нельзя было не приравнять героизм в боях героизму в труде. Орден учреждался «в целях отличия перед всей Республикой Советов тех групп трудящихся и отдельных граждан, которые проявили особую самоотверженность, инициативу, трудолюбие и организованность в разрешении хозяйственных задач»[32]. Проект постановления был предложен вниманию делегатов в докладе заместителя Председателя Совнаркома РСФСР А. И. Рыкова по хозяйственному строительству и принят большинством голосов на утреннем заседании съезда 28 декабря 1920 года[33].

Нельзя не отметить, что при учреждении трудового ордена целиком и полностью была задействована новая, советская традиция, отразившаяся не только в символике награды, но и в правовой основе ее применения. На первом месте в постановлении упомянуты коллективы трудящихся. И лишь потом – отдельные граждане…

То есть орден Трудового Красного Знамени РСФСР рассматривался как преимущественно коллективная награда. Однако В. И. Ленин, вы-

---

[31] *Ленин В. И.* Полн.собр.соч. – Т.42. – С.137.

[32] Восьмой Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских Красноармейских и Казачьих Депутатов: Стенографический отчет (22–29 декабря 1920 года). – М., 1921. – С.276.

[33] Там же. – С.190, 193.

ступая 27 декабря 1920 года на заседании фракции РКП(б) съезда с докладом о дополнениях к законопроекту Совнаркома «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» и говоря о невозможности использования для поощрения крестьян орудий производства, сказал следующее: «Мы говорим; «Давайте отдельным хозяевам только предметы потребления и домашнего обихода и, конечно, знаки отличия». Тут вами уже принят орден Трудового Красного Знамени»[34]. Нельзя не признать, что Владимир Ильич был очень прагматичным политиком и, скорее всего, интуитивно чувствовал, что орден как знак отличия должен быть доступен. Недаром несколько позже он снова подчеркнул: «…всякий успех в деле подъема хозяйства должен, в частности, более регулярно вознаграждаться как орденом трудового знамени, так и денежными премиями»[35].

Увы, к мнению Владимира Ильича не прислушались и орденом Трудового Красного Знамени РСФСР за все время его существования было награждено немногим более сотни человек…

В дальнейшем орден Трудового Красного Знамени РСФСР стал единственной государственной наградой союзной республики, официально обменивавшейся на орден Трудового Красного Знамени Союза ССР.

Традиции наградного дела Советской России уже с 1920 года активно использовались советскими республиками, Точно так же называли свои боевые или трудовые награды в Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Грузинской, Таджикской, Туркменской, Узбекской, Украинской советских республиках, Закавказской Федерации. Точно так же центральное место на знаках республиканских орденов занимало Красное Знамя.

В Бухарской Народной Советской Республике – единственной, которая имела наградные традиции еще со времен эмирата, – награда называлась орденом Красной Звезды (одновременно применялись и другие названия: орден Красного Полумесяца, Революционный знак военного отличия) и имела три степени. Хорезмская Народная Советская Республика поначалу имела Красный военный орден и орден Труда, а с провозглашением социалистической установила ордена Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

Родоначальниками этой обширной системы государственных наград были ордена Советской России. Они же стали и предшественниками орденов Красного Знамени и Трудового Красного Знамени Союза ССР...

Парадоксально, но при той редкости награждений советским орденами, которая была присуща первому периоду их существования, ос-

[34] *Ленин В. И.* Полн.собр.соч. – Т.42. – С.189.
[35] Там же. – Т.44. – С.334.

вещение их в прессе и популяризация имен награжденных, казалось бы, должно принять огромный размах, однако ни официальной публикации наградных актов, ни массового печатания очерков о награжденных в периодике первых лет Советской власти нет. Да, короткие строки в газетной хронике, конечно, имели место, но имена большинства награжденных – и боевыми, и трудовыми орденами РСФСР и других советских республик, – и поныне остаются неизвестными их потомкам.

Вместе с тем значение, которое придавалось государственным наградам в складывавшейся правовой системе Советского государства, было исключительно большим. Достаточно сказать, что награждение орденом оказалось в те годы объектом конституционного права. Так было, например, в первой Конституции Советской Социалистической Республики Армении, принятой первым Съездом Советов[36]. Правда, твердого представления о том, каким же должен быть алгоритм наградной деятельности, в советском праве все таки еще не было и те же армяне записали в своей Конституции что-то не вполне вразумительное: Президиум ЦИК «обсуждает вопросы… награждения орденом боевого Красного Знамени». О том, какой же орган власти принимает окончательные решения о награждении, Конституция ССРА 1921 года, увы, умалчивает.

Подводя итоги, нужно сказать и о том, что называть полноценной наградную систему первых лет Советской власти все же не стоит. Тогда она лишь складывалась. Однако, начав формироваться в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции как исключительно военная, система уже в первой половине 20-х гг., развиваясь на базе собственных традиций, расширилась за счет таких же форм государственных наград за трудовые заслуги.

При этом система складывалась сразу как многоуровневая, включавшая в себя награды и советских республик, и региональных Советов или революционных комитетов, и государственных ведомств, и общественных организаций (поначалу прежде всего профессиональных союзов).

С развитием и укреплением Советского государства, особенно после образования Союза Советских Социалистических Республик, объективный рост потребностей общества в расширении средств и способов поощрения обусловил нарастающую интенсивность развития наградной системы государства. Она активно прирастала новыми формами наград, вовлекала в результате грамотной наградной политики в сферу своего функционирования новые социальные слои советского общества, становясь все более и более всеохватной. Межвоенный период ее сущест-

[36] Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении (Сборник документов). – Ереван: Айпетрат, 1957. – С.605.

вования характеризуется возрастанием роли партии в обсуждении и решении наградных вопросов. Конечно, не все было гладко, не обходилось и без ошибок.

Новый этап развития советской наградной системы пришелся на годы Великой Отечественной войны. Достаточно интенсивно она развивалась и в послевоенные десятилетия. К сожалению, в эти годы все большее влияние на наградную политику стал оказывать человеческий фактор, государственные награды теряли свое стимулирующее влияние на жизнь общества.

Для нас важно, что, несмотря на перекосы и искажения, в основе этого поступательного движения все годы существования Советской власти лежали принципы наградного дела, заложенные в первые послереволюционные годы, бережно сохранялись традиции первых советских государственных наград.

Г. А. Малютин

ПОЛЯКИ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В то время, когда авангард польского рабочего класса, действовавший в самой Польше, все явственнее отдавал себе отчет в приближении революции, та часть этого авангарда, которая находилась в России, решительно шла вместе с большевиками по пути подготовки социалистической революции.

Русские и польские революционеры почти всегда шли рука об руку. Деятельность российских социал-демократов практически нельзя отделить от польских соратников. И во время Октябрьской революции они неизбежно оказались рядом.

Польские социал-демократы в России полностью поддержали выработанный Лениным и одобренный VI съездом большевистской партии (происходившим в полулегальных условиях в Петрограде 26 июля – 3 августа 1917 г.) курс на вооруженное восстание в целях осуществления социалистической революции.

На съезде Ст. Бобиньским было оглашено приветствие от польских социал-демократов. Подчеркивалось, что СДКПиЛ, будучи автономной частью РСДРП, издавна поддерживала большевистское крыло партии. Съезд, демонстрируя признание нерушимости единства польских социал-демократов с большевиками, избрал в состав ЦК Ф. Э. Дзержинского. 6 августа Дзержинский был избран в образованный из 5 человек Секретариат ЦК партии большевиков. После VI съезда партии вся деятельность, все усилия польских социал-демократов в России были направлены на осуществление выдвинутых съездом задач, на дальнейшее сплочение всех находившихся в России польских трудящихся под знаменами русско-польского революционного единства, совместной борьбы за победу революции. Особые задачи на польскую социал-демократию накладывало то, что вслед за русской контрреволюцией попытались перейти в наступление и польская контрреволюция. Ее политический и военный центры в России – Совет польского межпартийного объединения

и Главный польский военный комитет (Начполь) при поддержке Временного правительства и антантовских миссий форсировали создание польских вооруженных сил. По приказу нового верховного главнокомандующего русской армией генерала Л. Г. Корнилова 24 июля было положено начало формированию 1-го Польского корпуса, командование которым было поручено царскому генералу Ю. Довбор-Мусницкому[1].

В условиях обострявшейся внутриполитической обстановки в России польские социал-демократы клеймили преследование В. И. Ленина Временным правительством, активно поддерживали огромную идейно-политическую и организаторскую деятельность большевиков, направленную на сплочение под руководством пролетариата политической армии революции. Одна за другой группы СДКПиЛ принимали решения, выдержанные в духе резолюций VI съезда большевистской партии, в которых указывалось созревание условий для штурма пролетариатом и деревенской беднотой власти капитала. Дело борьбы за социалистическую революцию в России польские социал-демократы никогда не отрывали от революционных и патриотических задач в отношении своей родины.Они считали, что только поддержка большевиков может привести к победе революции.

Как и ранее, непонимание обстановки характеризовало линию руководства ППС-левицы в России: оно не только продолжало идти вместе с меньшевиками-интернационалистами, но даже приняло участие в «объединительном съезде» меньшевиков 19–26 августа 1917 г. Несмотря на преобладание на съезде оборонцев, поддерживавших контрреволюционное Временное правительство, Ф. Кон приветствовал съезд и пытался доказать, что «един пролетариат и едина его партия». Руководство ППС-левицы направило своего представителя на происходившее в Москве 12–15 августа Государственное совещание, созванное для подготовки к государственному перевороту. Это совещание проходило под знаком консолидации контрреволюционных сил вокруг претендента в диктаторы генерала Корнилова. В статье «Польские союзники Корнилова», опубликованной в «Трыбуне», а затем перепечатанной газетой «Рабочий путь» Ф. Дзержинский писал: «Польская контрреволюция это не измышление, это действительность, с которой должна считаться не только польская, но и русская революционная демократия»[2].

Корниловский заговор, вылившийся 25 августа в вооруженный мятеж, не смог использовать силы польской контрреволюции и, натолк-

---

[1] Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917. Под редакцией В. А. Дьякова, А. Я. Манусевича, И. С. Миллера, И. А. Хренова. М., 1976. С. 562.

[2] Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917. Под редакцией В. А. Дьякова и др.С. 563.

нувшись на организованный большевиками отпор рабочих и многих частей армии, практически уже 31 августа завершился полным провалом. В дни мятежа Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ в России и Правление Петроградской группы СДКПиЛ, Московская и другие группы польской социал-демократии выпустили листовки и обращение, призывавшие польских рабочих и солдат к совместной с рабочими и солдатами всей России защите революции. В дни корниловского мятежа к отпору контрреволюции призывали и секции ППС-левицы.

Корниловский мятеж ускорил поляризацию политических сил в стране. Началась повсеместная большевизация Советов. И она проходила при деятельном и посильном участии польской социал-демократии. В журнале «Просвещение» была напечатана статья Казимежа Залевского» Национальный вопрос в России». Будущее революционное пролетарское правительство, писал Залевский, будет строить национальные взаимоотношения на дружбе и добровольном союзе. Создав союз свободных, вставших на путь социализма народов, «Россия сыграет колоссальную мировую революционную роль и будет стоять на страже социалистической революции на Западе и демократической на Востоке».

Предвидя великую историческую роль революционной России, Залевский, который глубже и правильнее многих других деятелей СДКПиЛ, воспринял ленинскую постановку национального вопроса, писал о современной Польше как о стране, практически уже отделившейся от России и переживающей в борьбе против немецко-австрийских оккупантов процесс своего государственного становления. В отношении Польши и всех других народов, как тех которые останутся непосредственно в составе будущей пролетарской России, так и тех, которые сложатся в отдельные самостоятельные государства, главная задача пролетариата, считал Залевский, будет состоять в обеспечении взаимопонимания, союза и сотрудничества народов.

Далеко не все польские социал-демократы усвоили ленинскую трактовку национального вопроса и сумели в области теории вырваться, как это смог сделать К. Залевский, из плена старых и неверных догм, касавшихся польского вопроса. Но своим беззаветным служением революции они вносили в дело свободы своего народа неизмеримо больше, чем националисты, провозглашавшие своим идеалом независимость Польши, но выступавшие против единственной силы, заинтересованной в действительной свободе польского народа, – против социалистической революции. Своим участием в пролетарской революции в России польские социал-демократы практически преодолевали, даже не осознавая того, свои ошибочные взгляды, так как вся их деятельность была направлена на претворение в жизнь ленинской программы решения национального вопроса.

Мыслями о социалистической революции в России и о будущем польского народа была полна декларация, оглашенная 19 сентября (2 октября) Ю. Уншлихтом от имени Исполнительного комитета групп СДКПиЛ в России на Демократическом совещании.

7–11 (20–24) октября 1917 г. проходила III Петроградская общегородская конференция большевиков. В ее работе участвовала и группа польских социал-демократов – Ю. Уншлихт, Я. Фенигштейн, Я. Здехович, К. Кадлубовский и др. Тайно вернувшись в Петроград для непосредственного руководства подготовкой к взятию власти пролетариатом, В. И. Ленин в письме к конференции указывал, что «вопрос о восстании ставится на очередь»[3].

Польские социал-демократы, находившиеся в России, принимали деятельное участие в подготовке к восстанию. Многие польские трудящиеся, особенно жители Петрограда, Москвы, Харькова, Донецкого бассейна, совместно с русскими, украинцами и др. боролись за низвержение власти помещиков и капиталистов, за установление диктатуры пролетариата. Польские рабочие, находившиеся в рядах Красной Гвардии, принимали участие в штурме Зимнего дворца и свержении буржуазно-помещичьего Временного правительства[4]. В образованный Петроградским Советом Военно-революционный комитет были избраны Ф. Э. Дзержинский и Ю. Уншлихт. На заседании ЦК партии, проходившем с участием представителей Исполнительной комиссии Петроградского комитета, среди которых был Я. Фенигштейн – представитель Петроградской группы СДКПиЛ, В. И. Ленин заявил: «Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Решительно поддержав Ленина, Ф. Дзержинский в своем выступлении осудил сомневающихся в том, что момент восстания наступил и что само восстание подготовлено. Тогда же Дзержинский был избран в Военно-революционный (партийный) центр Военно-революционного комитета.Т. Радзишевский, А. Гранас, А. Кочаровский, Станислав Пестковский, Юльян Лещинский, Бронислав Веселовский, Ф. Гжельщак, Винцентий Матушевский, Эдвард Прухняк, Станислав Бобиньский, Збигнев Фаберкевич, Юзеф Уншлихт, Станислав Будзинский и другие социал-демократы были среди тех, кто самым непосредственным образом участвовал в осуществлении ленинских планов подготовки и проведении вооруженного восстания. С оружием в руках сражались польские рабочие за установление Советской власти не только в Петрограде и Москве, но и во многих других городах России – Одессе, Севасто-

---

[3] *Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971. С. 423–424.

[4] История Польши. Т. III. Под редакцией Ф. Г. Зуева, А. Я. Манусевича, И. А. Хренова. М., 1958. С. 18–19.

поле, Иркутске, Минске. Вместе с членами СДКПиЛ в разгроме буржуазного государственного аппарата и установления Советской власти активное участие принимали и находившиеся в России члены ППС-левицы.

В Петрограде, в Москве, в других городах необъятной России в отрядах Красной гвардии, в рядах рабочих коллективов, в местных Советах, партийных комитетах, военно-революционных комитетах, в революционных частях армии – всюду, где события Октябрьской революции застали польских социал-демократов и других польских интернационалистов, они плечом к плечу с российским пролетариатом и крестьянством устанавливали власть Советов, утверждали диктатуру пролетариата.

В 22 ч. 45 мин. 25 октября (7 ноября) открылся II Всероссийский съезд Советов. Среди его делегатов были и члены СДКПиЛ, и члены ППС-левицы.

Одним из первых с гневным отпором меньшевистско-эсеровским элементам, пытавшимся сорвать съезд, выступил член СДКПиЛ с 1904 г., делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, представитель 2-й армии Западного фронта Франчишек Гжельщак (М. Гжегожевский). Отвечая офицеру меньшевику Кучину, Гжельщак заявил, что Кучин и ему подобные не представляют солдат; он хочет вести войну против рабочих и солдат, но солдаты не пойдут за Кучиным[5].

Вечером 26 октября (8 ноября), вскоре после того как Ленин выступил с докладом по вопросу о мире, слово от польской социал-демократии получил Дзержинский. Он полностью поддержал выступление вождя и организатора революции и одобрил предложенный им Декрет о мире. «Те, от имени которых предложена эта декларация идут в рядах пролетариата и беднейшего крестьянства; все те, кто покинул в эти трагические минуты этот зал, – те не друзья, а враги революции и пролетариата. У них отклика на это обращение вы не найдете, но вы найдете этот отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с таким союзником мы достигнем мира. Мы не выставляем лозунга отделения себя от революционной России. С ней мы всегда столкуемся. У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров»[6].

В ноябре 1917 г. Исполнительный комитет групп СДКПиЛ в России и правление Петроградской группы СДКПиЛ в особом воззвании отметили, что одна только партия большевиков прямо и открыто, выдвигает задачу освобождения Польши. Неизменным участником всей деятельности Коммунистической партии и Советской власти являлись польские интернационалисты и особенно их передовой отряд – члены СДКПиЛ. Ленинские Декрет о мире, Декларация прав трудящегося и эксплуати-

[5] *Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я.* Ленин и польское рабочее движение. С. 425.
[6] Там же. С. 425–426.

руемого народа и другие документы были сразу переведены на польский язык и опубликованы в «Трыбуне». На многолюдных митингах, собраниях польские социал-демократы рассказывали о значении революции, призывали всемерно поддерживать ее, принять активное участие в борьбе за упрочение Советской власти, связывая победу российской революции с национальным и социальным освобождением польского народа.

С первых дней органы Советской власти приступили к осуществлению ленинской программы партии по национальному вопросу. Исторической необходимостью вызывалось создание в пролетарском государстве такого органа диктатуры пролетариата, как Народный комиссариат по делам национальностей, явившийся проводником в жизнь ленинской национальной политики.

Придавая большое значение польскому вопросу, учитывая остроту борьбы с буржуазными, клерикальными влияниями на польские массы и важность привлечения их на сторону революции, Петроградский военно-революционный комитет назначил Ю. Лещинского комиссаром по польским делам. В задачи Польского комиссариата вошли организация всех польских революционных сил, борьба с контрреволюцией и разработка плана широкой демократизации польских общественных организаций, действовавших на территории России.Когда Польский комиссариат приступил к своей деятельности, В. И. Ленин способствовал созданию необходимого ему авторитета. СНК, ВЦИК, наркоматы, местные Советы всемерно помогали Польскому комиссариату в проведении им в жизнь правительственных декретов, касающихся польских дел, в демократизации польских беженских организаций и польских по составу воинских частей.Рядом вопросов, поставленных Польским комиссариатом перед советским правительством занимался лично В. И. Ленин.Рассматривая Польский Комиссариат как основной орган по польским делам, СНК декретом от 9 (22) декабря 1917 г. подчинил ему Ликвидационную комиссию по делам Королевства Польского, возникшую при Временном правительстве, преобразовав ее в один из отделов Польского Комиссариата.

Из среды польских социал-демократов и других интернационалистов, из эвакуированных в 1915 г. в Россию польских рабочих и крестьян, из солдат-поляков русской армии выросли десятки тысяч самоотверженных бойцов за дело пролетариев всех стран. Имена многих польских трудящихся, не щадивших сил во имя победы Советской власти в России, делают честь революционной Польше и служат ярким воплощением жизненной силы русско-польского революционного союза. Великий перелом в развитии всего человечества, совершенный рос-

сийским пролетариатом, был воспринят трудовыми массами оккупированной Польши как свое родное дело. Приветствуя победу революции, Главное правление СДКПиЛ, не имевшее в то время легального органа печати, тотчас же после получения известий о победе вооруженного восстания в Петрограде выпустило листовку «Пролетарская революция в России!»

Путь к одной братской семье народов, о которой говорил Ф. Э. Дзержинский, о которой мечтали поколения русских и польских революционеров, оказался не прост и не короток – еще много препятствий пришлось преодолеть и польскому народу и народам Страны Советов, пока удалось полностью претворить в жизнь высокие идеи, вдохновлявшие интернационалистов-революционеров обеих сторон

В. В. Шахматов

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ПРАВОМОНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Революция 1917 года без преувеличения является одной из наиболее актуальных и одновременно острых тем в современном историческом и общественном дискурсе. Споры вокруг роли этого эпохального события в истории России выходят далеко за пределы академического сообщества и приобрели общественно-политическое значение. Подобное внимание общественности к теме революции 1917 года можно объяснить активным поиском альтернатив коммунистической идеологии, наблюдаемым в российском обществе на протяжении последних тридцати лет, и как следствие выработки новых смысловых оценок революционных событий столетней давности.

Одним из направлений современной российской общественно-политической мысли, получившим второе рождение в постсоветское время, является русский консерватизм и свойственная ему монархическая идеология. Популярность консервативных и монархических идей среди части населения Российской Федерации в значительной степени связана с ростом религиозности российского общества, обозначившимся после отказа от материалистического мировоззрения, а также обращением к традиционным культурным ценностям, как реакции на распространение так называемой «свободы нравов».

Распад Советского Союза и крах коммунистической идеологии побудили эту часть российского общества искать ответы на вопросы государственного строительства и общественного устройства в трудах консервативных русских мыслителей и свойственным им политических традициях. При этом одним из ключевых вопросов явилась проблема падения самодержавия в России и крушения Российской империи, а также роль сторонников царской власти в событиях 1917 года.

Данная тенденция нашла свое отражение и в российском научном сообществе. За последние тридцать лет в отечественной историографии

появилась целая плеяда ученых, посвятивших свои научные изыскания исследованию русской консервативной традиции и политической деятельности русских консерваторов. Отдельное место в этом спектре научных исследований также заняла проблема деятельности правомонархических организаций во время Русской революции 1917 года, а также причины их политического поражения.

В современной российской историографии наблюдается определенное созвучие в оценках состояния правомонархических организаций в преддверии Февральской революции 1917 года. Исследователи отмечают разрозненность, деморализацию и хаотизацию правомонархических движений накануне революции. Черносотенное движение было дискредитировано в глазах широкой общественности и расколото внутренними противоречиями. Еще до начала революции оно демонстрировало свою недееспособность, что говорит о закономерности их политического поражения в ходе революционных событий 1917 года.

Иллюстрируя положение русских монархистов накануне революции, один из ведущих современных исследователей черносотенного движения, А. А. Иванов приводит следующие слова главы Союза Русского Народа Н.Е.Маркова: «*падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли*»[1]. Нередко в отечественной историографии также цитируют высказывание члена Президиума Монархического Движения И. И. Дудниченко, сказанные им в адрес печатного органа Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа «Русское знамя»: *««Русское знамя» ведется возмутительно. – Не газета, а какой-то злобный листок... люди бегут от такой пустоты и выписывают газеты противоположного направления»*[2].

Исследователями не раз подчеркивалось, что правомонархические организации не столько были побеждены политическими противниками, сколько не смогли оказать организованное сопротивление революционному движению и фактически перестали быть субъектом политического процесса в революционной России. И это особенно любопытно, ввиду того, что численно правомонархические организации являлись одним из крупнейших движений страны. По оценке Ю. И. Кирьянова в феврале 1917 года они насчитывали от 30 до 35 тысяч человек, практически втрое больше, чем большевики[3].

Подобное разрушение русского монархического движения, в свое время мощного и динамичного, решительно противостоявшего революции

---

[1] «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. / А. А. Иванов // Российская история. – 2017 – №2 – С. 48.

[2] *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 414.

[3] *Там же*. С. 417.

1905 года, не произошло в одночасье. Как отмечал Ю. И. Кирьянов оно длилось на протяжении десятилетия между двумя русскими революциями. Он же предпринял одну из первых попыток в постсоветской историографии дать системную оценку причинам деградации правомонархического движения. Согласно Ю. И. Кирьянову, первой и наиболее существенной причиной ослабления правомонархических организаций явилось «*изменение отношения к правым со стороны правящих «верхов»*[4]. Ключевую роль в данном процессе сыграл П. А. Столыпин, в частности его конфликт с А. И. Дубровиным, достаточно подробно описанный А. Д. Степановым в книге «Правая Россия: жизнеописания русских монархистов начала XXвека»[5]. Именно политика Председателя Совета министров Российской империи, направленная на смену председателя крупнейшей правомонархической организации – Союза Русского Народа, запустила центробежные силы среди сторонников монархии, недавно сплотившихся в патриотическом порыве, и привела к расколу Союза Русского Народа на ряд более мелких, враждующих между собой организаций. Более того, П. А. Столыпин сыграл заметную роль в дискредитации Союза Русского Народа и черносотенного движения в глазах Николая II.

Другой причиной поражения правых явилась их «*обособленность*»[6]. Характерной особенностью правомонархического движения было стремление его лидеров играть доминирующую роль среди всех политических и общественных объединений монархистов. Так показательны взаимоотношения внутри «триумвирата» руководителей трех организаций, созданных на основе расколотого СРН – А. И. Дубровина, В. М. Пуришкевича и Н. Е. Маркова. Личные амбиции, взаимная неприязнь и откровенная борьба за власть в рамках монархического движения, несмотря на крайнюю близость политических взглядов, особенно СРН и ВДСРН, не позволяли им выступать единым фронтом.

Заметную роль в ослаблении правомонархического движения сыграли и перемены в кадровом составе их организаций и сторонников монархической идеи. Так накануне войны скончались В. А. Григмут, П. Н. Дурново, прекратили активную деятельность член Главного совета СРН академик А. И. Соболевский, товарищпредседателя ВДСРН, юрист и поэт Б. В. Никольский, редактор «Московских ведомостей» Л. А. Тихомиров, бывший председатель РМП архимандрит И. И. Восторгов. Некоторая часть монархистов постепенно отходила от жестких монар-

---

[4] *Там же.* С. 389.

[5] Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. Сост. *А. А. Иванов, А. Д. Степанов*. – СПб.: «Царское дело», «Русская народная линия», 2015, – С. 72–77.

[6] *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 398.

хических позиций, в частности В. М. Пуришкевич, который в дальнейшем явился активным участником Февралькой революции[7].

К существенным недостаткам монархических организаций исследователи также относят отсутствие у них четкой экономической программы, понятной для рядовых сторонников движения[8].

Накануне революции 1917 года правомонархическое движение испытывало и вполне ощутимые материальные трудности. В частности, И. В. Омельянчук отмечает, что в провинции правомонархические организации сталкивались с «*катастрофической нехваткой денег*»[9]. Это объяснялось низким достатком сторонников движения, социальную основу которого составляла преимущественно низкоквалифицированные рабочие и мелкие лавочники. Также существенно сказалось и численное сокращение сторонников правомонархического движения, вызванное оттоком значительной части лояльных монархическим идеям на фронт, что также подрывало позиции монархистов.

Еще одну важную особенность революционного процесса 1917 года, сыгравшую против правомонархистов, наглядно показал А. А. Иванов в одной из своих последних статей. По его замечанию «*разразившаяся в 1917 г. революция, в отличие от революции 1905 г., проходила под национальными, патриотическими знаменами*»[10]. Сторонники революции отошли от пораженческих настроений 1905 года и вооружились патриотической риторикой и призывами к победе в войне. Это лишало патриотично настроенных монархистов традиционных преимуществ в их полемике со сторонниками революции.

Кроме того, ссылаясь на Н. Е. Маркова, А. А. Иванов указывает на то, что за время функционирования Государственной думы именно она стала восприниматься широкими слоями населения как средоточие «*истинного патриотизма*»[11]. Именно этот политический институт во главе с Гучковым и такими правыми политиками как В. В. Шульгин и В. М. Пуришкевич, по мнению ученого, смог убедить не только народ,

---

[7] *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 398.

[8] Там же. С. 413.

[9] Провинциальная контрреволюция: Иваново-вознесенская самодержавно-монархическая партия в 1905–1917 гг. / И. В. Омельянчук // Российская история. – 2017 – №2 – С.130.

[10] «Революция будет национальною…»: к вопросу о причинах стремительного поражения правых в 1917 году / А. А. Иванов //Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2016. – С.32.

[11] «Революция будет национальною…»: к вопросу о причинах стремительного поражения правых в 1917 году / А. А. Иванов //Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2016. – С.33.

но и высшее военное руководство страны в измене Царя и его правительства.

И наконец еще одним существенным фактором поражения монархистов явилась, также обозначенная А. А. Ивановым пассивность правомонархического движения и их ориентация на инициативу сверху и ожидание «*именно от действующей власти активности, решительности и руководства всеми контрреволюционными силами*»[12]. Однако, если верить свидетельствам К. Н. Пасхалова, Николай II не разделял идей русских монархистов. Ю. И. Кирьянов приводит следующие строки монархиста, написанные им для Д. А. Хомякова в 1912 года после приема у императора: «*И Он, и все, что Его окружают, больны недугом «русского» либерализма, который и приведет нас к гибели*».По точному замечанию Ю. И. Кирьянова «*уже в конце своей деятельности некоторые правые (в том числе А. И. Дубровин и К. Н. Пасхалов) признавали, что, отстаивая интересы самодержавной монархии, они выступали большими роялистами, чем сам король*»[13]. Фактически в преддверии революции русские монархисты были лишены сочувствия и покровительства своего государя. В этих условиях добровольное отречение императора окончательно лишило монархистов воли к политической борьбе.

Скорее всего именно подобная пассивная позиция правых и явилась одной из стержневых причин их поражения в 1917 года, так как, несмотря на то, что они предвидели революционные потрясения и располагали вполне конкретными инициативами по противодействию революции, воплощать их в жизнь самостоятельно они не стали.

Одной из таких инициатив в конце 1916 года был призыв членов кружка А. А. Римского-Корсакова снабдить «*войсковые части пулеметами для подавления мятежа*»[14]. Схожие решения предложил императору и Н. Н. Тиханович-Савицкий в конфиденциальном письме от 30 декабря 1916 года. Члены кружка предупреждали Николая II о вероятности государственного переворота и предлагал распустить Государственную думу и Главный комитет Союза земств и городов, а также обязать всех губернаторов всячески поддерживать монархистов. Против революционеров он предлагал применять «*радикальные устрашающие меры*». Как показала Е. М. Михайлова схожие по содержанию телеграммы направлялись в адрес министра внутренних дел А. Д. Протопопова и члена Государственного совета Н. А. Маклакова. Среди прочего они рекомен-

---

[12] Там же. С.29.

[13] *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 402.

[14] Последняя попытка спасти монархию: «записки», составленные в кружке А. А. Римского-Корсакова, и их политическое значение/ Д. И. Стогов //Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. /Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2011. – С. 12.

довали «*ввести в печати военную цензуру, поставить деятельность Союза земств и городов под военный контроль и передать власть «сильно правым» военачальникам*»[15].

Одним из последних политических актов сторонников монархии явился совместный визит членов правой группы Государственного совета А. А. Ширинского-Шихматова, А. Ф. Трепова, Н. А. Маклакова на заседание Совета министров 25 января 1917 года. Делегаты предложили перевести Петроград на осадное положение, однако, их голоса не были услышаны[16].

Именно после этого события согласно часто цитируемой фразе меньшевика Н. Н. Суханова «*чёрная сотня сгинула в подполье*»[17].

Несмотря на катастрофические последствия революции 1917 года для сторонников монархии в России, далеко не все они однозначно оценивали различные ее этапы.

Ряд видных участников монархического движения поначалу положительно и местами даже восторженно встретил Февральскую революцию. В частности, активное участие в поддержке Временного правительства и агитации на фронте принял В. М. Пуришкевич. Руководитель кружка, члены которого составили упомянутую выше контрреволюционную записку, А. А. Римский-Корсаков заявлял о готовности служить новому строю. В. В. Шульгин и вовсе был одним из лиц, принявших отречение Николая II[18].

Показательно отношение различных групп монархистов к большевикам. Несмотря на то, что подавляющее большинство монархистов негативно оценивало программу и идеи левых радикалов, в то же время часть из них увидела в большевиках, хоть и бессознательное, но стремление к продуктивному государственному строительству. Эта группа правых придавала торжеству большевизма в России характер стихии, кары небесной, согласующейся с Божественным промыслом. В качестве примера подобного отношения к Октябрьской революции в отечест-

[15] «Не Дума нужна, а диктатура, Государь»: Астраханская народно-монархическая партия накануне и в 1917 г./ Е. М. Михайлова //Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. /Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2010. – С. 22.

[16] «Не Дума нужна, а диктатура, Государь»: Астраханская народно-монархическая партия накануне и в 1917 г./ Е. М. Михайлова //Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. /Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2010. – С. 24.

[17] «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. / А. А. Иванов // Российская история. – 2017 – №2 – С. 50; *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 388.

[18] «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. / А. А. Иванов // Российская история. – 2017 – №2 – С. 51.

венной историографии часто приводят цитаты Б. Н. Никольского[19]. «*В активной политике они с не скудеющею энергиею занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе, созидая вопреки своей воле и мысли, новый фундамент для того, что сами разрушают…*» – писал он[20]. Кроме того, некоторые бывшие черносотенцы даже поддерживали большевиков. В частности, как убедительно показали Д. И. Стогов и А. А. Иванов, академик А. И. Соболевский в своем письме к упомянутому Б. Н. Никольскому писал: «*Я голосую за список большевиков (они теперь моя пассия), веду за собой сестру и братьев и убеждаю знакомых*», положительно оценивая то, что большевики «*уж больно здорово... расправляются с либеральной слякотью*»[21].

Симптоматично и то, что подавляющее большинство сторонников правомонархических партий, по выражению А. А. Иванова «*уклонились от вооруженного противостояния*»[22] большевистской власти, а те, кто и вступил в ряды Белого движения, как Н. Е. Марков или В. М. Пуришкевич, оказались в правой оппозиции генералитету.

В то же время, как показал Д. И. Стогов приход к власти большевиков в сохранившейся после мартовского запрета правой прессе («Новое время», «Южный край», «Киевлянин») освящался резко отрицательно. Большевики подчас представали в качестве иностранных агентов, действующих по указке германского генштаба. Исключение составляла газета «Гроза», изначально негативно относившаяся как к Керенскому, так и выступлению Корнилова, а также «*занявшей по отношению к Октябрю особую позицию*»[23].

Примечательно и то, что, несмотря на свою политическую несостоятельность, наблюдаемую в период революции 1917 года, правые проявили удивительную прозорливость в отношении грядущей революции

---

[19] *Д. И. Стогов, А. А. Иванов*. Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/11/14/chernosotency_i_bol_sheviki_pravyj_vzglyad_na_triumfatorov_oktyabrya

[20] *Кожинов В. В*. «Черносотенцы» и Революция. М., 1998. URL: http://kozhinov.voskres.ru/cher-sot/chersot.htm,

[21] *Д. И. Стогов, А. А. Иванов*. Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/11/14/chernosotency_i_bol_sheviki_pravyj_vzglyad_na_triumfatorov_oktyabrya

[22] «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. / А. А. Иванов // Российская история. – 2017 – №2 – С. 59.

[23] Право-консервативная печать и события июля-октября 1917 г./ *Д. И. Стогов* // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. /Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2010. – С. 114

и ее последствий. Это было продемонстрировано Ю. И. Кирьяновым и А. А. Ивановым[24].

Правые ясно видели собственную слабость и преимущества своих политических противников. Так в записке кружка А. А. Римского-Корсакова, вероятным автором которой был член Главного совета СРН М. Я. Говорухо-Отрок, утверждается, что победа либеральных партий привела бы только к исчезновению правого движения, а «*затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погром имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник*»[25]. При этом положение левых оценивалось следующим образом: у них «*есть идея, есть деньги и есть толпа, готовая и хорошо организованная*»[26].

В. В. Кожинов приводит следующие слова В. В. Розанова написанные им в 1912 году писал: «*У француза – «chere France», у англичан – «Старая Англия». У немцев – «наш старый Фриц». Только у прошедшего русскую гимназию и университет – «проклятая Россия». Как же удивляться, что всякий русский с 16-ти лет пристает к партии «ниспровержения» государственного строя*»[27].

Немногим позже него была написана знаменитая записка министра внутренних дел П. Н. Дурново, в которой он предвидел финал русско-германской войны, грозящей революциями для обеих враждующих сторон[28]. Аналогичного мнения придерживался и Н. Е. Марков[29]. А. А. Иванов акцентирует внимание на следующих пророческих словах П. Ф. Булацеля, опубликованных им в конце 1916 года: «*ужасы французской революции побледнеют перед ужасами той революции, которую вы хотите создать в России пользуясь нерешительностью теперешнего правительства. Вы готовите могилу не только «старому режиму», но бессознательно вы готовите могилы себе и миллионам ни в чём неповинным гражданам. Вы создадите такие погромы, такие варфоломе-*

---

[24] «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. / А.А.Иванов // Российская история. – 2017 – №2 – С. 43; «Революция будет национальною…»: к вопросу о причинах стремительного поражения правых в 1917 году /А. А. Иванов //Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2016. С. – 27; *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 344.

[25] «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. / А. А. Иванов // Российская история. – 2017 – №2 – С. 46.

[26] Там же. С. 46.

[27] *Кожинов В. В.* «Черносотенцы» и Революция. М., 1998. URL: http://kozhinov.voskres.ru/cher-sot/chersot.htm,

[28] «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. / А. А. Иванов // Российская история. – 2017 – №2 – С. 43.

[29] Там же. С. 44.

евские ночи, от которых содрогнутся даже «одержимые революционною маниею» демагоги бунта социал-демократии и трудовиков!»[30].

В дополнение к указанному выше можно привести еще ряд публикаций праворадикальных газет, иллюстрирующих настроения монархистов в преддверии революции 1917 года.

Наиболее радикально настроенные правые, представленные преимущественно Всероссийским Дубровинским Союзом Русского Народа, не просто остро воспринимали вызовы переживаемой ими эпохи. Они буквально были пропитаны ощущением надвигающейся катастрофы, грозящей не только страданием для России, но и, по их мнению, гибелью всему живому. Так в ноябре 1914 года среди читателей «Русского знамени» получило существенный резонанс некое афонское пророчество, подлинное происхождение которого вызывает определенные сомнения, в котором говорилось, что «*в 1919 году Царьград и Москва будут полны идолопоклонниками*», а 1923 год был объявлен годом пришествия антихриста и конца мира[31]. По всей видимости, ввиду обсуждаемости данного пророчества, спустя некоторое время редакция газета разместила уже более подробную статью, посвященную обстоятельствам его возникновения и призывом к поиску дополнительных свидетелей его содержания[32].

В июле 1916 года в «Русском знамени» публикуется реакция И. И. Дудниченко на вести о представленной правительству страны «*записке правых о сильной власти*»[33]. Помимо полной поддержки, которую высказывает автор подобной инициативе, если таковая имела место быть, он также делает неутешительные выводы о состоянии и грядущей судьбе России. По его мнению, российское государство в «*отсутствии сильной власти*» держится «*только надеждой на Бога и на Его Святую Волю*». «*Отымите, при отсутствии твердой и сильной власти, эту веру, и наша родина будет разгромлена*» – утверждает И. И. Дудниченко. Но и этот последний оплот Российской империи уже подвергается нападкам: «*Но волки в овечьей шкуре идут уже походом и на нашу веру, дабы ее сначала ослабить, а потом и распылить… Тогда конец России*».

В апреле 1916 года на страницах «Русского знамени» в статье Д. И. Булатовича с говорящим названием «Предчувствие» делаются следующие выводы, основанные на речи члена Государственного совета В. И. Гурко: «*заговорщики выработали или во всяком случае вступили на путь выработки насильственного внезапного захвата власти*»[34]. К признакам

[30] Там же. С. 44–45.
[31] Русское знамя. – Петроград, 16 ноября 1914 г.
[32] Там же. – Петроград, 3 декабря 1914 г.
[33] Там же. – Петроград, 8 июля 1916 г.
[34] Русское знамя. – Петроград, 5 апреля 1916 г.

готовящегося переворота автор статьи причисляет «*циничный образ действия*» противников режима, их агитацию за необходимость «*властной и решительной власти*», и активизацию антиправительственных выступлений немецкого населения России, в частности «*немецкого населения демократического – г. Люца в думе и аристократического – г. барона Шиллинга в Гос. Совете*».

Далее в статье дается довольно удачная на наш взгляд и симптоматичная оценка позиции В. И. Гурко и В. В. Шульгина. Для них «*безразлично, кто осуществит необходимую сейчас России сильную власть, лишь бы она не медлила приходом*». «*Вялость власти гонит в ряды противников законной власти талантливых людей, готовых там искать спасения от мертвечины*» – резюмирует автор. В заключении он делает еще более драматичный и прозорливый вывод: «*Ведь это ужасно. Ведь этак дело окончится тем, что, стремясь никого не раздражать, люди, осуществляющие долг власти, добьются того, что от нее отпадут все*».

Однако нельзя сказать, что крайне правая печать была полностью охвачена унынием. Все-таки монархисты стремились найти лучики надежды в развивающихся политических событиях. Так в ноябре 1916 года на страницах «Русского знамени» мы можем найти довольно положительное отношение к уходу Б. В. Штрюмера и назначению А. Ф. Трепова. «*О победе заговорщиков не может быть и речи*» – вещает газета. Подобная кадровая перестановка сигнализирует об «*ультиматуме*» прогрессивному блоку: «*отрешиться от преступной в дни войны позиции упорного недоверия к правительству или сойти с арены, где блок способен только мешать успеху войны*»[35].

А. А. Иванов утверждает, что, «*понимая неизбежность революционного взрыва, правые не ожидали, что он произойдёт уже в феврале 1917 г.*»[36]. В то же время материалы газеты «Русское знамя» дают противоречивые сведения об отношении правых к конкретным срокам революции. Так один из выпусков ноября 1916 года газеты свидетельствует, что некоторые черносотенцы не только предвидели революцию, но и вполне отдавали себе отчет о том, что она может произойти в самое ближайшее время. Так Д. И. Булатович, под псевдонимом Люцилий, пишет: «*Мы знаем, что сделают вожди класса посредников в январе, если декабрь не принесет поворота истории в ту или другую сторону: за декабрь посредники выработают план ожесточенного штурма власти и начнут его в январе*». Под штурмом он подразумевает «*парламентский штурм*». В то же время, непосредственно 24 февраля 1917 года тот же автор без комментариев приводит слова некоего «*лица*», пессимистич-

---

[35] Там же. 13 ноября 1916 г.

[36] «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. / А. А. Иванов // Российская история. – 2017 – №2 – С. 48г.

но утверждающего, что «*вместо возрождения Россия неудержимо понесется к развалу, – но он произойдет еще не завтра, и потому не стоит смущаться мрачными предчувствиями*»[37].

Так или иначе даже довольно точное предвидении по сути было бесплодным, так как, все надежды автора обращены к власти, «*не имеющей опоры в организованных кругах населения*». Единственный выход по его мнению – это «*обессилить врага*»[38]. В следующем выпуске автор конкретизирует свое видение необходимых государственных преобразований, направленных в первую очередь на лишение «*посреднического класса*», включающего банкиров, ростовщиков, перекупщиков и представителей других непроизводственных профессий реальной власти и ресурсов[39].

На страницах «Земщины» мы находим несколько иное видение положения в стране на рубеже 1916 и 1917 годов. Редактор газеты С. К. Глинка положительно оценил назначение «*прямолинейного князя Н. Д. Голицына председателем Совета Министров*», а также «*замену Г. Куломзина таким мужественным человеком как И. Г. Щегловитый*». Все это, по мнению автора, указывало на то, что правительство «*не намерено продолжать прежних колебаний*» и будет «*выполнять волю и предначертания Державного Вождя*»[40]. Накануне Февральской революции С. К. Глинка отказывался признавать массовое полевение населения страны. Напротив, он утверждал, что страна «*не только не левеет, но значительно правеет*». По его мнению, «*народ полевеет и отвернется от правительства только тогда, если оно само отвернется от него*»[41]. Кроме того, уже в середине февраля 1917 года, он же утверждал, что «*стомиллионный русский народ»* не пойдет за «*Милюковыми, Родзянко, Шидловскими и другими*»[42].

Газета «Колокол» также констатировала надвигающийся кризис и отмечала, что «*во всех областях нашей жизни как в политической, так и в экономической намечается коренная ломка, которая после войны не только не приостановится, а, напротив будет расширяться и углубляться, пока не преобразует наше государство сверху донизу*». В то же время, подобные перемены «Колокол» оценивал положительно и выделял несколько тенденций, свидетельствующих благополучном развитии России. Война, по мнению автора приведет к тому, что «*в будущей политике Европы России будет принадлежать первое место*». «*В нынешних общественных движениях намечаются именно те здоровые и*

[37] Русское знамя. – Петроград, 1917 г.
[38] Там же. 10 декабря 1916 г.
[39] Там же. 11 декабря 1916 г.
[40] Земщина. – Петроград, 3 января 1917 г.
[41] Там же. 18 января 1917 г.
[42] Там же. 11 февраля1917 г.

светлые пути, о которых можно было только мечтать, что культурный русский человек превращается в гражданина в английском вкусе» – отмечается в одной из статей, опубликованных в газете в июле 1916 года[43].

Более того, несмотря на то, что «*жизнь так осложняется, так запутывается, дарит такими неожиданными сюрпризами, что положительно трудно ставить какие-нибудь определенные гороскопы на будущее*», основное внимание «Колокола» сосредоточено на послевоенном обустройстве России. «*В какую же сторону будет направлен излишек свободных интеллигентных и неинтеллигентных рук, который неизбежно образуется после войны?*» – подобными вопросами задавался «Колокол», веря «*в молодые силы русского народа, в его гений, в его проснувшуюся энергию,.. его страстное желание… выпутаться из той тины всевозможных засилий, в какой он по своей инерции очутился*»[44].

Революционные призывы левых воспринималась черносотенцами, как подрывная деятельность в пользу немецкого штаба, в том числе физически осуществляемая нерусским населением, в частности немцами и евреями. При этом они не проводили различий между различными течениями российских левых. «*Желая поправить невыгодное впечатление от социал-демократов, поступавших в их войска, немцы в последней прокламации ругательски уже ругают социал-демократов и приглашают их не слушать. Зато просят поверить сладким немецким голосам, выдающим себя за анархистов-коммунистов*» – утверждало «Русское знамя»[45]. В качестве аргументов в пользу связи левых с немцами приводились случаи финансирования беспорядков рабочих в июле 1914 года и лингвистические особенности формулировок в распространяемых левыми прокламациях, по мнению редакции, свидетельствовавшие о нерусском происхождении их автора.

Аналогичная позиция транслировалась и на страницах «Земщины», где утверждалось, что «*итальянская социалистическая печать издается немецкими акционерами*», из чего делалось предположение о спонсировании «*рабочей печати*» в России из тех же источников[46].

Русские правые радикалы ставили в укор социал-демократам их связи с еврейским населением России и борьбу за его права. «*Если бы социал-демократы действительно были самостоятельной и независимой от иудеев социально-политической единицей, то они безусловно должны были бы враждебно относиться к иудеям, как элементу буржуазному*», утверждалось в «Русском знамени»[47]. По мнению автора статьи это об-

---

[43] Колокол. – Петроград, 16 июля 1916 г.
[44] Там же. 31 июля 1916 г.
[45] Русское знамя. – Петроград, 17 декабря 1914 г.
[46] Земщина. – Петроград, 22 декабря 1915 г.
[47] Русское знамя. – Петроград, 11 февраля 1916 г.

нажало подлинное значение социал-демократов, созданных с целью «*разрушения устоев ненавистных иудеям христианских государств*».

На страницах «Земщины» был предпринят анализ динамики рабочего движения в 1914–1915 гг. Знаменательно, что в этом кратком исследовании делаются довольно положительные выводы о том, что «*к концу истекшего года забастовочное движение достигло минимальных размеров. Русский рабочий по праву взирает с упованием на лучшее будущее*». При этом он создает это лучшее будущее «*на национальных русских основах, – на новых разумных творческих началах, исключающих директивы разных «большевиков» и «меньшивиков*», готовых «*поставить родину под молот германского империализма*»[48].

«Колокол» же в большинстве своем не углублялся в иностранное или инородческое происхождение инициаторов забастовок, однако всячески их осуждал и призывал к решительным мерам по борьбе с ними. Так в июне 1914 года после забастовки рабочих нефтяных промыслов в Баку на страницах газеты предлагалось «*применять со всей строгостью репрессивные меры против тех забастовщиков, связь которых с преступными партийными организациями будет вполне точно установлена*»[49].

Нередки среди крайней правой прессы и призывы к продовольственной диктатуре, «*понимаемой как увеличение влияния правительства на товарообмен, с принятием, в случае надобности, беспощадных принудительных мер*». Инициатором подобной диктатуры должен был выступить, «*если не диктатор, то по крайней мере П. Н. Массальский*»[50]. Однако высказывались и более резкие требования в частности, призывы к созданию института «*главноуправляющего продовольственным делом империи или продовольственного диктатора*», которому должны быть предоставлены неограниченные права[51].

Менее конкретны, но также эмоциональны были призывы газеты «Земщина». С ее страниц С. К. Глинка призывал «*заставить их* (сановников, не дающих себе отчета в своем предательстве – В. Ш.) *помнить о долге и присяге*»[52]. Редакции газеты также была близка идея более строго регулирования продовольственного вопроса, в частности «*правительственная монополия на необходимые продукты*» по примеру германской[53].

---

[48] Земщина. – Петроград, 15 января 1916 г.
[49] Колокол. – Спб., 17 июня 1914 г.
[50] Русское знамя. – Петроград, 1 мая 1916 г.
[51] Там же. 14 мая 1916 г.
[52] Земщина. – Петроград, 24 ноября 1916 г.
[53] Там же. 27 июня 1915 г.

Газета «Колокол», тем не менее выступала против продовольственной диктатура и каких-либо «решительных» мер в этом вопросе. В одной из ее передовиц, озаглавленной «*Не диктатура нужна, а правда*», утверждалось: «*более чем когда-либо нужен спокойный голос власти, нужен спокойный голос печати. Необходимо спокойное полное разъяснение населению существующего положения продовольственного дела. Необходимо решать продовольственный вопрос в непосредственном соприкосновении с десятками миллионов населения..., но не ограничиваться расправою с кучкой мародеров, пользующихся общим замешательством*»[54].

Наиболее ярко внутренние противоречия, наблюдаемые в стане правых, демонстрирует публикация в газете «Колокол», в которой автор разбирает критику в адрес издания со стороны трех газет «Русское знамя», «Новое время» и «Речь». Как ни странно, наиболее положительную оценку получает газета «Новое время». Автор статьи заключает, что «*и тон, и доводы, и самые предметы спора показывают, что газета дорожит прежде всего истиной*». Совершенно противоположную крайне негативную оценку получает «Русское знамя». «Е*динственным конкретным обвинением*» газеты «Колокол» признает «*менее частое, чем того хочет «Русское знамя», употребление слова «жид»*[55].

Приведенные примеры, в подавляющем большинстве подкрепляют тезисы, высказанные исследователями в указанных работах.

В последние полтора десятка лет проблема политического поражения правых в 1917 году была достаточно полно освещена в отечественной историографии, позволяя составить комплексную картину происходящего и выделить основные причины их политического фиаско. Помимо разрозненности, дискредитации в глазах общественности, недостатка финансирования, ограниченности идеологического аппарата и сокращения численности крайне правых политических движений и партий, пожалуй, корневой причиной их беспомощности перед лицом революции явилось отсутствие понимания и поддержки идей радикальных монархистов со стороны Николая II и политического руководства страны. Значительная часть правых была готова поддержать и даже жаждала самых решительных действий царя по предотвращению и противодействию революционному движению и инакомыслию в стране, начиная еще с революции 1905 года, и не прекращала призывать к ним вплоть до окончательного падения самодержавия в 1917 году.

Однако российский император и правительство Российской империи не только последовательно дистанцировались от яростных защитников

[54] Колокол. – Петроград, 12 октября 1916 г.
[55] Колокол. – Спб., 4 июля 1914 г.

самодержавие, но и внесли значительный вклад в раскол черносотенного движения и его сторонников. Вместо грамотного руководства и управления этой поначалу могущественной политической силой, выступившей опорой царского режима в 1905–1907 годах и сыгравшей заметную роль в подавлении революционных волнений, царская власть целенаправленно ее ослабляла. Все это привело к маргинализации движения, его вырождению и политической недееспособности правых, проявившейся в 1917 году.

Отречение Николая II и отказ от власти в пользу Временного правительства великого князя Михаила Александровича фактически подписали смертный приговор и всему монархическому движению России, лишившемуся, по справедливому замечанию А. А. Иванова «*формального повода протестовать*»[56].

Часть его участников довольно стремительно перешла в стан февралистов, другие со временем поддержали октябристов, а подавляющее большинство осталось пассивным, встретив крушение царской власти полным недоумением или религиозной покорностью, как Промысел Божий о России.

---

[56] «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. / А.А.Иванов // Российская история. – 2017 – №2 – С. 50.

Д. И. Рублев

АНАРХИСТЫ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К революционным событиям конца октября – ноября 1917 г. анархистское движение в России переживало период роста своего влияния. В это время, по данным исследователей, крупные анархистские организации имелись уже почти в 40 городах России[1]. При этом, небольшие группы действовали в большем количестве населенных пунктов. Анархисты издавали и контролировали 17 периодических изданий[2]. Отдельно стоит сказать о социальном составе анархистов в этот период. Так, по данным украинского исследователя А. В. Дубовика, проанализировавшего биографии 2800 анархистов, участвовавших в движении периода 1917–1921 гг., среди них преобладали представители социальных низов. 43 % составляли рабочие, 16,3 % – крестьяне, 6,2 % – низшие служащие[3]. Большинство анархистских организаций в то время включали представителей разных течений (анархистов-индивидуалистов, анархистов-коммунистов и анархистов-синдикалистов). Так, все они были представлены в составе Московской (МФАГ) и Петроградской федераций анархистских групп (ПФАГ) (как и в предшествовавшемей Петроградском анархическом клубе), Организации анархистов Кронштадта, Киевской Ассоциации Свободных Анархистов (КАСА), Саратовской Свободной Ассоциации Анархических Групп (ССААГ). Должность секретаря МФАГ занимал индивидуалист, основоположник «ассоциационного» анархизма Лев Черный (П. Д. Турчанинов), но среди ее ли-

---

[1] *Канев С. Н.* Революция и анархизм. М. 1987. С. 289; *Кривенький В. В.* Анархисты // Политические партии России. Конец XIX – первая треть начала XX века. Энциклопедия. М. 1998. С. 34.

[2] *Ермаков В. Д., Талеров П. И.* Анархизм в истории России: от истоков к современности. Библиографический словарь-справочник. СПб. 2007. С. 695-703.

[3] *Дубовик А. В.* Анархисты в рабочем и профсоюзном движении начала XX века // Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3-4 ноября 2012 г.). М. 2014. С. 21.

деров были анархисты-коммунисты (В. В. Бармаш, Г. К. Якобсон, К. И. Ковалевич, А. М. Атабекян) и пананархисты (А. Л. Гордин). Такая же картина наблюдалась в ПФАГ, одним из лидеров которой был теоретик пананархизма В. Л. Гордин. Идеологом КАСА был радикальный анархист-индивидуалист («неонигилист») А. Н. Андреев, но среди ее активистов преобладали анархисты-коммунисты (П. Арсентьев, Н. Дрикер и др.). Характерно, что участники Конференции анархистов 17-ти городов России, состоявшейся в Харькове 18–22 июля 1917 г., выступили с идеей объединения «всех анархических сил». Это «решение было принято единогласно» «сторонниками различных течений, начиная от индивидуализма и кончая синдикализмом»[4]. В объединенных организациях преобладали анархисты-коммунисты, что способствовало идейному доминированию этого течения. При этом их обособленные федерации и группы действовали в ряде городов (Петроград, Ростов-на-Дону, Харьков, Чита и др.). Свои отдельные организации создавали и синдикалисты. Наиболее известны среди них были: Петроградский и Красноярский Союзы Анархо-Синдикалистской Пропаганды (САСП), Харьковская группа анархистов-синдикалистов-коммунистов и др. В анархистском движении преобладали региональные организации. Ведущую роль играли федерации и группы, действовавшие в Петрограде и Москве. Лишь летом 1917 г., по итогам Харьковской конференции, было создано Временное Осведомительное Бюро Анархистов России – первая общероссийская структура движения, целями которой был обмен информацией между анархистскими организациями и подготовка нового общероссийского съезда анархистов.Его секретарем был избран А. Н. Андреев. Бюро выпустило три номера своего «Бюллетеня» в сентябре – декабре 1917 г.[5]

Обоснованием действий анархистов в этот период служила теория третьей революции, сформулированная в середине марта – апреле 1917 г. Согласно этой концепции, на первом этапе (февраль – март 1917 г.), к власти пришла буржуазия. Вторая стадия, связанная с борьбой за демократическую республику, должна была завершиться захватом власти социалистами. Они проведут аграрную реформу, меры социальной защиты рабочих, национализируют промышленность и транспорт. Затем под руководством анархистов рабочий класс, крестьянство и солдаты начнут третий этап революции – захват производства федерацией органов самоуправления трудящихся. Итогом последней стадии революции станет анархо-коммунистическое общество. Впервые эти идеи были

---

[4] Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 тт. Т. 2. 1917–1935 гг. М. 1999. С. 47.

[5] Там же. С. 49; *Ермаков В. Д.*, *Талеров П. И.* Указ. соч. С. 696; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 24 об.; РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Д. 80. Л. 102-102 об.

высказаны в журнале «Коммуна», в середине марта 1917 г.[6] В апреле их более систематически выразил В. М. Волин (Эйхенбаум)[7]. При этом не отрицалась возможность немедленно, не дожидаясь третьего этапа, приступить к «решению всех задач этой революции»[8]. В марте – апреле 1917 г. эта теория стала обоснованием коалиции анархистов с социалистами против либерального Временного правительства, в апреле – ноябре – союза с большевиками против либералов и умеренных социалистов. После Октября 1917-го с ее помощью доказывали неизбежность анархистской социальной революции. Уже весной – летом 1917 г. большинство анархистов заняло интернационалистскую позицию по отношению к Первой мировой войне. Так, например, МФАГ охарактеризовала войну, как империалистическую, призвав «к прекращению ее усилиями международного пролетариата»[9]. В «Декларации» САСП, принятой в начале июля 1917 г., указывалось, что «прочный мир между народами» может «явиться лишь результатом победоносного восстания пролетариата во всех воюющих странах»[10]. Эта позиция получила поддержку на конференции анархистов в Харькове. Ее воззвание «Народы России и мира!» призвало покончить с капитализмом и войнами, установив «анархо-коммунистическое общество» с помощью социальной революции[11]. Из влиятельных анархистов оборонцем остался лишь П. А. Кропоткин.

Рост самоорганизации трудящихся, наблюдавшийся весной – осенью 1917 г. порождал надежды на скорое воплощение в жизнь идей анархического коммунизма. Казалось, Советы рабочих и солдатских депутатов, Советы крестьянских депутатов, фабрично-заводские и солдатские комитеты, профессиональные союзы, кооперативы готовы взять на себя управление различными областями жизни общества на началах самоуправления. Подобные настроения анархистских лидеров весьма характеризует высказывание Г. К. Якобсона: «Темный, забитый безграмотный рабочий за семь месяцев революции покрыл все безгранично, неимоверно громадное пространство Российского Государства густой сетью всевозможных организаций. Создалось небывалое по своей величине и мощи Кооперативное движение. Выросли удивительно быстро могучие профессиональные союзы, охватившие все отрасли промышленности. Рабочий класс сплачивается все больше и больше. <…> Сам,

---

[6] Революция и ее задачи // Коммуна. № 1. 17 марта 1917 г. С. 1–2.

[7] [*Эйхенбаум В. М.*] Неизбежное началось // Голос труда. № 133. April 13. 1917. С. 1.

[8] *Волин* [*Эйхенбаум В. М.*] Революция и анархизм (сборник статей). Б.м. 1919. С. 21.

[9] Декларация Московской федерации анархических групп// Клич. № 1. 1917. С. 47.

[10] Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды // Голос труда. № 1. Пятница 11 (24) августа 1917. С. 1.

[11] Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1935 гг. Т. 2. 1917 – 1935 гг. С. 51.

самостоятельно, он творит свое великое дело, без представителей власти, часто вопреки им»[12].

Отношение анархистов к организациям трудящихся не было однозначным. Условием поддержки Советов, как правило, считался их отказ от претензий на власть. При это признавалось возможным превратить Советы в организации, основанные на анархистских принципах. Такую точку зрения, например, высказал активист КАСА Павел Арсентьев: «бороться в них с тенденциозностью, захватом власти, указывать что законы их – это новые кандалы, которые скинул народ, что положительное не Советами может создаваться, а жизнью, а их дело только сконцентрировать в себе эту жизнь и исполнять веления народа».[13] Так, Харьковская конференция анархистов признала желательным участие в них с целью получения информации. Ее резолюция указывала, что Советы не должны превращаться в органы власти[14]. Шли споры и об отношении к фабрично-заводским комитетам (ФЗК). С одной стороны, уже в мае – начале июня 1917 г. анархисты видели в них силу, способную социализировать промышленность на основах самоуправления. Так, на I и IV конференциях ФЗК Петрограда (30 мая – 3 июня и 10 октября 1917 г.) представитель Шлиссельбургского порохового завода, анархист-коммунист И. П. Жук призвал передать предприятия в управление контрольным комиссиям, избранным рабочими и служащими, а сельское и лесное хозяйство – крестьянским комитетам. Для координации управления экономикой он предлагал создать региональные и всероссийское бюро комитетов[15]. На II конференции ФЗК Петрограда и окрестностей, 11 августа 1917 г., лидер САСП В. Волин заявил, что комитеты должны объединиться с крестьянскими и солдатскими организациями и стать центром борьбы за ниспровержение капитала и государства. 19 октября 1917 г., на I Всероссийской конференции ФЗК, анархо-синдикалист В. С. Шатов предложил использовать комитеты для социализации производства[16]. Однако, на конференции анархистов в Харькове мнения разделились. Большинство, признав, что ФЗК – «орган администрации», охраняющий частную собственность, отвергло сотрудничество с ним. Другие, признавая, что «фабрично-заводской комитет <…> – орган революционной самодеятельности и организованного перехода предприятия в руки трудящихся в момент восстания», призвали участвовать в нем[17]. Впоследствии эта точка зрения получила поддержку большинства анархистов. Серьезными

---

[12] *Аскаров Г.* [*Якобсон Г. К.*] «Кризис власти» // Анархия. № 5. 9 октября 1917. С. 1.
[13] *Ар[сентьев П.]* Роль «Советов» и анархисты в них // Свобода внутри нас. № 1. 1917. С. 4.
[14] Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1935 гг. Т. 2. С. 47 – 48.
[15] Там же. С. 32 – 33, 38 – 39.
[16] Там же. С. 37, 39.
[17] Там же. С. 48.

были разногласия о роли профессиональных союзов в революции. Часть делегатов харьковской конференции признала их организациями, обеспечивающими трудящимся лишь материальные улучшения. Другие встали на традиционную точку зрения синдикалистов, признав профсоюзы ведущей силой в классовой борьбе и строительстве анархо-коммунистического общества. Среди делегатов были как сторонники неидеологических рабочих союзов, так и профсоюзов с либертарно-коммунистической программой. Не была единой и позиция об отношениях между ФЗК и профсоюзами. Часть делегатов в Харькове признали комитеты единственной классовой организацией рабочих. Их оппоненты требовали интегрировать ФЗК в состав профсоюзов, как более массовой организации[18].

Летом 1917 г. завершилось размежевание анархистов на два течения, подтвержденное резолюцией Харьковской конференции: «бунтарское с широкой агитацией совместно со стихийными активными выступлениями до периода реакции и синдикалистское – представленное “Союзом анархо-синдикалистской пропаганды”»[19]. Обе фракции движения выступали за свержение Временного правительства. При этом «бунтари», преобладавшие в «общеанархистских» организациях с апреля 1917 г., верили в силу стихийного восстания масс, ведущего непосредственно к анархическому коммунизму.[20]Анархо-синдикалисты ориентировались на деятельность в рабочих организациях с целью развития классовой борьбы, подготовки к экспроприации средств производства, строительству новых экономических отношений. Такая задача была поставлена в Декларации САСП, принятой 4 июля 1917 г.[21] Эта организация придерживалась концепции «переходного периода», в 1915–1916 гг. сформулированной Л. И. Фишелевым. Он предполагал, что после победы социальной революции государство сохранится в виде «федерации вольных городов и вольных общин, которая <...> стремится к разрушению современных централистических государственных форм»[22]. В Советах Фишелев видел форму государственности, переходной к безвластию[23].

---

[18] Там же.

[19] Там же. С. 47.

[20] Там же. С. 31; Прямо к цели // Коммуна. Май 1917 г. № 3. С. 1; *Вл. Бармаш*. И вновь… ложь и обман // Анархия. № 4. 2 октября 1917. С. 2; *Achim G*. Даровые квартиры народу // Анархия. № 4. 2 октября 1917. С. 2.

[21] Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды. С. 1; *Волин*. Большевизм и анархизм // Голос труда. № 11. 1917. С. 2.

[22] *Раевский М.* [*Фишелев Л. И.*] Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. Нью-Йорк. 1919. С. 6, 30 – 31; [*Фишелев Л. И.*]. Парижская коммуна и настоящий момент // Голос труда. 12 марта 1915 г. № 28. С. 1.

[23] *Раевский М.* [*Фишелев Л. И.*] Роль Советов Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов> в революции // Голос труда. Пятница 11 (24) августа 1917. № 1. С. 2.

Постепенный переход «к полному проведению коммунистических принципов в экономических отношениях», полагал он, приведет к ликвидации государства[24]. В «Декларации» САСП утверждалось, что итогом революции станет «создание общественного строя, который естественно и сравнительно безболезненно будет эволюционировать в направлении к полному осуществлению анархо-коммунистического идеала»[25]. Считалось, что его основой станет федерация территориальных общин и производственных объединений трудящихся. Политическую систему реорганизуют Советы. Социализацию земли и производства, управление экономикой возьмет на себя Всероссийский союз организаций производителей, объединяющий крестьянские комитеты и ФЗК[26].

В результате «апрельского кризиса» 1917 г. лидеры правосоциалистических партий вошли в состав Временного правительства. Анархисты обвинили их в сотрудничестве с буржуазией. Так, один из лидеров петроградских анархистов И. С. Блейхман заявил: «Определяя пути борьбы, мы считаем необходимым <...> отмежеваться не только от буржуазии, но и от всех демократических элементов, отождествляющих свои задачи с задачами буржуазии, от всех, говорящих о поддержке правительства…»[27]. В результате, весной – осенью 1917 г. анархисты поддержали идею блока леворадикальных сил. Анархо-синдикалисты, напротив, призывали не доверять большевикам. Фишелев обвинял Ленина в стремлении установить диктатуру РСДРП(б): «Выдвигание в России лозунга захвата власти пролетариатом, т<о> е<сть> относительно незначительным меньшинством населения <...> нельзя не считать показателем обратного поворота большевиков к бланкизму <…> Мы, таким образом, имеем дело с установлением диктатуры меньшинства населения, что логически ведет за собой диктатуру той политической партии, которая руководит этим меньшинством. Осуществление же такой диктатуры естественно предполагает не децентрализацию и распыление государственной власти, – что явилось бы неизбежным следствием перехода власти к Советам, – а наоборот, означает захват центральной власти определенной политической партией и дальнейшую централизацию и усиление государственной власти. План несомненно утопический, ибо он предполагает устранение от участия в самоуправлении страны <...> многомиллионной массы крестьян, не принадлежащих к

---

[24] *Раевский М.* [*Фишелев Л. И.*] Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. С. 30–31, 68.

[25] Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды. С. 1.

[26] Там же; *Раевский М.* [*Фишелев Л. И.*] Роль Советов Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов>в революции.

[27] *Солнцев Н.* [*Блейхман И. С.*] Что делать? // Коммуна. Май 1917 г. № 3. С. 6–7.

числу «беднейших» <...>»[28]. Лев Фишелев полагал, что трудящиеся не выиграют от этой диктатуры, тем более что возможности для самоорганизации существуют при власти Временного правительства.

В мае – июне 1917 г. обострились отношения между Временным правительством и «бунтарями»-анархистами. Началом противостояния стал захват правительственными войсками 6 июня 1917 г. дачи бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново, ранее превращенной в штаб-квартиру анархистами-коммунистами. В ответ по всей России анархисты призывали трудящихся к Социальной революции[29]. Вскоре, 3–4 июля 1917 г., совместно с большевиками они организовали в Петрограде массовую вооруженную демонстрацию рабочих, солдат и матросов,[30] предполагая, что она перерастет в восстание. По инициативе Петроградской Федерации Анархистов 9 июня, на конференции представителей 150 предприятий и воинских частей столицы был избран Временный революционный комитет (ВРК). После победы восстания он должен был превратиться в орган, контролирующий Петроградский Совет,[31] в руки которого перешла бы вся полнота власти. Однако попытка восстания была подавлена и к власти пришло правительство А. Ф. Керенского.

В условиях корниловского мятежа 9–13 сентября 1917 г. анархистские организации пытались превратить сопротивление мятежникам в социальную революцию. Так, саратовские и ростовские анархисты призвали рабочих, выйдя «на улицу с оружием в руках», начать социализацию земли и промышленности[32]. Мятеж провалился, но осенью 1917 г. Керенский стремительно утрачивал поддержку как буржуазных, так и левых политических сил. Анархисты учитывали это обстоятельство. Так, Федерация Анархистов-Коммунистов Харькова в своем воззвании указывала на опасность нового заговора сторонников Корнилова. Единственный способ противостоять контрреволюционерам харьковские анархисты-коммунисты видели в развитии социальной революции[33]. Осенью 1917 г. в знак протеста против экономического кризиса в городах России начались стихийные бунты. Критикуя эти акции, анархисты

---

[28] *Раевский М.* [*Фишелев Л. И.*] Новый лозунг большевиков // Голос труда. № 2. 18 (31) августа 1917. С. 1.

[29] См., например, воззвание Саратовской революционной группы анархистов-коммунистов (17 июня 1917 г.): Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1935 гг. Т. 2. С. 45–46.

[30] *Ермаков В. Д.* Анархистское движение в России: история и современность. Санкт-Петербург. 1997. С. 54 – 56.

[31] Там же. С. 56.

[32] Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1935 гг. Т. 2. С. 57; К моменту // Анархист. № 7. 5 сентября 1917. С. 2.

[33] Там же.. С. 58, 60–61.

призвали к целенаправленным действиям. Так, активист МФАГ Т. Пиро призвал к коллективной и организованной экспроприации, осудив «болезненные явления»: самосуды над офицерами, поджоги и уничтожения имений в деревнях, разгромы магазинов и складов[34]. Напротив, осеннюю забастовку железнодорожников, участники которой были преданы суду Временным правительством, МФАГ и САСП поддержали[35].

К осени 1917 г. серьезно выросло влияние РСДРП(б) на рабочие и солдатские массы. Большевики завоевали большинство во многих Советах, районных и городских думах. В этих условиях усилилось недоверие анархистов к большевикам, как приверженцам государственно-капиталистического строя и диктатуры, стремящихся использовать рабочее движение для захвата власти[36]. «Ленин безсомненно также быстро превратился бы в безответственного диктатора, как Керенский; ибо чем первый лучше последнего? Разве последний еще так недавно не медоточил на всех митингах, обещая никогда не употреблять силу против народа, если даже это понадобится? <...> Нам кажется, что Ленин такого обещания даже не даст… не то, что исполнит»[37], – писал В. Гордин. Он заявлял, что «диктатура пролетариата» превратится в господство буржуазии и бюрократии, поскольку «пролетариат не приучен к власти, не умеет властвовать, не знает как обращаться с этим угнетательским механизмом»[38]. Тем не менее, осенью 1917 г. Гордины признали необходимость диктатуры большевиков, рассматривая ее, как «меньшее зло» при угрозе возрождения «корниловщины»: «При опасности диктатуры помещичества и буржуазии мы временно поддерживаем диктатуру пролетариата»[39].

Революционные события в Петрограде 24–25 октября 1917 г. были с сочувствием встречены анархистами-коммунистами и частью анархо-синдикалистов. В состав возглавившего восстание Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК) вошли 4 анархиста-коммуниста (И. С. Блейхман, И. П. Жук, К. В. Акашев, Г. М. Богацкий), 1 анархист-индивидуалист (Ф. И. Другов), 2 анархо-синдикалистов (члены САСП

---

[34] *Пиро Т.* Дух разрушающий и дух погромный // Анархия. № 4. 2 октября 1917. С. 1.

[35] *Ковалевич К.* Провокаторы и железнодорожники // Анархия. № 4. 2 октября 1917. С. 2; *Ковалевич К.* Борьба не закончена // Анархия. № 5. 9 октября 1917. С. 2

[36] См., например: К железнодорожной забастовке // Вольный Кронштадт. № 1. 2 октября 1917 г. С. 1; *Бортновский* [*Карелин А. А.*]. Государственный капитализм // Вольный Кронштадт. № 1. 2 октября 1917 г. С. 3–4.

[37] *Братья Гордины*. Ничего не забыли и ничему не научились // Анархист. № 11. 22 октября 1917. С. 2.

[38] Там же. С. 2.

[39] *Бр. Гордин*. О моменте. Борьба диктатур // Свободная коммуна. Орган Петроградских и кронштадтских анархистов-коммунистов. № 1. 17 (30 сентября) 1917 г. С. 1.

В. С. Шатов и Е. З. Ярчук). Анархисты приняли непосредственное участие в Петроградском восстании. Так, К. В. Акашев сыграл важную роль во взятии Зимнего дворца. Будучи комиссаром Временного правительства в Михайловском артиллерийском училище, он сумел вывести из Зимнего дворца две юнкерские батареи, что ослабило силы защитников Временного правительства и избавило штурмующих от серьезных потерь.Ф. П. Другов был одним из организаторов и участников штурма Зимнего дворца. В состав походного штаба, руководившего отрядами кронштадтских матросов в дни восстания входил Е. Ярчук. Э. А. Берг, А. Г. Железняков, А. В. Мокроусов и Е. З. Ярчук были комиссарами отрядов балтийских моряков, действовавший в Петрограде. Анархисты входили в состав отрядов красногвардейцев завода «Русский Рено», Василеостровского, Выборгского, Невского и Шлиссельбургского районов. Красную гвардию Шлиссельбургского порохового завода в дни восстания 24–25 октября 1917 г. возглавил И. П. Жук[40].

В большинстве своем анархисты поддержали свержение Временного правительства. МФАГ приветствовала действия большевиков, полагая, что в РСДРП(б) «находятся изверившиеся в другие партии, обманутые изменниками социализма, – пролетарии, солдаты и крестьяне»[41]. Многие, как В. Гордин, изменили свою позицию, поверив в приближение тактики и стратегии РСДРП(б) к анархистской: «Большевик ленинский, в сущности, есть только скверный бессистемный и меньшевистский анархист»[42]. Однако среди влиятельных анархистов были и критики действий большевиков. Так, А. Атабекян 28 октября 1917 г. выступил с воззванием к анархистам. «Совершилась не народная революция, а преступный партийный заговор»[43], – писал он, обвиняя большевиков в преследовании инакомыслящих, социальной демагогии и расстрелах без суда в Москве[44]. Более осторожно выразил свою позицию САСП. Протестуя против «политического акта – захвата власти», подчинившего рабочее движение РСДРП(б), анархо-синдикалисты делали оговорку, что если «выступление» примет массовый характер, их организация примет в нем «самое активное участие»с целью пропаганды: «Мы не можем не быть заодно с революционной массой, хотя бы она и шла не

[40] *Генис В. Л.* Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920-1933). Книга 2. М. 2012. С. 450-452; *Другов Ф. П.* Анархисты в русской революции: Октябрьские дни в Смольном // Пробуждение. Июнь – октябрь 1932. № 21-22. С. 72-77, Ноябрь – декабрь 1932. № 28-29. С. 19-24; *Ермаков В. Д.* Анархистское движение в России: история и современность. С. 59-60; *Канев С. Н.* Революция и анархизм. С. 291.

[41] Революция продолжается // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1.

[42] *Бр. Гордины*. К объединению! // Буревестник. № 1. 11 ноября 1917. С. 1.

[43] *Атабекян А. М.* Против власти. Москва. 2013. С. 23.

[44] Там же. С. 41–43.

по нашему пути <...> Мы считаем <...> всегда нашим долгом участвовать в таком движении, стремясь внести в него наше содержание, нашу идею, нашу истину»[45]. Кроме того, анархо-синдикалистские лидеры, как и их оппоненты из числа «бунтарей», не рассчитывали на долговременный характер новой власти. Так, В. Волин полагал, что большевики не пойдут на коммунистические преобразования, «неизбежно будут засосаны болотом сделок, соглашений, закулисной политики, осторожности и умеренности»[46]. В итоге они будут свергнуты народным восстанием[47]. Выход из этой ситуации активисты САСП видели в противодействии усилению власти нового правительства, а также – в объединении рабочих и крестьян в «трудовые беспартийные организации»[48], которые станут основой безвластного коммунистического строя, а также в создании беспартийных Советов, противостоящих «властническим» Советам большевиков[49].

Ряд социально-экономических преобразований, проведенных большевиками в первые месяцы после захвата власти, были поддержаны частью анархистов. Так, один из лидеров ПФАГ, А. А. Карелин поддержал введение «Декрета о земле», фактически давшего санкцию на экспроприацию и раздел помещичьей земли крестьянами по традиционным общинным традициям: «Большевики сделали даже больше, чем обещали, так как новый «закон» предлагает крестьянам взять землю в трудовое владение»[50]. Симпатизирующие большевикам анархисты даже апеллировали к СНК, призывая санкционировать обобществление банковских капиталов, промышленности и недвижимости, передав предприятия в ведение рабочих, частную торговлю – кооперативным объединения, а дома – жителям[51]. Карелин утверждал, что правительство «большевиков ленинского толка» не будет мешать рабочим в проведении анархо-коммунистических преобразований[52].

---

[45] О так называемом «выступлении» (заявление Петроградского союза анархо-синдикалистской пропаганды, 20 октября (2 ноября) 1917 г.) // Голос труда. № 11. Пятница, 20 Октября (2 Ноября) 1917 г.

[46] *Волин.* [*Эйхенбаум В. М.*] Новая власть // Голос труда. № 14. 4 (17) ноября 1917. С. 1.

[47] *Волин.* [*Эйхенбаум В. М.*] Большевизм и Анархизм // Голос Труда. Голос Труда. № 12. 27 октября (9 ноября) 1917. С. 2.

[48] *Волин.* [*Эйхенбаум В. М.*] Вторая революция // Голос труда. № 13. Пятница, 3 (16) Ноября 1917 г. С. 1; Его же. Революция и анархизм. С. 46 – 47.

[49] *Волин.* [*Эйхенбаум В. М.*] Диктатура пролетариата и Советская власть // Голос труда. № 23. 16 (29) декабря 1917. С. 2.

[50] *Карелин А. А*. Петроград, 12 ноября 1917 г. // Буревестник. № 2. 12 ноября 1917. С. 1.

[51] См., например: Григорий Сахновский. Призыв к народам России и к лицам, исполняющим волю народную // Буревестник. № 12. 25 ноября 1917. С. 3; *Г. С.* [*Сахновский Г.*] Обращение к большевикам и их руководителям // Буревестник. № 12. 25 ноября 1917. С. 3.

[52] Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1936 гг. Т. 2. С. 101.

Октябрьские революционные события усилили надежды анархистов на скорое воплощение в жизнь идеалов безвластного общества. «Мы должны готовиться к анархической революции. Передовые отряды революционного авангарда уже опережают своих вожаков, они идут прямо к цели. Большевизм уже не удовлетворяет. Стремление к анархизму растет с каждым днем. <…> Теперь, как никогда еще в мире не было столь благоприятных условий для торжества анархии»[53], – писал один из членов ПФАГ. Активисты МФАГ также оценивали события, как начало новой революции, в результате которой будет установлен «вольный союз свободных коммун»[54]. На эту перспективу был нацелен изданный в ноябре 1917 г. программный «Манифест Московской Федерации Анархических групп». Для реорганизации производства и потребления, борьбы с голодом, управления транспортной системой, предполагалось опереться на сеть ФЗК и крестьянских союзов, объединенную на уровне областей и всей России «снизу вверх на федеративных началах» в «Союзы Труда». Во главе их должны были стоять «экономические советы». В руки «Союзов труда» перешло бы заведование землей и предприятиями, планирование производства, предоставление кредита, налаживание обмена между городом и деревней, внешняя торговля. На уровне всей страны регулирующие функции переходили к Всероссийскому Совету Труда (ВСТ). Ряд мер были актуализированы в условиях экономического кризиса. Предполагались отмена обесценившихся денег и установление натуральной оплаты труда, реквизиция торговых предприятий и учет «всех продуктов земли и товаров». Снабжением населения должны были заняться ФЗК и домовые комитеты. В области сельского хозяйства признавались три уклада: индивидуальный (в том числе – хуторской), «товарищеский» (коллективный) и общинный. Манифест признал власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на период формирования новой системы. Им предстояло создать ВСТ, провести намеченные в «Манифесте» меры[55].

В 1917 г., когда анархистское движение впервые в истории России получило возможность действовать легально, его лидеры выдвинули задачу непосредственного воплощения в жизнь идеалов анархии. В этих условиях анархисты стремились опираться на сложившиеся формы самоорганизации трудящихся, воспринимая их, как инструменты для строительства нового, безвластного, общества. В этой ситуации они рассматривали большевиков как своих союзников и, в то же время,

---

[53] *Горшков Н.* Петроград 19-го ноября 1917 г. // Буревестник. № 8. 19 ноября 1917. С. 1.

[54] Товарищи! // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1; Анархия – мать порядка! // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1.

[55] Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1936 гг. Т. 2. С. 66 – 68.

вероятных противников в будущем. Все эти обстоятельства обусловили участие анархистов в революционных событиях Октября 1917 г., воспринимаемых как закономерный этап в борьбе за анархо-коммунистическое общество.

Г. А. Наумова

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО В СССР

Одним из важнейших принципов политики советской власти стало провозглашение культурной революции, которая преследовала основные задачи: приобщение к культуре широких масс; организация культуры таким образом, чтобы она показывала преимущества нового строя. Задача приобщения к культуре простого народа имела огромное значение для дальнейшего развития Советского государства. На III Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин, выступая перед собравшимися делегатами говорил: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого – просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»[1].

Первые декреты Советской власти были направлены на установление демократических институтов, ликвидации неравенства по национальному и сословному признакам, раскрепощение женщины. Из подвалов и лачуг семьи рабочих переселяли в особняки капиталистов, купечества, дворянства. Было введено социальное страхование, законы по охране труда, бесплатной медицинской помощи.

Музеи, библиотеки, школы, театры, художественные галереи, высшие учебные заведения, все богатство культуры объявляется достоянием народа. Уже в 1917 г. были национализированы Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, Оружейная палата, дом Л. Н.Толстого в Москве, музей Чернышевского в Саратове, многочисленные частные коллекции купцов Морозовых, Мамонтовых, Бахрушиных, Третьяковых, графов Шереметевых, князей Голицыных, Юсуповых и многих других. В мае 1918 г. были превращены в музеи и открылись для посещения дворцово-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 289.

парковые ансамбли Павловска и Царского Села, экскурсии сопровождал сам нарком просвещения А. В. Луначарский. Вскоре музеями стали другие дворцы Петрограда и его пригородов, а также отдельные Московские и Подмосковные усадьбы Останкино, Архангельское, Остафьево, Дубровицы и прочие. Активно создавались новые музеи, например, в некоторых усадьбах – музеи быта (имения Юсуповых, Шереметевых, Строгановых), игрушки, изящных искусств, мебели (Александровский дворец Нескучного сада), Морозовского фарфора, живописи (усадьба Кусково). Всего только с 1918 по 1923 гг. было открыто 250 новых музеев[2].

При Наркомате просвещения РСФСР 26 мая 1918 г. был создан Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, который сокращенно называли Музейным отделом. Его возглавляла Наталья Ивановна Седова-Троцкая. Коллегию отдела составляли известные еще до революции специалисты-искусствоведы, музейные работники, архитекторы. Также были приняты законодательные акты, призванные способствовать учету и сбережению национального культурного наследия. 19 сентября 1918 г. Ленин подписал Декрет, запрещающий вывоз из Республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев и охране памятников. Пятого октября 1918 г. Владимир Ильич подписал декрет Совнаркома «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», где говорилось: «В целях охранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс с сокровищами искусства и старины, находящимися в России, Совет Народных Комиссаров постановил: Произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чьем бы обладании они ни находились, – в другом пункте прописано – «Владельцы монументальных памятников, собраний или отдельных предметов искусства и старины (частные лица, общества и учреждения) обязаны не позднее месяца со дня опубликования настоящего декрета представить общие сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины, а также списки с полным их перечнем в Комиссию по охране и регистрации в Петербурге и Москве, на местах в губсовдепы в отделы народного просвещения, в случаях невозможности по каким-либо причинам представить полные списки уведомить об этом комиссию»[3] и др.

О том, что с самого начала советская власть проводила политику охраны культурного наследия и исторических памятников свидетельствует

[2] *Полякова М. А.* Охрана культурного наследия России: учебное пособие для вузов. М., 2005. С. 45, 48.

[3] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1918.

следующий документ «Воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов к гражданам России» (1917 г.). В нем говорилось: «Граждане! Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит народу. Берегите это наследство, ... Берегите картины, статуи, здания – это воплощение духовной силы вашей и предков ваших, ... Не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, старинные вещи, документы – все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастет наше новое народное искусство»[4].

Третий съезд Советов в январе 1918 г. принял постановление о развитии музейного дела в стране. В соответствии с ленинской концепцией культурной революции в постановлении подчёркивались значение сохранения культурного наследия, необходимость превратить культурные ценности «в музеи для общенародного пользования и сделать их источником воспитания»[5]. В программе, принятой на восьмом съезде РКП(б) в марте 1919 г., записано: «Открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров»[6].

Первые итоги деятельности Советской власти в области музейного дела подвела Всероссийская музейная конференция, проходившая в Петрограде в 1919 г. На ней была разработана программа развития музейного дела, которая вобрала в себя и традиции дореволюционной России. Был взят курс на превращение музеев в культурные центры, объединенные в определенную систему, опирающиеся в своей работе на научные исследования и широко открытые массам для их приобщения к культурному наследию. Программа, принятая на конференции, ставила своей целью создать единую сеть музеев Советской России, подчиненную государственному руководству и контролируемую со стороны общественности.

Принципиально новым направлением в музейном деле явилось создание музеев нового типа. После Октябрьской социалистической революции были ликвидированы церковные музеи, перестали существовать музеи в воинских частях царской армии. Однако коллекции этих музеев не пропали, они были сохранены, поставлены на учет и переданы вновь образованным государственным музеям.

Политика советской власти в области науки и культуры требовала развития сети исторического музея, как важного фактора в образовании

---

[4] Охрана культурного наследия в документах XVII-XX вв. Хрестоматия. Т. 1. М., 2000. С.410–411.

[5] Цит. по кн. *Аксенова А. И.* История. Судьба. Музей. Владимир, 2001. С. 98.

[6] Там же.

и воспитании народных масс. Повсеместно создавались исторические музеи и музеи революции. Так, например, в 1919 г. в Петрограде был основан Музей революции, который разместился в залах Зимнего дворца. В его создании приняли участие известные деятели государства и видные представители науки и культуры: А. В. Луначарский, А. М. Горький, академик С. Ф. Ольденбург, революционеры-народники В. Н. Фигнер и М. В. Новорусский, А. И. Морозов. По замыслу создателей Музей Революции должен был стать первым музеем в России, полностью и всесторонне освещающим ход и развитие революционных движений во всем мире. Перед сотрудниками музея ставилась основная цель – сформировать коллекции по двум основным направлениям: историю классовой борьбы в России (от восстания Пугачева до начала социалистического строительства) и на Западе (от Великой Французской буржуазной революции до создания Коммунистического Интернационала). 11 января 1920 г. музей принял первых посетителей.

В 1922 г. подобный музей создается в Москве – Историко-революционный музей Красной Москвы, в 1924 году превращенный в Музей революции. Музеи Красной Армии собирали и хранили материалы о вооруженной защите социалистического Отечества. Музеи революции создавались повсюду – и в губернских, и уездных городах. Сложившаяся сеть исторических музеев в первые годы Советской власти отличалась большим разнообразием. Она включала помимо революционных, исторические музеи национальных районов, историко-культурные заповедники, историко-археологические, историко-бытовые, историко-художественные, историко-этнографические.

В решении Первой Всероссийской конференции по делам музеев подчеркивалась задача, стоявшая перед музеями, а именно: использовать свои собрания для развития науки и коммунистического воспитания народа. Также ставились и другие цели и задачи: музеи становились идеологическими, научно-просветительскими; необходимость создания источниковедческой базы науки и организация самостоятельных исследований в области краеведения; изучение истории Октябрьской революции и гражданской войны и создание тематических музеев; разработка и внедрение новых подходов в теории музееведения.

С созданием Главмузея завершился процесс формирования государственных структур управления музейным делом. По значению все музеи были разделены на три категории, сфера деятельности которых не была ограничена территориально, областные, функционировавшие в пределах губернии или области, и местные, в задачу которых входило собирание и демонстрация материалов локального значения. «Занятия областной историей диктуются бессознательным чувством любви к

родному краю, глубоко коренящуюся в нас потребностью знать прошлые судьбы того края, к которому мы привязаны.Но другим двигателем является научное требование, которое ставит занятие областной историей как очень важную отрасль занятий вообще»[7]. При систематизации музейной сети были определены следующие профили музеев: историко-культурный, историко-бытовой, историко-революционный, военно-исторический, историко-археологический, историко-этнографический, сельскохозяйственный, политехнический, комплексный (краеведческий, мемориальный).

Большая группа музеев СССР того периода имела местное значение и подчинялась Центральному бюро краеведения. Возникновение и деятельность этих музеев были тесно связаны с краеведческим движением, которое в 1920-е гг. XX в. занимало огромное место в общественной и культурной жизни провинции. Нарком просвещения А. В. Луначарский придавал огромное значению краеведению. Выступая на Первой Всероссийской конференции по краеведению, состоявшейся в Москве в декабре 1921 г. заявил: «Мертвая статистика или служебные данные ничто по сравнению с материалами, которые вы нам дадите во всех областях как естественно-научного, так культурно-исторического и общественного обследования России»[8]. Задачам краеведения первых послереволюционных лет был посвящен специальный доклад одного из организаторов конференции известного этнографа В. В. Богданова, в котором говорилось: исходя из того, что «изучение края поставлено сейчас в России как одна из коренных задач русской науки, русского просвещения и русской экономики». При всех недостатках (неприспособленные помещения, недостаточное финансирование, отсутствие сотрудников) краеведческие музеи сыграли важную роль в повышении культурного уровня общества. Они были формой проявления демократической самодеятельности населения, рассказывали о традициях, национальных корнях, объединяли общество. Именно результаты работы краеведов, проводивших на базе собранных коллекций конкретные исследования, позволили советской исторической науке сохраниться как таковой.

Новые задачи музеев как хранилищ материальной культуры были определены в Постановлении СНК и ВЦИК «О музейном строительстве в РСФСР» от 20 августа 1928 г.В нем отмечались недостатки в работе музеев и в связи с этим ставились определенные задачи: 1) возможно большего участия музеев в развитии научно-исследовательской работы; 2) широкого и углубленного обслуживания музеями культурно-просве-

---

[7] *Богословский М. М.* Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1993. № 4. С. 6.

[8] Там же. С. 15–16.

тительных потребностей трудящихся масс; 3) наибольшего приближения музеев к запросам школьного, профтехнического образования и массового просвещения; 4) участие музеев в изучении естественных производительных сил страны; 5) усиление музейной работы в культурно-исторической области в направлении изучения революции, рабочего движения и быта трудящихся; 6) содействия музеев индустриализации страны, развитию сельского хозяйства и кустарных промыслов; 7) помощи музеев поднятию культурного и экономического уровня развития отсталых народностей и национальных меньшинств; 8) содействия музеев в работе по укреплению обороны страны и реализации других важнейших задач социалистического строительства[9]. Содержание настоящего постановления свидетельствовало о придаче музеям большой роли в воспитании народных масс уже на новых социалистических традициях, музеи в своей массе, становились проводниками политики партии и правительства.

В 1930-е гг. повсеместно стали создаваться музеи В. И. Ленина: в Ульяновске, в Подмосковных Горках, в Подольске, в Казани, в Разливе, в Шушенском и других местах, 15 мая 1936 г. первых посетителей встретил Центральный музей В. И. Ленина в Москве.

Как считает большинство специалистов, музей – это «сокровищница овеществленной человеческой памяти, во все периоды существования общества служил ему источником, который пополнял духовные силы, сохранял коллективную память, обогащал и развивал интеллект нации. В переломные периоды, переживаемые обществом, роль музеев многократно возрастала и становилась комплексной, охватывая сферу не только духовной жизни, но и существенно влияя на экономику и социальную жизнь общества»[10].

За годы Советской власти в СССР были созданы сотни историко-революционных, ленинских музеев, комнат боевой и трудовой славы, мемориальные экспозиции, посвященные общественным, политическим деятелям советской эпохи, выдающимся военным и полководцам, народным героям. Все эти музеи, отражавшие общественные потребности времени, выполняли идеологические, образовательные, воспитательные, познавательные и другие функции. Они воздействовали на формирование мировоззрения личности, внесли определенный вклад в изучение и сохранение мемориальных памятников истории советского государства. В этот период были сформированы коллекции, обеспечивающие научное отражение исторического процесса, подготовлены высококвалифицированные кадры. Целый ряд музеев имел статус «народного», т. е. они

[9] Охрана культурного наследия в докум. Указ. соч. С. 440–442.
[10] *Решетников Н. И.* Музееведение. Курс лекций. М., 2000. С. 13.

создавались детьми и взрослыми на частные пожертвования, работа в них велась на общественных началах, на энтузиазме и чувстве местного патриотизма, любви к родному краю. Порой для небольшого населенного пункта или сельской местности данный музей выполнял роль единственного культурно-просветительного центра[11].

Отдельно следует отметить значение школьных музеев, роль которых особо возросла в годы Советской власти. В. Е. Туманов, один из ведущих специалистов в области истории и методики работы школьных музеев считает, что «школьные музеи, безусловно, можно отнести к одному из замечательных феноменов отечественной культуры и образования. Возникнув как межпредметные кабинеты для хранения учебно-наглядных пособий по истории и природе края, они в течение сравнительно короткого времени получили широкое распространение в педагогической практике как эффектное средство обучения и воспитания»[12].

Н. К. Крупская писала: «Мы изучаем наше прошлое не из простого любопытства: мы изучаем его, чтобы глубже понять настоящее, ...»[13].

Среди принятых правовых документов в первые годы Советской власти после Октябрьской революции, особо выделяются декреты 1918 года «О памятниках республики», «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения», «О регистрации, приеме на учет и сохранение памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». По подсчетам некоторых специалистов, всего за первые годы существования Советской власти было принято более 20 декретов и постановлений, касающихся культурного наследия.

Говоря о значении музеев в обществе, хотелось бы напомнить слова первого наркома Просвещения А. В. Луначарского, сделавшего много для сохранения памятников старины и культурного наследия, который назвал музеи «памятной книгой человечества»[14].

---

[11] Цит. по кн. Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России. М., 1999. С.265.

[12] *Туманов В. Е.* Школьный музей – хранитель народной памяти. М., 2006. С.5.

[13] Цит. по кн. Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1968. Вып. VI. С. 31.

[14] Там же.

Н. Я. Лактионова

ДЕМОНИЗАЦИЯ ОКТЯБРЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРУШЕНИЯ СТРАНЫ

Как ни печально, но сегодня квинтессенция ненависти к России – это инофрмационное пространство Украины. Совсем недавно ушел в мир иной Збигнев Бжезинский. Но есть последователи, еще более прямолинейные и жесткие. Так, например, на украинском портале «Хвилі» появилась русофобская статья с претенциозным названием «Что мировому сообществу делать с Россией? Новый «план Даллеса» для XXI века». И, если работы Зб. Бжезинского – это все-таки аналитический материал, то здесь скорее откровенное воззвание – призыв демонизировать Россию. Автор данного опуса Альфред Кшицкий – полковник в отставке Войска польского, который, как ни странно, вдохновлялся трудами нашего соотечественника, бывшего сотрудника РИСИ Александра Сытина[1].

Итак, А. Кшицкий: «В крахе СССР важнейшую роль сыграла именно десакрализация и дискредитация базовых положений советской идеологии. У современной России остается идеологический бастион (речь идет о Победе – Н. Л.). Его следует разрушить, невзирая на то, какую роль эта страна действительно сыграла в жизни тех, кто не успел стать жертвами Холокоста». И далее – прямой призыв к дискредитация России, которая «должна охватывать не только научное и публицистическое пространство. Эпоха глобальных информационных технологий позволяет сосредоточить усилия на двух главных направлениях: во-первых, ментально и символически приравнять СССР к гитлеровской Германии, разделив между ними для начала поровну статус воплощения абсолютного мирового зла… «Красное знамя победы» Серп и молот и

[1] Кстати, большой вопрос, а надо ли, чтобы русофобская точка зрения открыто декларировалась на ТВ-каналах, в том числе и выше названным персонажем?

георгиевская ленточка должны стать таким же табу, как свастика»[2]. Что, собственно уже и делается давно. Но эти сработавшие в «перестройку» технологии постоянно востребованы русофобами всех мастей на международном уровне. И периодически их вновь поднимают на щит против России. Заметим, что для ослабления российской государственности по-прежнему востребован именно антисоветизм.

Но главное в самой России, даже на официальном уровне, позиция смазанная, не выстроенная, а во многом вполне перекликающаяся с пропагандистской трактовкой тех или иных событий идеологических противников России (речь идет, в первую очередь, о Пакте Молотова-Риббентропа, о Катыни и пр.)

Дальнейшие призывы изливающего ненависть польского полковника сводятся к следующему: «… необходимо сосредоточить усилия на эмоциональном воздействии на аудиторию, в первую очередь, молодежную, путем создания фильмов, клипов, текстов эстрадных песен, компьютерных игр, в которых роль носителей «абсолютного зла» прочно закрепилось бы за русскими-советскими солдатами и офицерами, вне зависимости от эпохи и конкретного исторического контекста…»[3]. А разве в самой России современные режиссеры[4] не преуспели с подобными предложениями вполне или в определенной мере отвечающими пожеланиям мировых русофобов?

Демонизация советского периода – это технология развала страны. Сегодня, чтобы начать собирать камни, и выстраивать сильную государственность, нам надо отказаться от перестроечных мифов, которые были использованы как инструмент разрушения.

Смена общественного строя и дезинтеграция СССР – это совсем не следствие кризисных явлений социализма. Это – результат «холодной» информационной войны. Мы, как правило, проигрываем информационную войну, потому что не дооцениваем факта войны нетрадиционной, психологической и поэтому не умеем ее вести. И это причина того, что многие в нашей стране, теряя способность защищать свою государственность, совсем недавно покорно шли на поводу у про-

---

[2] *Кишцкий А.* «Что мировому сообществу делать с Россией? Новый «план Даллеса» для XXI века». //http://hvylya.net/analytics/geopolitics/chto-mirovomu-soobshhestvu-delat-s-rossiey-novyiy-plan-dallesa-dlya-xxi-veka.html

[3] Там же.

[4] Фильмы: «Сволочи» (реж.: Александр Атанесян), телевизионный сериал «Штрафбат» (реж.: Николай Досталь) и пр. Или из недавних, продемонстрированных на Первом канале, сериал режиссера Владимиара Котта «Пётр Лещенко», снятый несколько лет назад на Украине, и в 2017 г. докатившийся до главного телеканала страны. Здесь тоже военное время и искаженная биография великого певца. См. по этому поводу: Кондрашов А. Хабенский напел. Литературная газета, № 21 (6599), 31 мая 2017 г.

тивника в «холодной войне», стремясь объяснить все пороками нашей истории.

В «перестройку» для новой России на государственном уровне были востребованы старые мифы из арсеналов западных советоведческих институтов – все то, чем когда-то вдохновлялась радиостанция «Свобода». Пропаганда, построенная на отрицании успехов и выпячивании недостатков, сводилась, в основном, к противопоставлению России как «империи зла» благополучному и «гуманному» Западу. «Неолибералами была создана постмодернистская антикоммунистическая концепция, вобравшая в себя сталинские репрессии, очереди за колбасой, Пражскую весну, войну в Афганистане и пр. Все это одновременно служило прикрытием для наступления на ценности солидарного общества во всех его проявлениях, в любых странах и культурах»[5]. Все эти штампы прочно осели в массовом сознании.

Мифы размывают идеал сильной государственности, которая как раз и начинается в головах людей. Общество давно приучили искать негатив в собственном прошлом, предлагая новым поколениям осуждать деяния отцов и лишая их таким образом опоры в нашей истории. И еще: хотелось бы подчеркнуть, что репрессии (масштабы которых были беспрецедентным образом гиперболизированы) подавались в определенной мере как некий атрибут советского строя, что было неверно. Тем не менее, мы не можем, разумеется, закрывать глаза на драматические страницы нашей истории, но есть трагедия, а есть технология разрушения государственности. И это следует различать.

В современном мире все информационные пропагандистские усилия не только перестроечного периода, но и нашего сегодня, направлены на дискредитацию традиционно сильной государственности в массовом сознании. Перед геополитическим противником РФ по-прежнему стоит задача дальнейшего раскачивания и дробления российской государственности и так слабой. Другое дело, что не все у упомянутых визави с нашими людьми получается – в обществе давно созрел запрос на усиление государственной власти. Однако на ожидания общества надо отвечать – появляется державная риторика, многое подчинено пиару, но по многим позициям сильной власть себя не проявляет. Следует, однако, отдать должное – устоявшая в новой России стратегия запоздалого реагирования была во многом преодолена Крымом и Сирией. Тем не менее, действующая власть реально как конструктивный инструмент себя не проявляет. Она уходит из сфер, где надо срочно наводить порядок.

Отказ от прошлого привел к тому, что первые лица нашего государства во время международных визитов с готовностью извинялись за

---

[5] *Батчиков С., Глазьев С.* Новый левый поворот. //Завтра, № 16(647), 18 апреля 2006.

прошлое. При этом за бесконечными извинениями как-то камуфлировались другие события. Сколько негатива было высказано по поводу вмешательства СССР в Венгерские события, но в стороне остается, что в той самой Венгрии подогреваемые Западом противники социализма изуверски убивали коммунистов сотрудников милиции, спецслужб и военнослужащих. При этом сколько венгров с нетерпением ждали помощи из Советского Союза! И в Чехословакии, и в Венгрии, и в Афганистане была просьба национальных правительств. То есть у нашей страны просили помощи. Это совсем не то, что ставшие привычными вояжи США с очередным бомбометанием даже без санкции ООН. И здесь мы опять стали жертвами информационной войны. Комплексы по поводу прошлого – это пролог к уступкам и необоснованной сдачи позиций. Пораженческие настроения совершенно убийственны для нашего народа и для России. Я выделю лишь несколько аспектов, которые связаны с негативными последствиями, разрушающими традиционно сильную Российскую государственность.

Итак, к чему ведет демонизация советского периода?

Советский Союз был сильной, имперской державой, сдерживающей все агрессивные атаки западной потребительской цивилизации. **Не признавая Советский период, мы отвергаем сильную страну**. Сильное государство в существующих границах – девиз, который в свое время озвучил второй президент РФ – это не про Россию. И в руководстве страны естественным образом все-таки вызрела идея интеграции постсоветского пространства, пусть сначала через экономическую составляющую. По выражению И.Ильина, разделенная Россия «великий рассадник смут». И поэтому важно, чтобы хотя бы в головах оставалось пространство единой Империи. Оно по-прежнему продолжает существовать, невидимое и востребованное памятью многих народов, объединенных единым прошлым. Империя – это свойство России, способ ее существования. Поэтому целенаправленно били по идее империи, демонизировали ее, объявив советскую Россию «империей зла».

Далее – неприятие советского периода – это разрушение межпоколенческих связей. Когда молодежь десятилетиями учили ерничать и презирать подвиги отцов. Но не все этому научились. Во многом получился обратный результат.

Кроме того: если мы отвергаем советский строй как преступный, то **создаются условия для территориальных и юридическая основа для материальных претензий**. Российская политическая элита уже отдала острова Тарабаров и Большой Уссурийский Китаю. Возможно, это решение имело свое обоснование, но в целом территориальные уступки – демонстрация слабости. При устоявшейся государственности

на его границы не посягают. Иначе этому не будет конца. С разрушением СССР возбудилась Япония, есть свои мечты у финнов и прочих. Все эти мечты и претензии может пресечь только сильная государственность

Как известно, мировая пропаганда упорно навязывает знак равенства между коммунистами (выигравшими войну) и фашистами. В рамках Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), озабоченной ностальгией по социализму в странах Центрально-Восточной Европы в конце января 2006 г. с трудом, но удалось протолкнуть резолюцию, осуждающую «тоталитарные коммунистические режимы». Докладчик по этому вопросу шведский парламентарий Йоран Линдбланд, признав, что в странах центрально-восточной Европы «сильна ностальгия по коммунистическим временам», свел тем самым практически на нет безосновательные формулировки обвинений, которые содержались в его докладе. В самом деле, не могут же люди тосковать по лагерям и тюрьмам? Надо отдать должное официальной российской делегации, которая консолидировано, вместе с коммунистами, выступила на этот раз против провокационной резолюции (правда, за исключением В.Жириновского). И формулировку удалось несколько смягчить. Тем не менее предпринята и состоялась не в нашу пользу очередная попытка пересмотра итогов русской Победы. Позднее ПАСЕ проделала то же самое в 2009 г. И это отчасти тоже следствие нашей собственной негативной оценки советского прошлого. Принятую резолюцию можно использовать в качестве идеологической основы для требования компенсаций «жертвам тоталитарных режимов». И даже, если это сегодня не просматривается как выраженная угроза, но репутационные издержки для России здесь налицо.

Таким образом, демонизация советского периода нашей истории последовательно ведет новую Россию к потере престижа на мировой арене. В нее не верят. Я приведу, частный, может быть не столь яркий, но типичный пример из недавних, касающийся далеко не частных вопросов. Антифашисты в Эстонии после того, как местный парламент принял закон в первом чтении о сносе памятника воину-осовободителю, стараясь защитить эту святыню и символ нашей славы, причем не только русской (подавляющее большинство эстонцев воевало на стороне Советской Армии), коллективно обратились отнюдь не к правительству России, а к …Бушу как союзнику СССР во время 2-й мировой войны. Такова цена России эпохи капитализма. **Ей не доверили в мире даже защиту ее собственных ценностей**. Именно потому, что представители новой России с ее влиятельным олигархическим классом демонстративно дистанцировались тогда от традиции и истории. А вот

пример того, как ведут себя другие государства – Турцию решили принудить извиниться за геноцид армян времен Османской Империи – и она тут же принимает ряд жестких контрмер против Франции, которые серьезно ущемляют экономические интересы последней. И это притом, что признание геноцида армян было одним из условий вхождения Турции в Евросоюз, куда она долгое время стремилась. Но любая страна оберегает свою историю. Это ее лицо на международной арене. И здесь есть чему поучиться.

Далее: если мы пренебрегаем своим прошлым, то это является основанием для игнорирования эффективных технологий государственного управления, которые с успехом использовал Советский Союз, и которые позаимствовали у нас во многом другие страны, сделав их общемировым стандартом. Далее – отвержение советского опыта – **основание для деиндустриализации страны**. Что, собственно, все это время и происходило. И более того – это **база для дальнейшей дезинтеграции России**. Мы скатываемся от большого многонационального государства в узкие рамки этнократических государств. В целом все это – **основание для закрепления колониального статуса России**, либо аналогичного по содержанию режима внешнего управления. Ко всему прочему – **это серьезный удар по нашей национальной безопасности**. Преступные режимы, если признать таковым наше прошлое, могут быть подвергнуты мерам принудительного воздействия по внешнему ограничению суверенитета страны. И пока мы не реабилитируем советский период – все эти катастрофические для России последствия будут отрицательно влиять на задачи укрепления российской государственности. Сталин сумел вернуть страну на традиционное для нее основание: Советский Союз стал продолжением российской Империи, сверхдержавой и гарантом мировой стабильности.

Далее– очернение советского периода – **это основание для дискредитации оппозиции**. Сегодня одна из весомых партий – это коммунисты. И они могли бы быть конструктивной оппозицией. Можно видеть недостатки в работе КПРФ, но это, действительно, единственная национально ориентированная сила, не сделанная по проекту кремлевских политтехнологов, которую СМИ и многочисленные деятели «искусств» всячески маргинализируют. Надо отдать должное – с первыми сегодня стало несколько спокойнее. Вторые во многом неиссякаемы в своей ненависти к коммунистическому прошлому, которую изливают в своих поделках нередко на бюджетные средства.

Здесь я позволю себе еще одно замечание: Мы не можем игнорировать такой фактор как Русская Православная Церковь. Ее влияние на общество будет только расти. И русский коммунизм в его советском

варианте и, разумеется, Церковь ориентированы на сильную Россию. Стравливание православия и коммунизма – это технология разрушения страны. И хорошо, что в Программе КПРФ отмечено уважение «к православию и другим традиционным религиям народов России»[6].

И еще в добавление – следует менять терминологию, пропагандировать отказ от таких терминов как «тоталитарное общество» применительно к нашему прошлому. Это пропагандистский, идеологический термин, вошедший в научный оборот на Западе. Авторство – Карла Поппера, разработчика теории «открытого общества». Термин этот, действительно, применяется в западной социологии и политологии. Он с готовностью был взят на вооружение идеологическими противниками России в «холодной войне», И кроме наших диссидентов, его не использовали в Советском Союзе. Кстати, только в рамках этого интегрального термина можно поставить на одну доску «коммунизм» и «фашизм». И зачем вдалбливать этот термин в сознание наших детей? Кроме всего прочего, это уже устаревающий термин. Тоталитарное общество предполагает тотальный контроль за всеми сферами жизни общества. Мы не жили в таком обществе. И, не дай Бог, дожить до этого. Наши отцы и деды тоже, иначе бы они не выиграли войну. Здесь много спекуляций и доведения до абсурда. К тому же нельзя вырывать те или иные государственные решения из контекста времени. Что касается современного западного общества, то оно скоро вполне будет соответствовать определению тоталитарного – там пропагандируется поголовная слежка, дети должны доносить на родителей, соседи друг на друга. Современная Россия, к сожалению, тоже дрейфует в эту сторону. И в этом случае послевоенный СССР до его разрушения – прямо-таки остров свободы, без ювенальных юстиций, биометрических карт и прочего.

И еще: все-таки в России зреют изменения. Если раньше пинать Советский Союз было не только безопасно, но даже почетно, то сегодня это уже явно воспринимается дурновкусием.

Современная государственная политика России во многом по-прежнему либерально-монетаристская, однако общество уже другое. Необходима инициатива снизу, давление на власть. Стоит задача дальнейшего отрезвления общественного сознания. Это задача в узком смысле – науки, в широком – интеллигенции, у которой есть шанс реабилитировать себя перед собственным народом.

---

[6] Программа КПРФ //http://www.cprf.info/about/program.shtml

С. М. Исхаков

Октябрь 1917 г. и А. Цаликов

Как и прежде, из большинства современных публикаций мало что понятно о подлинных намерениях политической активности мусульман Евразии, о целях, характере и сущности их единого общественного движения в условиях революционного 1917 г., о том, что произошло в его руководстве после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г.

Мусульманское движение, целью которого являлось достижение равноправия народов, исповедующих ислам, возникло во второй половине XIX в., когда происходила массовая русификация и христианизация в Российской империи. Что касается мусульман империи, то для них Крымская война и завоевательные походы России в Центральной Азии означали, по существу, продолжение борьбы Петербурга на Востоке за установление своего господства над исламом, с целью покорения сопредельных мусульманских стран. В 1853 г. К. Маркс верно рассмотрел суть этого конфликта, когда написал, что «воинства обеих религий, давно борющихся за гегемонию на Востоке, – православия и мусульманства, – стоят теперь друг против друга: одно, движимое деспотической волей одного человека, другое – фатальной силой обстоятельств, что соответствует тому и другому вероучению, что соответствует тому и другому вероучению, поскольку православная церковь отвергает догмат о предопределении, тогда как стержень мусульманства составляет фатализм»[1]. Именно этот фатализм, как писал Ф. Энгельс, «порождает упорное сопротивление в массах», что есть проявление «воинственного духа, благодаря которому знамя ислама было некогда пронесено от Мекки до Испании…»[2] Когда мусульмане Российской империи оказались под угрозой христианизации и русификации, этот дух поднял их на сопротивление, которое имело мощный потенциал, о чем прекрасно знали представители мусульманской элиты в разных частях страны. Репрессивные действия же власти против их религиозных прав лишь усиливали их ненависть к ней и ее представителям.

---

[1] *Маркс К.* Вопрос о войне. – Финансовые дела. – Забастовки // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2. Т. 9. М., 1957. С. 427.

[2] *Энгельс Ф.* Война в Азии // Там же. Т. 11. С. 611–612.

Роль основателей общего движения мусульман состояла в том, чтобы объединить элиты, представляющие интересы различных регионов и народов, чтобы предотвратить нарастание масштабного межконфессионального конфликта. Это удалось, и в результате во время Первой русской революции появился Союз российских мусульман (СРМ), который выступал за действительное участии народных масс, в лице представителей его, в отправлении всех функций государственной власти – законодательстве, управлении и суде. Мусульманское движение развивалось в культурно-автономистском направлении, стремилось приобщить народы к мировой культуре, к духовному и культурному развитию мусульман как граждан российского государства, выступало за демократизацию религиозного и гражданского управления. В мусульманском движении сосуществовали два основных течения: консервативное и либеральное. Группа мусульманских социалистов была маловлиятельна – вообще революционеров-мусульман вплоть до 1917 г. было очень мало.

Мусульманское движение было противоречивым. Борьба между лидерами СРМ являлась, в сущности, отражением столкновения двух групп политической элиты: одна стремилась сгладить противоречия и создать единое мусульманское движение на всей территории империи, а другая – к отдельному развитию того или иного народа на основе его собственного языка. Но к национальной идее мусульманские массы в империи, как, впрочем, и их единоверцы в других странах, относились с полным равнодушием. Европейские понятия «национализм», «сепаратизм» в начале XX в. применительно к мусульманским общностям теряли всякий смысл, ибо мусульмане идентифицировали себя не через политику, а через веру и культуру.

После Февральской революции 1917 г. лидером мусульманского движения стал А. Цаликов, осетин-мусульманин. Его фамилия, порой с самыми различными и прямо противоположными эпитетами, довольно часто упоминается на страницах советских изданий и современных исторических исследований. Как отмечалось в советской историографии, он до революции 1917 г. являлся видным деятелем меньшевизма; о нем довольно резко отзывался В. И. Ленин. После 1905 г. Цаликов становится одним из создателей теории мусульманского социализма, ставя цель, по мнению советских историков, создание мусульманского общества. Его политическая платформа состояла в том, что марксизм не применим к мусульманскому миру[3]. В другом коллективном труде его отнесли и к панисламистам, и к буржуазным националистам, и туркофилам, и к сепаратистам, выступавшим за отторжение Кавказа от Рос-

[3] История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. С. 487–488.

сии и образование Северо-Кавказского мусульманского государства под эгидой Турции[4]. В политической биографии Цаликова все еще остаются большие пробелы и невыясненные обстоятельства.

Ахмед Тембулатович Цаликов (по-осетински Цалыккаты) родился 27 декабря[5] 1882 г. в с. Ногкау (предместье г. Владикавказа) Терской области, окончил Ставропольскую мужскую классическую гимназию. Затем поехал получать высшее образование в центр империи. В 1900 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, где участвовал в студенческом движении и увлекся революционными идеями, а вскоре вступил в РСДРП, стал меньшевиком и руководителем ряда студенческих кружков. В марте 1901 г. он был выслан из Москвы в г. Ставрополь, где находился под негласным наблюдением полиции. В феврале 1902 г. за участие в студенческих беспорядках он был арестован и приговорен к шестимесячному заключению, которое отбывал в уфимской тюрьме, но в июле 1902 г. был в числе других участников этих волнений досрочно освобожден и вернулся из Уфы на Кавказ. В 1903 г. за революционную деятельность его выслали из Москвы на Кавказ, где он продолжил заниматься организацией социал-демократических комитетов в Терском крае и вести революционную работу в родной Осетии. Деятельность его вскоре охватила и Дагестан, и в результате был создан Терско-Дагестанский комитет РСДРП, а Цаликов стал членом социал-демократического комитета, который образовался во Владикавказе летом 1904 г., затем стал лидером меньшевиков в Осетии. В 1904 г., вернувшись в Москву, он был избран представителем от Московского университета на всероссийский съезд студентов в Киеве (нелегальный). В 1906 г. Цаликов сдал государственные экзамены и в марте 1907 г. получил диплома юриста. На короткое время он пробовал заняться адвокатурой, но вскоре вернулся к политической деятельности, координируя, в частности, деятельность Терско-Дагестанского и Северо-Кавказского союзов РСДРП, Владикавказского, Кубанского и Армавирского комитетов РСДРП. Прославился он тем, что выступил во Владикавказе за созыв беспартийного рабочего съезда и создание широкой классово-политической организации пролетариата накануне V (Лондонского) съезда РСДРП (1907 г.), за что подвергся критике со стороны Ленина. Цаликов сотрудничал в меньшевистских изданиях «Наше дело», «Возрождение» и др.[6] Также он печатался в «Русском слове» и в других столичных изданиях – «Ранее утро», «Утро Рос-

---

[4] История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 419, 473, 489, 540.

[5] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 6204. Л. 1.

[6] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 100. Д. 1704. Л. 5–6, 12 об, 13; *Исхаков С. М.* А. Т. Цаликов // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 336–338; *его же.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 20–21, 83.

сии», «Вестник Европы», а также на Кавказе, затрагивая при этом и острые вопросы мусульманской жизни. В мае – сентябре 1915 г. Цаликов сотрудничал с либеральным московским журналом «Национальные проблемы». Кроме того, он – автор нескольких книг о национальной политике царизма в отношении мусульманского населения империи. Также он являлся издателем московской мусульманской газеты «Сюз» (Слово), которая стала выходить с декабря 1915 г., но летом 1916 г. была закрыта властями, как обычно, ввиду «ее вредного направления». Цаликов стал членом созданного в Петрограде в феврале 1916 г. бюро (из нескольких экспертов-интеллектуалов, представлявших Северный Кавказ, Туркестан, Крым и Поволжье) при мусульманской фракции Думы.

К весне 1917 г. прекрасно образованный Цаликов, с ярким революционным прошлым, не только теоретик, но и опытный политик, о чем кратко написал в 1917 г. так: вел жизнь революционера, «скитавшегося по тюрьмам тогда, когда многие господа, ныне пытающиеся творить политику, мирно плескались в лужицах обывательского благополучия»[7].

В мае 1917 г. Цаликов, по свидетельству члена Петербургского комитета РСДРП(б) Г. И. Сафарова (Вольдина), являлся правым меньшевиком[8], лидеры которых выступили за поддержку Временного правительства. На 1-м Всероссийском мусульманском съезде в Москве в начале мая 1917 г. именно Цаликова избрали председателем созданного делегатами Всероссийского мусульманского совета (ВМС), который олицетворял собой мусульманское движение, охватывавшее почти всю территорию бывшей империи.

Сдвиги, происходившие в настроениях мусульманской общественности, под влиянием революционной ситуации в стране, отчетливо отражены, в частности, в статье Цаликова, посвященной итогам 6 месяцев революции: «Полгода беспримерной внутренней встряски при напряжении всех сил и средств. …Развал армии и поражения на фронте, а внутри страны кровавое зарево гражданской войны. Тягостное чувство неоправдавшихся надежд и полная неуверенность в завтрашнем дне. Таковы итоги». Касаясь настроений мусульманского народа, Цаликов отметил: «Можно удивляться той беспримерной лояльности, тому тяготению к русской государственности, которое обнаружило мусульманское население, более чем какое-либо другое инородческое население подвергшееся издевательствам и насилиям царских опричников. Можно удивляться тому отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах, которые, казалось бы, должны были получить огромное развитие, как только был свален тяжелый камень самодержавия, давивший наро-

[7] Известия Всероссийского мусульманского совета (ИВМС). 1917. 10 ноября.
[8] *Сафаров Г.* Национальный вопрос и пролетариат. Пг., 1922. С. 165.

ды России и в особенности мусульман. Ведь мусульманские народы в своей массе помимо прелестей самодержавия и прелестей общей инородческой политики царской бюрократии должны были еще испытывать и прелести колониальной политики. Революция заставила мусульманские народности забыть все прошлое и объединиться в общем чувстве, в общей заботе о благе государства с таким трудом добытых свобод.

Русское общество и русская печать не в достаточной степени оценивают ту позицию, которую заняло в переживаемый момент мусульманское население России и какими чреватыми для государства последствиями могло бы сопровождаться изменение этой позиции. Это отсутствие чуткости и непонимание мусульманских проблем уже оставляет горький осадок в сознании мусульман»[9].

Цаликов, в сущности, писал здесь о том, что в условиях революции в мусульманских массах стал проявляться, с одной стороны, тот самый воинственный дух, о котором писали классики марксизма, с другой – региональный ирредентизм. Причиной являлось главным образом возникшее противоречие между новой властью, которая, как и русское общество в целом, не понимало своих сограждан-мусульман и не хотело считаться с их волей.

20 октября Цаликов публично раскритиковал Временное правительство: «Все осталось по-старому… В области провозглашения права на национальное самоопределение та же неопределенность… Если европейским народам еще кое-что и обещается, то об азиатских народах совершенно умалчивается… Лозунги многомиллионного мусульманского мира России, встречающие братский отклик и выражение признательности народов Азии и Африки, находятся вне поля зрения…»[10] власти. В вопросах внешней политики, констатировал Цаликов, «жизнь катится по проторенному руслу царского империализма». Мусульмане хотели поставить перед российской государственностью новые великие государственные задачи для «действительного придания войне *освободительного характера во всем мире – в Европе, в Азии и в Африке*. А при невозможности – принятия всех мер к ее немедленной ликвидации»[11]. Здесь четко выражен протест евразийских мусульман против агрессивных планов правительства в отношении Османской империи – против захвата ее территорий (Стамбула и проливов).

Планы ВМС резко изменились после падения Временного правительства и прихода к власти большевиков, которые вызывали большое недоверие со стороны руководителей мусульманского движения. Уже

---

[9] ИВМС. 1917. 8 сентября.
[10] Там же. 20 октября.
[11] Там же. 27 октября.

27 октября 1917 г. со стороны ВМС было заявлено: «Зарево гражданской войны поднялось над страной. В опасности все завоевания революции и сама свобода. Кто бы ни победил в этой борьбе, нельзя закрывать глаза, – в результате страшный удар по революции. …Что делать мусульманам в этот момент тяжелой социальной борьбы? Мусульманскому населению, как национальной группе, приходится принять все меры к тому, чтобы кровавое зарево гражданской войны как можно менее захватило их. Спокойствие и выдержка! Необходимо принять все меры к самообороне от всяких случайностей»[12]. Тактика невмешательства, нейтралитета была определена как главная для масс, что не означало уход ВМС из столичной политики, борьбы с большевиками.

28 октября исполком ВМС постановил делегировать трех своих представителей в антибольшевистский Комитет спасения родины и революции, созданный в Петрограде[13]. Но попытка этого комитета оказать сопротивление большевикам была быстро подавлена. Неприятие их власти со стороны ВМС выражено было в передовой статье его газеты от 10 ноября 1917 г.: «Может быть, никому так неясно все безумие тактики и нынешней правительственной работы большевиков, как нам, многомиллионному населению восточных окраин России. Нам, перед которыми стоит великий труд “прививки” этому населению культурных начал, являющихся завоеванием человечества, его долгом на трудном историческом пути?!.» Здесь выражена вера Цаликова и его единомышленников в возможность изменения ими общественной психологии мусульманского народа всей Евразии, что, по их мысли, потребует, естественно, достаточно длительный срок, чему неожиданно помешали большевики.

Каким было отношение ВМС к ним. Об этом в этой статье сказано ясно: «Большевистская болезнь должна быть локализована. Она должна быть изжита, как можно скорей, но не путем решительной хирургической операции, как рекомендуют некоторые имеющие “задние мысли”, а путем, *соответствующим целям демократии.* Путем общественной изоляции. Физическая борьба может только усилить позицию большевизма, хотя бы временно и повести к ненужным жертвам, а в результате и к гибели завоеваний революции. Большевизм может и должен умереть естественной смертью, показав свое банкротство, не разрешив ни одной из тех задач, во имя которых он поднял знамя восстания». Тем самым ВМС выступил против участия мусульман в русской гражданской войне, фактически против межрелигиозной войны между мусульманами и христианами, которая при этом так или иначе возникала.

[12] Там же.
[13] Там же. 10 ноября.

После «Декларации прав народов России», как известно, следующим важным документом национальной политики Совнаркома было его обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (напечатанное в миллионах экземпляров на языках мусульман России и Востока[14]) от 20 ноября 1917 г. Здесь СНК провозглашал право на самоопределение для народов Востока, в том числе для мусульманских, боровшихся за свои права при царизме. Этот акт вызвал неоднозначное впечатление среди мусульманских политиков.

В течение двух недель позиция ВМС в отношении советского правительства стала меняться. Это было выражено руководством ВМС в написанной в весьма ироничном духе статье «Обещания большевиков», посвященной обращению СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.): «Все, чего так страстно домогается мусульманское население России и все, что стоит великим политическим идеалом перед народами мусульманского Востока, обещано правительством народных комиссаров. Никогда никакое европейское правительство не говорило с мусульманами таким языком и, казалось бы, чувство энтузиазма и восторга должно загореться в груди миллионов мусульман не только России, но всего мира. Но… одна вещь *обещать* что-либо, а другая вещь *выполнить* обещанное... Все, что большевики обещают мусульманам, может быть выполнено только при существовании сильной демократической власти в России, власти, опирающейся не только на штыки Красной гвардии, но на всю совокупность революционной демократии от левого до правого фланга… Восстановление единства революционного фронта – вот условие, вне которого политика и тактика большевиков потерпит крах и вместе с тем испарятся и все их обещания. Мы можем приветствовать дары большевиков только при условии вступления их на путь соглашения с остальной частью революционной демократии. Икомус в самом начале большевистского восстания высказался за создание однородной социалистической власти и прекращения братоубийственной борьбы в рядах демократии»[15].

Фактически здесь большевикам предъявлен ультиматум, в котором выдвинуто условие того, каким образом ВМС может поддержать советское правительство. Не случайно, в номере от 27 октября 1917 г. Цаликов впервые на страницах своей газеты назвал себя «мусульманским социалистом», продемонстрировав новой власти, что он также сторонник социализма.

Появление обращения именно 20 ноября не было случайностью. Именно в этот день в Уфе начал свою работу Национальный парламент

---

[14] *Макарова Г. П.* Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. 1917–1923 гг. Исторический очерк. М., 1987. С. 35.

[15] ИВМС. 1917. 24 ноября.

мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири, на который советская власть таким образом попыталась повлиять. Приветствуя открытие парламента, ВМС через свою газету выразил свое отношение к целям, стоящим перед его депутатами: «Идея национально-культурной автономии мусульман, провозглашенная на Первом Всероссийском мусульманском съезде в Москве и торжественно декретированная на Втором Всероссийском съезде в Казани, получает свое практическое осуществление… Теперь остается для нас, мусульман России, задача суметь удержать в своих руках великие завоевания революции. Это возможно при одном условии: умении согласовать интересы национального самоопределения с общегосударственным благополучием России».

Комментируя захват большевиками власти в Петрограде, ВМС, зная, что происходит в толще русских народных масс, считал вполне возможным такое развитие событий: «Крах русской государственности, который может явиться неизбежным последствием разгрома революционной демократии столиц, повлечет самые гибельные последствия для дела национального самоопределения мусульман России и для быстрого движения их по пути культурного развития. Разгром революционной демократии приведет к торжеству реакции, к взрыву самого темного шовинизма в низах русского народа и в мутных волнах анархии и междоусобицы погибнут все национальные завоевания».

Чтобы не допустить этого, политики из ВМС надеялись, что «Национальный парламент мусульман России сыграет великую благотворную роль в деле укрепления основ новой свободной жизни страны… станет на страже революционного порядка, объединив все живые силы мусульманского населения, и в общий хаос, кошмаром нависший над страной, внесет могучий элемент организации и согласия»[16].

Цаликов не участвовал в работе этого парламента, а был занят тем, что определялся в отношениях с советской властью, испытывая какие-то надежды относительно новой власти и надеясь на меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю. О. Мартовым. 30 ноября в петроградской газете «Новая жизнь», которую издавали меньшевики-интернационалисты было опубликовано его «Открытое письмо Совету Народных Комиссаров», где он публично заявил, что в обращении от 20 ноября «нашли себе яркое отражение чаяния мусульман» страны. «…До сих пор никогда ни русская, ни европейская власть не говорили с ними таким языком... А тут верховная власть революционной России берет на себя величественную роль защитника 300 миллионов мусульман, стонущих под игом европейского империализма. Мы не сомневаемся в добрых чувствах большевистских комиссаров к угнетенному мусульманскому

[16] Там же. 17 ноября.

миру… Но добрые чувства и обещания – это одно, а умение воплотить их в жизнь – это другое. Не преувеличивая, можно сказать, что нынешняя власть большевиков ведет такую политику, которая в конечном результате может иметь для мусульманского населения России и Востока совершенно обратное значение… Великая освободительная миссия демократической России на мусульманском Востоке возможна при одном только условии, если Россия сохранит свою целость и силу, говоря иначе, свою государственную мощь. В противном случае получится нечто совершенно обратное предполагаемому. Во имя тех великих задач, которые провозглашены народными комиссарами, мусульмане России полагают, что немедленно должна быть создана на России твердая власть, опирающаяся на все слои революционной демократии и только такая власть в состоянии будет бороться во имя великих мировых целей. На этой позиции стоит революционная демократия мусульманской России и только при выполнении этого условия она считает политически целесообразным поддержать власть народных комиссаров всей силой своего авторитета и воли».

Данный документ показывает, что взгляды Цаликова были проникнуты искренними демократическими устремлениями, определялись интересами и запросами мусульманского народа и вместе с тем – немалым политическим реализмом и прагматизмом, в то же время он носит очевидный комплиментарный характер в адрес новой власти, положительно отзывается о ее отношении к требованиям мусульман, а заканчивается предложением сотрудничества, которое было сразу же рассмотрено.

Обратим внимание на один фрагмент этого обращения, в котором содержался призыв ко «всем тем, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!»[17]. Этот фрагмент очень схож с тем, что было возвещено в воззвании Коллегии по осуществлению культурно-национальной автономии мусульман внутренней России и Сибири, опубликованном 29 сентября 1917 г. в петроградской газете «Известия ВМС». В последнем обращении говорилось о «мечетях, которые были разорены и разрушены при царствовании дома Романовых» и т. д. Очевидно, что при подготовке большевистского обращения наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным было использовано данное воззвание.

1 декабря Цаликов встретился с ним. В ходе продолжительной беседы о возможных взаимоотношениях между ВМС и СНК Цаликов заявил: если большевики будут проводить в жизнь свои обещания и предоставят мусульманам возможность устраивать свою жизнь так, как они хотят, то они сохранят по отношению к ним лояльность. Сталин

[17] Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 113–114.

сказал, что СНК не требует от исполкома ВМС заявления о поддержке, единственным пожеланием является сохранение мусульманами лояльности, причем они имеют право идти под теми лозунгами, которые они считают более подходящими, голосовать, за кого хотят, и т. п. Он предложил три варианта сотрудничества с их организациями: 1. Образование комиссариата по мусульманским делам, включавшего представителей всех крупных мусульманских народов. 2. Назначение по представлению исполкома ВМС на пост помощника комиссара по мусульманским делам мусульманина-социалиста. 3. В случае неприемлемости этих вариантов сохранение деловых сношений для безболезненного урегулирования возникавших мусульманских проблем. Цаликов, не взяв на себя ответственности, сказал, что ответ сможет дать только после консультаций с крупными краевыми организациями и по возвращении членов исполкома ВМС и ВМС, большинство которых разъехалось в связи с предвыборной агитацией в Учредительное собрание. После встречи Цаликов направил Национальному парламенту мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, заседавшему в Уфе, телеграмму с просьбой рассмотреть эти предложения и принять решение. Делегаты уфимского меджлиса решили отозвать из ВМС и его исполкома делегатов от Поволжья и создать в Петрограде особую коллегию для переговоров с Совнаркомом[18]. После этого Цаликов направил телеграммы членам ВМС и Икомуса, находившимся в Туркестане, на Кавказе, в Казахстане, в Крыму и в Поволжье, о предстоящей ликвидации ВМС[19]. Уфимский парламент во главе с Максудовым, таким образом, решил взять на себя руководство всей политической и культурно-национальной жизнью мусульман Европейской России и Сибири, что означало прекращение работы ВМС.

Причина этого решения, принятого в Уфе, состояла в следующем. Оценивая общую ситуацию по всей стране, Цаликов 1 декабря, в день своей встречи со Сталиным, констатировал: «В настоящее время… слишком глубоко разбужены социальные и национальные инстинкты, симпатии и антипатии, которые могут заставить мусульман разбиться на ряд самостоятельных единиц, и может быть, не найти той равнодействующей, которая определила бы собой основное течение общемусульманской политики»[20], которую пыталось проводить руководство ВМС, но натолкнулось на противодействие со стороны новой власти.

Понимая, что большевики намерены подчинить ВМС своим целям, внимание последнего в то время было сосредоточено на судьбе Учре-

---

[18] *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 372–373.

[19] ИВМС. 1917. 29 декабря.

[20] Там же. 1 декабря.

дительного собрания, от решений которого так зависело будущее мусульманского народа. 8 декабря Цаликов, разочарованный в большевистских лидерах, прямо их предупредил: «*Никаких посягательств на Учредительное собрание – вот единодушное требование мусульман.* В случае, если этот голос не будет услышан, России придется проститься со своими восточными окраинами, начиная от Волги или завоевывать их снова. Вернее, это придется делать не России, которая перестанет существовать, а тем нескольким губерниям, которые останутся под властью совета народных комиссаров или какого-нибудь ублюдочного органа, созданного "семейным" порядком, в виде проектируемого национального конвента взамен Учредительного собрания»[21]. Прогноз, который здесь сделан Цаликовым насчет развала страны, полностью соответствовал тому, что произошло во время гражданской войны.

В другой публикации Цаликов, сравнивая Временное правительство и Совнарком, писал, что ВМС не раз резко осуждал политику первого, но и этот «предостерегающий голос не доходил до слуха бывших вершителей судеб Российской Республики. Керенский и К° менее всего считались с голосом мусульманского населения, и демократии мусульман нечего жалеть об их политическом провале. Туда им и дорога!.. Однако, политическая игра Керенских и К°, принесшая стране неисчислимый вред, давшая почву для успешного восстания одного из отрядов революционной демократии, сменилась теперь бесшабашным политическим авантюризмом. Слюнявые игроки меньшевистского оппортунизма сброшены с политической арены и их место заняли большевистские игроки политического азарта». Эти комплименты в адрес Совнаркома сопровождались философскими рассуждениями Цаликова, почерпнутыми из марксистской литературы, о возможных негативных последствиях необдуманных шагов: «Но, как говорят, "количество переходит в качество". Чрезмерная доля смелости переходит в безумие. И мы являемся живыми свидетелями безумной политической игры. Эта безумная политическая игра губит все то здоровое и сильное, что было внесено большевизмом в процесс развития Российской революции. Сейчас это безумие может погубить революцию. ¾ России не приемлют большевистского максимализма". Здесь Цаликов прямо намекал на итоги избирательной кампании в Учредительное собрание, согласно которым большевистская партия получила менее четверти голосов.

Вновь и вновь Цаликов советовал большевистскому руководству считаться с Учредительным собранием и его решениями. «Политический такт должен заставить большевиков безболезненно уступить свое место тому органу, тому полновластному хозяину земли русской, о котором они

[21] Там же. 8 декабря.

так красноречиво говорили до своего переворота и во имя которого они якобы совершили свой переворот. Только этот хозяин страны без дальнейших потрясений разрешить вопросы внешней и внутренней политики страны, столь запутавшиеся и осложненные. Только Учредительное собрание даст стране мир внешний и мир внутренний»[22], считали руководители ВМС.

1 января 1918 г. в Петроград прибыли 7 депутатов-социалистов Учредительного собрания из Казанской и Уфимской губ. и на первом совещании, проходившем в тот же день, они единогласно постановили «во имя сохранения преемственности идеи мусульманского представительства в общегосударственных учреждениях и его самостоятельности образовать самостоятельную Мусульманскую социалистическую фракцию», в которую вошел Цаликов. В ее декларации говорилось прежде всего о немедленном уничтожении частной собственности на землю путем передачи всей земли без выкупа в руки всех трудящихся на основе равного права на землю и уравнительного землепользования. Отдельным территориям предоставлялось право вносить дополнения, учитывавшие как местные особенности, так и специфику народного правосознания. По вопросу о форме государственного устройства страны была предложена такая формулировка: «Государство российское провозглашается Российской демократической федеративной республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные, с признанием уже образовавшихся и находящихся в стадии образования, как, например, Поволжского и Туркестанского штатов». Также было решено выступить от имени фракции на первом заседании Учредительного собрания с декларацией, проект которой было поручено разработать Цаликову. 4 января состоялось первое собрание этой фракции для обсуждения и окончательной разработки декларации. После детального обсуждения единогласно была принята декларация, огласить которую было поручено ему же.

Выступая 5 января на заседании Учредительного собрания, Цаликов сказал, что политика Временного правительства была «непоследовательная в вопросах внутренней, в особенности, в вопросах национального строительства новой России». Что касается политики Совнаркома, то и она получила резкую критику в этой декларации: «С особой ясностью несостоятельность новой власти сказалась в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими ее народами права на территориальное и национально-культурное самоопределение». Эта политика не оставляла сомнения в том, что СНК «оказался бессильным обеспечить народам России

[22] Там же. 15 декабря.

свободное развитие и осуществление ими всей полноты национального творчества. Мало того, политика эта в ряде случаев становилась в решительное противоречие с лозунгами Великой Российской революции и несла народам России вместо чувств социалистического братства и зеленой ветви мира меч гражданской войны, зарево пожаров и потоки крови».

Фракция требовала: «Решительного признания права на свободное определение путем плебисцита своего политического бытия и его форм не только за народами Европы, но также Азии и Африки… Немедленного созыва международного мирного социалистического конгресса с непременным участием в этом конгрессе представителей угнетавшихся доселе народов России и других угнетаемых народов Европы, Азии и Африки… Немедленного торжественного провозглашения прав человека и гражданина и немедленного претворения их в жизнь на всем пространстве Российской Федеративной Демократической Республики без каких-либо ограничений и изъятий… Немедленного проведения в жизнь глубоких социально-экономических мероприятий при соответственном учете всего своеобразия национально-экономических, бытовых, этнографических и религиозных условий, с особой силой сказывающихся в России в местностях с преобладающим мусульманским населением… Не декларативно-теоретического, а действительного признания России федеративной республикой и санкционирования Учредительным собранием, как образовавшихся штатов, так и находящихся в процессе образования, в частности, штата “Поволжье–Южный Урал”, Туркестанского штата и др.»[23]

Последний пункт являлся существенным сдвигом в концепции государственно-правового устройства мусульманского народа, который был предложен группой мусульманских социалистов во главе с Цаликовым, показав в то же время, как он из «унитариста» стал «федералистом».

11 января, через несколько дней после разгона большевиками Учредительного собрания, вышел последний номер «Известий ВМС», а 17 января, согласно декрету, был создан Комиссариат по делам мусульман внутренней России, что обсуждал Цаликов на переговорах со Сталиным, но это ведомство возглавил Вахитов, а не Цаликов. Цаликов же продолжал поддерживать деятельность антибольшевистского Комитета спасения Родины и революции, преобразованного в Союз защиты Учредительного собрания. На заседании межфракционного бюро этого союза, которое состоялось 20 января 1918 г., его фамилия была указана в списке участников следующего заседания. 23 января в Петрограде под председательством эсера В. М. Чернова, председателя Учредительного собрания, состоялось совещание представителей социалистических

[23] Там же. 29 декабря.

фракций распущенного парламента, на котором присутствовал представитель Мусульманской социалистической партии[24]. Им, надо полагать, являлся Цаликов, который, скорее всего, и возглавлял эту недавно возникшую партию.

3 февраля 1918 г. члены ВМС, возвратившись из разных регионов страны, собрались в Петрограде. Эта встреча стала последним их заседанием, так как тогда было решено известить центральные мусульманские организации Крыма, Туркестана, Казахстана и Кавказа о самоликвидации ВМС 1 марта 1918 г.[25] Постановление новой власти об упразднении ВМС было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 23 мая 1918 г.

Сам Цаликов, однако, не представлял опасности для большевиков. По удостоверению, выданному ему 5 марта 1918 г. Центральным мусульманским комиссариатом во главе с Вахитовым, он командировался на Кавказ для закупки хлеба голодающей Ферганской области[26]. Дальнейшая политическая карьера Цаликова была, однако, связана не с его мандатом, благодаря которому он смог добраться до Северного Кавказа. На IV съезде народов Терека (Владикавказ, 23 июля – 21 августа 1918 г.) его избрали заместителем председателя президиума съезда, а затем председателем Терского областного народного совета. Позднее он оказал в Тифлисе, столице Грузинской республики, где в июле 1919 г. стал участником совещания политических деятелей Северного Кавказа и был избран председателем Комитета горцев Северного Кавказа. В сентябре 1919 г. он возглавил Союзный меджлис горцев Кавказа[27], также находившийся в Тифлисе. Когда 10 октября 1919 г. в с. Леваши Даргинского округа открылся съезд представителей населения Дагестана, на который прибыли члены президиума Союзного меджлиса горцев Кавказа и большинство его членов, здесь был избран Совет обороны Чечни и Дагестана, в который вошел Цаликов. Этот Совет являлся фактически Временным правительством Дагестана, который был создан по инициативе членов Союзного меджлиса горцев Кавказа, после чего последний постановил самоликвидироваться[28]. После установления в начале 1921 г. советской власти в Грузинской республики Цаликов из Тифлиса уехал в Батум, оттуда перебрался сначала в Турцию, а вскоре приехал в Европу. С его появлением в Праге связано создание там

---

[24] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 188, 194–195.

[25] *Исхаков С. М.* Указ. соч. С. 371.

[26] *Вахитов М.* Избранное. Статьи, речи, письма, документы. Казань, 1967. С. 103.

[27] Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014. С. С. 44, 566, 569.

[28] Борьба. 1919. 19 октября; 5, 8 ноября; Вольный горец. 1919. 10 ноября.

вскоре Союза горцев Кавказа, который он и возглавил[29]. Позже он уехал в Варшаву, где 2 сентября 1928 г. был похоронен на мусульманском кладбище в Варшаве.

Таким образом, после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. лидер мусульманского движения А. Цаликов, ранее выступавший за культурно-автономистское устройство мусульманского населения в пределах единой демократической российской республики, так как полагал, что не следует поднимать массы под федералистскими лозунгами, что делать это еще рано, на историческом заседании Всероссийского Учредительного собрания 5 января 1918 г. как глава ВМС поддержал требование о территориальном устройстве федеративного российского государства в Евразии.

---

[29] Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 5. М., 2010. С. 476.

Г. А. Куренков

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ (1917 – 1920 гг.)

Опираясь на теоретическую базу, разработанную В. И. Лениным и другими марксистами еще в дореволюционный период, по слому старой государственной машины, все же нельзя было, а в некоторых смыслах и невозможно практически, начинать сразу «с нуля», а возможно было использовать уже имеющийся государственный опыт. Если прежние государственные институты можно было ликвидировать, то опыт необходимо было приспособить и направить для решения новых задач и, по крайней мере, в начальный период, использовать, изменив политическую и идеологическую направленность. В тоже время существуют и такие виды государственной деятельности и функции, носящие универсальный характер, осуществление которых необходимо при любых социально-политических системах. К ним и относится защита государственной тайны как таковой и защита информации в целом.

В начале изложения нельзя не сказать о предыстории вопроса. В царской России, естественно, был накоплен определенный опыт в этом направлении, но считать его безупречным и достаточным с профессиональной точки зрения было бы не совсем правильно, а с политической и идеологической стороны для нашей темы вообще невозможно. Было много проблем, была и, мягко говоря, недооценка и недопонимание важности этой работы прежними режимами. Наличие проблемы в начале XX века особо выявила русско-японская война. В этом были свои причины. Существовавшая тогда система охраны государственных и военных тайн ни в коей мере не обеспечивала необходимого уровня безопасности государства и армии. Хотя, естественно, в России была как разведка, так и контрразведка. Но, в принципе, можно сказать, как раз системы то и не было. Разглашение военных тайн прессой, неудовлетворительное отношение к секретным документам и их хранению чиновничьим аппаратом и военнослужащими (страшным бичом была

болтовня офицеров) имело удручающие размеры, как в тылу, так и в театре военных действий. Правда, следует отметить, что разглашение военных тайн в печати и устно, в разговорах офицеров, было свойственно не только России. Целью контрразведки в данный период было обнаружение факта хищения или разглашения, а не предотвращение их, т. е. мало внимания уделялось профилактической и предотвращающей стороне дела. Мало что этом плане изменилось и после русско – японской войны. Изучение опыта войны, анализ просчетов и недостатков в различных ведомствах России, прежде всего в военном, осуществлялись долго и не всегда последовательно. Но наиболее здравомыслящие военачальники и государственные деятели понимали необходимость изменения ситуации, введения строгого режима секретности и создания специальных органов, контролирующих его соблюдение. В первую очередь необходимо было определиться с кругом сведений, составлявших военную и государственную тайну и запрещенных к разглашению. Так, в 1911 году была разработана и военным министерством утверждена «Инструкция начальникам контрразведывательных отделений», в которой был приведен некий перечень сведений. Весной 1912 г. в печати были разглашены некоторые сведения о новых военных программах России. Это обстоятельство подтолкнуло на принятие мер по сохранению государственных и военных тайн. 5 июля 1912 г. в России был принят закон «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства», в котором было определено понятие «шпионства» и существенно расширено понятие этого преступления, а также обоснована необходимость усиления ответственности за шпионаж. Перед принятием закона, для доклада в Государственной думе, была подготовлена объяснительная записка, в которой рассмотрено состояние отечественной правовой базы борьбы со шпионажем, дан анализ ее недостатков, приведены основные направления развития законодательства основных европейских государств в этом вопросе. На основании закона были внесены изменения в уголовное законодательство, предусмотрена ответственность издателей и редакторов за опубликование секретных сведений. В связи с введением в действие данного закона, был разработан и первый «Перечень сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещается на основании статьи 1 отдела II закона 5 июля 1912 г.». 16 августа 1912 г. проект перечня был внесен в Совет Министров, который постановил для его доработки создать межведомственную комиссию из представителей заинтересованных ведомств и Министерства юстиции, под председательством начальника Главного управления по делам печати. В итоге перечень с поправками был утвержден царем 29 ноября и опубликован 11 декабря

1912 г. Таким образом, первое название «Перечень сведений...» (относящихся к государственной тайне) восходит к дореволюционному времени. К 1914 году политическая ситуация в Европе быстро накалялась. В воздухе запахло войной. Далее, как оказалось, незадолго до I Мировой войны, 28 января 1914 г. министр внутренних дел наложил запрет публиковать сведения о мобилизации и оборонительных сооружениях, а в преддверии войны, 12 июля, был опубликован второй, значительно дополненный перечень не подлежащих оглашению в печати сведений. С началом войны были запрещены публикации практически всех сведений, предусмотренных Инструкцией начальникам контрразведывательных отделений как содержащие военную и государственную тайну. Контроль за соблюдением этих ограничений также возлагался на Министра внутренних дел. Но и тогда установленный режим секретности в военное время далеко не везде и не всегда соблюдался, в том числе в армии, на военных заводах и государственном аппарате. С началом войны одновременно 20 июля 1914 г. издается «Временное положение о военной цензуре» и новый «Перечень сведений, касающихся внешней безопасности России или вооруженных ее сил или сооружений, предназначенных для военной обороны страны, сообщение коих в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается, на основании ст. 11 закона 20 июля 1914 г.». 26 июля 1914 г. был издан, ссылающийся на оба закона, 1912 и 1914 гг., «Перечень сведений и изображений, касающихся безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается».

После свержения царизма, вскоре после Февральской революции был издан «Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой» и обращение Временного правительства к редакторам изданий о важности сохранения военной тайны. Он состоял, из 30 отредактированных, в том числе и по политическим причинам, пункта. Дальнейшим шагом Временного правительства было издание 26 июля 1917 г. новых положений о военной цензуре и военном почтово-телеграфном контроле. В дополнение к ним вышли «Перечень сведений, не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных международных сношений» и «Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военною цензурою». Эти документы опирались на соответствующие аналоги 1915 г. и содержали не только военные, но и социально-экономические факты и события, запрещенные к упоминанию в печати. Первый и последний дореволюционный «Перечень сведений», запрещенных к распространению и раскрывающих военную тайну, в широком смысле (в 1912 г. был узкий «Перечень сведений по военной

и военно-морской частям…) был издан Временным правительством летом 1917 г. Таким образом, в Российской империи какого-либо документа, регламентирующего и определяющего понятие государственной (и военной) тайны и широкого списка сведений по всем направлениям деятельности не было.

Сразу после Октября 1917 г. советская власть также столкнулась с необходимостью сохранять государственную и военную тайну. Но здесь имел место совершенно иной подход, основанный не только на государственном, но и на новом политическом и идеологическом мышлении, так как на первое место выходило не только государственное, но и идеологическое противоборство государств. Отсюда и соответствующая направленность действий как во внешней, так и во внутренней политике. Политическую доктрину большевиков определила сначала борьба за выживание (наличие прямого вооруженного давления как внутреннего, так и внешнего врага), а затем положение «страны – изгоя» и что «мир разделен на два лагеря, лагерь капитализма и лагерь социализма», «окруженный капитализмом». Именно это окружение оправдывало проводимую внешнюю и внутреннюю политику. Данное обстоятельство диктовало необходимость создания определенных структур и принятие мер по обеспечению защиты военной, государственной и партийной (политической) тайны. Опыт конспиративной работы большевики накопили еще в дореволюционный период, во время работы в нелегальном или в полулегальном положении. Большевистская партия в дореволюционный период, это, прежде всего, партия революционеров – профессионалов с полувоенной организацией, отсюда и определенное политическое и социальное мышление лидеров партии. Когда в повестку дня встал вопрос об организации системы защиты информации, большевики взяли «на вооружение» и традиции и принципы своей прежней конспиративной работы. В начале своей государственной деятельности работа по защите информации теоретически большевиками не планировалась, но жизнь заставила вплотную ею заниматься. Организация защиты информации всегда была сложной и дорогостоящей задачей, как в организационном, так и техническом плане. Как уже было описано выше, в царской России централизованной системы защиты информации практически не существовало. Каждое ведомство решало эту проблему самостоятельно, что приводило к негативным нюансам в общегосударственным масштабе, хотя, например, в некоторых ведомствах и учреждениях, таких как МИД, Минюст, жандармских органах, система защиты информации была на должном уровне. Большевики в принципе не могли принять децентрализованную систему, как в организационном, так и в политическом плане. Они ориентировались на организацию унифицированной и цен-

трализованной системы защиты информации. Это касалось как государственных, так и партийных структур. Если в начале, большевики широко использовали критерий политической целесообразности, то ко второй половине 1920-х годов, политическая целесообразность и «политическое чутье» в области защиты информации, все более заменялась нормативно-правовыми нормами. На VII съезде в марте 1918 года партия большевиков РСДРП(б) переименовывается в РКП(б), намечается разработка структуры партийного аппарата и новой программы партии. Через год, на VIII съезде, принимается новая программа, а также организационно оформляются партийные структуры и партийный аппарат. Все решения партийных органов, включая ЦК, проводились через государственные органы власти и управления, все мероприятия в области защиты информации проводились в рамках государственного строительства и по государственной линии. Придя к власти, большевики до 1919 г. еще не создавали ни партийный аппарат как таковой, ни специальных структур по защите информации. Многие вопросы по защите информации и секретности решались на государственном уровне, в основном по линии СНК, ВЧК и Реввоенсовета.

Обеспечение секретности партийного и государственного обмена информацией требовало ее защиты от несанкционированного доступа извне. Это обуславливало проведение мероприятий по созданию систем технической передачи и защиты информации, создание специальной техники, шифров и кодов, организации шифрработы в целом, как в государственных, так и партийных органах. Эта работа была сопряжена со многими организационными, техническими и кадровыми трудностями. В первые годы своего существования советское государство располагало лишь тем арсеналом технических средств и профессиональных кадров, которые остались от царских времен. А осталось крайне мало. В условиях Гражданской войны уделить должное внимание созданию шифровальных и дешифровальных служб, хотя и было необходимой, но очень трудновыполнимой задачей. Особая проблема заключалась в том, что после революции несколько опытных криптографов эмигрировали в Англию, где они были привлечены к работе над вскрытием советских шифров. Но все же большевики принимали и свои меры по защите информации техническими средствами. Первым шагом новой власти в этом направлении был отказ от большинства «старорежимных», дореволюционных и создание новых шифров. Большевики отказались от них или в силу простоты и их читаемости, а в некоторых случаях, наоборот, в виду громоздкости и сложности в использовании. Что касается замены шифросистем, доставшихся в наследство от царского режима, то по началу вместо них для ведения секретной дипломатической пере-

писки советским государством стали создаваться и вводится новые шифры. Но как оказалось впоследствии, эти шифры были слабой стойкости и вскрывались. Так, к примеру, англичане провели операцию по перехвату дипломатической переписки советской делегации, которая с декабря 1917 по март 1918 вела переговоры с немцами в Брест-Литовске о заключении мира. Английское правительство и в дальнейшем получало дешифрованные советские дипломатические депеши. Радиоразведка и шифровальное дело приобретали все более широкие масштабы, а организация криптографической службы дело весьма дорогостоящее и требующее определенного уровня развития техники, специальных знаний и подготовки кадров. Особенно быстро совершенствовалась техника. Развитые страны Европы, Соединенные Штаты и царская Россия до революции 1917 года, имели специальные службы, занимающиеся шифровкой и дешифровкой сообщений. В РСФСР организация работы по защите сообщений, передаваемых техническими способами, была возложена на ВЧК, но лишь в мае 1921 года официально было создано особое секретное подразделение – Специальный отдел при ВЧК, затем – ГПУ, которое должно было заниматься криптографией. В 1917 – 1918 гг. работа большевиков и государства могла сосредотачиваться только на мероприятиях организационного характера, включающих в себя отказ от старых и создание новых шифров, усиление требовательности, контроля и личной ответственности к работникам, имеющих отношение к шифровальной и дешифровальной работе, а также использование старых кадров, лояльных новой власти. А квалифицированных кадров было в данном деле не так уж и много, их надо было подбирать и обучать. Таким образом, в данный период централизованного подхода и общего регламентирующего документа по работе с секретными документами не было, ведомства самостоятельно вели секретную работу и также самостоятельно определяли степень секретности информации. Это произойдет только в 1922 году в связи с выходом инструкций, регламентирующих работу с секретными документами в государственных и партийных учреждениях в масштабах всей страны.

Одним из первых шагов в области защиты государственной тайны, как одной из составляющих контрразведывательной деятельности, был осуществлен принятием «Декрета о печати», вышедшим 9 ноября 1917 г., т. е. уже на второй день после революции. Оперативность и срочность его принятия обусловливалась тем, что в данный период пресса практически была вне контроля нового государства. Специальных государственных и партийных органов и актов, регламентирующих цензуру, еще не было, но, в печати появлялись сведения, опубликование которых наносило ущерб безопасности нового государства в политической

деятельности, военном строительстве и экономической сфере. В «Декрете о печати» говорилось, «…что закрытию подлежат только органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству, сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов, призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера». Запрещения органов прессы, временные или постоянные, должны были проводится лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров. Это положение вводилось как временное и предполагалось, что будет отменено при наступлении «нормальных условий общественной жизни», особым указом. 21 ноября 1917 г. был опубликован декрет СНК «О государственной монополии на печатание объявлений». Нарушители карались конфискацией всего имущества и тюремным заключением до 3 лет[1].

Для противодействия распространению контрреволюционной информации в печати уже в декабре 1917 года при Наркомате Юстиции создается «Ревтрибунал печати». 21 февраля 1918 г. на заседании СНК рассматривался вопрос о мерах борьбы с опубликованием в печати сведений, не подлежащих оглашению. Понятие «военная тайна» использовалось в нормативных документах, однако объем этого понятия не был определен. По сути «а) разглашение военных тайн, планов и сведений; б) передача военных тайн, планов и сведений» были определены в постановлении Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» 6 октября 1918 г. как шпионаж. 23 декабря 1918 года при Реввоенсовете республики была организована военная цензура, которая занималась не только военной, но и политической гражданской цензурой. Опубликован был только текст «Положения о военной цензуре», но не перечень. Таким образом, в данный период, соблюдение военных тайн возлагалось на органы военной цензуры РВСР. Цензурные функции РВСР выполнял с ноября 1918 до августа 1921 г. Но с 1921 года эти функции передаются в ВЧК. В это время в его составе находился Отдел (с 1921 г. – Управление) военной цензуры ВЧК. За время пребывания военной цензуры в военном ведомстве последовательно сменились сходные с «Перечнем…» периода Временного правительства «Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру Военной цензурой» от 21 июня 1918 г. из 27 пунктов[2], «Перечень деяний и сведений, наносящих вред Российской Федеративной Советской Республике, а также не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных международных и иных сношений» из 36 пунктов и от 23

[1] См. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. – М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942, С. 20–21.

[2] См. РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 87. Л. 62–63.

декабря 1918 г. «Перечень сведений, не подлежащих оглашению в повременной печати» из 32 пунктов[3]. Новые Перечни, составленные в период Гражданской войны – аналогично периоду Временного правительства каждый раз в связи с изданием нового положения о военной цензуре, но не опубликовывались, хотя и размножались типографским способом для служебного пользования в составе сборников приказов РВСР и т. п. Эти перечни (и выпущенный затем новый в 1919 году) в определённой степени, основывались на дореволюционных и являлись инструктивными документами для военной цензуры в период Гражданской войны. 21 декабря 1921 г. был образован отдел политконтроля при ВЧК. Он занимался перлюстрацией почтово-телеграфной корреспонденции и ее отбором по спискам контрразведывательных органов. Сотрудники отдела вели наблюдение за работой типографий, книжных магазинов, просматривали ввозимые и вывозимые из страны печатные произведения, полиграфическую и кинопродукцию.

Таким образом, становление защиты информации в России имеет достаточно продолжительную историю. Но отсутствие твердых основ государственности в начале XX века расшатало механизм власти, развратило верхи и способствовало равнодушно-безразличному к ней отношению значительной части населения, в том числе государственных служащих. Хотя и велась борьба с неумышленным разглашением государственных и военных тайн по всем направлениям и были предприняты меры уголовно-правового, административного (полицейского), идеолого-воспитательного характера, в целом же ощущалась сравнительно невысокая эффективность предпринимаемых мер, особенно в высших эшелонах власти и управления. В начальный период советской власти основными формами защиты информации в РСФСР на рубеже в 1917 – 1918 гг. являлись организационные. С этого времени в определённых смыслах берет свое начало новое строительство, где главным средством достижения целей деятельности государства в сохранении тайн, является централизация, стабильность и последовательность работы в этом направлении. При этом в дальнейшем выработаются и станут основными главными принципами защиты информации такие как: 1. Принцип обоснованности доступа к секретным сведениям; 2. Принцип персональной ответственности; 3. Принцип материальной заинтересованности лиц, допущенных к секретным сведениям. В итоге в Советском Союзе образовалась такая система защиты государственной тайны, в которой сложившийся механизм политической власти, закрепленный существовавшим в то время законодательством, обусловил главенство такой модели политико-правовой и государственной системы, когда секретность выступала в

[3] См. РГВА, ф. 4, оп. 3, д.49, ЛЛ. 264 –268об.

качестве защиты социального института – государственности. Следует отметить, что законы защиты информации носят универсальный характер, т. е. присущи всем государственным устройствам. Проблема определения наличия и уровня секретности, а также определения границы и баланса между гласностью и секретностью, при решении вопросов защиты государственной тайны на основе закона, а также на уровне партийных и правительственных постановлений и решений, требуют своей разработки, также как и миф о «сверхсекретности» в СССР и тезис о том, что закрытость института секретности от общества приводила к тому, что результаты его функционирования не подвергались критическому анализу. Все это требует не только историко-политической оценки и анализа, но и анализа с точки зрения понимания специфики и законов защиты информации. Очевидно одно, что новому советскому государству, особенно в начальный период, какие бы оценки ему ни давали с позиций сегодняшнего дня, пришлось, в совершенно чрезвычайных условиях и в сложнейших ситуациях, в начале – Гражданской войны и разрухи, а затем в условиях «страны – изгоя», затем в условиях II Мировой, Великой Отечественной и последовавшей далее «холодной войны», разрабатывать и создавать систему защиты государственной и военной тайны, просто не было возможности и, по большому счету, необходимости, думать о мерах для установления «баланса и границы между гласностью и секретностью». К слову сказать, теоретические и практические аспекты данного вопроса не разработаны и до настоящего времени. И хотя, 1917 г. – начало 1920-х гг. это только начало, а основные принципы и структура защиты информации в нашей стране были сформированы в конце 1920-х – 1930-е годы XX века, нельзя не сказать, что система защиты государственной тайны с профессиональной точки зрения была организована весьма эффективно, о чем свидетельствуют и исторические факты и события, а также, что немаловажно, признания и свидетельства бывших и настоящих потенциальных противников.

С. В. Курицын

БРАТАНИЯ НА РУССКОМ ФРОНТЕ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД (25 ОКТЯБРЯ 1917 Г. – ЯНВАРЬ 1918 Г.)

После 25 октября 1917 г. правительство большевиков взяло курс на выход из войны. После того, как был принят Декрет о мире, а 9 ноября Совнарком распространил радиотелеграмму, в которой, в частности, отмечалось: «Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров даёт вам права на это»[1] контакты с противником не только переставали быть нарушением воинской дисциплины, но приобретали санкцию на уровне правительства. Также в период между Декретом о мире и радиотелеграммой СНК, на фронте возобладал лозунг: «Братание ускорит мир», что способствовало ещё большему распространению братания[2]. К примеру, в армиях Северного фронта после распространения указанной радиотелеграммы СНК, согласно Донесению генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-майора В. Л. Барановского от 10 ноября сложилась обстановка, в которой «сообщённая путём газет и радиотелеграмм декларация о перемирии на всех фронтах приводится в исполнение явочным порядком: посредством братания»[3].А в Донесении начальника штаба Особой армии генерал-лейтенанта В. А. Бренделя от 13 ноября указывалось «… В 1-м Туркестанском корпусе в 7-м полку организованным братанием хотят достичь скорейшего мира, а в 8-м полку братанием руководит даже полковой комитет, основываясь на постановлении корпусного комитета»[4].

---

[1] Радиотелеграмма Совета Народных Комиссаров от 9 ноября 1917 года // Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 523.

[2] См.: *Базанов С. Н.* Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014. С. 251.

[3] Донесение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-майора В. Л. Барановского генерал-квартирмейстеру при Верховном главнокомандующем от 10 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 38.

[4] Донесение начальника штаба Особой армии генерал-лейтенанта В. А. Бренделя начальнику штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Н. Н. Стогову о настроениях в частях армии № 2169 от 13 ноября // Там же. С. 40.

Меры, направленные на борьбу с распространением братания пытались принимать Верховный главнокомандующий Н. Н. Духонин совместно с командующими фронтов и армий[5]. Анализируя сложившуюся ситуацию, исполняющий должность начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В. В. Марушевский отмечал, что в данных условиях»…положение делается, вероятно, трудно поправимым»[6]. Необходимо также отметить, что ещё одним последствием Декрета о мире и радиотелеграммы Совнаркома стало ещё большее углубление розни между различными родами войск Русской армии, в частности, между пехотой и артиллерией, продолжавшей разгонять братающихся и вести огонь по позициям австро-германских войск[7].

После же того, как начались переговоров о заключении перемирий на участках корпусов, армий и фронтов, большевики были вынуждены скорректировать своё отношение к братанию. Это было обусловлено позицией германского командования, выдвинувшем требование о приостановлении братания в связи с началом переговоров. В телеграмме 17-й дивизии (19 корпус, 5-я армия, Северный фронт) от 13 ноября сообщалось: «В 4 часа 45 минут к нашим окопам подошёл один немецкий солдат …, предложивший от имени своего генерала нашим солдатам покинуть нейтральную зону и вернуться в свои окопы во избежание недоразумения»[8]. Несколько позже, в 17 часов 20 минут, прибывшие к немцам парламентёры от 5-й армии, в своём донесении Н. В. Крыленко, в частности, писали: «Во избежание недоразумений просим прекратить братание»[9]. В связи с этим в донесении Крыленко члены армейского комитета 19-ого корпуса в 19 часов 13 ноября сообщали: «Парламентёры выступили из окопов … к германской линии в 4 часа дня в сопровождении немецкого офицера. Братание с немецкими солдатами в это время

---

[5] См. напр.: Запись разговора по прямому проводу командующего 5-й армией Северного фронта генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева и Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина от 11 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 39.

[6] Цит. по: *Базанов С. Н.* Великая война: как погибала Русская армия… С. 252.

[7] См напр.: Донесение начальника штаба Особой армии генерал-лейтенанта В. А. Бренделя начальнику штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Н. Н. Стогову о настроениях в частях армии № 2169 от 13 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 40; Сводка сведений о настроениях армий Юго-Западного фронта №266463 от 13 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 51; Рапорт командующего 8-й армией генерал-лейтенанта Н. Л. Юнакова главнокомандующему армиями Румынского фронта генералу от инфантерии Д. Г. Щербачёву № особ / 1197 от 11 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 39.

[8] Телеграмма дивизионного комитета 17-й дивизии XIX корпуса Н. В. Крыленко от 13 ноября // Исторический архив. 1957. № 5. С. 156.

[9] Донесение парламентёров Н. В. Крыленко о ходе переговоров с представителями германской армии // Там же. С. 156.

происходило. Братание временно приостановлено»[10]. Также и при подписании документов о перемирии в ночь с 13 на 14 ноября переговорщикам от 5-й армии «… было заявлено, что германский Верховный главнокомандующий приказал впредь до переговоров прекратить боевые действия … и прекратить братание впредь до окончания переговоров»[11]. А уже в 23 часа 13 ноября Н. В. Крыленко приказал комитетам 5-й армии: «… прекратить перестрелку и братание на всём фронте V армии до 20 часов 14 ноября – срока возвращения парламентёров»[12]. А уже днём 14 ноября Н. В. Крыленко распространил действие этого приказа на весь Русский фронт[13].

В приказе от 24 ноября советский Верховный главнокомандующий разъяснил причину смены курса новой власти в отношении братания, указав, что»…приказ о прекращении перестрелки и братания неорганизованных масс … имел целью придать организованный характер братанию»[14]. Таким образом, советский Верховный главнокомандующий не упомянул о том, что инициатива прекратить братание на время переговоров о перемирии исходила от германской стороны.

На наш взгляд, это требование немцев имело две основные причины:

1. главная цель Германии и её союзников – выход России из войны – была достигнута, поскольку советские делегаты начали переговоры о перемирии;

2. немцы и австрийцы стремились ограждать своих солдат от контактов с солдатами Русской армии, опасаясь распространения среди них революционных настроений. Для этого на братания с русскими солдатами посылались специально подготовленные офицеры.

О том, что немецкая сторона активно использовала братание в целях разведки и разложения Русской армии писали: со стороны держав Четверного союза: Э. Людендорф[15], генерал Макс Ронге, начальник австро-венгерской разведывательной службы[16]; О том же имеются сведения и

---

[10] Донесения членов армейского комитета XIX корпуса Верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко // Там же. С. 155.

[11] Протокол переговоров парламентёров с представителями германской армии о перемирии от 14 ноября // Там же. С. 158.

[12] Приказание Н. В. Крыленко армейским, корпусным и дивизионным комитетам V армии о прекращении перестрелки и братания на фронте (13 ноября) // Там же. С. 156.

[13] См.: Приказ № 3 по армии и флоту // Там же. С. 160.

[14] Приказ Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко войскам действующей армии от 24 ноября // Военная литература. http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/14.html (Дата обращения: 11. 04. 2017).

[15] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 гг. / Пер. с нем. А. А. Свечина. М., 2014. С. 449.

[16] См.: *Френкин М. С.* Русская армия и революция. Мюнхен, 1978. С. 173.

в отчётах командования[17]. А что в армиях Германии и её союзников имелись специальные «пропагандные отделы» упомянул в своей работе Ю. Г. Фельштинский[18]. Именно они работали над организацией братания с солдатами Русской армии[19]. О стремлении использовать братание в разведывательных целях знали и члены Военно-революционных комитетов русских войсковых соединений[20]. Подобная деятельность специальными службами армий Четверного союза велась даже после заключения перемирия[21]. Таким образом, несмотря на изменение ситуации на Восточноевропейском ТВД в рассматриваемый период, Германия и её союзники по-прежнему стремились активно использовать братание для разведки и пропаганды.

Относительно второй причины, побудившей командование войск Четверного союза приостановить братание, следует сказать, что это делалось для того, чтобы в условиях прекращения боевых действий свести к минимуму контакты русских солдатс рядовыми австро-германских войск. По нашему мнению, поэтому в договоры о перемирии как с отдельными армиями и фронтами, так и в договор с Советской Россией в Брест-Литовске, включались пункты о запрещении братания. Однако, поскольку советская сторона настаивала[22], представители Центральных империй согласились на компромиссную формулировку, оговорив условия, на которых было возможно братание[23]. В Брест-Литовском до-

---

[17] См. напр.: Рапорт командующего 8-й армией генерал-лейтенанта Н. Л. Юнакова главнокомандующему армиями Румынского фронта генералу от инфантерии Д. Г. Щербачёву № особ / 1197 от 11 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 39; Донесение начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н. Н. Стогова в Ставку Верховного главнокомандующего от 18 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 53; Донесение начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н. Н. Стогова помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего // Там же. С. 54.

[18] *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 42–43.

[19] См.: там же. С. 42.

[20] См. напр.:Постановление № 6 Военно-революционного комитета 3-го Кавказского армейского корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта от 2 декабря // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 56; Протокол заседания Военно-революционного комитета 293-го пехотного Ижорского полка 7-й армии Юго-Западного фронта от 7 декабря // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 57.

[21] См.: Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: … С. 42.

[22] См.: *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 гг. С. 455.

[23] См. напр.: Соглашение уполномоченных Военно-революционного комитета Особой армии Юго-Западного фронта с уполномоченными командующего фронтом австро-германских армий о перемирии от 18 ноября // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. (Петроград). 1917. № 233. 23 ноября; Договор о перемирии 515-го пехотного Пинежского полка Западного фронта с

говоре о перемирии, в частности, закреплялось: «Каждый раз допускаются к братанию не более 25 человек с каждой стороны»[24]. Временной промежуток, отведённый для контактов, также ограничивался: «Братание допускается только от восхода до захода солнца»[25]. Кроме того, в договоре локализовывались участки для братания: «… на участке каждой русской дивизии между окопами должны быть установлены … в двух или трёх заранее установленных местах пункты для братания … Участки для братания отмечаются белыми флагами»[26]. Названные условия устраивали как советскую сторону, считавшую включение пункта о братании в договор о перемирии крайне выжным, так и австро-германское командование.

Необходимо отметить, что рядовые армий Четверного союза за участие в братании жестоко карались. В этом отношении показателен приказ от 4 декабря (по новому стилю) 1917 г. по 30-й дивизии 17 армейского корпуса: «В 29-м пехотном полку 34-й пехотной дивизии наши офицеры отогнали русских, пришедших к нашим проволочным заграждениям разговаривать с нашими солдатами. При отходе присоединились к ним два наших солдата 29-го полка; когда на оклик наших офицеров они не обернулись, один из офицеров в них выстрелил, ранил одного солдата … тогда как после выстрела сейчас же другой вернулся»[27]. Необходимо отметить, что австро-германское командование всеми средствами ограждали от братания своих солдат[28].

После того, как 2 декабря между Советской Россией и Центральными державами было заключено перемирие, советский Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко вновь санкционировал братание: «Влейте через братание революционный жар в сердца измученных войной солдат противника, но строго соблюдайте условия договора»[29]. Таким образом, большевики продолжали, но уже в значительно более выгодных для себя условиях, превращать братание в спецоперацию по экспорту

германскими частями от 15 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 51; Договор о перемирии между русскими и немецкими армиями на Западном фронте // Звезда. 1917. № 38 (75). 23 ноября.

[24] Цит. по: *Базанов С. Н.* К истории развала Русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1905 – 1941 годы. Статьи. Документы. М., 1999. С. 69.

[25] Цит. по: там же. С. 69.

[26] Цит. по: там же. С. 69 – 70.

[27] *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир: … С. 62.

[28] Протокол заседания Военно-революционного комитета 293-го пехотного Ижорского полка 7-й армии Юго-Западного фронта от 7 декабря // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 57; РГВИА. Ф. 2179. Оп. 4. Д. 1. Л. 6 и об.

[29] Обращение Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко от 4 декабря // Военная литература. http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/20.html (Дата обращения: 12. 04. 2017).

революции. И для этого ревкомы и большевизированные солдатские комитеты продолжили работу по приданию братанию организованного характера. Однако эта деятельность планировалась и осуществлялась не в полном соответствии с предложенным в работах В. И. Ленина сценарием. Лидер партии большевиков в работе «Проект резолюции о войне» пояснял: «Под братаньем мы разумеем, во-1-ых, издание воззваний на русском языке с переводом на немецкий для распространения их на фронте; во-2-х, устройство митингов русских и немецких солдат, через переводчиков, на фронте, с тем, чтобы капиталисты и принадлежащие большей частью к классу капиталистов генералы и офицеры обеих стран … не смели даже присутствовать на них»[30]. Если вбросы листовок в австро-германские окопы с революционными призывами стали массовыми после прихода большевиков к власти в России[31], то сами формы контактов солдат, в связи с условиями перемирия, не соответствовали ленинскому плану. Так, в Инструкции полкового комитета 481-го пехотного Мещовского полка (5-я армия, Северный фронт) о порядке братания от 10 декабря в дополнение к зафиксированным в договоре о перемирии пунктам говорилось: «Солдаты, желающие брататься, должны иметь устное или письменное разрешение ротного комитета или начальника боевого участка и все обязаны проходить через пропускные посты (в установленные пункты для братания, – К.С.»[32] Интересно, что братание допускалось «… за нейтральной зоной, но только на обусловленных местах. Необходимость перехода нейтральной полосы вызывается условиями зимнего времени, требующем крытых помещений для братающихся»[33]. Инструкцией также предусматривались меры, направленные против разведывательной деятельности немецкой стороны: «У каждого пропускного поста должен быть дежурный по участку братальщик, который проводит указанным путём прибывших германцев в помещение. Если лодку с переправляющимися германцами при[било] к берегу не в указанных пунктах высадки, то высадившихся обязан встретить наш дежурный (по участку) братальщик и берегом, подальше от окопов, подвести к пропускному посту»[34].

Военно-революционными комитетами войсковых соединений Юго-Западного и Румынского фронтов придание братанию организованного

---

[30] *Ленин В. И.* Проект резолюции о войне, внесённый на Петроградскую конференцию РСДРП(б) // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. В 55 т. М., 1967 – 1975. Т. 31. С. 265.

[31] См. напр.: Протокол заседание дивизионного комитета 3-й гренадерской дивизии 11-й армии Юго-Западного фронта от 19 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. №3. С. 53–54; *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир: … С. 62.

[32] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 585. Л. 286.

[33] Там же. Л. 286.

[34] Там же. Л. 286.

характера развивалось по двум направлениям: ограничение стихийного братания и выбор специально уполномоченных лиц для братания. Относительно ограничения стихийного братания на фронте, следует сказать, что для этого, к примеру, в 207-м пехотном Новобаязетском полку (52-я пехотная дивизия, 3-й Кавказский армейский корпус, 7-я армия, Юго-Западный фронт) при батальонах были организованы комиссии из 5 человек для противодействия братанию[35]. Имелись в 7-й армии и уполномоченные лица для братания[36]. Здесь стоит обратить внимание на тот факт, что привлечение офицеров к участию в контактах с австро-германскими военнослужащими также шло вразрез с установками В. И. Ленина, призывавшего «удалять … офицеров и генералов» от участия в братаниях[37]. По нашему мнению, обязательное участие представителей командного состава в группах уполномоченных для вступления в контакт с представителями противника было обусловлено в немалой степени тем, что ревкомы не могли обойтись в этом вопросе без опыта и профессиональных знаний офицеров. Кроме того, это стало возможным и вследствие меньшей большевизации армий Юго-Западного и Румынского фронтов, где сильное влияние сохраняли партии эсеров и меньшевиков. Близкие по содержанию меры для организации братания принимались и в 11-й армии (Юго-Западный фронт). Так, в приказе Военно-революционного комитета 25-го армейского корпуса от 1 декабря говорилось, что для передачи литературы и т. п. в немецкие окопы и выяснения других вопросов необходимо в каждом полку организовать команду братальщиков, которым при братании надлежало держаться осторожно и на заданные вопросы отвечать обдуманнее. Только через посредство таких команд допускалось братание в указанном корпусе. Остальные способы братания приказывалось прекратить.

Схожие меры принимались и на Румынском фронте. Здесь ещё до официального вступления в силу договора о перемирии, заключённого генералом от инфантерии Д. Г. Щербачёвым на данном фронте 26 ноября, революционным комитетом 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 25 ноября были выработаны инструкции по организации братания. Согласно этому документу, следовало: «1) На участке каждого полка иметь в окопах одного дежурного члена полкового Революционного комитета полков, занимающих окопы. 2) В каждой роте и команде должны быть выбраны 2 – 3 уполномоченных для братания и необхо-

[35] См.: Протокол № 48 экстренного заседания Военно-революционного комитета 207-го пехотного Новобаязетского полка 7-й армии Юго-Западного фронта от 29 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 55.

[36] См.:Постановление № 6 Военно-революционного комитета 3-го Кавказского армейского корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта от 2 декабря // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 56.

[37] *Ленин В. И.* Значение братанья // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С.460.

димых переговоров с противником. 3)Братание и переговоры с противником могут вести только эти выборные лица, которые должны предварительно об этом ставить в известность дежурного члена Революционного комитета»[38]. Перечисленные меры близки к действиям ревкомов 7-й и 11-й армий Юго-Западного фронта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на различных фронтах Восточноевропейского ТВД придание братанию организованного характера развивалось не столько по ленинским установкам, сколько путём перенимания австро-германского опыта в этом вопросе. Это было обусловлено сходством целей, которые ставили перед собой большевики и державы германского блока, поскольку в обоих случаях одной из главных целей была пропаганда, только большевики стремились к распространению революционных идей в европейских странах, а Германия и её союзники – к усилению антивоенных настроений в Русской армии. Отсюда и определённая близость методов в достижении поставленных обеими сторонами целей Данные методы можно свести к трём основным пунктам: 1. Распространение литературы соответствующего содержания; 2. Противодействие стихийному (неорганизованному) братанию; 3. Отправка на братание особо уполномоченных лиц. Названные мероприятия в ноябре – декабре 1917 г. осуществлялись как той, так и другой стороной. Однако со стороны Русской армии эти меры были гораздо менее эффективны в силу меньшей подготовленности русских братальщиков к подобной работе и всё более расшатывающейся дисциплины.

Следует также отметить, что, несмотря на перечисленные меры, братание во многом продолжало носить неорганизованный характер[39], а одним из важнейших мотивов, побуждавших солдат-крестьян к братанию являлась меновая торговля с австро-германскими военнослужащими[40]. Часто целью этой торговли было получение алкогольных напитков[41].

---

[38] Протокол заседания Военно-революционного комитета 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 8-й армии Румынского фронта от 25 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 54.

[39] См. напр.: Сводка сведений о настроении в частях 8-й армии Румынского фронта № 1608 от 18 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 52–53; Постановление № 6 Военно-революционного комитета 3-го Кавказского армейского корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта от 2 декабря // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 56; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 585. Л. 286.

[40] См. напр.: Донесение начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н. Н. Стогова в Ставку Верховного главнокомандующего от 18 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 53; Сообщение начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича Совету Народных комиссаров от 16 января // *Базанов С. Н.* Великая война: как погибала Русская армия. С. 254.

[41] См. напр.: Договор о перемирии между русскими и немецкими армиями на Западном фронте // Звезда. 1917. № 38 (75). 23 ноября; Протокол № 48 экстренного заседания Военно-

Подводя итоги, следует сказать, что на фоне разразившегося в России осенью 1917 г. общенационального кризиса и последовавшей за ним сменой власти, количество братаний на фронте резко возросло. После прихода к власти большевиков братание было фактически узаконено, но вместо ожидаемой пропаганды через него идей революции в условиях перемирия на фронте довольно быстро превратилось в «бойкую торговлю» с солдатами противника. Нельзя также не сказать, что именно братание стало одной из главных причин полной утраты к началу 1918 г. Русской армией боеспособности.

революционного комитета 207-го пехотного Новобаязетского полка 7-й армии Юго-Западного фронта от 29 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 55; Протокол заседания Военно-революционного комитета 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 8-й армии Румынского фронта от 25 ноября // Там же. С. 55.

Г. Н. Змиевской

ПРАВДА О БЕЛОМ ТЕРРОРЕ

Позволю себе напомнить о том, что в отрывных календарях советского времени на каждом листочке указывалось, какой сегодня год Октябрьской революции. И это была великолепная традиция, которую необходимо возродить вместе с почётным караулом кремлевских курсантов у дверей Мавзолея. Сегодня – сотый год Великой Октябрьской революции! И, отрывая очередной листок календаря, я словно вижу на нём эту священную надпись.

Гражданская война – самое страшное явление в жизни любого общества. Но наша гражданская война, последовавшая после Великой Октябрьской революции, по степени ужаса и потрясений, обрушившихся на страну, не идёт ни в какое сравнение с зарубежными гражданскими войнами. В преддверии столетия Великого Октября либерал-пропаганда особо неистово уравнивает революцию и гражданскую войну, вгоняя в общественное сознание (точнее, в подсознание) убеждение, что революция означает большой террор. Огромное количество псевдоисториков, обвешанных учёными степенями, вовсю расписывают красный террор «проклятых большевиков», играя при этом в «объективных исследователей», т. е. упоминают также и о зверствах контрреволюционных сил, но у них, как правило, контрреволюционеры выглядят не просто «белыми», а «белыми и пушистыми», вынужденными применять ответные меры против жутких красных «ревкомовцев».

Считаю, что позиция и партийных идеологов, и РУСО совершенно необоснованно помалкивают об истинных картинах террора со стороны контрреволюционных сил, поскольку он отличался не только гигантскими масштабами, но и невероятными зверствами, далеко превзошедшими всё мыслимое и немыслимое. Из трудов РУСО, посвященных исследованию белого террора, можно выделить лишь прекрасную работу профессора, доктора исторических наук П. А. Голуба, вышедшую в 2006 г. Непозволительно мало! И вот появилась в юбилейном году книга ленинградского историка Ильи Ратьковского под названием «Хроника белого террора». Считаю, что такая книга должна быть настольной у

каждого, кому дорога историческая правда. Автором проделан огромный объем работы. Использованы самые разнообразные источники: мемуары, письма, дневники, периодика того времени, судебные документы и т. п. всего в книге использовано более 1500 ссылок на различные источники, в т. ч. 393 монографии, 38 документальных сборников, 50 периодических изданий (газеты, журналы), более 60 Интернет-ресурсов.

Чтобы представить себе масштабы контрреволюционного террора, необходимо вначале обратиться к карте, которая присутствовала в учебниках истории СССР на протяжении всего советского периода и была хорошо известна даже нерадивым школьникам. Подпись под этой картой гласила: ***Триумфальное шествие Советской власти***.

В самом деле, в течение нескольких часов телеграф разнес по всей стране весть о победе вооруженного восстания в Петрограде. Повсюду трудящиеся города и деревни с ликованием приветствовали исторические декреты II съезда Советов. Во многих городах центра России власть к Советам перешла буквально сразу же вслед за победой восстания в столице. Всего лишь за месяц Советская власть установилась в 28 из 49 губернских центров Европейской России, а к концу января 1918 г. Советская власть победила на огромной территории – от Минска до Владивостока, от Мурманска и Архангельска до Одессы, Ростова и Ташкента. Причем важно отметить, что в подавляющем большинстве мест она была установлена мирным путём. Народ с восторгом принял Советскую власть!

Современные либеральные псевдо-историки с остервенением вырвали эту карту из всех учебников, потому что сам факт триумфального шествия решительно опровергал вдалбливаемую изо всех сил в общественное сознание макакавку – сказку о бесчеловечно жестоком и кровавом захвате власти узурпаторами-большевиками. Завывания с претензиями на справедливость сравнивают белый и красный террор и неизменно делают вывод, что белый был «гуманнее».

Чем же занимались в это время те, кому Советская власть была не по нутру?

Буквально через четыре дня после установления диктатуры пролетариата, 29 октября, буржуазия при активном участии эсеров и меньшевиков через контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции» организовала в Петрограде восстание юнкеров. По плану белогвардейцев это восстание должно было быть подкреплено ударом на Петроград казачьих войск генерала Краснова, который вместе с Керенским двигался из Пскова. Но юнкера были в тот же день разбиты красногвардейцами и революционными солдатами и матросами. А красновские части, задержанные революционными войсками у Пулковских высот, под влиянием большевистской агитации вовсе отказались воевать с Советской властью и потребовали возвращения домой – на Дон.

Генерал Краснов, взятый в плен, торжественно обязался не поднимать оружия против Советской власти и был освобождён, но, получив свободу, он сразу же «забыл» о своем честном слове и, вернувшись на Дон, стал усиленно готовиться к дальнейшей борьбе с Советами. На Дон и на Кубань ещё до Октябрьской революции стали съезжаться контрреволюционные элементы. Особенно много здесь собралось бежавшего из армии белого офицерства, рассматривавшего Дон как центр всей российской контрреволюции.Сюда же были стянуты казачьи полки, в большинстве своем враждебно относившиеся к большевикам. Генералы царской армии Алексеев, Корнилов, Деникин, Каледин начали формировать белую добровольческую армию для борьбы с советской властью. Эту Добрармию трудящееся население называло «грабармией» за непрерывные грабежи и разбои.

Вот отчетливая разница между революцией и контрреволюцией!

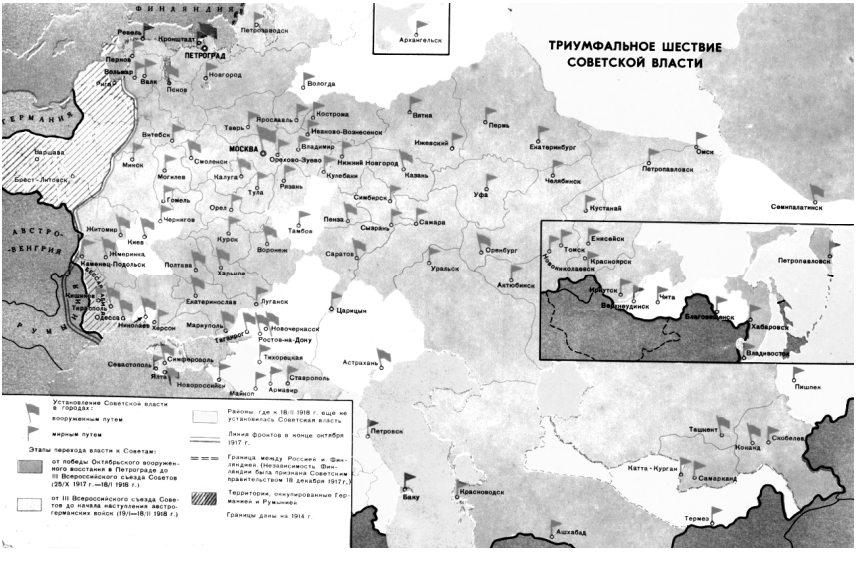
Первые шаги Советской власти были отмечены подчеркнутым гуманизмом, нет необходимости перечислять все первые декреты (о мире, о земле, о свободе совести, о сухом законе, об отмене смертной казни и т. д.), они хорошо известны. Отметим здесь, что офицеры, бежавшие из армии, не только не преследовались Советским правительством, но им даже было разрешено оставить при себе личное оружие.

Ответы контрреволюции на эти декреты тоже хорошо известны: ***везде*** поджигателями Гражданской войны были контрреволюционные силы. Лучше Ленина о триумфальном шествии Советской власти не скажешь:

«С октября наша революция, отдавшая власть в руки революционного пролетариата, установившая его диктатуру, обеспечившая ему поддержку громадного большинства пролетариата и беднейшего крестьянства,… шла победным, триумфальным шествием. По всем концам России началась гражданская война в виде сопротивления эксплуататоров, помещиков и буржуазии, поддержанных частью империалистской буржуазии… и в этой гражданской войне силы противников Советской власти, силы врагов трудящихся и эксплуатируемых масс оказались ничтожными; гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры… Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию…» (*В. И. Ленин*, ПСС, т. XXII, стр. 390).

«Белый террор» – термин, включающий явления, происходившие под различными «политическими вывесками», как собственно белого движения, так и в целом антибольшевистского сопротивления, включая правосоциалистические (эсеро-меньшевистские) режимы «демократической революции» лета-осени 1918 года. Сами эти режимы, несмотря

на преобладание «социалистического элемента» в руководстве, в практической деятельности опирались на белые военные формирования, включая прямое участие в офицерских подпольях. Характерным примером (далеко не единичным) можно назвать июльский мятеж с восстанием в Москве, убийством германского посла Мирбаха, арестом Дзержинского, резнёй в Ярославле и ряде других городов, покушением на Ленина – факты хорошо известны. Масштаб террора «эсеровских» государственных формирований был отнюдь не связан с их политической риторикой – в Поволжье за это время жертвами антибольшевистского террора стали не менее 5 тыс. человек.



Триумфальное шествие Советской власти –
карта, ненавистная либерал-историкам

Количественные показатели белого террора на территории Советской России установить крайне сложно. Общие цифры носят чаще всего оценочный и субъективный характер. Учитывая специфику современных прорежимных исследований, они, как правило, крайне занижены.

В одной только Финляндии к июню 1918 г (победа контрреволюции) уже *ПОСЛЕ* прекращения военных действий было казнено (по данным финских историков) 8400 красных пленных, в том числе 364 малолетние девочки. От голода и его последствий в финских концлагерях умерли 12500 человек. До 90 тысяч сторонников Советской власти оказались в тюрьмах. И это в масштабах только крошечной Финляндии!

Подобный «белый опыт» важен тем, что он предшествовал общероссийскому опыту широкомасштабного белого террора и обозначил ожесточение Гражданской войны с обеих сторон. Отметим, что среди расстрелянных 8400 пленных в Таммерфорсе и Выборге было большое число русских граждан. Опыт «финского умиротворения» рассматривался в дальнейшем как образец поведения победившей контрреволюции, и со стороны финских земель постоянно проникали на территорию России многочисленные военные формирования, утверждавшие на местах практику «уничтожения большевизма» в самом широком смысле.

К этому же периоду относится и волна массовых репрессий, чинимых пресловутым «чехословацким корпусом». Великолепный фильм Юрия Озерова «Большая дорога» о Ярославе Гашеке изображает чехословацкий корпус больше в сатирическом ключе и создаёт впечатление, что чехословаки больше обозначали военные действия, чем вели их в действительности. Безусловно, такая линия была обусловлена стремлением советских руководителей 60-х годов к укреплению дружбы с братской социалистической Чехословакией, но она в значительной степени грешит против исторической правды. В течение лета 1918 г. линия Восточного (чехословацкого) фронта стремительно откатывалась на запад, и вместе с ней приходил антибольшевистский террор. Общее количество жертв продвижения чехословацкого корпуса летом 1918 года составило не менее 5000 человек. Ничего себе – братья-славяне!

Можно перечислять и другие кричащие примеры контрреволюционного террора, вспоминая и Урал, и Кавказ, и Сибирь (по замечанию генерала Гревса, главы миссии США при Колчаке, «на каждого убитого большевиками человека приходилось 100 человек, убитых антибольшевистскими элементами») – с лета 1918 белый террор стал ***системным***, составляя этап фронтальной Гражданской войны и обозначая становление антисоветской системы государственности. Карательная политика в самых зверских формах стала неотъемлемой частью лицемерного лозунга «борьбы за единую и неделимую Россию». Как раз за единую и неделимую Россию сражались вовсе не белые, а красные.

Нельзя не отметить и «творческий вклад» интервентов. Белый террор включает также и террор оккупационных войск (пресловутые «14 держав»), так как их действия распространялись на значительные области России и при всей разношёрстности решали одну задачу: утверждение антибольшевистских начал. Ряд иностранных формирований прямо подчинялись органам белой власти, другие действовали по согласованию с ними.

Черчилль в своих мемуарах цинично заявлял: «Мы горячо стремились к падению Советского правительства». Созданное по следам Гражданской

войны в 1924 году «Общество содействия жертвам интервенции» собрало 1 млн. 300 тыс. заявлений, зафиксировавших 111730 случаев убийств и смертей по вине интервентов. Маяковский в «Окнах РОСТА» писал: «Рабочий, не смотри Антанте в рот! Ртом она, Антанта, только врёт! Вырви язык, чтоб не лила елей! Посмотри на руки лучше ей! Нанесёт тебе этими руками смерть, если будешь без слов Антанте верить!»

Рамки доклада на конференции не позволяют нарисовать достойную панораму белого террора, унёсшего по самым скромным подсчётам с 1917 по 1920 годы жизни не менее 500 тысяч человек, причём без учёта еврейских погромов, носивших также антибольшевистскую направленность.

Говоря о «системном» характере белого террора, ставшего частью контрреволюционной политики с лета 1918 года, было бы крайне ошибочно утверждать, что он отсутствовал в более ранний период Гражданской войны. Напомню, что Ленин говорил о Гражданской войне с самого первого дня Советской власти, отмечая её триумфальное шествие. Да, Краснов, Каледин и К^0 поначалу не могли сформировать маломальски внушительных сил «грабармии» и опирались на партизанские образования. Но малочисленность этих образований отличалась крайними зверствами. Поэтому, не разворачивая гигантской панорамы белого террора в целом, остановимся на двух характерных «зародышах» этого ужаса, относящихся к концу 1917 — началу 1918 годов. Как в капле воды отражается весь окружающий мир, так в деятельности партизанского отряда есаула Чернецова и корпуса полковника Дроздовского отражается лицо белого террора, сравнимое разве что с физиономией Медузы-Горгоны.

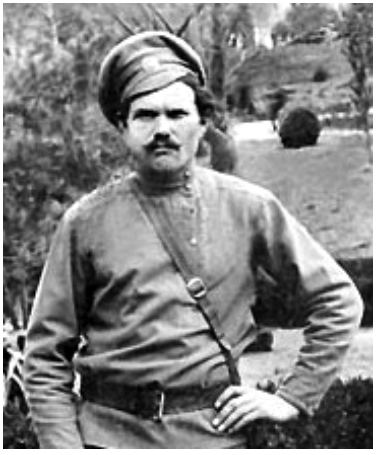
В. М. Чернецов

Партизанский отряд есаула Чернецова был образован 30 ноября 1917 года. Он состоял в основном из юнкеров – курсантов артиллерийских училищ и примкнувших к ним немногочисленных представителей донского казачества, настроенных против Советской власти. На этом этапе отряд Чернецова являлся чуть ли не единственной военной силой генерала Каледина, взявшегося за формирование «Добрармии». Казалось бы, какие-то 200 сопляков, возомнивших о себе как о героях-освободителях России. Сам Чернецов не достиг еще и 30 лет. Но эти «сопляки» залили кровью весь свой путь продвижения по придонским областям: только на Ясиновском руднике было расстреляно 118 человек, на

станции Лихая – 250. Главное –эти расстрелы имели место не в ходе боевых действий, а ***вместо*** таковых (настоящих боевых столкновений с красными ещё не было).

Среди самого донского казачества обозначилось расслоение: беднейшие казаки и осевшие на Дону крестьяне из других губерний (иногородние, как их называли), в большинстве своем тоже бедняки, были враждебно настроены к угнетавшему их кулацкому контрреволюционному казачеству. Революционные казаки 23 января 1918 г. на съезде в станице Каменской (здесь собрались представители нескольких десятков казачьих частей) открыто выступили против атамана-генерала Каледина и избрали свой Военно-революционный комитетво главе с подхорунжим Ф. Г. Подтёлковым и 24-летним прапорщиком М. В. Кривошлыковым. ВРК признал власть Совнаркома. Попытка провести переговоры с Калединым ничего не дала, и ВРК перешёл к активным действиям. При взаимодействии с красными силами, присланными на Дон под командованием Антонова-Овсеенко, красные казаки и присоединившиеся к ним горняки Донбасса стали вытеснять белых с Дона. Столкнувшись с настоящим противником, Чернецову пришлось ответить за свои «партизанские» действия.

В романе Шолохова «Тихий Дон» главный герой Григорий Мелехов поначалу вместе с «красными казаками» «подался к большевикам», как сообщил родным его старший брат Пётр. Он принял участие в первых столкновениях с «партизанами» Чернецова. Вот как описал Шолохов эпизод разгрома отряда Чернецова и гибели самого Чернецова:



Ф. Г. Подтёлков

«…Подтёлков! – Григорий отъехал в сторону. – Сейчас пригонют пленных. Ты читал записку Голубова?

Подтёлков с силой махнул плетью; уронив низко опустившиеся зрачки, набрякая кровью, крикнул:
– Плевать мне на Голубова!.. Мало ли ему чего захочется! На поруки ему Чернецова, этого разбойника и контрреволюционера?.. Не дам!.. Расстрелятьих всех – и баста!

– Голубов сказал, что берёт его на поруки.

– Не дам!.. Сказано: не дам! Ну, и все! Революционным судом его судить и без промедления наказать. Чтоб и другим неповадно было!.. Ты знаешь, –уже спокойней проговорил он, остро вглядываясь в при-

ближавшуюся толпу пленных, – знаешь, сколько он крови на белый свет выпустил? Море!..Сколько он шахтёров перевёл?.. – и опять, закипая бешенством, свирепо выкатил глаза: – Не дам!..

– Тут орать нечего! – повысил и Григорий голос: у него дрожало всё внутри, бешенство Подтёлкова словно привилось и ему. – Вас тут много судей! Ты вот туда пойди! – дрожа ноздрями, указал он назад... – А над пленными вас много распорядителей!

Подтёлков отошёл, комкая в руках плеть. Издали крикнул:

– Я был там! Не думай, что на тачанке спасался. А ты, Мелехов, помолчи возьми-ка!.. Понял?.. Ты с кем гутаришь?.. Так-то!.. Офицерские замашки убирай! Ревком судит, а не всякая...

Григорий тронул к нему коня, прыгнул, забыв про рану, с седла и, простреленный болью, упал навзничь... Из раны, обжигая, захлюпала кровь. Поднялся он без посторонней помощи, кое-как доковылял до тачанки, привалился боком к задней рессоре.

Подошли пленные. Часть пеших конвойных смешалась с ординарцами и казаками, бывшими в охране штаба. Казаки ещё не остыли от боя, разгорячённо и зло блестели глазами, перекидывались замечаниями о подробностях и исходе боя.

Подтёлков, тяжело ступая по проваливающемуся снегу, подошел к пленным.Стоявший впереди всех Чернецов глядел на него, презрительно щуря лукавые отчаянные глаза; вольно отставив левую ногу, покачивая ею, давил белой подковкой верхних зубов прихваченную изнутри розовую губу. Подтёлков подошел к нему в упор. Он весь дрожал, немигающие глаза его ползали по изрытвленному снегу, поднявшись, скрестились с бесстрашным, презирающим взглядом Чернецова и обломили его тяжестью ненависти.

– Попался... гад! – клокочущим низким голосом сказал Подтёлков и ступил шаг назад; щёки его сабельным ударом располосовала кривая улыбка.

– Изменник казачества! Подлец! Предатель! – сквозь стиснутые зубы зазвенел Чернецов.

Подтёлков мотал головой, словно уклоняясь от пощёчин, – чернел в скулах, раскрытым ртом хлипко всасывал воздух.

Последующее разыгралось с изумительной быстротой. Оскаленный, побледневший Чернецов, прижимая к груди кулаки, весь наклонясь вперед, шёл на Подтёлкова. С губ его, сведённых судорогой, соскакивали невнятные, перемешанные с матерной руганью слова. Что он говорил – слышал один медленно пятившийся Подтёлков.

– Придётся тебе... ты знаешь? – резко поднял Чернецов голос.

Слова эти были услышаны и пленными офицерами, и конвоем, и штабными.

– Но-о-о-о... – как задушенный, захрипел Подтелков, кидая руку на эфес шашки.

Сразу стало тихо. Отчётливо заскрипел снег под сапогами Минаева, Кривошлыкова и ещё нескольких человек, кинувшихся к Подтёлкову. Но он опередил их; всем корпусом поворачиваясь вправо, приседая, вырвал из ножен шашку и, выпадом рванувшись вперёд, со страшной силой рубнул Чернецова по голове. Григорий видел, как Чернецов, дрогнув, поднял над головой левую руку, успел заслониться от удара; видел, как углом сломалась перерубленная кисть, и шашка беззвучно обрушилась на откинутую голову Чернецова. Сначала свалилась папаха, а потом, будто переломленный в стебле колос, медленно падал Чернецов, со странно перекосившимся ртом и мучительно зажмуренными, сморщенными, как от молнии, глазами.

Подтёлков рубнул его ещё раз, отошел постаревшей грузной походкой, на ходу вытирая покатые долы шашки, червоневшие кровью.

Ткнувшись о тачанку, он повернулся к конвойным, закричал выдохшимся, лающим голосом:

– Руби-и-и их... такую мать!! Всех!.. Нету пленных... в кровину, в сердце!!»

Безусловно, художественная выразительность Шолохова впечатляет. Бросается в глаза явная симпатия автора к пленному есаулу, и выкрики Подтёлкова о «море крови», пролитой Чернецовым, представляются читателю эдаким «эмоциональным выплеском». Тем более, что Григорий Мелехов, по всей видимости, ничего не знал о деяниях отряда Чернецова. Но Подтёлков-то о них прекрасно знал! Знал и Шолохов, поскольку вложил в уста Подтёлкова слова о «море крови».

А вот соответствует ли описание (талантливое!) этого эпизода действительности? Ведь «Тихий Дон», при всей его монументальности и введенных в повествование более 200 исторических персонажей, всё-таки *художественное* произведение, и авторский вымысел возможен и неизбежен. Так, на съёмках герасимовского шедевра советского кино Элина Быстрицкая, желая лучше проникнуть в образ Аксиньи, попросила присутствовавшего там самого Шолохова показать, где жила её героиня. Шолохов усмехнулся и на ушко ответил ей: «Ведь я всё это придумал!»

Так вот, эпизод с Чернецовым Шолохов тоже полностью придумал, поскольку в реальности всё было не совсем так, если не сказать совсем не так.

Обратимся к воспоминаниям участника отряда Чернецова, донского казака Г. Я. Лобачёва. Подозревать его в симпатиях к Советской власти нет никаких оснований.

«Я сам донской казак, участник чернецовского похода в составе артиллерийской юнкерской роты под командой полковника Миончинского. Вместе с есаулом Чернецовым был взят в плен и могу подробно описать наше пленение и смерть ес. Чернецова.

... Это было в конце января 1918 г., артиллерийская рота получила приказание с одним орудием и прикрытием к нему приготовиться к выступлению. В 4 часа вечера мы подошли к р. Донец за станицей Каменской. Начинало темнеть. Есаул Чернецов был уже здесь и руководил переправой через реку на пароме. Когда переправились, совсем стемнело. В полной тишине двинулись вперед. Задачей нашего отряда было рано утром, с тыла сделать нападение на станцию Глубокую, где была штаб квартира большевиков, наступавших на Каменская-Новочеркасск.

В нашем отряде было человек 200. Кроме юнкеров-артиллеристов, были и другие взводы, состоявшие, главным образом, из кадет, гимназистов, реалистов и другой молодежи. Был очень небольшой процент взрослых и офицеров. В это же время войсковой старшина Лазарев, помощник есаула Чернецова, должен был главными силами со стороны Каменской наступать на Глубокую вдоль линии железной дороги.

21 января (ст. ст.) на рассвете пошли занимать позицию, но оказалось, что большевики уже были предупреждены о нашей переправе и вышли к нам навстречу. Завязался встречный, неравный бой. Нас сразу стали теснить… Большевики наступали непрерывно. Бой продолжался. Мы отходили. Наконец, конные казаки, бывшие у большевиков, под командой войскового старшины Голубова, Николая Матвеевича, решили нас атаковать. Мы быстро перестроились в каре и атаку отбили. Затем отбили и вторую конную атаку. К нашему несчастью, во время второй атаки ес. Чернецов был ранен пулей в ступню ноги ниже щиколотки навылет. Конные казаки на время приостановились и, по-видимому, решали, митингуя, что делать дальше. Во время этого перерыва мы успели перевязать раненую ногу ес. Чернецова, хотя он этому и противился. Затем казаки обстреляли нас из орудий. К счастью, потерь не было. После этого артиллерийского обстрела Голубов предложил нам сдаться. Есаул Чернецов отказался. Наступление казаков возобновилось. Вновь отбили ещё две конных атаки. Последняя атака была принята на штыки, так как патроны окончились. Голубов снова предлагает сдаться. Снова получает отказ. Тогда он предложил вести переговоры. Ес. Чернецов согласился.

Вместе с Голубовым к нам подъехали несколько человек делегатов. Начались переговоры. Делегаты стояли вплотную возле нас. Они начали оттеснять ес. Чернецова от нас. В это же время и другие казаки, подъехавшие поближе к нам, неожиданно бросились на нас. Сопротив-

ляться было невозможно... Таким образом, обманом Голубову удалось захватить нас врасплох, и мы попали в плен.

Не зная о случившемся, войсковой старшина Лазарев вел наступление вдоль железнодорожной линии. По-видимому, наступление было успешное, так как Голубов настаивал на том, чтобы ес. Чернецов отдал распоряжение о прекращении наступления. Ес. Чернецов согласился только после того, как Голубов гарантировал нам, пленным, жизнь и дал в этом свое честное слово.

В ст. Каменскую от нас с этим приказанием были отправлены двое: фельдшер и сестра милосердия и два делегата от Голубова. Делегаты с приказанием до станицы Каменской не дошли. Они вернулись обратно, побоявшись, чтобы их партизаны там не арестовали.

Нас же повели в направлении на хутор Астахов, где была штаб квартира Голубова. Есаул Чернецов, имея ранение в ногу, идти не мог. Голубов дал ему коня и приказал подхорунжему Подтёлкову со взводом казаков сопровождать нас на хутор Астахов. Сам же с остальными казаками поехал вперед… Не доходя приблизительно 1 версты до жел. дорожной линии, наш конвой стал митинговать. Одни стояли за то, чтобы повернуть на Глубокую и, сдать там Совету солдатских и рабочих депутатов, а другие настаивали на исполнении приказания Голубова вести на хутор Астахов, который был по другую сторону железной дороги. Предложение первых начало как будто пересиливать. В это время и мы, и конвой увидели бронепоезд, который шел из Каменской на Глубокую. Все обратили на него внимание. Спор сразу прекратился.

Приближение бронепоезда использовал ес. Чернецов. Слыша споры митингующих казаков и предвидя опасность передачи нас большевикам на Глубокой, что, несомненно, окончилось бы расстрелом всех нас, а также, не веря больше Голубову и его честному слову предателя, есаул Чернецов решил использовать этот момент. Для спасения жизни дорогих и близких ему партизан, сознательно рискуя собой и своей жизнью, он решил попытаться бежать. Он воскликнул: «Ура! Наша берёт!». Этот клич был подхвачен дружно партизанами и мы, безоружные, бросились вперед.

Заметив нас, бегущих навстречу, бронепоезд ускорил ход и начал удаляться. Наше ура вскоре затихло... Я обернулся назад и увидел рассеянных, скачущих всадников и убегающих по полю партизан. Конные вскоре совсем исчезли из виду. Разбросанные по всему полю партизаны остались одни. Я приостановился, подождал бегущих за мной двух юнкеров и спросил их, в чем дело. Они мне рассказали следующее: ес. Чернецов ехал рядом с Подтёлковым с левой от него стороны. Когда Чернецов крикнул: «Ура! Наша берёт!», он хотел одновременно выхва-

тить у Подтёлкова из ножен шашку. Подтёлков успел увернуться. Сам выхватил шашку и зарубил ес. Василия Чернецова...

Конвой казаков, видя, что свершилось подлое, предательское убийство казаком казака, партизана ес. Чернецова, трусливо рассыпался, расскакался по полю, не преследуя партизан. Мои приятели-юнкера решили, что бронепоезд наш и Глубокая занята войсковым старшиной Лазаревым. Поэтому, они оба повернули на Глубокую, предлагая и мне идти с ними. Напрасно я доказывал, что, судя по расположению вагонов, это бронепоезд красных, а не наш. Они со мною не согласились и ушли.

Я опять остался один. Пробежав ещё немного вперед к пахоте, я залёг в её борозде. Решил дождаться темноты и потом уже идти вдоль железной дороги на Каменскую. Солнце как раз заходило за горизонт. Вблизи от меня никого не было. Начинало темнеть...

Вдруг я заметил появившихся отдельных всадников. По-видимому, это наш конвой вразброд стягивался к хутору Астахову. Я продолжал лежать. Выждав, когда совершенно стемнело, и всё кругом успокоилось, я поднялся и пошел. Через некоторое время я заметил, что кто-то появился и упал впереди меня. Спрашиваю: «Кто?» Молчит. Если боится, не отвечает, решил я, значит, это наш партизан. Я назвал свою фамилию. Тогда и он отозвался. Оказался юнкер Гольдман, Михайловского артучилища. Одного отделения со мной по училищу. Дальше мы пошли уже вместе. В 2 часа ночи, голодные, уставшие, измученные, с большим трудом и не без приключений, мы дошли до станции Каменской, продержавшись на ногах без сна и отдыха 34 часа... На вокзале, на питательном пункте, нас накормили. Утром, на рассвете 22 января, наш поездной состав с одним орудием и двумя запряжками лошадей тронулся в направлении станции Глубокой... Другой наш пеший взвод пошел к востоку от железной дороги и подобрал 7 убитых. В этом числе и тех двух юнкеров, которые не пошли вместе со мной, а взяли направление на Глубокую. Искали труп ес. Чернецова, но не нашли».

Как видно, свидетельству врага, к тому же изложенному без претензий на художественность, больше оснований доверять, чем описанию выдающегося писателя. Тем более, что Лобачёв, вероятнее всего, не читал шолоховской эпопеи. Так что Шолохов, описавший Подтёлкова явно с отрицательным оттенком и столь же натуралистично, как Чернецова,изобразивший убийство всех его соратников, попавших в плен, что совершенно не соответствует действительности – у Лобачёва ничего подобного нет, – погрешил против истины, если не сказать прямо: наврал. Вымышленному Мелехову можно приписать какие угодно мысли и чувства, да и деяния тоже. Но историческое лицо – Подтёлкова – надо описывать *честно*.

Корпус полковника (затем генерала) Дроздовского был куда более серьезной боевой единицей, чем отряд кровожадных сопляков Чернецова.

М. Г. Дроздовский был заслуженным офицером, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах и за многочисленные доблести был уже в 35 лет произведён в полковники. В ноябре 1917 года генералом М. В. Алексеевым Дроздовскому было поручено сформировать корпус русских добровольцев, ставший ядром будущей Добрармии.

Организация такого отряда и его дальнейшее слияние с Добровольческой армией стало с этого момента главной целью Дроздовского. За месяц, проведённый в Новочеркасске, отряд весьма серьёзно пополнился – генерал А. В. Туркул (принявший командование после смерти Дроздовского) пишет, что «дней через десять мы смогли развернуться в три батальона». Конный дивизион двухэскадронного состава был развёрнут в Конный полк четырёхэскадронного состава, сапёрной и конно-пулемётной команд.

М. Г. Дроздовский

Весной 1918 года Дроздовский со своим корпусом предпринял печально известный поход на Ростов, сопровождавшийся повсеместными массовыми расстрелами. Только по документам личного происхождения участников похода численность расстрелянных составила не менее 700 человек, причём эти данные далеко не полные. Сам Дроздовский вёл дневник (похоже, он мечтал о будущей славе героя-освободителя России «от засилья черни»), в котором не распространялся о подробностях карательных операций, но и его порой прорывало осознание кошмарности творимого:

«А, в общем, страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какою смертельною злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце моё мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло ещё время мира и прощения...»

Из этих заметок можно заключить, что корпус Дроздовского состоял в основном из офицеров, причем принадлежавших к состоятельным кругам. А апелляции к страданиям членов его корпуса, безусловно, субъективны, отражая интересы «донских дворян», по многочисленным воспоминаниям уцелевших современников. Восклицания Дроздовского о том, что наступит время «мира и прощения» выглядят верхом цинизма, оглядываясь на его кровавый путь.

В июне 1918 года корпус Дроздовского влился в Добрармию, увеличив её численность почти вдвое и многократно усилив боеспособность. Но карательные действия этого «корпуса донских дворян» только усилились: во время второго «кубанского» похода летом 1918 года было расстреляно и повешено не менее 2 тысяч человек, опять же по обрывочным и далеко не полным данным. Здесь уже Дроздовский в своем дневнике упоминал о военно-полевых судах, учрежденных в мае генералом Красновым (*где же ваша честь, ваше превосходительство?– Г. З.*), которым были, само собой, приданы чрезвычайные полномочия: за один только факт службы в Красной Армии полагался расстрел, а за обнаружение симпатий к Советской власти у любого гражданина полагалась виселица. Дроздовского всё это, разумеется, ободряло и вдохновляло.

В результате кубанского похода Кубань и весь Северный Кавказ были заняты белыми войсками. Дроздовский стал командиром дивизии, причём получил гарантии его личной несменяемости в этой должности. Как видно, он пользовался особым расположением главнокомандующего А. И. Деникина. Но Дроздовский рассчитывал на большее, чем просто расположение командующего. Так, в сентябре он взял Армавир, но под напором превосходящих сил красных был вынужден его оставить. Он немедленно обратился с рапортом на имя Деникина, где обвинял начальника штаба армии Романовского в возложении на дивизию невыполнимой задачи и, в конечном счёте, в срыве всей операции. Деникин, не желая обострять возникший конфликт и терять доверие к своему начальнику штаба, никак не отреагировал на эти обвинения. Тогда Дроздовский демонстративно отказался выполнять приказ Деникина. Это уже было явным превышением полномочий, и Деникин публично в резкой форме объявил Дроздовскому выговор. В ответ через несколько дней Дроздовский отправил Деникину новый рапорт, который производил впечатление пропитанной желчью отповеди на незаслуженную обиду: «… Для полковника Дроздовского найдётся почётное место везде, где борются за благо России».

Фактически Дроздовский рапортом напоминал Деникину о своих заслугах, намекал на личную преданность своих частей и обосновывал

свою претензию на самостоятельное решение боевых задач. К тому же требовал оградить себя от штаба армии.

Генерал Деникин впоследствии писал, что рапорт Дроздовского был написан в таком тоне, что требовал в отношении его автора «новой репрессии» которая привела бы к уходу Дроздовского из Добрармии. В итоге Деникин фактически уступает Дроздовскому, оставив рапорт без последствий. Деникин пишет, что «морально его уход был недопустим, являясь несправедливостью в отношении человека с такими действительно большими заслугами».

Моральный ли фактор был главным в решении Деникина уступить наглым требованиям Дроздовского? Может быть, не так уж велики были силы под его командованием, если он не желал терять такого дошедшего до крайней степени остервенения подчинённого? К тому же Дроздовский за время своих «подвигов» карательного плана явно показал, что он способен на всё. И всерьёз портить отношения с такой одиозной персоной не хотелось даже главнокомандующему.

Выражаясь словами великого Лермонтова, «но есть и божий суд, наперсники разврата!». Во время упорных боёв под Ставрополем, возглавив контратаку частей дивизии, Дроздовский был 31 октября 1918 г. ранен в ступню ноги. Вроде бы рана не слишком тяжёлая, был отправлен в госпиталь в Екатеринодар, но там его рана загноилась, началась гангрена. Деникин в ноябре 1918 года спешно произвёл Дроздовского в генерал-майоры. Состояние новоиспечённого генерала продолжало ухудшаться, 6 декабря 1918 г. в полубессознательном состоянии он был переведён в клинику в Ростов-на-Дону, где скончался. Деникин, навещавший Дроздовского в госпитале незадолго до его смерти, вроде бы искренне горевал о его кончине: «я видел, как томился он своим вынужденным покоем, как весь он уходил в интересы армии и своей дивизии и рвался к ней… Два месяца длилась борьба между жизнью и смертью… Судьба не сулила ему повести опять в бой свои полки».

Пересказывая во многом лицемерные соболезнования Деникина, хочется подытожить карьеру Дроздовского: собаке – собачья смерть!

После смерти Дроздовского его именем была названа дивизия, командование которой принял генерал А. В. Туркул, и ряд других подразделений белой армии. А стиль «работы» дивизии не изменился: до самого драпа из Крыма (уже под командованием не Деникина, а Врангеля) она продолжала действовать в том же духе.

В июле 1920 года в Северной Таврии дроздовская дивизия сумела отбить у красноармейцев город Орехов.

Вот выдержка из мемуаров генерала А. В. Туркула (этому-то спасти свою шкуру удалось!):

«Из земской больницы ко мне пришёл унтер-офицер, раненный в грудь штыком.

– В больнице большевики… Под койками винтовки… Сговариваются ночью переколоть наших и бежать.

Мне показалось, что унтер-офицер помешался. Мы пошли с ним в больницу…Обнаружили палату, где лежало человек тридцать курсантов в больничных халатах. Курсантов, не успевших пробиться к своим, собирал в больницу врач, молодой еврей. Он же выдал им халаты и уложил на койки. Курсанты сговаривались ночью переколоть наших и бежать из больницы. Врач, коммунист, скрылся.

Курсантов начали приводить ко мне. Среди них ни одного раненого.

– Коммунисты?

– Так точно, – отвечали они один за другим с подчеркнутым равнодушием. Все были коммунистами.

Мои стрелки настаивали, чтобы их всех расстреляли (*а сам генерал вроде бы был против? Или вообще ни при чём? – Г.З.*).

Курсантов вывели на двор… Они поняли, что это конец… Один выступил вперёд, взял под козырёк…

– Нас вывели на расстрел, ваше превосходительство?

– Да.

– Разрешите нам спеть «Интернационал»?

Он смотрел на меня. Свой, русский… но какой зияющий провал – крови, интернационала, пролетариата, советской власти – между нами!

От их предсмертного пения, в один голос, тусклого, у меня мурашки прошли по корням волос.

– С интернационалом воспрянет…

«Род людской» потонул в мгновенно грянувшем залпе»

Это была лишь одна из партий курсантов Петроградской бригады. Из общего числа в 1500 штыков погибли в бою около 200 человек, в плен попали около 800 человек.Всех их расстреляли. Расстрелы сопровождались жуткими надругательствами, дроздовцы издевательски говорили, что они всех курсантов произвели в красные офицеры. Но мурашки по голове у генерала Туркула гуляли неспроста: он ясно понимал, что белая-то песенка спета, несмотря на все зверства.

Возвращаясь к началу, хочу подчеркнуть: я не нуждаюсь в том, чтобы меня агитировали за Советскую власть. Но будь я даже сколь угодно далёким от Советской власти человеком, правда о белом терроре всё расставляет по своим местам.

Напомню в заключение о том, что для бессмертной героини советского народа Зои Космодемьянской, памятник которой встречает всех проезжающих на 84-м километре Минского шоссе, образцом стойкости

и героизма была молодая учительница Татьяна Соломаха, казненная белыми в 1918 году. О ней было написано в сборнике очерков о красных героинях под названием «Женщина в гражданской войне», изданном в 1938 году. Этот сборник хранится в музее Зои в Петрищево как реликвия, потому что именно его держала в руках сама Зоя. Подвиг Татьяны Соломахи настолько поразил Зою, что она под пытками фашистов назвалась Таней и фактически повторила её судьбу. Хорошо помню, что я в детстве боялся открывать листок календаря 29 ноября, где каждый год вспоминали о казни Зои: не укладывалась в голове та степень ужаса, которая возникала, когда я представлял, что с ней сотворили фашистские изверги. Но, читая очерк Людмилы Аргутинской – тот самый, что до самых глубин души поразил юную Зою в 1938 году, – вдруг понимаешь, что пытки пришлых на нашу землю фашистских мерзавцев меркнут перед тем кошмаром, в который бросили белые Татьяну Соломаху. Особенно ужасен финал:

«В раннее морозное утро белые за выгоном порубили восемнадцать товарищей. Последней была Таня.

У неё, ещё живой, сначала отрубили руки, потом ноги и затем голову.

Верная своему слову, она не просила пощады у палачей.

Так могут умирать только большевики!»

Мне нечего больше добавить к вопросу о белом терроре.

Б. У. Серазетдинов

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ В «ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ» ПЕРИОД (1985 – 1991 гг.)

Перестройка при М. С. Горбачеве, распад Советского Союза и запрет КПСС в 1991 году – это период дискурса об Октябрьской революции. В это время кроме традиционных взглядов на Октябрьскую революцию начинают все более успешно конкурировать в обществе либеральные, националистические и имперские интерпретации революции, так как в «перестроечный» СССР начинают возвращаться эмигрантская и диссидентская литература. Так в этот период были опубликованы почти все запрещенные ранее произведения Гроссмана, Платонова, Замятина, М. Булгакова, Пастернака. Появляются новые книги, которые начинают будоражить общество, это, прежде всего романы «Плаха» Ч. Айтматова, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Белые одежды» Ю. Дудинцева. Выдвигаются лозунги о необходимости избавить социализм от «деформаций», о возвращении к «ленинским нормам», «идеалам Октября» и «социализму с человеческим лицом» посредством демократизации всех сторон жизни общества, реформирования политических институтов.

До 1985 года никто не предполагал, что Великая Октябрьская социалистическая революция станет центром острой идеологической и политической борьбы в обществе. Только недавно все верили, что оценки Октябрьской революции как великой и социалистической незыблимы в отечественной историографии.

В течение непродолжительного времени был по-новому проанализирован большой комплекс проблем советского прошлого. В этой связи период 1917 года и, главным образом, история Октябрьской революции – отправные события советской истории – оказались одними из центральных вопросов в переосмыслении истории. Направление было задано политико-идеологическим обоснованием перестройки как непосредст-

венного продолжения идей и практики Октября. По словам М. С. Горбачева, перестройка должна была вывести советское общество «к тем идеалам, ради которых была совершена Октябрьская революция». В этом ключе прозвучал его доклад «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на торжественном заседании, посвященном 70-летнему юбилею Великой Октябрьской социалистической революции. Тем не менее, литература о революции, вышедшая в СССР в 1987 г. в целом не отмечена какими-либо методологическими, фактологическими или концептуальными новшествами.

Вот, например, в 1985 году руководитель КГБ (1982–1988) В. М. Чебриков по случаю 68-й годовщины Октября сказал: «Наша партия, как подчеркивал В. И. Ленин, научилась необходимому в революции искусству – гибкости, умению быстро и резко менять свою тактику учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным»[1].

Вопрос о политической оценке Октябрьской революции становится ключевым в 1987 году в связи с 70-летием Октябрьской социалистической революции. Накануне юбилейных событий (28 сентября) Горбачев уверен, что историки остаются при убеждении в правильности выбора, сделанного в октябре 1917 г. Разделяя эти позиции, он и строит свой доклад, проект которого в Политбюро обсуждается дважды.

Формируя свой взгляд на проводимые реформы, Горбачев сверяет их именно с Октябрем, как некой идеологической планкой возможных перемен. Так, в выступлении по итогам юбилея Октября, он определяет весь 1987 год идеологической подготовкой к этому событию и датирует этот год как конец митингового этапа перестройки. В дальнейшем он приходит к выводу, что юбилей Октября вывел концепцию реформ на новое понимание истории советского общества и современных задач. В конце того же 1987 г. Горбачев закончил писать свою манифестскую книгу «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»[2]. Первый раздел книги – анализ современности – написан исключительно с точки зрения всемирности Октябрьского процесса. Октябрьская революция стала источником идей и политической реформы.

В 1987 г. появляются историографические работы. Так, например, в Киеве выходит коллективная работа института истории Академии наук Украинской ССР (ответственный редактор Ю. М. Гамрецкий) «Историография Великой Октябрьской социалистической революции на Украине».

---

[1] Правда. 1985. 7 ноября.

[2] *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., Издательство политической литературы. 1988.

Работа посвящена анализу советской литературы по истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Освещаются этапы исследования истории борьбы за власть Советов на местах. Подводятся итоги изучения проблемы и намечаются пути ее дальнейшей разработки[3].

В монографии уральских ученых «Советская историография Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале (1917–1937)»[4] основное внимание уделяется степени изученности таких проблем, как история борьбы за установление Советской власти и упрочение ее завоеваний, вооруженного отпора силам контрреволюции и интервенции на Восточном фронте, восстановления и реконструкции народного хозяйства. Работа подготовлена на кафедре историографии и источниковедения истории СССР Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Историография Октябрьской социалистической революции на Урале разработана Е. Б. Заболотным и Л. А. Фофановой. В исследовании отмечается, что нужно продолжить комплексное изучение роли В. И. Ленина в развитии Урала, значения ленинского теоретического наследия для анализа различных проблем истории края. Также анализ литературы показывает на необходимость изучения истории революционных преобразований из-за существенных расхождений по некоторым важным вопросам: о степени зрелости социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, об особенностях развития рабочего класса и его роли в социалистической революции. Недостаточно исследованы история массовых организаций трудящихся и их вклад в революционную борьбу на Урале. Большие разногласия наблюдаются в вопросе об аграрных преобразованиях в уральской деревне, слабо изучены конкретные формы складывания союза рабочего класса и крестьянства в социалистической революции.

В работе Р. Х. Гугова, А. И. Козлова, Л. А. Этенко рассматриваются актуальные вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции на Дону и Северном Кавказе, подводятся итоги их историографической разработки, намечаются пути дальнейшего научного поиска[5]. В монографии отмечается, что необходимо точно учитывать интересы, осуществления которых добивались, к чему стремились в период революции все классы, общественные группы, различные прослойки, чтобы

---

[3] Историография Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. /Отв. ред. Ю. М. Гамрецкий. Киев, Наукова думка, 1987.

[4] Советская историография Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале (1917–1937). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987.

[5] Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1988.

понять нюансы идеологических установок противоборствующих лагерей, причины краха одних и победы других.

Несколько раньше начинается публицистический заход по десакрализации Октября и большевиков – ленинцев в прессе. Новое прочтение этих тем в 1986–1987 гг. происходит на идеологической и исторической «периферии», в частности, в популярных массовых изданиях.

Одним из таких был «Огонек» – журнал с миллионным тиражом, рассчитанный на советского обывателя. Именно в нем освещение очередной годовщины Октября стало строиться еще с 1986 г. на редких и малоизвестных фактах. В 1987 г. набирает обороты демифологизация темы революции. Очерк З. Шейниса о А. М. Коллонтай, опубликованный в юбилейной рубрике «1917–1987», по тем временам отличался необычайно высокой концентрацией «клубнички». Фактически вся биография Коллонтай, облик которой устойчиво ассоциировался у советских людей с образом, созданным актрисой Юлией Борисовой в фильме «Посол Советского Союза», сводилась к истории ее брака с матросом П. Е. Дыбенко.

Новым предстал в «Огоньке» и знакомый с детства В. И. Чапаев: с помощью двух фотографий героя времен Первой мировой войны в форме офицера царской армии Чапаев не был известен советским читателям. В подобном ключе даются и материалы о Ленине. «Огонек» публикует два очерка о смерти и похоронах Ленина, написанных М. Булгаковым и О. Мандельштамом, работавшими в ту пору в московских газетах. В рубрике «1917–1987» начинают печататься, в частности, незатейливые воспоминания простых людей об отдельных эпизодах, связанных с революцией или ее вождями.

В том же 1987 г. в журнале «Новый мир» (широко популярным среди гуманитарной интеллигенции) была опубликована пьеса М. Шатрова «Брестский мир» (1987, №4), где Ленин уже не хрестоматийная историческая фигура, а его соратники – творцы Октября – представлены в духе ревизионистских интерпретаций. Многочисленные рецензии на спектакль, поставленный в Ленкоме, – отдельная тема изучения процесса перерождения общественного сознания части интеллигенции, и, в целом, части советских людей[6].

В конце 1988 г. в научно-популярном журнале «Наука и жизнь» (востребованном в среде технической интеллигенции и советской молодежи) была опубликована статья доктора философских наук А. С. Ципко

---

[6] См., напр.: Аргус М. Размышление над информацией. Пьеса М. Шатрова «Диктат совести» // Московский комсомолец. 1986. 12 мая; *Рыбаков Ю.* О пьесе М. Шатрова // Советская культура. 1986. 15 мая; см. также: Литературная газета. 1986. 21 мая; *Шатров М.* Драматургия – душа театра (Беседа с М. Шатровым) // Литературная Россия. 1985. 8 ноября и др.

под названием «Истоки сталинизма»[7]. В ней обосновывалась идея о Сталине как продолжателе «дела Ленина». Эффект этой публикации трудно переоценить. Особое значение имел тот факт, что А. С. Ципко был консультантом Международного отдела ЦК КПСС, и поэтому статья многими тогда рассматривалась как «задание» самого М. С. Горбачева. Фактически этими публикациями было положено начало полного отрицания всего советского исторического опыта, и таким образом был снят последний исторический слой практики построения социализма в СССР. В общественно-политической мысли реформируемого СССР началась борьба идей уже не только в верхах власти, но и в обществе, во всяком случае, в интеллектуальной его части. Дальнейшее развенчание Октября и Ленина продолжалось и приобрело в 1989 г. тотальный характер в СМИ[8].

Таким образом, процесс переоценки Октябрьской революции и роли Ленина в истории России шел параллельно: в официальной политической мысли в СМИ, причем последние явно опережали самих инициаторов реформ. Конец 1988 г., когда осуществились конституционные поправки в статьи Основного закона, менявшие политическую систему в СССР, стал переломным для официальной советской идеологии: приобрело открытый характер формирование антиленинской, антиоктябрьской, антикоммунистической идеологии. Этот процесс имел свою логику развития и этапность.

С лета 1989 г. в Политбюро шло обсуждение проекта платформы КПСС «О путях гармонизации межнациональных отношений в СССР». Здесь по-прежнему продолжались схоластические рассуждения о ленинском видении проблемы. В октябре 1989 года в разгар политической активности в стране между работой Первого и Второго съездов народных депутатов СССР, в условиях формирования открытой оппозиции реформам, как «справа», так и «слева», нарастания сепаратизма и национализма в союзных республиках и деятельности Народных фронтов уже не в поддержку, а в противовес Перестройке, в беседе с В. Брандтом Горбачев говорит, что «кое-кто хотел бы истолковать происходящее у нас и в других социалистических странах как крах социалистической идеи. Но, продолжает он, социализм наследует весь лучший опыт человечества. В этом смысле происходит наше сближение с социал-демократией». Фактически это есть признание поворота советских реформаторов к социал-демократической программе, которую отвергала советская

---

[7] *Ципко А.* Истоки сталинизма// Наука и жизнь. 1988. -№11. С.45–55; №12. С.40–47; 1989. №1. С.46–57; №2. С.53–62.

[8] Подробнее см.: *Котеленец Е. А.* В. И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999.

идеология на протяжении всей советской истории, и с которой Ленин вел бескомпромиссную борьбу еще до Октября, и после, реализовывая «октябрьский проект» преобразования мира.

В январе 1990 г. на заседании Политбюро при обсуждении ситуации в стране, он заявил, что возврат к прошлому – затея бесплодная, но все рациональное, полезное надо брать из нашей истории.

Начав торжественную речь по случаю 120-го юбилея Ленина в апреле 1990 года словами: «Ленин остается с нами как крупнейший мыслитель XX столетия...», Горбачев тут же добавляет: «...нам необходимо переосмысление Ленина, его теоретического и политического творчества, освобождаясь при этом и от извращений, и от канонизации его выводов…Пора покончить с бездумным до нелепости обращением с именем и образом Ленина, когда его превращали в «икону»«[9]. Практически он предложил отказаться от ленинизма как учения, подчеркнув, что термин «ленинизм» был придуман меньшевиками. Происходит своего рода смещение акцентов: теперь реформаторы обращают внимание на умении Ленина менять свою позицию в разных исторических условиях. А. Яковлев пишет, что «истинного Ленина надо искать не столько в конкретных позициях, сколько в умении эти позиции менять в зависимости от обстановки»[10].

В мае 1990 года, выступая перед рабочей группой, готовящей доклад для выступления на XXVIII съезде КПСС Горбачев обрисовывает главные темы. 1. Судьба социализма. 2. Не напрасно ли жили и трудились поколения наших отцов и дедов? 3. Тот ли путь выбран был в 1917 году? 4. Туда ли идем? 5. Идея коммунизма, – если не хотим употреблять этот термин, то почему? О перестройке: что это очередная утопия? Ленин употреблял этот термин и Сталин тоже[11]. Хорошо видна эволюция его взглядов: появились уже сомнения в правильности «выбора 1917 г.»

«Огонек» публикует последние ленинские тексты под общим заголовком «политическое завещание Ленина», включив в него «восемь небольших по объему писем и статей конца 1922 – начала 1923 года»[12]. Фактически Октябрь предстает перед читателями в виде человеческой трагедии. В декабре 1990-го журналист О. Мороз пишет в «Огоньке»: «...перед нашими сегодняшними читателями ниспровержение Ленина – это почти то же самое, что ниспровергать Христа перед христианами...»[13].

---

[9] Слово о Ленине президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева // Правда. 1990. 21 апреля.

[10] Социализм: мечты и реальности // Коммунист. 1990. №4. С. 21.

[11] *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., Издательство политической литературы. 1988. С.596.

[12] Огонек. 1990. № 17.

[13] Беседа О. Мороза с В. Солоухиным // Огонек. 1990. №51. С. 26.

Таким образом, с конца 1989 г. Горбачев перестает апеллировать к Ленину, признав его ошибки частично, он еще не отрицает величие социалистической идеи и роль Октябрьских событий в глобальном мировом масштабе. В партийной прессе в 1990-м году продолжает отстаиваться идея, что ленинские мысли искажались на протяжении всей советской истории, а главная задача реформ перестройки – «очистить социализм от сталинских извращений, вернуть ему идеалы Маркса и Ленина, душу и сердце, отнятые Сталиным...»[14]. Так, приобретает статус официальной дискуссия о сущности социализма. В этом контексте и можно рассматривать несколько специальных сборников, посвященных этой проблеме. Это серия сборников издательства «Прогресс», выпущенных в 1988–1989 гг. под общей характерной рубрикой: Перестройка: гласность, демократия, социализм. В сборнике «Иного не дано» включены статьи ведущих представителей советской интеллигенции по наиболее острым вопросам коренной перестройки всех сфер жизни советского общества. Читатели ознакомятся с точкой зрения академиков Т. И. Заславской, А. Д. Сахарова, Н. Н. Моисеева, таких видных ученых, как Г. Х. Попов, А. В. Яблоков, М. Я. Лемешев, писателей С. П. Залыгина, Д. Гранина, А. Адамовича, журналистов А. Е. Бовина, Ю. Д. Черниченко и многих других[15]. Книга «Постижение» продолжает серию, начатую публикацией получившего широкую известность сборника «Иного не дано». На страницах сборника выступают как ведущие, так и молодые социологи и экономисты из разных городов Советского Союза. Среди них Т. Заславская, Ф. Бородкин, Ю. Левада, В. Рассохин, Г. Ханин, С. Андреев и др. Основная тема книги – показать необходимость коренных преобразований общественных отношений, их очищений от чуждых социализму наслоений и искажений, необходимость проведения глубокой комплексной реформы экономической, политической и социальной сфер жизни. Материалы, собранные в книге, разнообразны по содержанию и даже по форме изложения[16]. Книга «Социализм: между прошлым и будущим» продолжает серию, начатую публикацией сборника «Иного не дано». Она сделана на основе дискуссии видных советских и болгарских публицистов. Здесь рассматриваются вопросы, имеющие огромное значение для судеб социализма: идеалы социализма и реальное историческое развитие, последствия деформаций политической системы социализма и необходимость перестройки, экономика и политика в свете опасности необоснованной идеологизации, проблемы мирового

---

[14] *Согрин В.* Левая, правая где сторона? Размышления о современных политических дискуссиях // Коммунист. 1990. № 3. С. 33–34

[15] Иного не дано. Наш путь к нормальной культуре. М., Прогресс. 1988.

[16] Постижение. М., Прогресс. 1989.

социализма и ответственность ученых в современной переломной ситуации и др.[17] По масштабности издания и авторским коллективам видно, что смысл этой дискуссии в поиске ответа на вопрос: Куда идти? В сторону современной западной социал-демократии? Назад, в прошлое? Или искать «третий путь»?

Еще не стоит на повестке дня либерально-капиталистический проект развития, но уже идет во всю снятие последнего наслоения исторической практики строительства социализма – Октября и послеоктябрьского ленинского периода. Отвергнув позитивный опыт этого периода советской истории, как не подтверждающий марксистско-ленинскую теорию, советские реформаторы перестройки лишились и самой этой теории, и начали искать новые источники для продолжения реформ в концепциях западной социал-демократии, еврокоммунизма.

Наметились новые подходы к изучению февральской революции. Начало им положили вышедшие в 1987 г. монографии Л. М. Спирина «Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий»[18] и Г. З. Иоффе «Великий Октябрь и эпилог царизма»[19]. Они сочетали в себе традиционные для советской историографии подходы с новыми веяниями. Продолжая развивать данную тенденцию, Г. З. Иоффе в 1989 г. выпустил книгу о генерале Л. Корнилове и начале становления «белого дела»[20].

В конце 80-х – начале 90-х гг. исследователи Октябрьской революции освободились от идеологического диктата, произошло расширение источниковой базы, появилась возможность использования научного потенциала небольшевистской историографии, что открыло качественно новые возможности для переосмысления традиционных сюжетов. Идет размывание барьера, возникшего в результате вульгаризированного формационного подхода, что позволяет вписать события 1917 г. в контекст российской и мировой истории XX в. Это касается в первую очередь комплекса противоречий, определивших содержание и смысл революции. Некоторые исследователи (В. П. Дмитренко и др.) утверждают, что в 1917 г. имели место явления, не всегда укладывающиеся в рамки «социалистического строительства». По их мнению, уместно говорить о существовании параллельных («малых») революций, таких как национально-освободительная, бедняцко-пролетарская, аграрно-крестьянская. Необходимо учитывать, что особую окраску этим революциям придали

---

[17] Социализм: между прошлым и будущем. М., Прогресс. 1989.

[18] *Спирин Л. М.* Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., Мысль, 1987.

[19] *Иоффе Г. З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., Наука. 1987.

[20] *Иоффе Г. З.* Белое дело. Корнилов. М., Наука. 1989.

условия российского индустриального броска и участие империи в первой мировой войне. Комплекс разнообразных конфликтов раздвинул содержательные рамки революции, сделал крайне пестрым состав ее участников, программ и целей.

Исследователи предлагают рассматривать события 1917 г. как единый революционный цикл, исключительно сложный по своим компонентам, динамике, самореализации, как Великую Российскую революцию. В ходе ее возник фактор, оказавший решающее воздействие на происходившие процессы – тотальный распад институтов власти. В. П. Дмитренко утверждает: «Самой трагической вехой на этом пути стала ликвидация монархии. С общества была сорвана скрепа государственности, затем стали рваться складывающиеся веками социально-управленческие связи и пошатнулись привычные устои самосознания народа. Отсутствие альтернативной системы управления породило нарастающий хаос во всех сферах жизни общества...»[21].

Появилась возможность более глубокого анализа социальных сил, участвовавших в революции 1917 г. Первоочередное внимание уделяется при разработке этого направления крестьянству. Среди многочисленных работ по данной тематике заметно выделяются исследования В. В. Кабанова, который с достаточной полнотой обосновал тезис о существенных потерях крестьянства в результате революции. Он считает, что Декрет о земле (1917 г.) вызвал массу надежд, а затем разочарований. Помещичьих земель не хватало, ибо крестьянское малоземелье было обусловлено не только и не столько феодальными пережитками, сколько аграрным перенаселением[22].

Научный совет Академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» начинает поиск форм защиты идей Великого Октября, так как в это время стали появляться такие трактовки Октября, которые не принимает даже передовая западная историография[23].

---

[21] Октябрьская революция: ожидания и результаты//Отечественная история. 1993. № 4. С. 213.

[22] *Кабанов В. В.* Аграрная революция в России//Вопросы истории. 1989. №11. С.28–44.

[23] См., напр.: *Минц И. И.*Октябрьская революция – переломное событие всемирной истории // История СССР. 1987. № 5. С. 3–18; *Соболев Г. Л.* Россия. 1917 год: революционный процесс и революционное сознание // История СССР. 1987. № 5. С. 18–36; *Астрахан Х. М.* Партийность населения России накануне Октября. (По материалам выборов в городские думы в мае – октябре 1917 г.) // История СССР. 1987. № 6. С. 134–155; *Бовыкин В. И.* Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1988. № 5. С. 67–100; *Смирнов Н. Н.* Обсуждение проблем революционного процесса в 1917 году: симпозиум «Рабочий класс России, его союзники и политические противники // Вопросы истории. 1988. №. 4. С. 93–96; *Рабинович А.* Большевики и массы в Октябрьской революции // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 14–27 и др.

В сентябре 1988 г. многолетний официальный координатор исследований по истории 1917 г., автор трехтомной «Истории Великого Октября» девяностодвухлетний академик И. И. Минц ушел в отставку с поста председателя Научного совета АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции», рекомендовав на эту должность П. В. Волобуева. Уход Минца совпал с началом пересмотра традиционной советской историографии Октябрьской революции. Уже 22–23 октября новый руководитель совета П. В. Волобуев председательствовал на заседании круглого стола на тему «Октябрь 1917: выбор исторического пути», давшего старт переосмыслению Октябрьской революции. В работе круглого стола приняли участие В. И. Бовыкин, В. П. Булдаков, Е. Н. Городецкий, К. В. Гусев, Я. С. Драбкин, Г. З. Иоффе, В. И. Миллер, И. И. Минц, Г. Л. Соболев, В. И. Старцев и др.

Целью круглого стола являлась критическая оценка состояния исследований по истории Октябрьской революции и необходимость активизировать научную работу в этом направлении, «поставив опыт и уроки революции на службу перестройки». Участники круглого стола констатировали, что профессиональные историки существенно отстают от историографических реалий конца 1980-х гг. и не удовлетворяют общественный интерес к истории Октябрьской революции, образ которой формирует газетно-журнальная публицистическая историография. Следствием такого положения стал крайний дилетантизм в описании революции, ее искажение и упрощение. По мнению участников круглого стола, сложилась ситуация, когда история Великого Октября нуждается в защите уже от внутренних сил, а не от внешней, зарубежной историографии, и лучшей защитой может быть только правда о ней. «Великий Октябрь не боится правды. Наоборот, только вся правда, одна только правда об Октябре сможет противостоять искажениям его истории. Только правдой мы сумеем защитить и отстоять Октябрь», – заявил Г. З. Иоффе. М. П. Ким, например, заявил: «Наша беда в том, что в изучении истории, развитии исторической науки мы непоследовательно использовали ленинское теоретическое наследие»[24]. П. В. Волобуев на этом круглом столе отмечает, что цель «встречи критически оценить в свете требований периода перестройки состояние исследовательской работы в области истории Великой Октябрьской социалистической революции и помочь Научному совету АН СССР по этой проблеме разработать комплексную программу исследований на ближайшие годы»[25] в соответствии новых концептуальных подходов и решений. Он предла-

[24] «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 8.

[25] Россия 1917 г. Выбор исторического пути. М., Наука. 1989. С.10–11.

гает решительного отказа от насаждавшегося десятилетиями канонизирования революции, и подчеркивает, что «к революции нужно подходить как к живому историческому и реальному процессу, со всеми его победами, взлетами человеческого духа, с падениями, трагедиями целых классов и социальных слоев»[26].

П. В. Волобуев также обозначил «неверные представления» об Октябрьской революции. Прежде всего, это: 1). Была ли Октябрьская революция закономерной и не совершили ли большевики насилия над историей, повернув преждевременно развитие России с «нормального» буржуазно-демократического пути на путь неведомый – социалистический? 2)Не отказалась ли Октябрьская революция неудачным социалистическим экспериментом, затеянным в 1917 г. группой фанатиков? 3)Возможен ли был тогда, в 1917 г. не революционный, а реформистский выход из кризиса российского общества? 4) Почему утвердилась в нашей стране однопартийная система? 5) Не послужила ли Октябрьская революция той самой «черной дырой», через которую наша страна прямиком скатилась к сталинизму? И он призвал всех участников круглого стола «шире и глубже раскрыть ленинскую стратегию и тактику революции, демократический, народный характер Октября, его гуманистическую направленность и международную значимость. Особого внимания требуют исследования многогранного социального творчества масс».

В 1989 г. Научный совет АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и Академии общественных наук при ЦК КПСС организовали и провели Всесоюзную научную конференцию по теме «Октябрьская революция: теоретические и методологические аспекты изучения». В период работы этой конференции шла речь о возврате к подлинному диалектико-материалистическому ведению истории Октябрьской революции и ее изучению, а также обновлению теоретического и методологического арсенала, настойчивого и вдумчивого поиска новых теоретических и методологических подходов и решений. Было отмечено, что суть нового методологического подхода к изучению истории Октября должна состоять в ориентации историков на комплексность исследования столь сложного и противоречивого явления, как революция, на углубленный анализ динамики процесса прежде всего соотношения общественных сил в каждый данный момент, на учет взаимозависимости и взаимодополняемости разных факторов, отказавшись раз и навсегда от былой односторонности, от выпячивания отдельных фактов, явлений и личностей[27].

---

[26] Там же. С.12.

[27] Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник?. М., Наука, 1992. С.5–6.

«Правда» об Октябрьской революции, которую в первую очередь считали необходимым «отстоять» историки рубежа 1980–90-х гг.: Октябрьская революция не несет ответственности за сталинизм. По аналогии с судьбой Великой французской революции, одна из перспективных тем для научных исследований определялась как «Октябрь и проблема Термидора». На заседании Международной комиссии по истории Октябрьской революции в рамках XVII Международного конгресса исторических наук в Мадриде (август–сентябрь 1990 г.) П. В. Волобуев признал, что Октябрьская революция не достигла цели, ради которой совершалась, так как социалистическое общество в СССР построено не было. Виной этому он назвал сталинский термидор. Сталинизм, а не Октябрь повинен во всех бедах и трагедиях страны, – делал вывод историк.

Среди других вопросов, которыми предстояло вплотную заняться историкам, П. В. Волобуев назвал необходимость разработать подлинно ленинскую концепцию революции, решить вопрос о перегруппировке классовых и политических сил в ее ходе, исследовать закономерности политических и социально-экономических предпосылок социалистической революции, рассмотреть возможности альтернативных путей развития России в 1917 г., непредвзято переосмыслить роль мелкобуржуазной демократии. Кроме этого были поставлены такие вопросы, как типология социалистических революций и проблемы их исторической зрелости, интеллигенция и революция, социальное творчество масс, Октябрь и мировая революция, цена революции и др. С учетом вышеназванных аспектов была разработана новая «Комплексная программа исследований по истории Великой Октябрьской социалистической революции», охватывающая период с рубежа XIX–XX вв. до перехода к НЭПу и включавшая как конкретно-историческую, так и теоретико-методологическую, историографическую и источниковедческую тематику.

В это же время формулировались новые методологические подходы к изучению революции. Ученые отмечали, что качественный подъем исторических исследований невозможен без отказа от сталинистских интерпретаций революции, ее канонизирования, аксиоматичности и упрощенности выводов, отсутствия авторской индивидуальности, без избавления от «фигур умолчания» и изначальной заданности выводов. Марксистская методология не подвергалась сомнению, но ее следовало, согласно новым подходам, применять творчески. И наконец, еще один важнейший методологический аспект – это обращение к В. И. Ленину для восстановления исторической правды, необходимость освобождения от искажающих ленинизм наслоений.

Расширение исследовательской проблематики и стремление к комплексному взгляду на революционные процессы повлекло за собой ре-

организацию Научного совета по истории Октябрьской революции. В августе 1991 г. совет получил название «История революций в России», а в январе 1992 г. был переименован в Научный совет «История социальных реформ и революций» (спустя два года совету было возвращено название в формулировке 1991 г., а с 26 января 1999 г. он был включен в состав Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций под руководством академика Г. Н. Севостьянова). Была переименована и Международная комиссия по истории Октябрьской революции, ставшая с октября 1992 г. комиссией по истории Российской революции.

Таким образом, единые подходы к оценке причин, сущности, значения революции 1917 г. до 1987 г. были, а в последующие «перестроечные» годы стали появляться новые осмысления событий 1917 г. которые были вызваны комплексом причин внутриполитического и социально-экономического характера.

Г.Г.Хмуркин

К ВОПРОСУ О РЕПРЕССИЯХ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДУХОВЕНСТВУ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ (1917 – 1926)

Существует устоявшееся мнение, что в первые годы Советской власти Православная Российская Церковь (далее – Церковь) понесла огромные человеческие потери. При этом называемое количество погибших представителей духовенства колеблется в пределах от 1 247 человек[1] до 320 000 человек[2]. Историческая наука не располагает надежной статистикой по этому вопросу, поскольку необходимых детальных исследований не проводилось. В первой части настоящей работы предлагается методика подсчета общего количества жертв революционных событий среди российских православных священнослужителей в 1917–1926 годах. Во второй части работы затрагивается вопрос о количестве жертв среди верующих и духовенства, вызванных изъятием церковных ценностей 1922–1923 годов.

I. Согласно официальным данным Церкви, в 1915 году в ней насчитывалось 66 335 священнослужителей[3]. Очевидно, что в последующие два предреволюционных года – в 1916-м и в начале 1917-го – каких-либо существенных изменений в общей численности священнослужителей быть не могло. Во всяком случае, по данным аналогичных церковных отчетов за предшествующие 5 лет количество священнослужителей ко-

---

[1] Данные С. П. Мельгунова, который ссылается на статью некоего профессора Sarolea из эдинбургской газеты «The Scotsman» за ноябрь 1923 года (*Мельгунов С. П.* Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП «PUICO», «P.S.», 1990. С. 87).

[2] *Крапивин М. Ю.* Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.). Волгоград: Перемена, 1993. С. 20.

[3] Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг.: Синодальная Типография, 1917. С. 45–46. Приложение: Ведомости за 1915 год. С. 24–25.

лебалось максимум на несколько сотен[4]. Таким образом, с высокой степенью уверенности можно считать, что непосредственно перед Октябрьской революцией в Церкви насчитывалось около 66 335 священнослужителей.

Если бы не обстоятельства революционного времени, эта численность сохранялась бы примерно на том же уровне и далее, поскольку «естественная убыль» священнослужителей (смерть по возрасту или от болезни, добровольное сложение сана) компенсировалась рукоположением новых членов. Через 9 лет после Октябрьской революции, в 1926 году, в СССР была проведена всеобщая перепись населения, которая, по заключению современных исследователей, готовилась в спокойной и деловой обстановке, разрабатывалась лучшими специалистами, не испытывала давления сверху и дала вполне точные результаты[5]. Согласно этой переписи, в 1926 году в стране насчитывалось 58 587 православных священнослужителей. По сравнению с 1915–1917 годами имеем разницу примерно в 7748 человек. Откуда она взялась? Давайте рассуждать.

Во-первых, статистика 1915 года охватывала ряд территорий, которые в 1926 году не входили в состав Советского союза. Это, прежде всего, Польша, Литва, Латвия и Финляндия. Им соответствуют 5 крупных епархий: Варшавская, Холмская, Литовская, Рижская и Финляндская. Количество священнослужителей в них можно оценить по следующей таблице, данные для которой взяты из тех же официальных церковных источников[6]:

Епархии	диаконов	Священников	Протоиереев	(архи) епископов	Всего
Варшавская	39	79	25	1	144
Холмская	47	284	31	1	363
Литовская	22	223	28	1	274
Рижская	45	225	25	1	296
Финляндская	19	41	18	1	79
Итого	172	852	127	5	**1156**

[4] *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М.: ГПИБР, 2007. С. 426–427.

[5] *Жиромская В. Б.*, *Киселев И. Н.*, *Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. С. 28–29.

[6] Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг.: Синодальная Типография, 1917. С. 45–46. Приложение: Ведомости за 1915 год. С. 24–25; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и российской церковной иерархии на 1915 год. Пг.: Синодальная типография, 1915. Указатель именной. С. III–VIII.

Кроме того, автор этих строк не располагает статистикой по священнослужителям Православной Церкви, работавшим в Северной Америке, Японии, Китае и Урмии. Однако известно, что в 1915 году «заграничных церквей было 56»[7]. Получается, что как минимум 1156+56=1212 православных священнослужителей, числившихся в Церкви в 1915 году, не были охвачены переписью 1926 года.

Во-вторых, в годы Гражданской войны часть православных священнослужителей безвозвратно эмигрировала. По оценкам современных исследователей, их было около 2000 человек[8].

В-третьих, некоторые авторы пишут, что в первые годы Советской власти участились случаи добровольного сложения сана[9]. Интересно, что указанная тенденция наметилась незадолго до прихода к власти большевиков – в феврале 1917 года. Именно с этого момента в духовные ведомства все чаще стали поступать жалобы на то, что священники и дьяконы бреют бороды, срезают волосы, носят светскую одежду, наспех ведут церковную службу, покидают приходы и т. д.[10] В ряде случаев священники по причине невыносимых материальных условий добровольно снимали с себя церковный сан и устраивались на светские должности[11]. Этому, кстати говоря, способствовало постановление Временного правительства от 25 марта 1917 года «Об отмене ограничений в правах белого духовенства и монашествующих, добровольно, с разрешения духовной власти, слагающих с себя духовный сан, а также лишенных сана по суду духовному». Оно облегчало бывшим священникам процесс адаптации к условиям светской жизни[12]. В последующие годы случаи снятия с себя священного сана, по-видимому, участились. К сожалению, ни светские, ни церковные историки этому явлению

---

[7] Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг.: Синодальная Типография, 1917. С. 45.

[8] Сведения из частной переписки с известным исследователем истории Русской Православной Церкви, доктором исторических наук М. В. Шкаровским.

[9] См., например: *Четверухин Серафим*. Толмачи. Воспоминания об отце / Дополнения и редакция *Сергея Четверухина*. М., 1992. С. 23; *Михайлов С.В.* Государство и церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918–1929 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 1998. С. 144; *Крепицина Е. В.* Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920–1929 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кемерово, 2006. С. 97.

[10] *Леонтьева Т. Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 39.

[11] *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М.: ГПИБР, 2007. С. 376–378.

[12] *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М.: ГПИБР, 2007. С. 378.

внимания практически не уделяют. А между тем, после Февральской революции оно приобрело, судя по всему, вполне ощутимые масштабы. Так, например, в 1917–1927 годах в одной только Тульской епархии, насчитывавшей примерно 1300 священнослужителей[13], было зарегистрировано 35–40 случаев снятия сана[14]. Это 2,5–3% от общего числа тамошних священнослужителей. Некоторые церковные историки полагают, что в первые годы после Революции сан сложили примерно 8–10% всех советских священнослужителей[15]. Беря в качестве нижней и верхней оценки соответственно 2,5% и 10%, получаем 1658–6634 случаев добровольного выхода священнослужителей из Церкви по всей стране. Увы, за недостатком документальных подтверждений эти оценки останутся лишь гипотезой. Но гипотезой вполне правдоподобной, особенно если учитывать бедственное материальное положение части священнослужителей (напомним, декретом 1918 года они лишились государственной поддержки, и их содержание целиком ложилось на плечи прихожан, которые порою не могли или не желали этого делать). Материальные соображения, по-видимому, были одной из главных причин указанных процессов[16].

Подведем итоги. Первые две группы насчитывают как минимум 3212 человек. Все это – люди, которые (а) были православными священнослужителями перед Октябрьской революцией, (б) пережили драматические события 1917–1926 годов и (в) не вошли в графу «Православные священнослужители» во время всесоюзной переписи 1926 года. Исключив их из обсуждаемой разницы (7748), приходим к заключению: в годы Гражданской войны и в течение последующих четырех лет погибло не больше 4536 православных священнослужителей, что составляет 6,8% от общей численности православных священнослужителей предреволюционной Российской империи.

Здесь сразу же необходимо сделать несколько принципиальных замечаний, иначе полученный результат будет истолкован неправильно.

---

[13] *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М.: ГПИБР, 2007. С. 448.

[14] Сведения из частной переписки автора с исследователем истории Тульской епархии священником Н. Н. Евсеевым. В одной из своих публикаций Н.Н.Евсеев сообщал о том, что таких случаев в Тульской епархии в 1917–1927 годах был «не один десяток» (*Евсеев Н. Н.* Тульская епархия в 1917–1927 гг. по данным архивных источников // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 178).

[15] Интуитивная оценка из частной переписки автора с известным исследователем истории Русской Православной Церкви, протоиереем А. В. Маковецким.

[16] См., например, сведения по Тульской епархии: *Евсеев Н. Н.* Тульская епархия в 1917–1927 гг. по данным архивных источников // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 176–178.

1. Приведенную цифру (4536) можно существенно снизить за счет неучтенной третьей категории – добровольно снявших сан сверх «среднестатистической нормы». На сколько снизить – вопрос трудный; скорее всего, на несколько сотен или даже на тысячи.

2. В 1917–1926 годах священнослужители погибали от *всевозможных* причин (эпидемий, голода, репрессий, вооруженных столкновений, от «красной» и «белой» пули), а не только от рук «чекистов». Степень участия советских репрессивных органов в этих драматических процессах еще предстоит выяснить исследователям. Задача эта весьма трудная, ее аккуратное и исчерпывающее решение займет, вероятно, не одно десятилетие. Но даже эти приблизительные выкладки показывают, что рассказы о «десятках тысяч» и «сотнях тысяч» священнослужителей, якобы расстрелянных большевиками, являются плодом необузданной фантазии.

Таким образом, в годы Гражданской войны и в течение следующих нескольких лет от всевозможных причин погибло не больше (а скорее всего, значительно меньше) 4,5 тыс. православных священнослужителей, что составляет 6,8% от их общей численности в предреволюционной России. А поскольку согласно современным оценкам, в годы Гражданской войны погибло 8–12% населения России, приходим к следующему заключению: *священнослужители Православной Российской Церкви пережили первые революционные годы (1917–1926) с меньшими потерями, чем другие слои населения страны в целом*.

II. В 1922 году огромные пространства России – 34 губернии – были охвачены страшным голодом, который унес жизни миллионов людей. В этих критических условиях Советская власть принимает решение об изъятии церковных ценностей (золото, серебро, драгоценные камни), которые планировалось пустить на нужды голодающих. Реакция на это решение в разных регионах была различной. В одних местах население отнеслось с пониманием, и изъятие проходило спокойно. В других – были столкновения, раненые и даже погибшие. Там, где возникали стычки, впоследствии прошли суды над зачинщиками беспорядков и теми, кто подозревался в их подготовке. В ряде случаев подсудимые были приговорены к высшей мере наказания.

В околоисторической публицистике традиционным стало утверждение, будто процесс изъятия привел к огромному количеству кровавых столкновений верующих с властями по всей стране и к массе смертных приговоров на последовавших за ними судах. Из книги в книгу кочуют сведения работавшего в эмиграции протопресвитера Михаила Польского о том, что в результате столкновений при изъятии ценностей, а также по решению последовавших за ними судов в 1922 году погибло

или было расстреляно в общей сложности 8100 человек, из которых 2691 – белое духовенство, 1962 – монашествующие, 3447 – монахини и послушницы[17]. Он же в другом месте пишет о том, что в 1922 году «расстреляно было до десяти тысяч верующих»[18]. Именно такая статистика чаще всего приводится в литературе. Откуда она взялась, как производился подсчет, ни Польский, ни более поздние авторы не сообщают. Между тем, вопрос методики имеет принципиальное значение, поскольку даже сегодня, когда опубликована масса документов, аккуратные исследователи воздерживаются от подобных оценок численности жертв, настаивая на необходимости детального изучения столичных и региональных архивов[19]. Можно ли в таком случае доверять указанным цифрам, да еще «собранным» за пределами СССР в далеком 1949 году?! Многие историки не воспринимают всерьез подобные работы, считая, что их авторы «некритически отнеслись к субъективным суждениям и слухам, привезенным за рубеж эмигрантами из Советской России»[20]. Данные самого Польского у ученых «вызывают недоумение»[21]. По мнению исследователей, «никаких документальных подтверждений этим данным нет и они недостоверны»[22]. Тем не менее, некоторые авторы оперируют еще более загадочной по своему происхождению статистикой – дескать, расстреляно было 40 тыс. священников, дьяконов и монахов и около 100 тыс. верующих[23].

Ответ на вопрос о реальной численности жертв, вызванных изъятием церковных ценностей, следует искать в региональных архивах, где хранятся отчеты местных советских спецслужб о настроениях в массах, о ходе мероприятий по изъятию ценностей и о всевозможных инцидентах.

---

[17] Новые мученики российские. Первое собрание материалов / Сост. протопресвитер *М. Польский*. Jordanville, N. Y.: Типография преп. Иова Почаевского в Свято-Троицком монастыре (Holy Trinity Monastery), 1949. С. 214.

[18] Новые мученики российские. Первое собрание материалов / Сост. протопресвитер *М. Польский*. Jordanville, N.Y.: Типография преп. Иова Почаевского в Свято-Троицком монастыре (Holy Trinity Monastery), 1949. С. 101.

[19] Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.–Новосибирск: РОССПЭН, «Сибирский хронограф», 1997. С. 39.

[20] *Безшлеева Н. Ю.* Проблема новомученичества в исследованиях современных историков // Общество: философия, история, культура. 2016. Вып. 4. С. 102.

[21] *Подмарицын А. Г.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917–1941 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2005. С. 105.

[22] *Говорова И. В.* Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006. С. 223.

[23] *Бунич И. Л.* Полигон Сатаны / Сборник. СПб.: Шанс, 1994. С. 98. И. Л. Бунич приводят свои данные без каких-либо ссылок.

Кроме того, там же хранятся протоколы судов над теми, кто провоцировал сопротивление властям или подозревался в подобных действиях. В последние годы десятки историков тщательно изучают все эти архивные документы и подробно излагают результаты своих изысканий в диссертационных работах. Тексты диссертаций доступны любому желающему и в совокупности представляют собой ценнейший источник информации, позволяющий объективно оценить масштабы кровопролития. К этому источнику мы и обратились.

К настоящему моменту автор успел познакомиться с 35 диссертациями, написанными по архивным материалам 29 российских регионов и 2-х городов. Что же выяснилось? Оказалось, что на всех этих территориях в связи с изъятием ценностей погибло в общей сложности *меньше 50 человек*. В это число включены и жертвы уличных столкновений с властями, и число казненных по приговорам судов. В большинстве изученных регионов (на Урале, в Нижнем Поволжье, на Кольском Севере, во многих губерниях и др.) вообще не было ни погибших, ни расстрелянных, поскольку процесс изъятия там проходил в целом весьма спокойно.

Ниже приводится сводная таблица по изученным регионам. Конечно, она охватывает пока не все российские регионы. Конечно, необходимы дальнейшие поиски и подсчеты. Но уже сейчас совершенно очевидно, что *по всей стране жертвами изъятия церковных ценностей в 1922–1923 годах стали от силы* ***несколько десятков*** *человек*. Ни о каких сотнях и тем более тысячах смертей не может быть и речи.

Регион	**Погибло в столкновениях** (духовенства + мирян + представителей власти)	**Вынесено смертных приговоров или расстреляно** (духовенства + мирян + представителей власти)	Диссертация
Губернии, епархии и др.			
Алтай	0	0	Мезенцев 2003
Архангельская губерния	0	0	Михайлов 1998
Башкирия	0	0	Васильева 1998
Владимирская губерния	0	0	Кутергина 2008
Вятская губерния	0+0+2	0	Поляков 2007

Дальний Восток (совр. Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Камчатская область и Сахалинская область)	0	0	Маленков 2004
Донская область	0	0	Бирюкова 2012 (автореферат)
Зауралье (регион, прилегающий к восточному склону Урала в бассейне рек Тобол и Обь)	0	0+0+2	Борисова 2012
Карелия	0	0	Басова 2006
Кольский Север (совр. Мурманская область)	0	0	Бардилева 2000
Кузбасс (совр. Кемеровская область)	0	0	Крепицина 2006
Курский край	0	0	Бунин 2005
Нижнее Поволжье (Астраханская и Царицынская губернии)	0	0	Сколота 2011
Новгородская епархия	0+1+0	2+1+0	Хрусталев 2004 (Уточнено по диссертациям М. В. Булавина** и М. А. Дроздовой***)
Орловская губерния	0	0	Перелыгин 2009
Пензенская епархия	2+0+1	0	Аристова 2011
Пензенский край	0+0+1	0	Малюкова 2010
Пермская епархия	0	0	Агафонов 2002
Пермская епархия	0	0	Вяткин 2005
Самарский регион	0	0	Подмарицын 2005
Северная Осетия	0	1	Горобец 2004
Северная Осетия	0	0	Дзебисов 2013
Северо-Запад России	0 [Псковс. губ.]	0 [Псковс. губ.]	Дроздова 2009

(Псковская, Новгородская и Петроградская губернии)	0+1+0 [Новгор. губ.] 0 –[Петрогр. губ.]	0 – [Новгор. губ.] 4+0+0 [Петрогр. губ.]	
Смоленская епархия	1	0+4+0	Каиль 2011
Ставрополье и Терек	0	1+0+0	Пантюхин 2013
Тамбовская губерния	0	0	Алленов 2004
Тверская (Калининская) епархия	0	0	Цыков 2013
Тобольская епархия	0	0	Дронова 2011
Урал (Пермская, Свердловская и Челябинская области)	0	0	Булавин 2000
Урал (Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская епархии)	0	0	Зорина 2003
Уфимская епархия	0	0	Абдулов 2006
Чувашия	0	0	Козлов 2009
Юго-Восточная Сибирь (совр. Иркутская область, Читинская область и Бурятия)	0	2+0+0	Паламарчук 2002
Отдельные города			
Вологда	0	0	Спасенкова 1999
Москва	0	4+1+0	Чернова 2014
Новочеркасск	Автор не располагает данными	5	*См. пояснение № 5*
Томск	Автор не располагает данными	7+0+0	*См. пояснение № 5*
Шуя	5	2+1+0	*См. пояснение № 5*

* Данные таблицы взяты из следующих диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук: *Абдулов Н. Т.* Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917–1991 гг. Уфа, 2006. С. 46–56; *Агафонов П. Н.* Эволюция государственно-церковных отношений в 1920–1929 гг. (На материале Пермской епархии). Пермь, 2002. С. 37–56; *Алленов А. Н.* Власть и Церковь в русской провинции в 1917–1927 гг. (На материалах Тамбовской губернии). Тамбов, 2004. С. 68–87; *Аристова К. Г.* Обновленчество в

Пензенской епархии в 1917–1923 гг.: Первые уроки Советской власти. Пенза, 2011. С. 144–178; *Бардилева Ю. П.* Государственно-церковные отношения на Кольском Севере [совр. Мурманская область. – Г.Х.] в первой трети XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Мурманск, 2000. С. 151–153; *Басова Н. А.* Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах. Петрозаводск, 2006. С. 106–117; *Бирюкова Ю. А.* Советская власть и православные общины Дона [Донской области. – Г.Х.] в 1920–1930-х гг: характер отношений на местах. Ростов-на-Дону, 2012 (автореферат); *Борисова В. В.* Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг. (на материалах Зауралья [регион, прилегающий к восточному склону Урала в бассейне рек Тобол и Обь. – Г.Х.]). Нижневартовск, 2012. С. 108–122; *Булавин М. В.* Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала [Пермская область, Свердловская область, Челябинская область. – Г. Х.]). Екатеринбург, 2000. С. 79–121, 289–290; *Бунин А. Ю.* Деятельность православного духовенства Курского края в 1905–1929 гг. Курск, 2005. С. 126–135; *Васильева И. Г.* Взаимоотношения Советского государства и религиозных объединений в Башкирии (1917–[19]20-е годы). Уфа, 1998. С. 140–143; *Вяткин В. В.* История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения. Пермь, 2005. С. 187–188; *Горобец А. А.* История Русской Православной Церкви в Северной Осетии. 1917–1924 гг. Владикавказ, 2004. С. 83–98; *Дзебисов А. Т.* Советское государство и Православная Церковь в условиях трансформационных процессов 1920–1930-х гг. (на материалах Северной Осетии). Владикавказ, 2013. С. 86–106; *Дроздова М. А.* Советское государство и церковь в 1917–1927 гг. (по материалам Северо-Запада России [Псковская, Новгородская, Петроградская губернии. – Г.Х.]). Псков, 2009. С. 82–125; *Дронова В. В.* Эволюция государственно-церковных взаимоотношений в 1917 – конце 1930-х гг. (на примере Тобольской епархии). Барнаул, 2011. С. 87–98; *Зорина Н. А.* Становление государственно-церковных отношений на Урале [Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская епархии. – Г.Х.] (1917–1925). М., 2003. С. 84–99; *Каиль М. В.* Православная церковь и верующие Смоленской епархии в 1917 – середине 1920-х гг.: эволюция государственно-церковных отношений и внутриконфессиональные процессы. Смоленск, 2011. С. 131–141, 149–152; *Козлов Ф. Н.* Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 – начале 1940-х гг. (по материалам Чувашии). Саранск, 2009. С. 153–171; *Крепицина Е. В.* Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920–1929 гг. Кемерово, 2006. С. 76–77, 84–85; *Кутергина Ю. В.* Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 1918–1925 гг. во Владимирской губернии. Владимир, 2008. С. 87–118; *Маленков В. В.* Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России (1917–1937 гг.). Южно-Сахалинск, 2004. С. 88–89, 105–106; *Малюкова Э. Д.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918–1937 гг. (на примере Пензенского Края). Пенза, 2010. С. 69–83; *Мезенцев Р. В.* Православная Церковь на Алтае в 1917–1940 гг. Горно-Алтайск, 2003. С. 89–118; *Михайлов С. В.* Государство и церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918–1929 гг. Архангельск, 1998. С. 115–125; *Паламарчук А. В.* Исторический опыт взаимоотношений государства и Церкви в Юго-Восточной Сибири (1920–1930-е гг.). Иркутск, 2002. С. 60–82; *Пантюхин А. М.* Обновленческое движение Русской православной церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья и Терека). Ростов-на-Дону, 2013. С. 64–71, 86–93; Перелыгин А. И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). Орел, 2009. С. 44–50; *Подмарицын А. Г.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917–1941 гг.). Самара, 2005. С. 97–105; *Поляков А.*Г. Церковно-государственные отношения в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губер-

нии). Киров, 2007. С. 100–116; *Сколота Р. В.* Государственно-церковные отношения в 1921–1927 годах в Нижнем Поволжье [Астраханская и Царицынская губернии. – Г.Х.]. Астрахань, 2011. С. 20–42; *Спасенкова И. В.* Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг. (на материалах Вологды). Вологда, 1999. С. 46–60; Хрусталев М. Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах (на материалах Новгородской епархии). Архангельск, 2004. С. 41–55; *Цыков И.В.* Органы управления Тверской (Калининской) епархией и динамика внутрицерковной жизни в 1917 – середине 1930 годов. Тверь, 2013. С. 82–90; *Чернова Е. Л.* Реформаторство в церковной жизни Москвы 1920-х гг.: становление и развитие обновленчества. М., 2014. С. 39–40.

** *Булавин М. В.* Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2000. С. 116.

*** *Дроздова М. А.* Советское государство и церковь в 1917–1927 гг. (по материалам Северо-Запада России [Псковская, Новгородская, Петроградская губернии. – Г.Х.]). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Псков, 2009. С. 95.

Пояснения к таблице:

1. Названия регионов и их расшифровка (приводится в скобках) взяты из диссертаций.

2. В отдельных случаях изучавшиеся диссертантами территории совпадают, пересекаются или одна включает другую. В этих случаях под каждую диссертацию отводилась отдельная строка. Соответственно, подсчет общего числа жертв по всем перечисленным регионам *не* может производиться путем простого сложения данных из столбцов.

3. Там, где можно было установить статус погибших в стычках и приговоренных к расстрелу (представитель духовенства, мирянин или представитель власти), приведено соответствующее разбиение общего числа жертв в сумму трех слагаемых.

4. Вынесение смертного приговора не всегда означало расстрел, в ряде случаев его могли заменить на тюремное заключение. Соответственно, в третьем столбце таблицы приводится либо число смертных приговоров (если из диссертации неясно, были ли они приведены в исполнение), либо число фактически казненных (если факт расстрела подтвержден диссертантом). Скорее всего, часть указанных в таблице смертных приговоров не была приведена в исполнение, однако выяснение этого требует более детальных исследований, которые, на наш взгляд, следует начать с сомнительной «расстрельной» статистики по Томску.

5. Специальных диссертаций по Новочеркасску, Томску и Шуе мы не нашли. Тем не менее, для полноты картины эти города внесены в таблицу. Данные о жертвах в Новочеркасске взяты из диссертации

М. В. Булавина[24], в Томске – из диссертации А. В. Паламарчук[25], в Шуе – из сборников документов[26].

6. Перечень российских регионов, приведенных в таблице, неполон. К настоящему моменту мы успели познакомиться не со всеми доступными нам диссертациями, в которых раскрывалась тема церковно-государственных отношений в 1922–1923 годах. Кроме того, подобного рода подсчеты произведены еще, по-видимому, не во всех регионах России.

---

[24] *Булавин М. В.* Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2000. С. 116.

[25] *Паламарчук А. В.* Исторический опыт взаимоотношений государства и Церкви в Юго-Восточной Сибири (1920–1930-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск, 2002. С. 76–77.

[26] Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.–Новосибирск: РОССПЭН, «Сибирский хронограф», 1997. С. 132; «Очистим Россию надолго…» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г.: Документы / Под ред. *А. Н. Артизова*, *В. С. Христофорова*; вступ. ст. *А. Н. Артизова*, *В. Г. Макарова*, *В. С. Христофорова*; археогр. предисл. *З. К. Водопьянова*; сост. и ком. *А. Н. Артизова*, *З. К. Водопьяновой*, *Т.В.Домрачевой*, *В. Г. Макарова*, *В. С. Христофорова*. М.: МФД, Материк, 2008. С. 532.

А. А. Куренышев

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕРЕВНЯ ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ И. Ф. НАЖИВИНА (1879 – 1940 гг.)

Ленин употребил в свое время в отношении Льва Толстого определение «зеркало русской революции», имея в виду революцию 1905–1907 гг. В отношении писателя Наживина, толстовца, кстати говоря, можно употребить тот же термин, но уже в отношении революции 1917 г. или шире, включая гражданскую войну 1917–1920 гг. Ленин полагал, что граф Толстой отражал крестьянскую позицию и психологию, но гораздо сильнее эти аспекты были выражены в творчестве Наживина. Мнение о Наживине, как о выразителе «темных инстинктов» деревни, отразившим кулацко-мужицкую природу ее», сложилось еще в годы, предшествовавшие драматическим событиям Великой русской революции. Согласно мнению официального советского литературоведения, отраженного в «Литературной энциклопедии»: «Он – сын кулака, уже с самого начала литературной деятельности (ок. 1890 г.) числился наиболее реакционным сторонником толстовства...»[1]. «Сопоставление имени великого художника с революцией, которую он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным», – отмечает Ленин[2] (17. 206) «Не называть же зеркалом того, кто, очевидно, не отражает явление правильно?», – пишет он далее. «Но наша революция – явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий»[3].

---

[1] Цитировано по: *Куденис К.* Иван Наживин в Бельгии. // Культурное наследие Российской эмиграции 1917–1940. Книга вторая М., «Наследие» 1994. С. 265.

[2] *Ленин В. И.* Полн.Собр.Соч. Т.17. С. 206.

[3] Там же.

Вот что отражалось в зеркале Толстого, по мысли Ленина. «Толстовские идеи, это – зеркало слабости и недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка»[4].

Вот интересы такого же мужичка выражал в 1917–1920-х годах Наживин. Более того, в творчестве Наживина отразился, если можно так выразиться, эдакий вселенский мужик, вселенский, но все-таки исконно русский. Революция оценивается в произведениях Ивана Фёдоровича глазами крестьян, крестьян основательных, обстоятельных, косо смотревших на приход к власти разного рода голытьбы, смутьянов, хулиганов и прочей сомнительной публики, включая и таких столпов новой власти, как Александр Федорович Керенский. В романе «Распутин» Наживин рисует сцену явления во сне Керенскому этого «черного человека» российской действительности последних предреволюционных лет. Во сне Керенского Распутин выступает в роли больной совести премьера. Одновременно он высказывает сомнения в правомерности, логичности и полезности для страны всего, что делают новые революционные власти. «Рази забыл ты, каким соловьем ты в Думе, бывало, заливался? А скольких людей по темницам ты теперь запер да держишь? Вон сенатор твой хошь две слезинки над ними пролил, а ты? Потому-то и говорю я, что не убили меня, не сожгли меня и ничего, ничего не кончено, а может быть, самое главное только еще начинается... Много у меня наследничков, ох, много! И зря вы замучили меня ни за што...

– Никогда я тебя не мучил!

– Не токма что мучили, а и жизни решили... – сказал печально Григорий. – За что?» И далее явившийся Керенскому во сне Распутин заявляет: «И одно мне больше всего чудно: не вы ли на всех перекрестках орали, чтобы приходил мужик Расеей управлять, а стоило только мне нос показать, как вы же кричать стали: «А-а, сиволдай! Куда лезет! Нешто это мысленное дело, чтобы безграмотного дурака к такому важнеющему делу подпущать?»[5] Народ... Дак я и есть народ... Какого же вам еще народа надобно? Али вы ждали, что к вам оттедова все одни преподобные придут? Преподобных, братец ты мой, там весьма даже малое количество, весьма малое, а остальные все с червоточинкой... Да опять же, ежели и коло преподобных полутче пошарить, то тоже, может, такого откопаешь, что и не возрадуешься... Все-то мы, друг ты мой ситнай, пьяницы, все деньгу любим, а пуще всего все, как и ты вот, себя уважают... Все люди, все человеки: ты – это я, я – это ты...».

[4] *Ленин В. И.* Указ. Соч. С.212.
[5] *Наживин И. Ф.* Распутин. С.

Наживин в своим творчеством заставляет таки обратить внимание на крестьянство, его роль и значение,его суждения и мнения. Это весьма важно и необходимо, поскольку, как считают некоторые историки и публицисты: «В отечественном обществознании все еще преобладает интеллигентский взгляд на события российской истории, а порой и прямо противоположный крестьянскому – дворянско-помещичий. Е. П. Прудникова пишет в своем исследовании: «Российская элита не воспринимала крестьянство как существо, подобное себе, – не воспринимала на уровне подсознания, и следы этого отношения можно легко найти во множестве мемуаров, рассказов, художественных произведений». Известный русский философ Николай Бердяев дал этому явлению и научное обоснование. В труде «Философия неравенства» он писал: «... просветительное» и «революционное» сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт». В общем-то – да, сие есть факт, – добавляет от себя Прудникова: баре физически и душевно отличаются от мужиков». Действительно, в течение долгих лет вторичность мужика была общепринятым социологическим фактом. «Чумазый не может играть на пианино», – говорил один из персонажей фильма Н. С. Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино»[6]. К сожалению, такая историографическая парадигма преодолевается с большим трудом. «Как, почему вышло, что нас, сплошь и рядом потомков черного люда, приучили смотреть на Россию глазами дворян?» – задает вопрос Прудникова. «С чем это вошло в нашу жизнь? С русской историей, которая наполнена деяниями 338 князей, да царей? Хотели написать другую, да не получилось», – пишет она далее. «Невнимание советских историков к крестьянскому сословию позволило нынешним агитаторам утверждать, что крестьяне были лояльны к властям Российской империи. Мужики, мол, богобоязненны, царелюбивы и революции не хотели»[7].

«Я пошел домой, полный самой тяжелой тревоги: с первых же минут понял я, что будет значить республика в наших русских условиях при

[6] Цитировано по: *Куренышев А. А., Хомякова Т. В.* Русский крестьянин на войне и о войне. Дневник крестьянина Алексинского уезда Тульской губернии П. Е. Ермакова о событиях первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.// Война и революция: социальные процессы и катастрофы: Материалы Всероссийской научной конференции; г. Москва, 19–20 мая 2016 г. [Электронное издание] / Под ред. А. Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. – М.: МПГУ, 2016. – 349 с. С. 337–338.

[7] Там же.

семидесяти пяти процентах безграмотных, при повальной продажности нашей, при озлоблении народа, при остервенелой, лишенной всякой сдержанности борьбе наших малокультурных политических партий. А между тем ближайшие же дни подтвердили страшное сообщение моего спекулянта»[8]… Наша деревня первые дни как-то затаилась, сдерживалась, точно еще не веря случившемуся, остерегаясь, чья еще там возьмет, а потом начались митинги, и все зашумело недобрым шумом. Раз как-то, в начале первой нашей революции, я беседовал о ней со Львом Николаевичем Толстым. Мне, тогда еще очень «революционно настроенному», было тяжело его резко отрицательное отношение к революционерам, которое он с такой прямотой и таким мужеством выражал тогда в своих писаниях. – И вы особенно удивляете меня… – сказал старик, останавливаясь среди снежных полей. – Ведь вы знаете народ не из окна какой-нибудь петербургской редакции… Ну скажите по совести: кто первый пристал в деревне к революции?.. Я – увы!.. – знал, кто пристал к ней»[9].

Мужичок быстро смекнул, что красная шпана при поддержке центральной большевистской власти приберет к рукам не только имущество капиталистов и помещиков, но и его «крепкое», разъевшееся в годы военного лихолетья, хозяйство. Помещик, царь, попы – плохо, но и матрос с батраком не лучше. Вот и метался крестьянин от белых к красным и обратно через «зеленых». И вместе с ним метался Наживин. Он уже в 1926 г. подал прошение о возвращении ему советского гражданства, а в 1930-е писал самому Сталину просьбы об амнистии. «Он сообщал в газету Правда «о появившемся в бельгийской прессе призыве атамана Семенова атаковать Советский Союз и предупреждал: «Оглашайте эти факты. Готовьтесь, не спите». Сам Семенов был оголтело враждебен «Интернационалу», оккупировавшему, по его мнению, Россию. И после ликвидации Коминтерна в 1943 г. был сильно обескуражен и готов был даже к сотрудничеству с Советами, поскольку исчез объект его многолетней борьбы, уничтоженный самими большевиками.

Наживин был готов вычеркнуть из своих произведений все антисоветские высказывания и предложил Академии наук издать 40-томное собрание своих сочинений[10]. А. И. Солженицын много в свое время разглагольствовал в своем антишолоховском опусе о том, что настоящий писатель-автор на переработку своего творения по требованию властей никогда не пойдет... Тут мы видим, что не только Шолохов и

---

[8] *Наживин И. Ф.* Записки о революции 1917–1921. М., Кучково Поле 2016. С.41.–42.

[9] *Наживин И. Ф.* Указ. Соч. С. 42.

[10] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Ф. 115 оп. 1. Ед. хр. 52.Л.12.

Фадеев корежили свои романы, но и «свободный художник», живший в свободной стране готов был заняться тем же самым...

«Крестьянин-писатель И. Ф. Наживин отверг старую Русь, но новой России не принял» Эмигрантские политические и литературные «чистоплюи» отвергали наживинские оценки революции. «Автор записок, «не понимая революции, так и говорит..., а раз не понимает, то все это чепуха, мерзость»; книга Н. – «незаменимое руководство к тому, чтобы поближе узнать автора, приглядеться к нему – бунтующему обывателю революции», писал меньшевик Ст. Иванович[11]. Как «вопль обывателя, маленького, задавленного грандиозностью событий человека» оценивалась книга Н. и в журнале «Сполохи»[12].

Н. Л. Мещеряков, известный советский публицист, писал о Наживине и его книге о революции: «Картину, если не полного распада толстовства, то перерождения консервативной его части дает вышедшая недавно в Вене книжка Ив. Наживина – «Записки о революции».

Сам по себе Ив. Наживин – фигура мало интересная. Это – серый, заурядный человек и писатель. Но, именно как заурядный человек из массы нашего народничества, Наживин представляет интересную фигуру. Перелом в его настроениях и идеологии типичен для рядовой, заурядной массы интеллигентов и обывателей. С этой стороны и интересна его книжка. С другой стороны, Ив. Наживин откровенно выбалтывает многое такое, о чем человек более умный и менее озлобленный счел бы лучшим временно промолчать. Ввиду этого я и займусь несколько подробней книгой Ив. Наживина. Как кулак, с одной стороны, и как интеллигент-кадет, с другой, Ив. Наживин с самого начала февральской революции почуял, что революция несет ему большие неприятности. Когда в конце февраля 1917 года по телефону один знакомый сообщил ему о начавшейся революции, о падении самодержавия, о том, что, вместо монархии, будет «как-будто» республика, Ив. Наживин «пошел домой, полный самой тяжелой тревоги». Эта «тревога» скоро перешла в открытую вражду к революции не только к пролетарской, но и ко всякой революции. «Это был определенный отказ от прошлого. До революции Наживин был или считал себя народником. А теперь он смотрит на народ, как на «толпу, которая с полной развязностью лезет туда, куда вход ей был жизнью запрещен».Наживин тосковал о городовом. Так же тосковал он и по жандармам. «В Ростове, – пишет он, – каюсь, не без удовольствия я увидел первых жандармов, вежливых и исполнительных как в старину»[13].

---

[11] Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., РОСПЭН: 1997, с. 447.
[12] Там же
[13] *Мещеряков Н. Л.* «Распад»«Журнал «Красная новь», 1922, № 1. Стр. 230–237.

Наживин тоскует и по казненной бывшей царице. «За что освистывали всякие негодяи эту больную и страдающую женщину, – пишет он. – За что кидали в нее грязью люди с репутацией явно позорной», и т. д. и т. п.

Наживину хотелось бы вернуть и городового, и жандармов, и царя, и старых чиновников. А потому на выборах он голосует... за меньшевиков. И в то же время он чуть не объясняется в любви Н. Н. Львову, председателю союза земельных собственников, и передает ему для издания свою брошюру. «Наша беседа с Н. Н. Львовым, – пишет он, – то и дело прерывалась тем, что мы вставали, долго с улыбкой трясли друг другу руки и потом опять садились и снова продолжали беседу»[14].

Классовый инстинкт собственника помогает Наживину быстро и верно разглядеть классовую сущность партий: работая с крупными помещиками (союза земельных собственников), он голосует за меньшевиков. Когда ему предлагают стать кандидатом в учредилку от энэсов (народных социалистов), он отвечает: «Будем откровенны: мне думается, что вы называете себя народными социалистами только потому, что у вас нет мужества откровенно назваться кадетами». И тут же прибавляет: «Я ваше предложение пообдумаю»[15].

Относительно аграрного вопроса Наживин думал, что помещичьи земли надо было передать крестьянам, но, конечно, обязательно за выкуп, «ибо за время войны они припрятали в землю миллиарды, и нельзя было не извлечь этих денег из их мошны».

Естественно, что Н. Н. Львов так горячо дал руку Наживину. Его книжка была издана союзом земельных собственников в 100 тысячах экземпляров.

Наживин был толстовцем и отвергал поэтому всю обрядность православия. Но, чтобы спастись от революции, он готов отречься от всего, готов принять снова и проповедывать православие со всей его обрядностью. «Без Бога жить трудно».

Человек, дошедший до такого градуса черносотенства, не мог, конечно, ужиться в советской России. Он бежал к Деникину. Работал у Деникина. Но, по его собственным признаниям, из этой работы ничего не выходило.

«Не более толку получалось и из моих выступлений среди народа, – пишет он.

– Особенно запомнилась мне почему-то моя речь к гарнизону Геленджика после парада во время какого-то добровольческого праздника. Я говорил солдатам о нашей России, о долге нашем перед ней, перед нашими детьми, о законности, о порядке, говорил понятно, говорил с

[14] Там же.
[15] *Мещеряков Н. Л.* Указ. Соч. С. 234.

огоньком, говорил и смотрел на ряды этих тупых, совершенно равнодушных лиц. Публика аплодировала, а они, серые, тупо смотрели перед собой, ко всему равнодушные»[16].

Наживин ненавидит революцию смертельной ненавистью и с восторгом приветствовал тех, кто вступил в борьбу с нею.

Вот на глазах у всех развратничает и пьянствует генерал Добровольский, назначенный к ним главноначальствующим по борьбе с «зелеными»... А посмотрите на переполненные кафе на бойких улицах городов. Прекрасные дамы в сногсшибательных туалетах – ничем не проймешь этих бесстыжих – и полковники генерального штаба, и черномазые восточные человеки, и шустрые евреи, и совсем зеленые молодые люди, несомненно, призывного возраста, – и чиновники, и бывшие помещики спекулируют на дамских чулках, на валюте, на спичках, на пуговицах, на хинине, на всем, что угодно, жадно, лихорадочно, отвратительно... И тут же за столиками сидят больные и раненые офицеры, изможденные, часто грязные, оборванные, часто в не раз простреленных шинелях, часто с пятнами»[17] высохшей крови на них, и пьют холодный поддельный чай с противным привкусом сахарина. Так как ни квартир ни комнат нет, то ютятся они на подоконниках у знакомых, в передних, во вшивых тифозных общежитиях»[18].

«Страшный, невероятный, моральный развал царил в это время не только в администрации, но и среди интеллигенции... Сколько молодых, сильных людей слоняется по тылам. Сколько людей порядочных, культурных, погрязло в самой бесстыжей, наглой спекуляции. И видя это, снова глухо ворчит народ».

Хулиганство этого сброда доходило до того, что даже такой крайний монархист и черносотенец, как Наживин, признается: «При взгляде на эти сонмища негодяев, на этих разодетых барынь в бриллиантах, на этих вылощенных тыловых молодчиков, я думал, я чувствовал только одно, я молился: Господи, пошли сюда большевиков хоть на неделю, чтобы хотя среди ужасов чрезвычайки эти животные поняли, наконец, что они делали, что они сделали с людьми. И я верю, что чаша гнева не минует их, – без этой веры невозможно жить»[19].

Поведение Милюкова Наживин называет «растерянностью, политической неопрятностью, шарлатанством, жалким карьеризмом». Бурцев произвел на него впечатление «человека тупого».

Насмотревшись на эти картины белогвардейщины и на ее вождей, Наживин начинает терять веру и надежду на победу контрреволюции.

[16] Там же. С. 233.
[17] *Мещеряков Н. Л.* Указ. Соч. С. 235.
[18] *Мещеряков Н. Л.* Указ. Соч. С. 286–287.
[19] *Мещеряков Н. Л.* Указ. Соч. С. 234.

Мы видели, как он хотел восстановить патриархальное православие со всей его обрядностью, со всеми его нелепостями, с его обеднями и вечернями, в которых ничего нельзя понять. Но он видит и признает, что это воскресенье православия «может совершиться только чудом». В нем «тяжело поднимались иногда ядовитые сомнения: а, может быть, тщетны эти попытки оживить и удержать умирающее православие? Ведь стоят же на наших глазах опустевшие египетские или греческие храмы... И как за смертью тех богов не последовало решительно ничего страшного, так не будет ничего страшного и за смертью наших богов».

Наживину приходит в голову мысль, что, пожалуй, гибнет вся старая русская дворянско-буржуазная культура и не только русская, а и европейская. «А что если мы и в самом деле умираем, – пишет он, – сходим в Вечность, и через некоторое время развалины наших храмов будут посещаться туристами новых стран, которые еще не родились, и над Василием Блаженным или Московским Кремлем они будут мечтательно грустить о бренности всего земного?.. Может быть, умирает даже вся Европа. Ведь не даром же, в самом деле, все чаще и чаще слышатся там голоса о возможной гибели всей нашей цивилизации со всеми ее богами, упованиями, храмами, библиотеками, форумами и проч.».

Вот мысли, вот настроение, с которым Наживин бежал из России после поражения Деникина. «Первый этап был кончен, – мы были на пороге Европы, Европы новой, взбаломученной, незнакомой... Что-то ждет нас в ней?»... Этими словами Наживин оканчивает свою книгу[20].

Как кулак-собственник Наживин глубоко ненавидит пролетарскую революцию. Он энергично боролся с ней. Но эта ненависть и борьба не прошли для него даром. Он заплатил за них жестокой, дорогой ценой. Он превратился в монархиста-черносотенника, поклонника городовых и жандармов. Он ставит под знаком вопроса всю русскую литературу, он впадает в нелепейшую форму мистицизма, он становится поклонником обрядности православия и в то же время теряет веру в возможность торжества этого православия, он теряет веру в прочность всей буржуазной культуры. Судьба Наживина типична. Это – судьба многих русских интеллигентов, разорвавших с революционным народом и крепко привязавших свою утлую ладью к корме гибнущего буржуазного корабля.

Очень многие бывшие русские демократы произвели переоценку всего своего прежнего миросозерцания и мечтают теперь не о свободе, а о возвращении к временам самой темной реакции. Вот, например, о каких порядках мечтал Ольденбург на так называемом «национальном съезде», который состоялся весной 1921 года в Париже: «Русское общество, – говорил он в своем докладе, – не должно рассчитывать на

[20] *Мещеряков Н. Л.* Указ. Соч. С.236.

свободу, когда Россия восстановится. Еще, может быть, будет дана та доза свободы, которая была при Александре III, но речи не может быть о свободе, которой оно пользовалось в довоенное время».

Но и самодержавие Александра III не удовлетворяет русских белогвардейцев.

Чем яснее обнаруживается их поражение, чем безнадежнее их положение, тем реакционнее становятся их мечтания. От Александра III они переходят к Павлу I.

История жизни и деятельности И. Ф. Наживина, его описание и осмысление революции и последующих событий демонстрирует какую-то патологическую неспособность нашей страны, нашего народа к демократии, самоуправлению, свободе и болезненную приверженность к авторитарным, диктаторским формам правления, к патернализму, вранью о себе и своем прошлом , а попытки сказать правду встречают бешенную ненависть и преследование тех, кто эту правду пытается нести людям...

Наживину хотелось «дать голос… настоящей, русской, кондовой и нисколько не черносотенной, но просто отрезвевшей и практичной России». Он обращался за поддержкой к К. Крамаржу, имевшему репутацию русофила и панслависта, писал и другим видным деятелям. В том числе Наживин обращался за помощью к герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому, и на этот раз мечты претворились в жизнь: новое издательство получило название «Детинец». В первую очередь Наживин-издатель озаботился привлечением к работе известных писателей и формированием идеологической направленности. Так, например, он активно призывал И. А. Бунина к совместному сотрудничеству. Изначально издательство планировалось как монархическое: недавний толстовец, Наживин поддерживал хорошие отношения со сторонниками Белого движения, например, с П. Н. Красновым. В начале 1920-х гг. он писал резко антикоммунистические повести с автобиографической основой. В этот период Наживин подвергся нападкам со стороны левой части политической эмиграции в значительной степени из-за резких высказываний по еврейскому вопросу.

Вот несколько картин жизни революционной деревни по Наживину. «У нас, в Буланове, первую скрипку схватили наши учителя, Шипов и Скобенников, молоденькие мальчишки-недоучки, столь обычные, к несчастью, хозяйственные, степенные мужики молчаливо не одобряли и любили ставить в пример свое хозяйство: разве это мысленно, чтобы хозяйство шло без хозяина? Но громко, вслух, при всех говорить это остерегались… И все были в затруднении: вот скоро – говорят – будут голосовать куда-то там такое, так за кого же надо подавать голос, за царя или за студентов? Прибежавший с фронта дезертир –ими кишели

в это время деревни – разъяснил, что теперь уж мужиков и господ больше не будет, а будут все потомственные почетные граждане. Бабы пугались предстоящего введения не то баранского,не то барабанского брака: какую хошь, ту и взял, сколько хошь, столько с ней и прожил, а надоела –по шапке. Тревожило их бабье сердце думка о детях, Вообще, нашу политическую терминологию, которою мы так усердно жонглировали в наших газетах и на митингах, среди крови и безумия, деревня переводила как-то по своему, и никак нельзя было мне в разговоре с моими бородатыми республиканцами предвидеть, как изуродуют они тот или иной политический термин, без которых часто и разговора вести нельзя было. И потому от чтения газет, от речи заезжего «орателя» в головах республиканцев получался невероятный кавардак. Так, земством у нас назывался какой-то искони проклятый аппарат для причинения мужику всяких неприятностей и учинения всяких поборов. На знамение прямое, равное, тайное… мы смотрели как на новый тяжкий вид натуральной повинности, от которой всякий порядочный гражданин должен всемерно отделываться. И потому, когда у нас назначены были первые выборы в это новое треклятое волостное земство, почти никто к «урнам» – ящикам из-под мыла – не явился; наши политические заправилы распустили тогда слух, что все не явившиеся на выборы будут оштрафованы, и назначили вторые выборы; несмотря на эту угрозу, явилось выбирать вместо трех процентов, как на первый раз, всего пятнадцать процентов выборщиков, выбрали заведомых горлопанов и, выбрав, немедленно стали ругать и выбранных – «вот навыбирали всякой сволочи на свою шею!»[21]. При том заигрывании с «гунном» был присущий интеллигенции страх перед крестьянином (это прекрасно отразилось в дневниках М. М. Пришвина – мелкого помещика и либерала, вынужденного жить среди ненавистных ему крестьян). Когда рухнул старый порядок, и тонкий «модернизированный» слой столкнулся лицом к лицу с народом, это вызвало настоящее потрясение – и многие возненавидели свой народ и свою страну.

---

[21] *Наживин И. Ф.* Записки...С. 46.

Общероссийская общественная организация
« Российские ученые социалистической ориентации «

Октябрьской революции – 100 лет

Сборник статей

Ответственный за выпуск А. Г. Макаров

Обложка К. Е. Струков

Подписано в печать с оригинал-макета 22. 06. 2017.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага оф. №1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 19. Тираж 300 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: 8–917–547–84–24.
e-mail: andmak@airo-xxi.ru

Книги «АИРО–XXI»
2015 – 2016 гг.

Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах.

Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.

Том 2: Документы и статистика; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 656 с.

Юнге Марк. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО-XXI, 2015.

Победа-70: реконструкция юбилея. Под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 624 с. с иллюстрациями.

В. А. Сомов Первое советское поколение: испытание войной. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 176 с. + илл. – (АИРО – Монография»).

А. В. Долгопятов Эти тихие уездные города. О социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО–XXI, 2015. – 232 с.

А. А. Баев Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. (Серия «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г. А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с. : ил.

Фрезинский Борис. Троцкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.

В. В. Агеносов Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 736 с.; илл.

Н. А. Четырина. «Для науки кукольного мастерства»: художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.) / (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО–XXI, 2015. – 304 с.

Ю. Е. Бычков. Ощущение своего времени. Страницы одной не рядовой биографии. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 304 с. Илл.

А. В. Венков. «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 196 с.

А. Д. Цыганок. Война в Сирии и ее последствия для Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии: русский взгляд. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 400 с.

И. А. Нечаев «Я знаю, что время не ждет у порога...». Стихи. Письма. Воспоминания / Серия «АИРО – первая публикация» под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2016, – 184 с.

О. А. Чагадаева. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) / Послесловие – Александр Шевырев. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г. А. Бордюгова).

Книги «АИРО–XXI» – Эпоха революций и гражданской войны в России

Федор Крюков. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону.

*Федор Крюков.*Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя.

В углу. Начало гражданской войны глазами русских писателей. П. Н. Краснов. Ф. Д. Крюков. И. А. Родионов.

А. В. Посадский. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге.

А. Л. Носович. Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика.

Крестьянский фронт гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. / Под ред. А. В. Посадского.

От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сборник статей и материалов. / Под ред. А. В. Посадского.

«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. / Под ред. А В. Посадского.

М. И. Мельтюхов. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.).

От «Кровавого воскресенья» к третьеиюньской монархии. Материалы научно-практической конференции.

С. Б. Веселовский Семейная хроника. Три поколения русской жизни / Подготовка текстов, составление А. Г. Макарова.

Л. А. Посадская. Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы).

Большевистский порядок в Грузии. В 2-х тт. Состав. Марк Юнге, Бернд Бонвеч.
Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике;
Том 2: Документы и статистика.

Марк Юнге. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935.

Фрезинский Борис. Троцкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы.

А. В. Венков. Донская армия в борьбе с большевиками.1919–1920 гг.

А. В. Венков. «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону.

Алексей фон Лампе – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов.

Л. Н. Суворова. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком.

С. Н. Чекин. Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. / Составитель и автор предисловия Л. С. Чекин.

И. Н. Гребенкин. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг.

В. А. Сомов. Первое советское поколение: испытание войной.